АНДРЕЙ ГУРЬЕВ

КАК ЗАКАЛЯЛСЯ АГИТПРОП

Система государственной идеологической обработки населения в первые годы НЭПа

Москва
2011

ББК 83.3
УДК 82.09
Г95

Андрей Гурьев.
Г95 **Как закалялся агитпроп.** — М. : ООО «Научно-издательский центр «Академика», 2011. — 432 с.

ISBN 978-5-4225-0006-2

Книга рассказывает о формировании в Советской России в начале 1920-ых годов тотальной системы идеологической обработки людей, ее авторах, принципах, направлениях, методах и формах, а также культурно-исторической среде этого явления. Период охватывает время от окончания Гражданской войны до смерти В. И. Ленина с необходимыми экскурсами в прошлые и будущие годы. В исследовании также раскрывается истинная сущность Новой экономической политики (НЭП) и развенчивается все еще бытующий миф о том, что это был некий стратегический поворот лидеров большевизма от коммунистических целей к долгосрочной рыночной перспективе.

Монография предназначена для широкой аудитории.

Гурьев Андрей Ипполитович — кандидат исторических наук, доцент ПГУПС, автор книг «Из тупика. История одной реформы» (2008), «И какие же русские не любили быстрой езды?» (2009).

Персональный сайт: http://www.guryevandrey.narod.ru

ББК 83.3
УДК 82.09

© А. Гурьев — текст
© МаСв «Говорит Москва» — дизайн обложки

ISBN 978-5-4225-0006-2

«МЫ» — от Бога, «Я» — от дьявола.

Евгений Замятин, «Мы»

Введение

Если они не поймут,
что мы несем им математически-безошибочное счастье, —
наш долг заставить их быть счастливыми.

Евгений Замятин, «Мы»

Василий Розанов по поводу сакраментального вопроса «что делать?» дал однажды такой ответ: «Если это лето — чистить ягоды и варить варенье; если зима — пить с этим вареньем чай». В такой шутливой сентенции философ заключил вечно пробивающуюся к свету мудрость, что для жизни праведной и счастливой вовсе не обязательно всем носиться «с Лениным в башке и наганом в руке», а секрет общественного благополучия зависит преимущественно от состояния нравов, которые, в свою очередь, вызывают к действительности и правильные общественные институты.

Однако в России сегодня многие считают по-иному, полагая, что для народного счастья в первую очередь необходима некая национальная идея, которая указала бы людям амбициозные цели и оправдывающие их средства, всех воедино сплотила и вывела из болота филистерства и безыдейности. Разумеется, идеи бывают очень разными: от ликвидации либералов как класса до вполне мирных планов по развитию нанотехнологий и высокоскоростного железнодорожного движения. Соответственно, и методы воплощения задуманного могут коренным образом разниться от, скажем, введения трудовой повинности и продразверстки до либерализации тарифов и перехода на саморегулирование бизнеса.

Вместе с тем, если относиться к национальной идее вполне серьезно, то очевидно, что сначала необходимо кому-то нескромно считающему себя новым мессией, таковую придумать, а затем целенаправленно вносить в массы, пропагандируя ее истинность и агитируя за обязательное коллективное к ней приобщение. То есть потребуется создать эффективную государственную систему идеологической обработки населения, потому что наверняка найдется множество членов общества не только попросту несознательных, а и вполне осознанно не желающих ходить строем, петь хором и плясать

под чью-то, с их точки зрения, не вполне нормальную дудку. При этом среди таких индивидуалистов будут, конечно, и натурально злостные, коих придется из общества регулярно искоренять, дабы не настраивали массы против запланированного для них счастья.

Но некоторая проблема заключается здесь в том, что все это у нас уже было, когда в качестве путеводной звезды сияло единственно верное марксистко-ленинское учение и все должны были претворять его в жизнь для достижения состояния политического совершенства и материального изобилия. Одним из важнейших компонентов того общественного строя как раз и выступала система государственной пропаганды, или промывания (по выражению простодушного Никиты Хрущева — «прочищения») мозгов. И, кажется, есть некоторые основания полагать, что в результате функционирования этой системы все закончилось системным крахом. Но, может быть, дело заключалось в чем-то ином?

В таком случае, интересно было бы все-таки освежить наши представления по ряду исторических вопросов, а именно: кто создавал советский агитпроп и чем при этом руководствовался? Как эта система работала и что собой представляла в качестве элемента государственного управления? Что она делала с людьми? Кем являлись стоявшие у ее руля? В чем заключались секреты успеха превращения обычных трудящихся в идейных борцов? Сопротивлялся ли кто-нибудь этому? Как можно в целом оценить принципы, методы и формы деятельности большевистской пропагандистской машины применительно к нашему времени?

Об этом и повествует настоящая книга. Хронологически она охватывает сравнительно небольшой промежуток времени, который являет собой, скорее, срез 1920–1923 гг. (с необходимыми экскурсами в предыдущие и последующие годы), то есть от окончания Гражданской войны и до смерти В.И. Ленина. Такой подход обусловлен тем, что именно в данные годы была в основном сформирована методологическая, нормативная, организационная и этическая основа советского агитационно-пропагандистского комплекса. Именно в это время сложились основополагающие его черты на перспективу и были полностью подавлены все сколько-нибудь существенные источники сопротивления монополизму самой идейной из партий. И именно в эти годы была принята новая экономическая политика, по поводу которой до сих пор существует миф, что она являлась стратегическим поворотом от коммунизма к некоему народному рынку и социалистической демократии. На самом деле это было не так, но раз существуют серьезные разночтения, тогда обоз-

наченный период представляет собой еще больший интерес. Ведь если даже во времена своего вынужденного временного отступления режим, одержимый реализацией национальной идеи, столь целенаправленно устанавливал свой идеологический диктат, то что же было ожидать от него далее, при возобновлении наступления?

Источники, на основе которых написано исследование, охватывают Москву, как центр системы госпропаганды, и Северо-Запад России, то есть Петроград с рядом прилегающих областей. Такой выбор обусловлен тем, что город на Неве до 1918 г. являлся столицей и в начале 1920-х годов наряду с Москвой также был ареной наибольшей идейно-политической борьбы ввиду имевшихся здесь в большом количестве партийных и общественных организаций, учебных и научных учреждений, редакций независимых СМИ, наличия интеллигенции и т. д. Что же касается других рассматриваемых административных единиц Северо-Западного региона (Новгородская, Псковская, Череповецкая, Олонецкая и другие губернии), то работу на их территории местных органов агитации и пропаганды можно признать вполне типичной для провинциальной России в целом.

Под идеологической обработкой в настоящих очерках подразумевается прежде всего целенаправленное и политически мотивированное убеждающее воздействие на сознание отдельных людей и общественных групп с целью формирования их мировоззрения и поведения в четко заданном направлении относительно общественных ценностей и институтов. В качестве близких понятий используются также агитационно-пропагандистская, политико-массовая, политико-просветительная, идейно-политическая и другая работа. При этом под пропагандой понимается главным образом распространение среди людей, внедрение в общество соответствующих доктрин и взглядов, а под агитацией — в большей степени призыв, побуждение к определенным поступкам, формирование нужных политических настроений, приводящих к общественно-значимым действиям. Пропаганда и агитация всегда тесно связаны друг с другом и чаще всего представляют собой на практике одно целое.

Деятельность конкретных людей и системы в целом рассматривается в книге с позиций общечеловеческих ценностей, среди которых в качестве первостепенных выступают правда, свобода, любовь, мир, доброта, милосердие, благородство, честность, сотрудничество, права человека, верховенство закона и др. При этом нужно согласиться с той точкой зрения, что противоречия, оказывающие наибольшее качественное влияние на развитие человечества, целесообразно искать не столько в классовых, этнических, религиозных,

геополитических, возрастных и тому подобных различиях, сколько в делении людей преимущественно на индивидуалистов и коллективистов, стремящихся к истине и приспособленцев, самостоятельных и попрошаек, трудолюбивых и ленивых, старательных и безответственных, умелых и неловких, порядочных и бессовестных, великодушных и завистников, любящих и ненавидящих, благородных и подлых. Среди естественных прав личности нужно прежде всего отметить право на жизнь, свободу в рамках закона, собственность, добровольный и взаимовыгодный обмен продуктами труда, стремление к счастью. Наилучшим образом обеспечивает реализацию вечных ценностей такая форма человеческого общежития, как гражданское общество, то есть единая сложная сеть добровольных объединений и связей между людьми, где государство играет подчиненную роль, обеспечивая в рамках правовой системы главным образом безопасность граждан и их собственности, а также выполнение публичных обязательств и частных договоров. Важнейшая функция правового государства в области экономической деятельности индивидуумов — законодательное обслуживание и поддержание рыночных отношений. Организации и личности внутри гражданского общества действуют с определенными целями, но само гражданское общество не является организацией и не имеет отдельной цели.

Хочется надеяться, что освещение деятельности большевистской системы идеологической обработки людей еще при жизни ее основателя В.И. Ленина, проведенное с учетом вышеизложенных ценностей, будет представлять интерес для всех, кому потенциально не чужд центральный принцип гуманистического мировоззрения «человек — всегда только цель и никогда — средство».

Все эпиграфы взяты из романа Евгения Замятина «Мы», изданного в 1921 г. Строители коммунистического агитпропа его читали, но не обратили на антиутопические, антидемагогические образы и выводы писателя никакого внимания. Почему? Наверное, по причине своего менталитета и все тех же нравов.

Глава 1

Мы ничему не изменяем, ни от чего не отрекаемся!

Вы вдумайтесь. Тем двум в раю — был предоставлен выбор:
или счастье без свободы — или свобода без счастья,
третьего не дано.
Они, олухи, выбрали свободу.
И только мы снова догадались, как вернуть счастье.

Евгений Замятин, «Мы»

1

К концу 1920 года победа большевиков в Гражданской войне стала фактом очевидным. Однако, по признанию самого лидера большевизма[1] и главы советского правительства Владимира Ильича Ленина (Ульянова), положение в России определялось наличием «целого ряда кризисов: и хозяйственного, и социального, и поли-

[1] Понятия «большевизм» и «ленинизм» в этой работе часто используются практически как синонимы, учитывая лишь некоторый временной фактор. Однако есть точки зрения, где между ними делаются более существенные различия. Например, Израиль Зайдман пишет: «Ленинизм называют русским (российским) изводом марксизма. Но то же самое говорят о большевизме. Можно ли считать эти два понятия синонимами? Почти, ибо между ними имеется все же небольшое различие. Ленинизм — это прививка к древу марксизма “русизма”, то есть некоей эманации исторически сложившегося русского национального характера, русского менталитета, но пропущенного через русское интеллигентское якобинство и затем через личность Ленина. Большевизм включает в себя ленинизм, но дополнительно еще — ту же эманацию русского менталитета в первозданно-народном виде, не “испорченном” никакими интеллигентскими влияниями. Не всему в этой добавке Ильич был рад, но мало что мог с этим сделать». (Зайдман И. От марксизма через народничество к ленинизму и большевизму [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rubezh.eu/Zeitung/2010/02/14.htm, свободный).

тического»[2]. Добыча угля составила к 1913 г. 25 %, выплавка чугуна — 2,7 %, посевные площади сократились до 70 %, душевое потребление товаров фабрично-заводской промышленности снизилось в 6 раз[3].

Современники характеризовали ситуацию в России в крайне мрачных тонах. Побывавший в сентябре 1920 г. в Москве и Петрограде английский писатель и общественный деятель Герберт Уэллс отмечал: «Основное наше впечатление от положения в России — это картина колоссального, непоправимого краха»[4].

При этом было ясно, что тяжесть положения заключалась не только в низких количественных показателях экономики страны, но, главное, в том, что устроенный большевиками новый общественный порядок — социализм, или коммунизм, не только не способен вывести страну из кризиса, но как раз и является основной его причиной. Крестьяне, не имея возможности продавать продукты своего труда, сокращали запашку земли и поголовье скота. Национализированное и централизованное промышленное производство работало неэффективно и не имело стимулов к росту производительности труда. В торговле продовольствием, несмотря на обильные директивы Ленина расстреливать спекулянтов на месте, упорно развивался черный рынок, благодаря которому, собственно, и выживало население[5]. Сильно распространилось хищение грузов с государственных складов и на транспорте. Характерным явлением стало непомерное разбухание советского бюрократического аппарата и, соответственно, коррупция.

Русский философ Лев Шестов писал в 1920 г.: «Большевики — паразиты по самому своему существу <...> ибо ничего не прибавляя к прежде созданному, питаются соками того организма, к которому они присосались»[6]. С ним был полностью согласен известный политический деятель Петр Струве, который утверждал: «Коммунизм эти три года жил за счет капиталистического хозяйства, за счет накопленных им запасов. Теперь он съел эти запасы — отсюда край-

---

[2] Ленин В. И. X съезд РКП (б). Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б) 8 марта // Полное собрание сочинений (далее ПСС). — Т. 43. — С. 9.

[3] Через военный коммунизм к новой экономической политике. Сост. А. Дементьев. — М.: 1926. — С. 43.

[4] Уэллс Г. Россия во мгле // Собр. соч. — Т. 14. — М.: 1964. — С. 316.

[5] См. Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921. Мешочники. — СПб.: 2002.

[6] Шестов Л. Что такое большевизм? — Берлин: 1920. — С. 13.

нее обострение экономического положения Советской России. Это обострение есть кризис паразитарно-хищнического хозяйства, ввергшего страну в натурально-хозяйственную реакцию»[7].

Интересно также привести свидетельство выдающегося русского мыслителя Владимира Вернадского, который писал в своем дневнике: «Наблюдая современную жизнь развала, поражаешься одной явной аномалии. На поверхности, у власти и во главе лиц действующих, говорящих, как будто дающих тон — не лучшие, а худшие. Все воры, грабители, убийцы и преступные элементы во всех течениях выступили на поверхность. Они разбавили идеологов и идейных деятелей. Это особенно ярко сказывается в большевистском стане и строе — но то же самое мы наблюдаем и в кругу добровольцев и примыкающих к ним кругов. И здесь теряются идейные, честные люди. Жизнь выдвинула на поверхность испорченный, гнилой шлак, и он тянет за собой среднюю массу»[8].

Социально-политическим проявлением общего кризиса являлось мощное движение сопротивления политике властей. Осенью 1920 — зимой 1921 гг. по стране прокатилась волна крестьянских восстаний: в Центральной России, на Украине, в Белоруссии, Юго-Восточном крае, в Восточной и Западной Сибири, в Карелии, в Средней Азии. При этом возникли целые крестьянские армии: в конце 1920 г. под началом Нестора Махно на Украине насчитывалось 40–50 тысяч бойцов, у Александра Антонова в Тамбовско-Воронежском районе в январе 1921 г. было порядка 50 тысяч человек, в Ишимском уезде (Западная Сибирь) повстанческая армия достигла 60 тысяч бойцов[9].

Поставленное на грань голодной смерти, сельское население стало выдвигать антибольшевистские требования. Так, например, в мае 1920 г. Тамбовский губернский съезд трудового крестьянства принял следующую программу: свержение советской власти и уничтожение коммунистической партии, созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; установление временной власти из представителей партий и союзов, участвовавших в борьбе с большевиками, вплоть до созыва Учредительного собрания, передача земли тем, кто на ней

[7] Струве П. Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства. 1921 // Струве П.Б. Избранные сочинения. — М.: 1999. — С. 297–298.

[8] Вернадский В. И. Из дневника. 15 марта 1920 г. // Век XX и мир. — 1989. — № 6. — С. 40.

[9] Геллер М., Некрич А. История России: 1917–1995. Утопия у власти. — М.: 1995. — С. 110.

работает, допущение русского и иностранного капитала для восстановления экономической жизни страны. Крестьянские отряды Поволжья также выдвигали лозунги замены советской власти Учредительным собранием, свободы выборов для всех, денационализации земли, свободы торговли, отмены продразверстки и колхозов, передачи власти на местах «советам трех» или «советам пяти», избираемым на общих собраниях. Признавались все партии, кроме черносотенцев-монархистов, распускались, как «вредные для трудового народа», все учреждения Российской коммунистической партии (большевиков). В Западной Сибири крестьяне требовали установления «истинного народовластия» — крестьянской диктатуры, созыва Учредительного собрания, денационализации промышленности, ибо «национализация фабрик и заводов в корне разрушает хозяйственную жизнь страны», уравнительного землепользования. Воззвание Тобольского главного штаба от 6 марта 1921 года гласило: «Коммунисты говорят, что советская власть не может быть без коммунистов. Почему? Разве мы не можем выбрать в Советы беспартийных? Да здравствует народная Советская власть! Долой коммунистов! Да здравствует полная свобода народа!»[10]

Нестор Махно еще в июне 1918 года встречался с Лениным и пытался объяснить ему отношение украинских крестьян к революции. Крестьянская масса, говорил Махно, видит в революции «средство избавления себя от гнета помещика и богатея-кулака, но и от слуги этих последних — власти политического и административного чиновника сверху». Махно писал в своих воспоминаниях: «Ленин переспрашивал меня три раза и все три раза удивлялся» тому, что лозунг «власть советов на местах» воспринят крестьянами не так, как имел в виду вождь Октября. Крестьяне полагали, что власть советов на местах — это «значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся». Ленин возразил на это: «Крестьянство из ваших местностей заражено анархизмом»[11].

В 1920 г. все больше выражали недовольство и рабочие, причем особый размах они приняли как раз в «колыбели революции» — в Петрограде. Любопытно заметить, что поначалу большевики как будто даже отказывались верить в то, что такое возможно, считая бастующих не кадровыми рабочими, а некими лавочниками, шкурниками, затесавшимися во время войны на фабрики. Очень быстро слово

[10] Геллер М., Некрич А. История России: 1917–1995. Утопия у власти. — М.: 1995. — С. 111.

[11] Там же.

«забастовка» в партийной прессе было вычеркнуто из большевистского лексикона, и его заменили на «саботаж», «волынка» или «буза».

Ситуация особо обострилась после декрета от 22 января 1921 г. о сокращении хлебного пайка для рабочих на одну треть. Забастовки и демонстрации произошли на Трубочном, Патронном, Балтийском, Путиловском и других заводах. Для разгона демонстрантов власти использовали курсантов, поскольку опасались, что регулярные части могут присоединиться к рабочим. 24 февраля Петроградский комитет партии даже был вынужден создать Совет обороны города и объявить осадное положение. Были произведены массовые аресты с одновременной выдачей рабочим и солдатам дополнительного пайка.

Однако последней каплей для Ленина стало Кронштадтское восстание, про которое он сказал на Десятом съезде РКП (б), собравшемся в марте 1921 года, что оно опаснее для большевистской власти, чем Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые. Моряки Кронштадта выступали с антибольшевистскими лозунгами: «Вся власть советам, а не партиям», «Долой контрреволюцию слева и справа», «Власть советов освободит трудовое крестьянство от ига коммунистов». «Здесь, в Кронштадте, — говорилось в обращении восставших, — заложен первый камень третьей революции... Эта новая революция всколыхнет и трудовые массы Востока и Запада, являя пример нового социалистического построения, противопоставленного казенному коммунистическому “творчеству”, убеждая воочию зарубежные трудовые массы, что все творившееся у нас до сего времени волею рабочих и крестьян, не было социализмом»[12].

Кронштадтский мятеж был подавлен, однако Ленин окончательно убедился, что хозяйственную политику необходимо менять, иначе у власти не удержаться. Экономические лозунги недовольных большевистским режимом выражались, прежде всего, в требовании отмены мер так называемого военного коммунизма, в частности, упразднения государственной монополии на торговлю хлебом и продовольственной разверстки с разрешением частной торговли. В одной из листовок Петроградского комитета партии меньшевиков, выпущенной в феврале 1921 г., говорилось: «Надо, не гоняясь за тем, чтобы все сплошь национализировать <...> подумать больше всего о том, как бы заинтересовать крестьянство <...> в поддержке революции и государства <...> как бы внушить ему охоту и сеять больше хлеба, и доставлять его в город»[13].

---

[12] Геллер М., Некрич А. История России: 1917–1995. Утопия у власти. — М.: 1995. — С. 114.

[13] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, ранее Центральный государственный архив Октябрьской революции). — Ф. 9550. — Оп. 9. — Д. 108. — Л. 1.

Аналогичные предложения вносились и на уровне государственных органов власти. Так, на VIII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1920 г.) эсер В.К. Вольский потребовал систему изъятия излишков продуктов заменить системой налогов. С таким же требованием выступил меньшевик Ф.И. Дан[14]. За отмену политики военного коммунизма высказалось большинство делегатов ряда беспартийных конференций рабочих Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска и др., прошедших в феврале 1921 года[15].

В начале марта крестьяне Панфиловской волости, Грязовецкого уезда Вологодской области в письме «нашему уважаемому вождю и великому гению тов. Ленину» сообщали: «В настоящее время у крестьян нашей волости взято почти все: хлеб, скот, сено, сырье... В 1920 г. ввиду засухи урожай был только местами сам-4. Но агенты продкома брали из расчета сам-6». Вологодские крестьяне, просили «не считать нас зловредными элементами для советской власти, а наоборот желающими плодотворной работы, дабы укрепить свободу за рабочими и крестьянами», и предлагали ввести вместо разверстки продналог, чтобы крестьянин «знал свою норму налога и время его сдачи»[16].

В большевистской партии также, хотя и эпизодически, звучали мнения о целесообразности изменения экономической политики. Так, еще в феврале 1920 г. Лев Троцкий в записке в ЦК РКП (б) предлагал заменить «изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходно-прогрессивный натуральный налог) с таким расчетом, чтобы крестьянская запашка или лучшая обработка земли представляли выгоду».[17]. Некоторые руководители губернского уровня вынуждены были под давлением крестьян уже в 1920 г. вводить у себя в губерниях продналог в качестве эксперимента[18].

Тем не менее большинством лидеров большевиков, в том числе и Лениным, идея отхода от политики военного коммунизма на протяжении 1920 г. и января 1921 г. решительно отвергалась. Более того, в декабре 1920 г. большевистским правительством были декретированы

---

[14] Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. — М.: 1921. — С. 49.

[15] Подболотов П. А. Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. — Л.: 1975. — С. 11.

[16] Цит. по: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. — С. 120.

[17] Троцкий Л. Д. К истории русской революции. — М.: 1990. — С. 198.

[18] Горинов М. М., Цакунов С.В. Ленинская концепция НЭПа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. — № 4. — С. 21.

бесплатный отпуск продовольствия, ширпотреба, топлива, отменена квартплата, а в начале 1921 г. в ВСНХ готовились и другие меры по дальнейшему переводу страны на рельсы безрыночного хозяйства, в том числе переходу к ликвидации денег. Еще в январе 1921 года Ленин отвергал все предложения о смягчении продразверстки или изменении ее характера, не говоря уже о каких-то других переменах в политике военного коммунизма. И лишь антиправительственные выступления крестьян, рабочих и матросов убедили его в том, что большевики становятся похожими на оккупантов в завоеванной стране, население которой в большинстве выступает против политики власти.

2

Что же в принципе представлял собой военный коммунизм? Являлся ли этот установленный Лениным в 1917–1920 гг. общественный строй вынужденной, в целом не свойственной для большевизма моделью, или было все-таки построено то, что изначально и замышлялось в соответствии с марксистскими и ленинскими представлениями?

Напомним, что идея ликвидации частной собственности и построения безрыночного хозяйства всегда являлась самым центральным положением большевистской доктрины, взятой из «Манифеста коммунистической партии» (1848 г.), зафиксированной в Программе РСДРП (1903 г.) и подтвержденной затем в Программе РКП (б) (март 1919 г.). Вот как звучал в последнем документе этот тезис: «Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожает деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другой»[19].

Капитализм с его господством частной собственности, рынком, торговлей, свободными ценами и конкуренцией Ленин всегда отвергал целиком и полностью. В частности, он писал по этому поводу: «Буржуазные писатели исписали и исписывают горы бумаги, воспевая конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистов и капиталистического по-

[19] Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. — М.: 1959. — С. 391.

рядка. Социалистам ставили в вину нежелание понять значение этих доблестей и считаться с “натурой человека”. А на самом деле капитализм давно заменил мелкое товарное самостоятельное производство, при котором конкуренция могла в сколько-нибудь широких размерах воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина, крупным и крупнейшим фабричным производством, акционерными предприятиями, синдикатами и другими монополиями. Конкуренция при таком капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина массы населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, непотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы»[20].

По мнению Ленина, «старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб»[21].

Основоположник большевизма в своих работах так пояснял экономическую программу коммунистов: «Есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т. п. в руки всего общества и вести общее социалистическое производство, направляемое самими рабочими. Продукты, производимые общим трудом, будут тогда идти в пользу самих трудящихся, а производимый ими излишек над их содержанием будет служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства»[22].

Также он уточнял: «Социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения всей частной собственности на средства производства, уничтожения товарного хозяйства. Социализм требует, чтобы и земля, и фабрики перешли в руки всех трудящихся, организующих по общему плану крупное <...> производство»[23]. Говоря о социальных отношениях в социалистической системе, буквально накануне Октябрьского переворота Ленин указывал: «Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым яв-

[20] Ленин В. И. Как организовать соревнование? // ПСС. — Т. 35. — С. 195.

[21] Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // ПСС. — Т. 41. — С. 314.

[22] Ленин В. И. Проект и объяснение Программы социал-демократической партии // ПСС. — Т. 2. — С. 96–97.

[23] Ленин В. И. Вставки в статью В. Калинина «Крестьянский съезд» // ПСС. — Т. 12. — С. 81.

ляются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного “синдиката”. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. <...> Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»[24].

Сам конкретный механизм производства и распределения товаров при социализме Ленин в идеале описывал так: «Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответствующее количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал»[25].

Для этого, по мысли Ленина, нужно было всего лишь «организовать всенародный, миллионами и миллионами рабочих и крестьян добровольно, энергично, с революционным энтузиазмом поддерживаемый учет и контроль за количеством труда, за производством и распределением продуктов»[26]. Также вождь мирового пролетариата утверждал, что «дело снабжения, распределения продуктов такое, что в нем разбирается каждый. Разбирается и человек, не мучившийся над книжкой»[27].

Ленин был убежден, что в перспективе человечеству не нужны будут никакие стимулы к труду, люди будут качественно работать просто по велению своего сердца: «Коммунистический труд <...> есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд как потребность здорового организма»[28].

---

[24] Ленин В. И. Государство и революция // ПСС. — Т. 33. — С. 101.

[25] Там же. — С. 92.

[26] Ленин В. И. Как организовать соревнование // ПСС. — Т. 35. — С. 201.

[27] Ленин В. И. Речь на собрании уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива 26 ноября 1918 г. // ПСС. — Т. 37. — С. 205.

[28] Ленин В. И. От разрушения векового уклада к творчеству нового // ПСС. — Т. 40. — С. 315.

При этом Ленин вплоть до прихода к власти повторял вслед за Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, что государство как общественный институт после пролетарской революции должно в обозримом будущем отмереть. «Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя»[29], — пояснял Ленин. И совершенно беззаботно указывал: «Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем»[30].

Таким образом, из приведенных положений отчетливо видно, что взгляды Ленина изначально могут быть квалифицированы как не просто в высшей степени утопия, но еще и совершенно непродуманная социальная авантюра. В самом деле, разве можно серьезно относиться к картине, где средства производства фактически никому не принадлежат и ими распоряжаются в виде контроля и учета некие исполненные энтузиазмом рабочие, нимало в своей жизни не мучавшиеся над книжками, но зато все поголовно вооруженные? При этом ничего не продается и не покупается, а прямо с заводов и фабрик отправляется на некие склады, куда являются потребители с наганами и, предъявляя квитанции о том, что они где-то отработали столько-то часов, требуют выдачи того или иного продукта. Кто будет в этом обществе радеть о том или ином хозяйстве? Ведь хозяев-собственников никаких нет. Кто станет стремиться произвести продукт лучше и качественнее? Ведь никаких стимулов ни у кого к этому абсолютно не имеется. Как будет известно о том, сколько и каких продуктов нужно выпускать вообще? Как вообще можно будет определить издержки по производству продуктов и их ценность, чтобы хотя бы соотнести друг с другом вещи, выдаваемые со складов приходящей за ними толпе? Ведь никакого рынка с его балансом спроса и предложения, с его ценами, получающимися в зависимости от предпочтений потребителя, нет. Таких вопросов можно задавать множество — как будет видно далее, никаких внятных ответов на них у большевиков не было, кроме самых общих умозрительных рассуждений о загнивающем капитализме и грядущем, согласно открытым Марксом законам истории, изобильном социализме.

Более того, после прихода к власти Ленин отчетливо увидел, что поддавшиеся на демагогию массы в то же время устраивать свою жизнь по Марксу совершенно не желают и стремятся по большей части к тому, чтобы от государственной собственности побольше

[29] Ленин В. И. Государство и революция // ПСС. — Т. 33. — С. 95.

[30] Там же. — С. 96.

урвать и поменьше ей дать. Столь восторженно воспринимаемый Лениным революционный энтузиазм пролетариата, как оказалось, начал явственно проявляться в реализации поддерживаемого Лениным лозунга «грабь награбленное», в требованиях хлеба и зрелищ, но отнюдь не в производственном прилежании. Как справедливо формулировал крупнейший исследовать коммунизма философ Александр Зиновьев, «поднятие производительности труда, на которое так рассчитывают идеологи коммунизма, оказалось одной из самых трудных проблем коммунистического общества, которое есть общество плохо работающих людей. Халтура, лень, обман, уклонение от труда заражают здесь все общество»[31]. Поэтому очень быстро Ленин перешел на иной язык разговора с классом-гегемоном, дополняя свои теоретические рассуждения вполне практическими

[31] Зиновьев А. Коммунизм как реальность. — М.: 1994. — С. 120. Более подробно А. Зиновьев формулирует ситуацию в социалистическом обществе следующим образом: «Примеры правил коммунального поведения: меньше дать и больше взять, меньше риска и больше выгоды, меньше ответственности и больше почета, меньше зависимости от других, больше зависимости других от тебя. Легкость, с какой люди открывают их для себя и усваивают, поразительна. Это объясняется тем, что они естественны. <...> Прогресс человечества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие этих законов — морали, права, религии, прессы, гласности, общественного мнения, идей гуманизма и т.д. <...> Лишь в том случае, если ничего подобного в обществе нет или это развито слабо, коммунальные законы могут приобрести законную силу и будут определять всю физиономию общества. <...> И тогда сложится особый тип общества, в котором будут процветать лицемерие, насилие, коррупция, бесхозяйственность, обезличка, безответственность, халтура, хамство, лень, дезинформация, обман, серость, система служебных привилегий. Здесь утверждается искаженная оценка личности — превозносятся ничтожества, унижаются значительные личности. Наиболее нравственнее граждане подвергаются гонениям, наиболее талантливые и деловые низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости. Причем не обязательно власти делают это сами». (Указ. соч. — С. 65). В то же время подчеркнем, что ссылки на Александра Зиновьева можно делать исключительно из соображений приоритета либо меткости многих его формулировок и наблюдений по поводу реального советского общества, не забывая о колоссальной противоречивости его позиции в общеисторическом и общефилософском плане и полной необъективности суждений по поводу горбачевской перестройки, западного общества, посткоммунистической России и др. Про Александра Зиновьева очень удачно выразился Михаил Геллер: «Пациент, описавший с точностью, свойственной больным и с ограничениями, им присущими, болезни <...> советских людей». (Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. — М.: 1994. — С. 23).

мерами, которые затем и стали определять лицо реального социализма: «Предприятия или деревенские общины, которые не поддаются никаким призывам и требованиям относительно восстановления самодисциплины и повышения производительности труда, будут выдвигаться на черную доску <...> и будут либо переводиться в разряд больных предприятий <...> либо в разряд штрафованных предприятий, которые подлежат закрытию и участники которых должны быть преданы народному суду»[32]. А в резолюции VII съезда РКП (б) (март 1918 г.) Ленин записал: «Съезд заявляет, что первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России»[33].

Другим методом, легко узнаваемым для советского человека эпохи «развитого социализма», наряду с административным нажимом, стало «уговаривание» рабочих трудиться лучше. Например, в одной из телеграмм Ленин указывал: «Чтобы поднять торфодобывание, надо широко поставить пропаганду — листовки, брошюры, передвижные выставки, кинематографические снимки, издания учебников; ввести обязательный предмет в школах и в высших технических учебных заведениях о торфодобывании; составить учебники; ежегодно посылать экскурсию за границу»[34].

В целом же описанные выше общие экономические воззрения Ленина как раз и получили свое воплощение на практике в 1917–1920 гг. Переход от капитализма (то есть строя, основанного на частной собственности) к социализму (строю с общественной собственностью) начался буквально в день большевистского переворота, почему он, собственно, и получил историческое название Великая Октябрьская социалистическая революция. Декрет о земле, принятый 26 октября 1917 г. провозгласил, что «право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема», а «все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосу-

[32] Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // ПСС. — Т. 36. — С. 150.

[33] Ленин В. И. VII Экстренный съезд РКП (б). Резолюция о войне и мире // ПСС. — Т. 36. — С. 35.

[34] Ленин В. И. А.В. Луначарскому // ПСС. — Т. 52. — С. 136.

дарственное значение, переходят в исключительное пользование государства»[35].

Декретом 14 декабря 1917 г. банковское дело также объявлялось государственной монополией, то есть все частные банки были национализированы (причем с явно демагогической припиской, что «интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены»)[36].

А еще до этого, 14 ноября ВЦИК и СНК издали «Положение о рабочем контроле», согласно которому владельцы и управляющие промышленных предприятий отныне полностью подчинялись выборным общественным и государственным органам во всех вопросах ведения хозяйственной деятельности. Сразу же после этого началось и собственно огосударствливание, или национализация, промышленности. В статье «Как организовать соревнование», написанной в декабре 1917 г., то есть задолго и до комбедов, и красного террора, и самой Гражданской войны, Ленин указывал: «Первым шагом к освобождению трудящихся от этой каторги [капитализма] является конфискация помещичьих земель, введение рабочего контроля, национализация банков. Следующими шагами будут национализация фабрик и заводов, принудительная организация всего населения в потребительные общества, являющиеся в то же время обществами сбыта продуктов, государственная монополия торговли хлебом и др. необходимыми предметами»[37].

Первой была национализирована уже 17 ноября 1917 г. Ликинская мануфактура А.В. Смирнова (Владимирская губерния). Всего же до марта 1918 г. большевики национализировали 836 промышленных предприятий, в том числе в январе 1918 г. государственной собственностью стал морской и речной транспорт. А 22 апреля СНК принял декрет о национализации внешней торговли. Важно подчеркнуть, что огосударствливание экономики шло в этот период исключительно из соображений строительства социализма, а не вследствие некоей военной необходимости защиты от внешних врагов либо внутренней контрреволюции. Об этом красноречиво говорят сами формулировки большевистских декретов, например: «В интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковой спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам

[35] Декреты Советской власти. — Т. I. — М.: 1957. — С. 17.

[36] Там же. — С. 230.

[37] Ленин В. И. Как организовать соревнование // ПСС. — Т. 35. — С. 196.

народа и беднейших классов — единого народного банка...»[38] или: «В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия»[39].

С весны 1918 г., вдохновленные «триумфальным шествием Советской власти», большевики приступили к национализации уже целых отраслей экономики. Так, в мае было принято решение по сахарной промышленности и заводам транспортного машиностроения, 20 июня — по нефтяной отрасли, а 28 июня 1918 г. родился знаменитый Декрет о национализации предприятий ряда отраслей промышленности, согласно которому в собственность государства переходили практически все крупные, средние и даже многие мелкие предприятия. Причем опять-таки, не по военным соображениям, а «в целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты»[40]. Уже к осени 1918 г. в руках государства было сосредоточено 9542 предприятия, в том числе железные дороги. Вся частная собственность на средства производства была национализирована методом безвозмездной конфискации. То есть по своему экономическому содержанию это была марксистская коммунистическая революция в чистом виде.

При этом, разумеется, переход промышленных предприятий в руки государства потребовал и государственного регулирования цен, централизованного снабжения ресурсами и сбыта продукции и вообще перевода всех горизонтальных рыночных, или договорных, связей предприятий в командно-административные, вертикальные. Поэтому в полном соответствии о марксистскими и большевистскими представлениями о плановой экономике, уже 2 декабря 1917 г. был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) со своей вертикалью управления, ставший первым советским центральным органом по регулированию и управлению основными отраслями народного хозяйства. Как справедливо отмечает исследователь советской эко-

[38] Декреты Советской власти. — Т. I. — С. 230.

[39] Там же. — С. 83.

[40] Декреты Советской власти. — Том II. 17 марта — 10 июля 1918 г. — М.: 1959. — С. 498.

номической системы доктор экономических наук Валентин Кудров, «в результате <...> в экономике страны были быстро разрушены сложившиеся хозяйственные связи, возникла страшная дезорганизованность, процветала полная неразбериха и бесхозяйственность, появился дефицит всего и вся. Предприятия перестали отвечать за самоокупаемость, прибыль. Все расходы они стали покрывать за счет бюджета, что называлось сметным финансированием»[41].

Органичной мерой для воплощения программы большевиков была также и принудительная мобилизация населения на работы. Приняв принцип «кто не работает, тот не ест», строители коммунизма считали вполне необходимым сами распоряжаться всеми гражданами страны как рабочей силой, причем посылать того или иного человека на работу не туда, куда он хотел бы, а куда считали нужным новые руководители страны. В своей книге «Терроризм и коммунизм» Троцкий всячески обосновывал этот тезис, в частности, отмечая: «Необходимо раз навсегда уяснить себе, что самый принцип трудовой повинности столь же радикально и невозвратимо сменил принцип вольного найма, как социализация средств производства сменила капиталистическую собственность <...> Проведение трудовой повинности немыслимо без применения <...> методов милитаризации труда». «Трудовая повинность <...> неизбежно входит в программу социалистической организации труда». «Репрессии для достижения хозяйственных целей есть необходимое орудие социалистической диктатуры»[42].

При этом впоследствии у авторов, например, Большой советской энциклопедии не было никаких сомнений в том, что «после победы Октябрьской революции 1917 г. рабочий класс приступил к осуществлению социалистических преобразований» и «национализация положила начало созданию социалистического уклада в экономике Советской страны, утверждению социалистических производственных отношений, содействовала становлению системы планомерного развития народного хозяйства».

Таким образом, национализация промышленности, банковского дела и торговли, огосударствливание всего народного хозяйства страны, централизация производства и натурализация распределения фабрично-заводской и даже кустарной продукции, свертывание товарно-денежных отношений, запрещение частной торговли, введение трудовой повинности, переход к бесплатности целого ряда

[41] Кудров В. М. Крах советской модели экономики. — М.: 2000. — С. 13.

[42] Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. — М.: 1920. — С. 128, 129, 133, 140.

услуг (коммунальное хозяйство, транспорт и др.) — таковы были основные меры, предпринимаемые большевиками после прихода к власти. Впоследствии их с большой долей лукавства назвали «военным коммунизмом». Но они прямо соответствовали коммунистической программе большевиков, так сказать, столбовой дороге социализма. По свидетельству ближайшего тогда своего соратника Льва Троцкого, Ленин в начале 1918 г. не переставал повторять на заседаниях Совнаркома: через 6 месяцев мы построим социализм[43].

Однако как надлежало быть с сельским хозяйством? Ведь, чтобы выполнить здесь изначальные теоретические построения и, создав государственные крупные хозяйства, получать продукты питания для распределения их между трудящимися, нужно было время. Большевики решили этот вопрос все тем же коммунистически-административным путем. Правительственные декреты, принятые в мае 1918 г. и в январе 1919 г., обязывали крестьян сдавать государству все излишки хлеба и других продуктов (сверх установленных норм на личные нужды) по твердым ценам. Ленин при этом указывал: «Разверстка хлеба должна лечь в основу нашей деятельности... Разверстка должна быть доведена до конца. И только тогда, когда мы решим эту задачу, и у нас будет социалистический фундамент, мы сможем строить на этом социалистическом фундаменте... роскошное здание социализма»[44]. При этом Ленин уточнял идеологическую сторону вопроса: «Есть два способа борьбы с голодом: капиталистический и социалистический. Первый состоит в том, что допускается свобода торговли... Наш путь, путь хлебной монополии». «При одолении голода мы откажемся категорически от буржуазных методов борьбы <...> и будем применять чисто социалистические способы борьбы. Последние же заключаются во введении в интересах рабочих хлебной монополии и в установлении твердых цен»[45]. То есть здесь наряду с явно ситуационными факторами (практику продовольственных государственных заготовок по твердым (нерыночным) ценам начало еще царское правительство в декабре 1916 г. и продолжило Временное правительство в марте 1917 г.) у большевиков все-таки также во всей своей полноте наличествовал и программно-идеологический аспект.

---

[43] Геллер М., Некрич А. Указ. соч. — С. 58.

[44] Ленин В. И. VIII Всероссийская конференция РКП (б). 2–4 декабря 1919 г. Политический доклад ЦК 2 декабря // ПСС. — Т. 39. — С. 358.

[45] Ленин В. И. Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля РКП (б) // ПСС. — Т. 36. — С. 532.

Для конфискации хлеба были созданы продотряды — целая армия из нескольких десятков тысяч человек, которую Ленин называл «первым и величайшим шагом социалистической революции в деревне». Политика принудительного государственного изъятия хлеба и другие коммунистические меры опирались на поддержку комитетов бедноты, созданных Декретом от 11 июня 1918 г. При этом на практике продотряды сплошь и рядом изымали не только излишки, но фактически все продукты, которые находили, включая семенной фонд. Члены этих узаконенных правительством, как сегодня сказали бы, «бандформирований» и сами получали пайки с реквизиций, а поэтому были материально заинтересованы находить и брать как можно больше.

Вот что писали по этому поводу крестьяне левой эсерке Марии Спиридоновой: «Матушка наша, скажи, к кому же теперь пойти, у нас в селе все бедные и голодные, мы плохо сеяли — не было достаточно семян. У нас было три кулака, мы их давно ограбили, у нас нет буржуазии, у нас надел — на душу, прикупленной земли не было, а на нас наложена контрибуция и штраф. Мы побили нашего большевика-комиссара, больно он нас обижал. Очень нас пороли, сказать тебе не можем как. У кого был партийный билет от коммунистов, тех не секли. Кто теперь за нас заступится?».

В другом письме говорилось: «Велели нам красноармейцы разойтись. А мы собрались думать, что нам делать, как спастись от разорения. Мы все по закону сполна отвезли на станцию. А они опять приехали. Велели со сходов уйти. Мы их честно стали просить оставить нас. Обед им сготовили, все несем угощаем, что хотят — берут, даем без денег, не жалуемся. А они пообедали и начали нас всячески задирать. Одного красноармейца поколотили. Они нас пулеметом, огнем. Убитые повалились. И вот пошли мужики. Шли все 6 волостей стеной, на протяжении 25 верст, с плачем, воем жен, матерей, с причитанием, с вилами, железными лопатами, топорами. Шли на совет».

При этом во всех письмах сообщалась крайняя жестокость большевистских комиссаров, с которой у крестьян отбиралось продовольствие: «По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-труженика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по нескольку недель не ложились на спину. Взяли у нас все дочиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков — пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить»[46].

[46] Цит. по: Штурман Д. О вождях российского коммунизма. — Книга 1. — Париж: 1993. — С. 190–191.

Тем не менее даже уже после фактического окончания Гражданской войны, в декабре 1920 г. был принят закон «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», который объявлял «правильное ведение земледельческого хозяйства великой государственной обязанностью крестьянского населения», то есть государственной повинностью. По сути, закон оставлял продразверстку как истинно социалистический метод ведения хозяйства. Наряду с этим осуществлялись настойчивые попытки создания в деревне коммун с обобществленным хозяйством.

Вместе с тем, в исторической литературе до сих пор нет единого мнения по тому, что же было все-таки первично: военный коммунизм или Гражданская война?[47] То есть, был ли военный коммунизм обусловлен исключительно особыми условиями Гражданской войны или же, наоборот, коммунистические преобразования как раз и вызвали такой непримиримый антагонизм в обществе, что он вылился в столь кровавую национальную бойню?

Наверное, правильно будет констатировать, что здесь наличествовало определенное взаимное влияние и проникновение этих факторов. Однако если говорить о типе экономической модели, построенной большевиками в 1917–1920 гг., то со всей уверенностью следует признать, что это была именно большевистская, коммунистическая модель, которую создавали отнюдь не временно, а в соответствии с «Манифестом коммунистической партии», Программой РКП (б), Конституцией РСФСР и вообще всем большевистским мировоззрением. Крупнейший в России исследователь военного коммунизма и новой экономической политики, доктор исторических наук Ефим Гимпельсон в своей последней, итоговой книге сформулировал свой взгляд по этому поводу следующим образом: «На первом этапе советского государства, в годы Гражданской войны, обстоятельства войны способствовали реализации идеологических доктрин правящей партии, нашедших воплощение в политике военного коммунизма»[48].

Важно отметить, что сам Ленин никогда не подвергал сомнению принципиально социалистического, или истинно коммунистичес-

[47] См. Гимпельсон Е. Г. Военный коммунизм: политика, практика, идеология. — М.: 1973. Он же. Военный коммунизм. Как это было (по материалам круглого стола). — М.: 1991. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. — М.: 1997. Борисова Л.В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. — М.: 2001.

[48] Гимпельсон Е. Г. Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. — М.: 2006. — С. 121.

кого, марксистского, характера экономической системы России 1917–1920 гг. Описывая ее, он констатировал, что это был «непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению»[49], попытка «штурмовым способом, то есть самым сокращенным, быстрым, непосредственным перейти к социалистическим основам производства и распределения»[50]. Также он отмечал: «Свою строительскую, хозяйственную работу, которую мы тогда выдвинули на первый план, мы рассматривали под одним углом. Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения»[51].

Характерно, что в своей речи на III Всероссийском съезде РКСМ Ленин так объяснял молодежи азы коммунизма через построенный им строй в Советской России: «Земля у нас считается общей собственностью. Ну а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? <...> Разве я тогда поступаю как коммунист? Нет, как эксплуататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу. Если оставить так, то все скатится назад, к власти капиталистов, к власти буржуазии, как это бывало не раз в прежних революциях. И чтобы не дать снова восстановиться власти капиталистов и буржуазии, для этого нужно торгашества не допустить, для этого нужно, чтобы отдельные лица не наживались на счет остальных, для этого нужно, чтобы трудящиеся сплотились с пролетариатом и составили коммунистическое общество»[52].

Проведя в жизнь коммунистические мероприятия, большевики сначала совершенно не собирались далее отступать от построенной экономической модели. Ленин ясно признавал: «В начале 1918 г. мы <...> решили произвести непосредственный переход к коммунисти-

[49] Ленин В. И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции // ПСС. — Т. 45. — С. 282.

[50] Ленин В.И. VII Московская губпартконференция. 29–31 октября 1921 г. // ПСС. — Т. 44. — С. 204. См. также: Т. 44. — С. 156, 157, 159, 199.

[51] Ленин. VII Московская губпартконференция. 29–31 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике // ПСС. — Т. 44. — С. 199.

[52] Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // ПСС. — Т. 41. — С. 305.

ческому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»[53]. «И в IV 1918 и в IV 1920 мы себе представляли переход от войны к мирному строительству как простой переход на тех же рельсах политики»[54].

Разумеется, впоследствии многие большевистские лидеры (включая самого Ленина) изображали дело так, что, говоря словами Троцкого, «вся эта политика военного коммунизма была нам навязана режимом блокированной крепости с дезорганизированным хозяйством и истощенными ресурсами»[55]. Однако в таких оценках было гораздо больше не правды, а желания делать хорошую мину при плохой игре и как-то объяснить недоумевающей партии необходимость опять возрождать капитализм после того, как он был с такой неописуемой кровью уничтожен.

Ведь реализация мероприятий военного коммунизма, как уже упоминалось, всегда сопровождалась пояснениями самого что ни на есть идеологического, марксистского характера. Так, видный работник советских профсоюзов А. Гольцман в сентябре 1918 г. в «Известиях ВЦИК» утверждал, что системе денежной заработной платы приходит конец: «Государству, берущему на себя задачу организации промышленности, необходимо постепенно ликвидировать систему денежной оплаты труда»[56].

В октябре 1920 г. в «Правде» один из руководителей ВСНХ, известный публицист Ю. Ларин писал: «И вот — тысячелетние устои товарного строя рушатся, как карточные домики, после первых же лет организационных усилий победившего пролетариата... Наши дети, выросши, будут знакомы с деньгами уже только по воспоминаниям, а наши внуки узнают о них только по цветным картинкам в учебниках истории»[57].

В статье «На пути к коммунизму», опубликованной в «Вестнике агитации и пропаганды», декрет о бесплатном отпуске населению

---

[53] Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // ПСС. — Т. 44. — С. 157.

[54] Ленин В. И. Планы брошюры о продовольственном налоге // ПСС. — Т. 43. — С. 384.

[55] Троцкий Л. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции. — М.: 1923. — С. 5.

[56] Известия ВЦИК. — 1918. — 12 сентября.

[57] Правда. — 1920. — 17 октября.

продовольствия связывался непосредственно с построением коммунистического общества: «Перед нами несомненно кусок будущего, реальное воплощение в жизнь мечты, в осуществление которой мы верили, но ни времени ее прихода, ни формы, которую она примет, не знали. Бесплатное получение от государства продуктов продовольствия является чисто социалистическим актом»[58].

Также и потом, уже оглядываясь назад, те большевики, кто был попроще и почестнее, признавали сущность военного коммунизма именно как программного, идейно-политического, а не непредвиденно военного фактора. Вот что разъяснял, например, крупнейший теоретик партии Николай Бухарин: «Раньше мы представляли дело так: мы захватываем власть, почти все захватываем в свои руки, сразу заводим плановое хозяйство и таким образом приходим к социализму»[59]. В другом месте он говорил: «Мы не представляли себе всей относительности военно-коммунистической политики... Военный коммунизм мыслился нами как универсальная, всеобщая и, так сказать, «нормальная» форма экономической политики победившего пролетариата»[60].

Видный идеологический работник РКП (б) Л. Крицман пояснял: «Так называемый военный коммунизм — это первый грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, опыт первых шагов перехода к социализму. Он в основе своей отнюдь не являлся заблуждением лиц или класса. Это — хотя и не в чистом виде, а с известным извращением — предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее»[61].

Также очень характерно высказывание одного из высокопоставленных хозяйственных работников, члена редакции «Торгово-промышленной газеты» Н. Муравьева: «Во время “военного коммунизма” жилось тяжко, постоянно мучил голод, даже мороженый картофель считался редким экзотическим фруктом. Но самый остов, самый костяк существовавшего в 1918–1920 годах строя был прекрасным, был действительно коммунистическим. Все было национализировано, частная собственность вытравлена, частный капитал

[58] Вестник агитации и пропаганды. — 1920. — № 4. — С. 4.

[59] Бухарин Н. Из доклада на собрании актива Московской организации РКП (б) 17 апреля 1925 г. // Через военный коммунизм к новой экономической политике. Сост. А. Дементьев. — М.: 1926. — С. 63.

[60] Бухарин Н. И. О ликвидаторстве наших дней // Экономические науки. — 1989. — № 4. — С. 31.

[61] Крицман Л. Героический период великой русской революции. — М.: 1923. — С. 12.

уничтожен, значение денег сведено к нулю, а вместо торговли по капиталистическому образцу – в принципе равное для всех распределение. Мы осуществили строй, намеченный Марксом»[62].

И, наконец, признание члена партии с 1896 г. И. Скворцова-Степанова: «Мы хотели вытравить из языка самые слова «товар», «товарообмен», «товарное обращение». Нам казалось, что сфера непосредственного социалистического распределения будет быстро расширяться, что стихийная власть рыночных отношений отходит в прошлое, что сфера товарного производства, совпадающая с мелкобуржуазными формами, станет все решительнее суживаться, да и здесь на первый план будет выдвигаться почти непосредственный продуктообмен, для которого денежные единицы имеют чисто счетное значение»[63].

Насколько большевики не собирались при объявлении о замене продразверстки натуральным налогом отказываться от бестоварного хозяйства в пользу рынка, наглядно показывает резолюция X съезда (март 1921 г.) «О роли и задачах профсоюзов», которая предписывала: «Кладя в основу тарифной политики и практики возможно более равномерное распределение предметов потребления среди трудящихся на основе уравнительности <...> обратить особенное внимание на практическое и широкое проведение в центре и на местах декрета СНХ о бесплатном отпуске продуктов и предметов широкого потребления для трудящихся. <...> В качестве конкретных мероприятий в области натурализации заработной платы необходимо установить через профсоюзы нормы и порядок бесплатного пользования материальным снабжением, средствами передвижения и связи, жилищами, театром и пр.»[64].

Нет никакого сомнения, что основной причиной, побудившей большевиков искать замену военному коммунизму, было отнюдь не его несоответствие большевизму, а острый социально-политический кризис в стране, невозможность далее удерживаться у власти в результате недовольства широких слоев населения социально-экономическим положением в стране. Самое интересное заключается в том, что уже тогда, в 1920–1921 гг., вполне можно было убедиться в совершенной ложности марксистских экономических воззрений

[62] Шувалова И. Обычные вывески – купля-продажа – НЭП // Учительская газета. — 2003. — 18 ноября.

[63] Скворцов-Степанов И. Предисловие к книге Р. Гильфердинга «Финансовый капитал». — М.: 1922. — С. VI.

[64] Десятый съезд РКП (б). — С. 600–601.

по поводу ликвидации частной собственности и построения единого общественного планового хозяйства. Например, вот что было написано самими же большевиками про эпоху военного коммунизма в одном из сборников статей на экономические темы тех лет: «Централизация <...> больше стесняла и создавала бюрократическую волокиту, чем облекала прохождение процесса своей стройностью и последовательностью. <...> [Так, например] орган, ведающий топливным снабжением, на деле только мешал отдельным фабрикам и заводам запастись топливом собственными силами, воспользоваться какой-нибудь партией угля, нефти ли дров, находившихся от них поблизости. То же и в других отраслях промышленного снабжения: при получении машин, оборудования, сырья и т.д. <...> Централизм вылился в уродливый, мертвящий главкизм, учет — в бесконечную бюрократическую волокиту с ничтожными результатами»[65].

После таких признаний лидерам большевизма можно было бы смело прибивать на предприятие под названием «Российская коммунистическая партия (большевиков)» табличку с надписью «закрыто» и, признав правоту своих противников из любой модификации либерализма, честно удалиться на свалку истории, потому что вся гигантская кровь оказалась пролитой совершенно напрасно. Но не таковы были большевики. Готовый на все, чтобы только продолжить строить общество без помещиков и капиталистов, Ленин придумал новый хитроумный маневр — новую экономическую политику.

3

Впервые Ленин заявил о своей готовности к некоторому, еще очень незначительному пересмотру экономической политики, в речи на Московской конференции металлистов 4 февраля 1921 г. Далее 8 февраля он написал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», принятый в тот же день на заседании Политбюро ЦК РКП (б). 24 февраля специальная комиссия представила Пленуму партии «Проект постановления ЦК РКП (б) о замене разверстки натуральным налогом», который после обсуждения и доработки был предложен X Съезду партии.

Съезд проходил в Москве с 8 по 16 марта 1921 г. По вопросу о Новой экономической политике, получившей затем сокращенное название НЭП, или «нэпо», выступил сам Ленин. В резолюции

[65] За семь лет. — Л.: 1924. — С. 12.

съезда «О замене разверстки натуральным налогом» говорилось: «Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом».

Следует со всей очевидностью признать, что изначально эта мера родилась отнюдь не как некое радикальное изменение всей экономической политики, а как упорядочение сбора продовольствия с крестьян для снабжения остального населения. В резолюции совершенно ясно говорилось: «Сумма налога должна быть исчисляема так, чтобы покрыть минимальные необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения». То есть крестьянин должен был по минимуму накормить всех остальных бесплатно, без какой-то оплаты сдаваемых в счет налога продуктов. При этом в резолюции содержались призванные успокоить крестьян положения о том, что налог должен быть меньше взимаемой до сих пор разверстки (то есть забирать будут не все), а в дальнейшем он будет еще уменьшаться «по мере того, как восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства нормальным путем, то есть в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты». (Все тот же прямой продуктообмен вместо полноценной торговли.) Налог взимался в виде процентного отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов и имел дифференцированный характер взимания, при этом старательным крестьянам, увеличивавшим площади засева и производительность хозяйств, обещались льготы. Закон о налоге предписывалось публиковать таким образом, чтобы «земледельцы еще до начала весенних полевых работ были возможно более точно осведомлены о размерах падающих на них обязательств». Важной особенностью налогообложения являлось то, что сумма продуктов начислялась на сельские объединения (общества) и далее уже раскладывалась между хозяевами согласно общим нормам. То есть большевики сохранили дореволюционную круговую поруку в общине.

Основное новшество по сравнению с прежней ситуацией, когда торговля продовольствием была прямо запрещена, как и сокрытие вообще каких-то продуктов от продотрядов, заключалось в пункте 8, который гласил: «Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, нахо-

дятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства». При этом совершенно в духе отчаянных попыток сохранить в целом общую коммунистическую модель экономики, резолюция съезда предупреждала: «Обмен допускается [только] в пределах местного хозяйственного оборота»[66]. Но, несмотря на все ограничения, это означало ничто иное, как легализацию пусть и в неких очень стесненных формах, но столь ненавистной большевикам частной торговли. То есть — начало частичной реставрации товарно-денежных, или капиталистических, отношений после трех с половиной лет жесточайшей борьбы против них и их приверженцев.

28 марта 1921 г. СНК издал декрет «О разрешении свободного обмена, продажи и покупки хлебных и хлебофуражных продуктов, картофеля и сена». В дальнейшем НЭП получил свое развитие в решениях X (май 1921 г.) и XI (декабрь 1921 г.) всероссийских партийных конференций, в декрете СНК от 9 августа 1921 г., в работах Ленина «О продовольственном налоге», «О значении золота теперь и после полной победы социализма», в его выступлениях на III Конгрессе Коминтерна, II Всероссийском съезде политпросветов, IX Всероссийском съезде Советов, в последних его статьях и письмах. Причем уже в январе 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) по предложению Ленина констатировало, что «новая экономическая политика является достаточно твердо и ясно установленной»[67].

Удержать частную торговлю в рамках какого-то явно искусственного и надуманного «местного оборота» и «натурального обмена» большевикам не удалось практически с самого начала. Голодное население стало интенсивно обмениваться всем, чем только можно, поэтому, желая возглавить процесс, раз уж невозможно было его избежать, большевики пошли дальше. Декрет СНК от 9 августа 1921 г. предписывал «переходить где это возможно и выгодно к денежной форме обмена»[68]. Осенью развернулся процесс приватизации, или чаще всего денационализации и передачи прежним хозяевам, мелких предприятий. В крупной промышленности вводился хозрасчет,

---

[66] Десятый съезд РКП (б). Протоколы. — М.: 1933. — С. 564–565.

[67] Ленин В. И. Проект директивы Политбюро о Новой экономической политике // ПСС. — Т. 44. — С. 356.

[68] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 1. — М.: 1967. — С. 247.

натуральная оплата заменялась денежной. Начали возрождаться ярмарки, открываться торговые биржи. В ноябре 1921 г. Ленин поставил задачу «учиться государственному регулированию коммерческих отношений»[69].

Самым продвинутым партийным документом по поводу нэповской модели экономики была резолюция XI Всероссийской партконференция (декабрь 1921 г.) «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства», в которой ставилась задача: «исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения»[70]. Также предусматривался и ряд мер, направленных на решение этой задачи: создание устойчивой валюты, введение платности хозяйственных услуг государства, строгое соблюдение государственного бюджета, привлечение иностранного капитала в форме концессий и займов, переход в крупной промышленности на хозрасчет и др. Однако, несмотря на, казалось бы, достаточно рыночную риторику такого решения, его общая схема была в смысле либерализации экономики очень ограниченной, более того, вся предполагаемая «рыночность» являлась здесь совершенно демагогической, невыполнимой.

Прежде всего никакого серьезного рынка не намечалось в крупной промышленности. Резолюция гласила: «Основной задачей при проведении всех этих мер должно быть всестороннее укрепление крупной промышленности, остающейся в непосредственном управлении государства и его органов. Развитие государственной крупной промышленности, как основы пролетарской диктатуры, требует сосредоточения на ней максимальной части общегосударственных ресурсов — сырьевых, продовольственных, топливных и денежных — с одной стороны, и такого планомерного распределения этих ресурсов, чтобы предприятиям, оставленным на государственном снабжении, была обеспечена беспрерывная производственная работа. За этими предприятиями должны быть обеспечены продовольственные и денежные фонды». Здесь сохранялся общегосударственный план, централизованное гарантированное бюджетирование, распределение продуктов и снабжение, то есть социализм. Декларируемый

[69] Ленин В. И. Доклад о новой экономической политике // ПСС. — Т. 44. — С. 218.

[70] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 588.

параллельно переход на хозяйственный расчет никакого рынка не создавал, поскольку ни конкуренции, ни свободного ценообразования, ни самостоятельности предприятий в такой модели не было.

Кроме того, имели место: государственная монополия внешней торговли и «на некоторые продукты промышленности», определяющее участие государства во всех сколько-нибудь существенных акционерных компаниях, сохранение объединений однотипных или друг друга обслуживающих государственных предприятий, «незыблемое сохранение национализации земли», государственная «поддержка всеми возможными мерами маломощных крестьянских хозяйств (в первую очередь демобилизованных красноармейцев)», борьба с кулаками, «уменьшение зависимости рабочего снабжения от условий рынка» через «развитие и укрепление пролетарского земледелия», «энергичное участие всей партийной организации сверху донизу в сельскохозяйственной компании», государственная поддержка всем видам кооперации, передача нормирования денежной и натуральной заработной платы профсоюзам и участие их в выработке плановых заданий, заключении производственных договоров, выдвижении руководящих кадров и др. «Победа будет тем более решительной, чем более умело, систематично и планомерно будет пролетариат распоряжаться сосредоточенными в его руках — результат Октябрьской революции — огромными средствами производства»[71], — резюмировал документ, призванный «овладеть рынком». Но совершенно очевидно, что собственно рынка-то в этой модели почти и не было.

Нэповская схема представляла собой совокупность различных форм собственности с государственными крупными и средними промышленными предприятиями и единоличным крестьянским сельским хозяйством на государственной земле при жестком административном регулировании экономики и частичном, очень ограниченном использовании товарно-денежных отношений. Основными целями новой экономической политики были общий подъем экономики страны, укрепление в ней государственно-социалистического сектора и вытеснение им частного. Резолюция так и говорила: «Теперь борьба коммунистического и частного хозяйства переносится на экономическую почву, на рынок, где национализированная промышленность, сосредоточенная в руках рабочего государства, должна, применяясь к условиям рынка и методам состязания на нем,

[71] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 588–594.

завоевать свое решительное господство».[72] То есть НЭП не только не был дееспособен как долговременная, самонастраивающаяся и развивающаяся рыночная экономика ввиду отсутствия практически всех необходимых для этого общественных институтов (частная собственность на крупные средства производства, конкуренция, свобода ценообразования, саморегулирование, предпринимательство, рыночное законодательство, независимые суд и пресса и т.д.), а даже совершенно для этого не предназначался. При этом в стране по отношению к частным предпринимателям (нэпманам) насаждалась атмосфера столь издевательская и нетерпимая, что ничего, кроме криминала, ждать от такого рынка было нельзя.

С известной натяжкой, созданную в начале 1920-х годов в Советской России хозяйственную модель можно назвать неким максимально радикальным вариантом государственного регулирования рыночной экономики, причем гораздо более радикальным и огосударствленным, чем экономика Германии во времена Гитлера. Сами большевики часто называли новый строй «государственным капитализмом» и много с видимым удовлетворением теоретизировали, что госкапитализм при власти буржуазии и при диктатуре пролетариата — это совершенно разные вещи. Однако, что самое важное, НЭП содержал в себе сильнейшее, антагонистическое, непримиримое противоречие между рыночной (точнее, частично рыночной) своей сущностью и плановым бестоварным характером ленинского казарменного социализма как остающейся целью. Он был абсолютно непродуктивен и обречен во всех отношениях. Как совершенно правильно сделал вывод Ефим Гимпельсон, «противоречия между нэповской экономикой и политической системой неизбежно должны были привести к тому, что случилось — отмене НЭПа», и «демонтаж шел не вследствие истощения его экономических ресурсов, как долгое время утверждала советская историография, а потому что движение по рыночному пути противоречило социалистической перспективе»[73]. Также Гимпельсон справедливо утверждал: «Нэповская реформа — убедительное доказательство ограниченности возможностей коммунистической партии, запутавшейся в тенетах теории и практики «диктатуры пролетариата», монопольной своей власти и монопольной государственной собственности»[74].

---

[72] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 594.

[73] Гимпельсон Е. Г. Россия на переломе эпох. — С. 46–47.

[74] Там же. — С. 122.

Сам Ленин относился к частному капиталу, допущенному теперь в созданный им по его же плану «всенародный государственный синдикат», с величайшим отвращением и не воспринимал его всерьез ни на йоту. В письме к наркому юстиции Д. И. Курскому 20 февраля 1922 г. он писал о необходимости расширения вмешательства государства в «частноправовые отношения»: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично правовое, а не частное»[75]. При этом устно через управделами Совнаркома Н. П. Горбунова Ленин передал дополнительно: «Наркомюст должен быть ударным органом для травли частной торговли. Наркомюст должен ставить образцовые процессы и на этих процессах травить до конца, не ограничиваясь штрафами в сотни миллионов, брать до 90% прибыли, а то и пустить по миру, чтобы до смерти помнили. Ловить, выслеживать, устраивать западни и ловушки»[76].

При этом публично вопрос об основах и сущности НЭПа Ленин формулировал в свойственных для коммунизма неких абстрактных классовых категориях: «Если нет цветущей крупной промышленности, способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности под руководством и контролем рабочего государства — никакого иного пути нет. <...> И только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики»[77]. То есть Ленин задумал НЭП как некую экономическую уступку со стороны коммунистического режима крестьянству и мелкому городскому предпринимателю, чтобы они могли выживать сами за счет своего труда и при этом кормить всю партийно-советскую бюрократию и поистине валяющий дурака на национализированных заводах и фабриках рабочий класс путем уплаты баснословных налогов (до 90 % прибыли), а также через государственную и очень урезанную частную торговлю.

Тем не менее, несмотря на полный контроль большевиков над экономикой, многим казалось, что в России начинается реставрация капитализма и чуть ли не «старого режима», а ленинцы явно поспешили протрубить о своей победе в Гражданской войне,

---

[75] Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях НЭПа // ПСС. — Т. 44. — С. 398.

[76] Цит. по: Гимпельсон Е.Г. Указ. соч. — С. 30.

[77] Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов 23–28 декабря 1921 г. О внутренней и внешней политике Республики // ПСС. — Т. 44. — С. 308.

потребовавшей фактически развалить народное хозяйство и вообще пустить под нож полстраны. Так, например, бывший председатель Временного правительства Александр Керенский (считавший себя тоже социалистом) писал: «Господа большевики привели освобожденный от засилья буржуазии пролетариат и беднейшее крестьянство к разбитому корыту все того же капитализма»[78]. Аналогичные мнения были в то время весьма распространены среди российской эмиграции и иностранных политических деятелей.

Однако Ленин не только выступал с категорическими опровержениями подобных взглядов, но и активно иронизировал над их носителями: «Ликуйте! Этим вы ублажаете себя. Нам это выгодно, если наш неприятель вместо деловой работы занимается самоублажением»[79]. Соглашаясь, что «товарообмен и свобода торговли означает неминуемо появление капиталистов и капиталистических отношений»[80], он вместе с тем был совершенно убежден, что никакой реставрации нет и не будет. Гарантией этого Ленин считал обладание коммунистическим государством таких «командных высот» в экономике как крупная и средняя промышленность, транспорт, банковская система, внешняя торговля, земля. При этом в руках большевиков оставалась, разумеется, и монополия на государственный аппарат, карательные органы, идеологию, правовую и судебную систему.

Таким образом, НЭП отнюдь не означал отказа большевиков от своих замыслов построения коммунистического общества по схемам марксизма и Программы РКП (б), а лишь сбавлял темпы данного строительства, несколько притормаживал и даже слегка сдавал назад, опять к капитализму, допускаемому в мизерных дозах, чтобы дать возможность населению немного наесться и прибарахлиться. Ибо, как выяснилось, работать по-ленински, по-коммунистически население России в тот период еще пока не желало. «Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, — говорил Ленин в ноябре 1922 г. в одном из последних своих выступлений, — но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад»[81].

[78] За народное дело. — 1921. — 24 апреля.

[79] Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской Республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. // ПСС. — Т. 45. — С. 10.

[80] Ленин В. И. Наказ от СТО местным советским учреждениям // ПСС. — Т. 43. — С. 277.

[81] Ленин В. И. Речь на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г. // ПСС. — Т. 45. — С. 302.

При этом уже в речи на XI съезде партии в марте 1922 г. он заявил: «Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую съезд должен вынести, которая сутолоке, суматохе должна положить конец. Успокойтесь, не мудрствуйте...»[82]

Таким образом, курс на реставрацию капитализма, хотя бы даже с неким человеческим лицом, Лениным полностью отвергался. Он не сомневался, что «экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму»[83]. Следует подчеркнуть, что очень модные в годы горбачевской перестройки и продолжающиеся до сих пор попытки представить ленинскую концепцию НЭПа как отход от прежних большевистских взглядов казарменного коммунизма и начало перехода Ленина к позициям некоего «рыночного социализма», «третьего пути», «народного капитализма» или иной модификации социал-демократической, а не коммунистической идеологии, являются совершенно необоснованными, попросту надуманными всевозможными «плакальщиками по социализму». На самом деле нигде мы не найдем у Ленина ни малейшего намека на то, что в связи с НЭПом необходимо задуматься об изменении или хотя бы даже корректировке Программы РКП (б) и всей парадигмы большевизма в целом. Напротив, и после введения НЭПа он продолжал неустанно и яростно бороться с любыми проявлениями некоммунистических взглядов, бичевать позиции лидеров оппортунистического, с его позиций, международного социал-демократического движения. Новую экономическую политику «мы проводим всерьез и надолго», говорил он, однако при этом не забывал добавить: «Но, конечно <...> не навсегда»[84]. Это ленинское «не навсегда» сразу же стало во всем восприятии партией НЭПа поистине центральным пунктом и незыблемым условием дальнейшего пути развития СССР.

Так, уже на XII съезде в апреле 1923 г. (первом съезде без личного участия больного к тому времени Ленина), выступавший с отчетным докладом ЦК Григорий Зиновьев в самом начале речи сказал: «Первый вопрос, который возникает — это следующий. Владимир Ильич заявил от имени всей нашей партии на предыдущем съезде, что отступление заканчивается и что новых отступлений в связи

---

[82] Ленин В. И. XI съезд РКП (б). Политический отчет ЦК РКП (б) // ПСС. — Т. 45. — С. 92.

[83] Там же. — С. 95.

[84] Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов 23–28 декабря 1921 г. О внутренней и внешней политике Республики // ПСС. — Т. 44. — С. 311.

с НЭПом не будет. Выполнили ли партия и ее ЦК это обещание? Я думаю, товарищи, что на этот вопрос мы можем ответить утвердительно. Да, в общем и целом за истекший год отступление было приостановлено и мы в некоторых областях стали переходить, разумеется, очень медленно, порой мучительно медленно, к подготовке наступления»[85]. Не преминул на это сослаться и Сталин, когда говорил в конце 1929 г.: «Надо вскрыть ошибку тех, которые НЭП понимают, как отступление, и только как отступление. На самом деле Ленин еще при введении новой экономической политики говорил, что НЭП не исчерпывается отступлением, что она означает вместе с тем подготовку для нового решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни. Надо вскрыть ошибку тех, которые думают, что нэп нужна лишь для связи между городом и деревней. Нам нужна не всякая связь между городом и деревней. Нам нужна такая связь, которая обеспечивает победу социализма. И если мы придерживаемся нэпа, то потому, что она служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к черту. Ленин говорил, что нэп введена всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введена навсегда»[86].

Все, что предполагалось Лениным использовать из арсенала рыночной экономики, должно было служить исключительно построению все того же коммунизма. «Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму»[87], — говорил Ленин. То есть с ограниченным в пределах так называемой диктатуры пролетариата принципом личной заинтересованности — да, но отнюдь не как самоцелью, а для подведения этой массы именно к безрыночному коммунизму, и никак иначе.

Ленин, разумеется, никогда не рассматривал нэповские производственные отношения как прообраз социализма или вообще какого-то вполне благополучного общественного строя. Наоборот,

[85] Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. — С. 9.

[86] Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И. В. Сочинения. — Т. 12. — М.: 1949. — С. 170.

[87] Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // ПСС. — Т. 44. — С. 151.

даже в своем последнем выступлении в ноябре 1922 г. он четко противопоставлял такие понятия, как «Россия нэповская» и «Россия социалистическая», выражая полную уверенность в скором преобразовании первой во вторую[88]. В том числе и в своих последних письмах и статьях Ленин не переставал оставаться коммунистом. Например, в работе «О кооперации» он по-прежнему утверждал, что предприятия «последовательно-социалистического типа» — это такие хозяйственные единицы, когда «и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие в целом»[89]. Говоря о «строе цивилизованных кооператоров», Ленин пояснял, что кооперация приобретает социалистический характер лишь при двух непременных условиях: «при средствах производства, принадлежащих государству» и «при классовой победе пролетариата над буржуазией»[90]. Нередко для доказательства изменения взглядов Ленина используют его фразу: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»[91]. Однако это попросту выдернутые из общего контекста слова, ибо тут же Ленин пояснял, что речь идет о перенесении центра тяжести партийной работы с политической борьбы по завоеванию власти на «мирную организационную “культурную” работу»[92], не более того.

Относительно конкретных сроков окончания нэповского периода в партийных документах и ленинских высказываниях имелись вполне определенные прикидки. Резолюция X партконференции говорит о «ряде лет»[93]. Ленин в одном месте называет цифру в «10–20 лет»[94], в другом предполагает, что подобные сроки исчисляются «десятками лет»[95], в третьем пишет о «целой исторической эпохе», целой полосе культурного развития всей народной массы. Правда, и тут, говоря о сроках в конкретном исчислении, Ленин предполагал, что «мы можем пройти на хороший конец эту эпоху

[88] Ленин В. И. Речь на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г. // ПСС. — Т. 45. — С. 309.

[89] Ленин В. И. О кооперации // ПСС. — Т. 45. — С. 374.

[90] Там же. — С. 373, 375.

[91] Там же. — С. 376.

[92] Там же.

[93] КПСС в резолюциях... — Т. 2. — С. 420.

[94] Ленин В. И. Планы брошюры о продовольственном налоге // ПСС. — Т. 43. — С. 383.

[95] Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов 23–28 декабря 1921 г. О внутренней и внешней политике Республики // ПСС. — Т. 44. — С. 311.

в одно-два десятилетия»[96]. То есть Сталин, сворачивая НЭП в самом конце 1920-х годов, от линии и сроков, предначертанных Лениным, никуда и не отходил.

Не исключено, конечно, что в самом конце жизни, глубоко больной и отстраненный уже не только от руководства страной, но даже от чтения газет и диктовок писем, Ленин, как допускал в одной из своих статей начала 1990-х годов Ефим Гимпельсон, «начал освобождаться от некоторых иллюзий». Однако это могло относиться лишь к вопросам быстрых темпов и простоты замены капитализма социализмом, являвшихся изначально неотъемлемой чертой взглядов основоположника большевизма. Гимпельсон не сомневался: «Все же в основополагающих вопросах Ленин так и остался на старых позициях: о “диктатуре пролетариата”, “руководящей и направляющей роли” партии, о государстве, как властной силе, преобразующей общество, монополисте, владеющем основными средствами производства, о “классовом подходе” к решению вопросов экономики и политики»[97].

Представлять Ленина эволюционирующим к некоему меньшевистскому или эсеровскому социализму, не говоря уже о кадетском либерализме, не только безосновательно, но просто совершенно абсурдно, применительно к этой исторической личности вообще. Ленин всю свою жизнь боролся именно и с марксистским оппортунизмом, и с немарксистским социализмом, и, разумеется, с антимарксистским либерализмом. Вся сущность ленинизма именно и состоит в его абсолютной непримиримости ко всякому учению с такими ценностями, как частная собственность, рынок и буржуазные политические свободы, к любому иному взгляду на социализм, нежели марксистско-ленинский. Также и все практические действия Ленина в рамках его революционной стратегии и тактики были оправданными исключительно исходя из движения от товарно-денежного, рыночного строя к коммунистическому, безрыночному. Ленин всей своей жизнью поставил между собой и некоммунистической цивилизацией такую непроходимую стену, что никакого места в политическом спектре чуть правее, чем он занимал, лично для него уже абсолютно не оставалось. Можно ли представить себе Ленина, признающего, что исторически прав был не он, а Бернштейн, Плеханов, Каутский, Мартов, Чернов или даже Милюков и Струве?

---

[96] Ленин В. И. О кооперации // ПСС. — Т. 45. — С. 372.

[97] Гимпельсон Е. Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. — 1993. — № 2. — С. 42.

Никто, хоть сколько-нибудь систематически знакомый с ленинским наследием, не сможет этого сделать. Ленин своим колоссальным революционным фанатизмом и уверенностью в коммунизме поставил себя и свою партию просто вне цивилизации европейского типа, и никакой другой ниши на земле, кроме коммунистической, для него уже просто объективно не существовало.

В этой связи очень характерно мнение одного из любимцев Ленина, отмеченного им в «Завещании», организатора индустриализации в СССР Георгия Пятакова, который утверждал в разговоре с бывшим меньшевиком Николаем Валентиновым (Вольским): «Старая теория, что власть пролетариата приходит лишь после накопления материальных условий и предпосылок заменена Лениным новой теорией. Пролетариат и его партия могут придти к власти без наличности этих предпосылок и уже потом создавать необходимую базу для социализма. <...> Вот в этом растаптывании так называемых объективных предпосылок, в смелости не считаться с ними, в этом призыве к творящей воле, решающему и всеопределяющему фактору — весь Ленин. Никакого другого нет. Не отрицаю, что из идей, образующих НЭП, плюс некоторые идеи из последних, неудачных статей Ленина, можно с грехом пополам построить мировоззрение. Это будет уже не ленинское мировоззрение, пропитанное волею, а затхлое, реформистское»[98].

Как бы то ни было, но в рамках исследуемой темы важно подчеркнуть следующее: к моменту ухода Ленина из политической жизни страны идейно-теоретическая мысль большевистской партии не подвергала ни малейшему сомнению правильность основных положений большевизма, Программы РКП (б) и рассматривала НЭП как исключительно временный маневр. Все многочисленные резолюции партийных форумов по самым различным вопросам (о партийном строительстве, промышленности, профсоюзах, работе в деревне, пропаганде и агитации, РККА, Коминтерне, внешней политике, национальных отношениях и др.) не то что не упоминали ни о каких отказах от строительства коммунизма, а, наоборот, в каждой своей строчке только о нем и говорили. «Важнейшей ролью профессиональных союзов в Советской России остается их роль, как школы коммунизма»[99], — разъяснялось в резолюции X съезда (1921 г.). «Во всей политике перехода от капитализма к социализму Компартия и Совлласть осуществляют теперь особые приемы этого перехода <...>

[98] Цит. по: Штурман Д. Указ. соч. — С. 44.

[99] Десятый съезд РКП (б). — С. 593.

совершают отступление, чтобы более подготовлено перейти опять к наступлению на капитализм»[100], — уточнял XI съезд (1922 г.). «Съезд заявляет Коминтерну, что его Российская секция считает своей первейшей обязанностью более, чем когда-либо, всеми силами помогать братским партиям других стран в их борьбе за коммунизм», — отмечалось в материалах XII съезда (1923 г.). А XIII партконференция (январь 1924 г.) как самую главную опасность для партии формулировала как раз «опасность утери перспектив социалистического строительства и мировой революции»[101]. Тезисы ЦК РКП (б) «О продналоге» трактовали НЭП как временную уступку частному производителю, сравнивая такую меру с действиями пешехода, решившего «пройти трудный путь вместо одного дня в два»[102].

Никто из большевистского руководства, разумеется, даже и не помышлял о необходимости изменения Конституции РСФСР, принятой в 1918 г., которая гласила: «Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции РСФСР заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной всероссийской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти»[103].

Второй после Ленина человек в партии в 1918–1923 гг. Лев Троцкий пояснял, что «НЭП — это вынужденная политика, вызванная медленным темпом мировой революции»[104], при этом уже на XII Съезде РКП (б) в марте 1923 г. он указывал на необходимость как можно быстрее заменить новую экономическую политику на «новейшую», понимая под этим «“сокращение НЭПа”, больший нажим на него»[105]. Троцкий не сомневался, что от успешного строительства централизованной плановой экономики «зависит судьба революции — полностью и целиком»[106] и был уверен, что в итоге со-

[100] КПСС в резолюциях... — Т. 2. — С. 483–484.

[101] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 772.

[102] Правда. — 1921. — 5 апреля.

[103] Конституция (Основной закон) РСФСР // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. — М.: 1987. — С. 243.

[104] Цит. по: Каторгин И.И. Исторический опыт КПСС по осуществлению НЭПа. — М.: 1971. — С. 94.

[105] Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. — М.: 1923. — С. 221.

[106] Троцкий Л. Д. Указ. соч. — С. 165. См. также: Роговицин В. Л.Д. Троцкий о НЭПе // Экономические науки. — 1990. — №1. — С. 94–102.

ветское «рабочее государство совершит переход к социалистическому хозяйству, а затем и к полному коммунизму»[107].

Ближайший соратник Ленина, член Политбюро ЦК РКП (б), председатель Коммунистического Интернационала Григорий Зиновьев уподоблял НЭП Брестскому миру или июльско-августовскому периоду 1917 г. «Когда созреет пролетарская революция в других странах, и пролетариат Запада придет к нам на помощь, — отмечал он, — тогда мы снова начнем наступление. <...> Пока же мы имеем лишь передышку»[108]. «Задача эпохи заключается в том, чтобы обеспечить наш Союз от реставрации буржуазных отношений, чтобы обеспечить пути коммунизма»[109], — утверждал Зиновьев, претендовавший быть после Ленина классиком большевизма, в частности, хотя бы официальным интерпретатором ленинизма.

Один из наиболее активных сторонников НЭПа Николай Бухарин указывал: «Нам нужно такое развитие производительных сил нашей страны и такой хозяйственный подъем, которые сопровождались бы ростом социалистических форм и постоянным вытеснением и ослаблением форм капиталистических, враждебных социализму»[110]. Смысл НЭПа он, как и все большевистские лидеры, видел исключительно «в общей перспективе развития <...> народного хозяйства к коммунизму», а над могилой буржуазии очень надеялся спеть «вечную память»[111].

Самый «либеральный» большевик Анатолий Луначарский также совершенно не хотел никаких перемен в идеологии, твердо открещиваясь от всевозможных демократов: «Коммунисты зовут устраиваться в тех целях, чтобы Россия служила коммунистической идеей, а демократам нужно, чтобы Россия стала возможно крепкой полукулацкой Америкой. Наши цели расходятся»[112].

Супруга Ленина, председатель Главполитпросвета Надежда Крупская утверждала в журнале для агитационно-пропагандистских работников «Коммунистическое просвещение»: «Красный призрак

[107] Троцкий Л. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции. — С. 23.

[108] Цит. по: Правда. — 1988. — 15 июля.

[109] Зиновьев Г. Ленинизм и НЭП. — Л.: 1926. — С. 15.

[110] Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах // Бухарин Н. И. Избранные произведения. — М.: 1988. — С. 129.

[111] Бухарин Н. И. Новый курс экономической политики // Бухарин Н. И. Избранные произведения. — М.: 1988. — С. 24.

[112] Луначарский А. В. Наши текущие задачи. Какая школа нужна пролетарскому государству? Сб. ст. — М.: 1924. — С. 15.

реет над миром. Наиболее умные представители буржуазии понимают, что песенка старого капиталистического мира спета. Общественное развитие упирается в обобществление средств производства, в социализм»[113].

Считавшийся в РКП (б) большим авторитетом в области коммунистической этики и «совестью партии», председатель Центральной контрольной комиссии Арон Сольц писал в январе 1922 г. в «Правде»: «Мы остаемся на своих позициях партийной революционной борьбы, какие бы экономические соглашения и политические договоры мы не заключали вне и внутри страны»[114].

Все издававшиеся в начале 20-х годов политические учебные пособия не подвергали коммунизм как цели ни малейшей ревизии. Например, один из наиболее употребительных из них, двухтомный «Курс политграмоты» указывал: «Основные задачи экономической политики советской власти остаются все время одни и те же, а именно: скорейшее уничтожение всех основ и остатков старого дореволюционного, помещичье-капиталистического строя, наибольшее движение по пути к социализму (коммунизму) и быстрейшее развитие производительных сил и благосостояния в стране»[115].

Таким образом, ни о каких мировоззренческих переменах в РКП (б) с переходом к НЭПу не было и речи, и взгляд на Новую экономическую политику как на временное отступление при полном сохранении коммунистических целей и идеалов лежал в основе всей партийной пропаганды и агитации рассматриваемого периода. «Мы ничему не изменяем, ни от чего не отрекаемся, — говорилось в редакционной статье «Петроградской правды», — мы продолжаем идти под нашими знаменами. Мы сейчас маневрируем на российском участке, чтобы перегруппироваться, перестроить ряды и также победно, как и раньше, двигаться по пути к коммунизму»[116].

Именно в таком же смысле был воспринят НЭП и партийными работниками среднего и нижнего уровня. Так, например, руководитель партийной организации Завода Барановского в Петрограде Ларионов писал в газетной статье: «Мы свою Программу под НЭП не подделываем. Программа есть Евангелие Коммунистической

[113] Крупская Н. Основные типы политпросветучреждений // Коммунистическое просвещение. — 1922. — № 4–5.

[114] Правда. — 1922. — 21 января.

[115] Бердников А., Светлов Ф. Курс политграмоты. Пособие для совпартшкол, рабфаков и вузов. Под ред. Н.И. Бухарина. — М.: 1923. — С. 275.

[116] Петроградская правда. — 1921. — 17 мая.

партии и всегда должна стоять на таком расстоянии от НЭПа, на каком только можно. НЭП подчинить Программе, а не наоборот»[117].

Разумеется, нельзя утверждать, что в партии не было никаких разногласий в отношении понимания сущности и перспективы НЭПа. Так, например, Троцкий и Зиновьев гораздо более, чем Ленин, связывали остроту настоящего политического момента с перспективами мировой пролетарской революцией. Бухарин более других подчеркивал, что вытеснение частника будет идти мирным путем. Члены «Рабочей оппозиции»[118] выражали более неприязненное отношение к новому курсу, нежели их противники, иронически расшифровывая НЭП как «новая эксплуатация пролетариата». Однако при этом следует еще раз подчеркнуть: внутрипартийные споры относительно НЭПа не подвергали сомнению общих положений большевизма, то есть их идейно-политический спектр был более чем узок.

Итак, в целом в большевистской партии господствовало убеждение, что если НЭП и оправдан, то лишь как вынужденная временная мера, ни в коем случае не посягавшая на основные идеалы партии. Большевистская пропаганда отталкивалась только от такого взгляда и ни от какого иного[119].

4

А как относились к НЭПу в тот период люди, вообще не страдавшие социалистическими утопиями и иллюзиями, профессиональные

---

[117] Петроградская правда. — 1922. — 27 мая.

[118] Рабочая оппозиция — группа, организовавшаяся в РКП (б) в конце 1919 — начале 1920 гг. и выступавшая за передачу управления народным хозяйством профессиональным союзам. Во главе группы стояли А.Г. Шляпников, С.П. Медведев, А.М. Коллонтай, Ю.Х. Лутовинов. К ней также был близок В. Невский. Существовала до 1922 г., когда была идейно разгромлена на XI съезде РКП (б).

[119] О НЭПе см.: Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система. — М.: 2000. Он же. НЭП. Новая экономическая политика Ленина — Сталина. Проблемы и уроки. — М.: 2004. Богемский Г. А. Новая экономическая политика (НЭП). История и современность. — М.: 1998. Гусаков В. Г. НЭП: необходимость, проблемы, решения, противоречия. — М.: 1999. НЭП: экономика, политика, идеология. — М.: 1991. Виноградов С. В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики. — М.: 1996. Секушин В. И. Отторжение. НЭП и командно-административная система. — М.: 1990. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. — М.: 2006.

экономисты? Приведем один взгляд, очень характерный для противников коммунизма и социализма вообще описываемой эпохи. Весной 1922 г. в № 2 журнала промышленно-экономического отдела Русского технического общества «Экономист» была опубликована статья А.Л. Рафаловича «Новая экономическая политика». Эта блестящая по своему уровню и стилю, профессиональная работа оценивала итоги политики военного коммунизма и разбирала НЭП на предмет его жизненности и эффективности как экономической системы. Вот ее основные положения.

Сначала, приведя массу статистического материала, Рафалович, в частности, констатировал, что проводившаяся с конца 1917 по середину 1921 г. «упорно, неуклонно, наперекор стихиям, но в согласии с программой» политика, «превратила цветущие поля в пустыню, потушила фабричные трубы, остановила железные дороги, заставила умирать от голода население» и в целом «привела страну к большим затруднениям, почему и пришлось эту политику ликвидировать и искать спасения в ее коренном изменении».

Разбирая НЭП, Рафалович приходил к выводам, что, например, заменивший продразверстку натуральный налог, которому «пелись на все лады дифирамбы», на самом деле за год своего существования никаких возлагавшихся большевиками огромных надежд не оправдал и не мог оправдать, поскольку «с его многочисленными инструкциями и дополнениями являлся чрезвычайно сложным и трудно применимым». Более того, если раньше крестьяне скрывали от властей хлеб, то теперь развилось такое феноменальное явление, как сокрытие пашни. В результате никаких достаточных запасов хлеба правительству сделать не удалось. «Нужно признаться, что ставка на натуральный налог проиграна, очевидно, что припрятанная земля появится вновь на свет Божий и вновь будет обрабатываться, лишь когда наступят иные условия и иные времена», — отмечал экономист.

Другая нэповская мера — так называемый «государственный товарообмен» — также, по мнению Рафаловича, привела к результатам «ничтожным». Крестьяне попросту отказывались обменивать свой хлеб на те промышленные товары, которые им предлагала Советская власть, так как они были некачественны, дороги и сплошь и рядом не соответствовали спросу. Земледельцы желали торговать своими продуктами за деньги. При этом «цены на местах продолжали, вопреки “эквиваленту”, строиться на основании старого, но вечно действующего начала — спроса и предложения. Позиция архаистического натурального товарообмена — безнадежная сама по себе —

явилась в то же время серьезною помехой в другой области — для проведения новой финансовой политики», — писал Рафалович.

Что дала новая экономическая политика в области промышленности? — спрашивал автор и отвечал, что перевод предприятий на так называемый хозрасчет (вместо полноценной приватизации) «выразился главным образом в том, что каждая отрасль казенной промышленности, совершенно не считаясь с общей экономической конъюнктурой, спешила разбазаривать продукты своего производства, чтобы получить денежные средства». Предприятия стали попросту самым беззастенчивым образом проедать себя, не насыщая при этом и спроса. Капитал неизменно уходил в потребление, минуя инвестиции. Не лучше оказалась ситуация и с арендой предприятий, поскольку арендаторы стремились прежде всего снять сливки (естественно, делясь с кем надо), нимало не заботясь о самом производстве.

Рафалович пояснял, что все это происходит потому, что у частного капитала нет никакого доверия к существующим условиям работы, которые просто не позволяют ни развернуть долгосрочные инвестиционные программы, ни вообще самостоятельно управлять хозяйством на основе элементарного экономического расчета. Например, когда «предприниматель не имеет права по собственному усмотрению ни нанять кого ему необходимо, ни уволить лишних или малопригодных к работе».

Проанализировав условия работы советских предприятий, Рафалович сделал убийственный для НЭПа вывод: «В результате аренда в большинстве случаев превратилась в институт, при котором предприниматели весьма мало могли заботиться о поднятии и расширении производства, придерживаясь девиза: “хоть день, да мой, а там хоть трава не расти”. Конечно, подобное явление не есть средство к возрождению промышленности».

Не утешительна была картина и в сфере торгового оборота. Рафалович писал: «Что это за торговля? В большинстве случаев вновь возродившиеся торговцы занимаются карликовой торговлей, имея в своем распоряжении ничтожный товарный запас, который можно вечером на ручной тележке увезти домой. Торгуют чем возможно понемногу все —и советские служащие, и рабочие, и инвалиды, и старушки, и бывшие лавочники. Оптовой же торговли нигде нет. <...> Самая торговля носит ярко выраженный спекулятивный характер, так как при постоянном падении курса советского рубля не существует здорового торгового кредита».

Проанализировал Рафалович и сферу финансов. Он констатировал, что «проводившаяся с конца 1917 г. финансовая политика имела

своим результатом постепенное отмирание денег, денежных налогов, переход всех местных органов на содержание государства, уничтожение банковского аппарата». Затем пришлось идти на попятный и делать попытки восстановления налогов и пошлин, банковского аппарата, твердого бюджета и т.д. Какова же реальная ценность проводимых мер? Налогами обложено уже буквально все «и бедному обывателю угрожает перспектива свободно пользоваться без оплаты налогом лишь воздухом, которым он дышит». И в то же время, очевидно, что «налоги и сборы могут дать казне лишь сравнительно небольшие средства, гораздо меньше, чем радужные надежды», так как сама сущность советских налогов — это перекладывание скудных государственных средств из одного кармана государства в другой. При этом Рафалович отметил, что социалистический характер возводимой налоговой системы неизбежно будет приводить к обременению именно тех, кому намеревались сделать облегчение.

Что касается государственного бюджета, крупнейшим злом в нем, по мнению Рафаловича, была колоссальная дефицитность, рожденная «огульной национализацией промышленности при невежественном и бесхозяйственном руководстве лиц, поставленных во главе этой промышленности». И пока самые крупные предприятия остаются национализированными, болезнь излечить невозможно. Кроме того, Рафалович просто смеялся над методом большевиков исчисления бюджета в «золотых» рублях. «Не все то золото, что блестит. Самый метод составления бюджета напоминает вычисления новой формации экономистов, складывающих пуды картона с аршинами прорезиненной материи, аршин клеенки с граммами сальварсана и паровозами, не обращая внимания ни на разнородность продуктов, ни на различие в единицах счета», — заключал Рафалович. Также экономист обращал внимание на то, что большевики просто обманывают себя, когда надеются на кредиты предприятиям от вновь открывшего свои операции Государственного банка. В условиях галопирующей инфляции отпущенные банку деньги испаряются, как вода в кипящем котле. Что же касается притока в промышленность частного капитала, то на это надеяться явно не стоит, так как никакого доверия у инвесторов к такой системе нет.

Наконец, Рафалович, проанализировал состояние внешней торговли и констатировал, что введенная здесь в 1918 г. государственная монополия «оказалась на практике мерою, вредною для страны». Он пояснял, что в этих условиях государство играло роль универсального торговца, продающего и покупающего все — от паровозов до соли — а, следовательно, не являвшегося специалистом в каждой отрасли.

В результате закономерным явлением стали переплаты, покупка залежалого и некачественного товара, выкачивание золотого запаса и т.д.

В целом же из своего анализа НЭПа Рафалович делал вывод, что приходится констатировать «недостаточную продуманность и случайность этой политики». «Нужно понять, что восстановление хозяйственной жизни России не может быть достигнуто подобным образом — это лишь одни маниловские мечтания, а не реальные меры для достижения намеченной цели». Это «полумеры», «паллиатив», который «останавливается не только на полпути, но, в сущности, в нескольких шагах от начала намеченной дороги», а дорогу эту Рафалович видел в том, чтобы «вернуться и к частной инициативе, и к личному интересу, и к свободной торговле, и к кредиту, и к свободе передвижения, и к платности услуг, и к бюджетному равновесию».

«Необходима общая коренная реформа всей экономической политики минувшего четырехлетия в совокупности», — заключал Рафалович и, не будучи в состоянии из-за цензуры сказать от своего имени что-либо более четкое в плане экономических дефиниций и принципов, он приводил выдержку из доклада члена Конвента времен Великой французской революции Эшассерно (очевидно, надеясь на особую любовь большевиков к французским революционерам): «Необходима свобода во всем и для всех. Чтобы страна стала великою, необходимо, чтобы процветала торговля. Для этого необходимо, чтобы промышленность была свободной. Для того, чтобы промышленность была счастливою, нужна свобода сельского хозяйства. Необходимо даже, чтобы роскошь пользовалась свободою, так как она питает торговлю и дает толчок к ее развитию. Когда нарушаются эти основные принципы, неизбежным результатом являются: разрушенная промышленность, опустевшие мастерские, повсеместная приостановка производственной деятельности, необходимость тратить за границей огромные капиталы, чтобы снабжать страну потребными ей товарами, затор во всех областях обмена, администрация, противоречащая природе вещей, которая всем ведает и всем управляет. Необходимо вернуться к свободе и через нее и благодаря ей восстановить нарушенный порядок. <...> Необходимо вернуть торговле ее свободу, ее элементы, ее поощрения, ее значение и для того, чтобы она процветала, нужны не новые законы, а необходимо разрушить поставленные ей препятствия. <...> Экономическая политика хороша, когда и земледелец, и промышленник, и торговец пользуются свободой в своей собственности, в своих произведениях, в своем труде, в своем промысле. <...> Экономическая политика хороша, когда ясные и точные законы и опытные администраторы

направляют финансы, когда власть поощряет и содействует развитию всех видов производственной деятельности, не стремясь сама что-либо производить».

И в конце своей статьи, Рафалович отмечал, что описанная выше новая экономическая политика французской революции оказала самое целительное влияние на восстановление производительных сил Франции. Заключил экономист свой анализ следующими словами: «Несмотря на то, что много воды утекло с тех пор и что экономический либерализм далеко не является идеалом нашего времени, все же необходимо признать, что при существующих у нас условиях лишь предоставление самого широкого простора частной хозяйственной деятельности, обеспеченной, в свою очередь, необходимой правовой и моральной обстановкой, может еще спасти страну от дальнейших разрушений и гибели»[120].

Как же реагировал на подобные рассуждения Ленин, ведь это было написано еще в период его работы главой СНК? 19 мая 1922 г. в письме главе ГПУ Ф. Э. Дзержинскому он указывал: «Питерский журнал “Экономист” <...> это, по-моему, явный центр белогвардейцев. <...> Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих “военных шпионов” изловить, и излавливать постоянно, и систематически и высылать за границу»[121]. В результате журнал был в июне 1922 г. запрещен, а Ленин в письме в ГПУ от 17 июля напоминал: «Все сотрудники “Экономиста” враги самые беспощадные. Всех их вон из России»[122]. Вскоре авторы журнала были изгнаны из страны, что лишило их возможности жить на родине, но, по счастью, спасло жизнь.

[120] Рафалович А. Л. Новая экономическая политика // Экономист. — 1922. — № 2.

[121] Ленин В. И. Ф. Э. Дзержинскому // ПСС. — Т. 54. — С. 265–266.

[122] РЦХИДНИ. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 1338. Цит. по: Розин Э. Ленинская мифология государства. — М.: 1996. — С. 270.

Глава 2

Рабочий класс влечется, социализм вносится

Единственное средство избавить человека от преступлений — это избавить его от свободы.

Евгений Замятин, «Мы»

1

С самого начала в марксизме агитационно-пропагандистской работе придавалось важнейшее значение. В 1843–1844 гг. Карл Маркс и Фридрих Энгельс особо указывали на необходимость соединения рабочего движения с социалистической теорией, то есть внесения новой идеологии в сознание масс. Энгельс впоследствии писал: «На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было убедить в правильности наших убеждений <...> пролетариат»[1]. То есть марксизм, как доктрина, стремящаяся к определенному, причем революционному, преобразованию общества, изначально была настроена на активную идеологическую обработку больших масс людей.

Ленин, развивая взгляды своих предшественников, отмечал еще в 1901 г., что «систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации <...> составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента»[2]. В начале 1900-х годов он в подробностях разработал положение о том, что рабочий класс хоть стихийно и «влечется» к классовой борьбе и защите своих интересов, но научный, правильный социализм может только «вноситься» в рабочее движение и только марксистской революционной партией, цель которой — установление диктатуры пролетариата. «В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Изд. 2-е. — Т. 21. — С. 221.

[2] Ленин В. И. С чего начать? // ПСС. — Т. 5. — С. 9.

капиталистических отношений, социализм вносится идеологами», — формулировал тезис Ленин, выделяя при этом слово «вносится»[3]. «Всякое преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли “сознательного элемента”, роли социал-демократии означает тем самым <...> усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих»[4], — данное одно из центральных положений ленинизма, обоснованное в классической для коммунистов книге «Что делать?», являлось базовым фундаментом и отправной точкой для всей агитационно-пропагандистской работы большевиков.

Это очень важный исходный момент всего ленинского учения, изначально показывающий его искусственность и совершенную ненужность по отношению к реальной жизни. Ленин утверждал: «Оторванное от социал-демократии рабочее движение <...> необходимо впадает в буржуазность»[5] и признавал, что и без марксистов рабочие, конечно, могут добиться улучшения своего экономического положения и политических свобод. Казалось бы, так чего ж еще нужно? Зачем поднимать народ на кровопролитные вооруженные восстания, подстрекая впадающих во вполне цивилизованную буржуазность трудящихся на воплощение неких фантастических общественных схем, выдуманных парой-тройкой интеллигентов-сказочников? Но развитие общества в рамках капитализма с его господством частной собственности Ленина не устраивало, ибо его целью было «навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капиталистов»[6].

Поэтому Лениным была поставлена задача «примкнуть к движению рабочих, внести в него свет, помочь рабочим в этой борьбе, которую они уже сами начали вести»[7]. С позиций ленинизма, воля народа — это совсем не то, чего хотят конкретные живые люди, а то, что другие, исполненные истины, определяют для них как их интерес, благополучие и счастье. Осознание того, что коммунисты одни только знают, что нужно народу и, в частности, пролетариату, лежала в основе всей идеологической, агитационно-пропагандистской

[3] Ленин В. И. Из письма «Северному союзу РСДРП» // ПСС. — Т. 6. — С. 363.

[4] Ленин В. И. Что делать? // ПСС. — Т. 6. — С. 24.

[5] Ленин В. И. Насущные задачи нашего движения // ПСС. — Т. 4. — С. 173.

[6] Ленин В. И. Речи, записанные на грампластинки. — Изд. 2, 3. — Т. XXI.

[7] Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии // ПСС. — Т. 2. — С. 101–102.

работы большевиков. Очень характерно, что несколько позже основатель фашизма Бенито Муссолини пришел независимо от Ленина к такому же выводу. В 1912 г. он писал: «Просто организованный рабочий становится мелким буржуа, который руководствуется непосредственным интересом. Всякий призыв к идеалам оставляет его глухим»[8].

Известный исследователь российской истории и, в частности, большевизма Ричард Пайпс писал по поводу этого ленинского феномена: «После того как Ленин пришел к выводу, что промышленный рабочий класс по природе своей нереволюционен и даже “буржуазен”, а буржуазия “контрреволюционна”, перед ним открылись две возможности. Первая состояла в том, чтобы вообще отказаться от идеи революции. Этого, однако, он не хотел сделать по причинам психологического порядка: революция для Ленина была не средством достижения цели, но самой целью. Вторая заключалась в том, чтобы провести революцию сверху, путем заговора и государственного переворота, без учета пожеланий масс. Ленин избрал вторую»[9].

Ленинское положение о необходимости внесения в массы социалистического учения и руководства этими массами по его воплощению в жизнь на самом деле иллюстрирует принципиальную разницу между коммунизмом и либерализмом в подходах к развитию общества вообще. Если первый считает необходимым проводить эффективную социальную инженерию путем насильственных действий и организованного воплощения целевых планов, то либерализм полагает единственно продуктивным подход «спонтанного порядка». Крупнейший экономист и философ XX века, нобелевский лауреат Фридрих фон Хайек по этому поводу писал: «Тогда как “проектные” теории неизбежно ведут к заключению, что общественные процессы можно заставить служить людским целям, только если они поставлены под контроль индивидуального человеческого разума, и тем самым прямиком ведут к социализму, истинный индивидуализм, напротив, полагает, что если предоставить людям свободу, они зачастую достигнут большего, чем мог бы спроектировать или предвидеть индивидуальный человеческий ум». При этом Хайек подчеркивал, что главной заботой действительно мудрых и прозорливых лидеров должен быть поиск таких общественных институтов, которые могли бы побуждать человека по его собственному выбору и на ос-

[8] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. — М.: 2005. — С. 28.

[9] Там же.

новании мотивов, направляющих его обычное поведение, вносить максимально возможный вклад в удовлетворение потребностей всех остальных.

То есть конфликты различных интересов в обществе наиболее плодотворно преодолеваются не уничтожением конфликтующих сторон и самих причин их появления, (ибо тогда следовало бы просто совсем уничтожить и само человечество), а удовлетворением «потребности в правильно построенных институтах, когда правила и принципы по согласованию соперничающих интересов и нахождению компромиссов в том, что касается преимуществ, примиряли бы конфликтующие интересы и исключали бы возможность предоставления какой-либо одной группе такой власти, которая позволила бы ей всегда ставить свои взгляды и интересы выше всех остальных». Хайек подчеркивал, что правильные принципы общежития должны выступать как средство предотвращения разрушительных столкновений и служить таким порядком, при котором «дурные люди способны причинить наименьшее зло». А вот набор фиксированных целей вместо принципов способен лишь привести к новому рабству, к тоталитарному порядку, где править путем приказов и подавления свободы будут не лучшие, а неизбежно худшие. В этой связи Хайек приводил высказывание лорда Актона: «Едва только какая-то единственная вполне определенная цель провозглашается высшей целью государства, будь то классовые преимущества, безопасность или могущество страны, наибольшее счастье наибольшего числа людей или борьба за утверждение какой-либо спекулятивной идеи, государство тотчас и с неизбежностью становится абсолютным».

Согласно хайековским принципам, государство должно составлять только небольшую часть гораздо более богатого организма, называемого обществом, обеспечивая лишь ту правовую рамку, в пределах которой свободное, а не «управляемое сознательно», сотрудничество людей имело бы максимальный простор. «Готовность обыкновенно подчиняться результатам общественного процесса, который никем не замышлялся и оснований которого может никто не понимать, также есть необходимое условие возможности обходиться без принуждения. <...> Фундаментальная позиция истинного индивидуализма (то есть либерализма. — А.Г.) состоит в смирении перед процессами, благодаря которым человечество достигло вещей, которых никто не замышлял и не понимал и которые действительно превосходят своею мощью индивидуальный разум», — констатировал Хайек.

Резюмировал же он свои взгляды в этой связи следующим образом: «Общество — это нечто более великое, чем человек, только пока оно свободно. Покуда оно контролируется или управляется, оно ограничено мощью контролирующих его или управляющих им индивидуальных умов. Если современное мышление, в своей самонадеянности не относящееся с уважением ни к чему, что не контролируется сознательно индивидуальным разумом, не поймет со временем, где надо остановиться, мы можем, как предупреждал Эдмунд Бёрк, “быть совершенно уверены, что все вокруг нас будет постепенно приходить в упадок, пока наконец наши дела и интересы не сморщатся до размеров наших мозгов”»[10].

Таким образом, если, согласно Марксу и Ленину, нужно выдвигать цели (национальные идеи) и достигать их путем силового вмешательства в общественные процессы, то либеральная традиция видит смысл в создании таких правил общежития (институтов), которые бы давали людям возможность примирять свои различные интересы и в результате сотрудничать через соперничество и конкуренцию. Как показала история XX века, второй подход оказался весьма плодотворен, в то время как первый изначально можно было сравнить с такой ситуацией, когда заболевшую голову предлагается отсечь вместо того, чтобы вывести на свежий воздух и предоставить естественным процессам выздоровления.

2

В дореволюционный период агитационно-пропагандистская работа социал-демократов, в том числе и будущих большевиков, велась подпольно посредством выпуска нелегальной литературы, изучения марксизма в кружках, организации сходок, митингов, стачек и демонстраций. Старый большевик С.И. Мицкевич вспоминал о периоде 1890-х годов: «Программа занятия в кружках была таковой. Сначала толковалось о первоначальном накоплении, об образовании капитала, далее беседа за беседой излагался I том «Капитала». <...> Потом трактовалось о конечной цели рабочего движения, о социализме, и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, которая может быть у нас совершена только рабочим классом»[11].

[10] Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.libertarium.ru/9935, свободный.

[11] Цит. по: Бубнов А. Основные вопросы истории РКП. — М.: 1923.

Первой регулярно выходящей марксистской газетой в России стала подпольная «Искра», издававшаяся за границей с декабря 1900 г. по октябрь 1905 г. В период 1905–1907 гг. возможности для партийной работы сильно расширились, стала возможной уже легальная деятельность, в том числе избирательные компании в государственные органы власти. В предвоенные годы в период так называемой столыпинской реакции большевики опять оказались в подполье, но все-таки находили возможности использовать для своей агитации и пропаганды профессиональные союзы, клубы, кооперативы и т.д. Иногда им удавалось даже выпускать небольшие журналы, печататься в легальных газетах. С 5 мая 1912 г. (при самом деятельном участии агента царской охранки Романа Малиновского) начала выходить газета «Правда», и именно это событие стало потом с 1922 г. отмечаться как День советской печати. Одновременно опять продолжалась нелегальная кружковая пропагандистская работа.

Первая мировая война и связанные с ней тяготы вновь создали питательную почву для революционной агитации, и хотя в 1914–1916 гг. патриотические настроения и законы военного времени делали большевиков настоящими изгоями российского общества, но крайнее обострение социальных проблем в конце 1916 — начале 1917 гг. вело к росту популярности РСДРП (б). При Временном правительстве большевистская пропаганда и агитация взметнулись на небывалую высоту, много превосходя аналогичную деятельность всех других партий.

После завоевания большевиками власти роль их идейно-политической работы, по мнению Ленина, должна была не ослабевать, а наоборот, усиливаться. «Мы должны поставить на службу коммунистического просвещения сотни тысяч нужных людей», — указывал глава СНК, поясняя, что основная задача этих специалистов — «помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки», «побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное»[12].

Очень важно отметить, что большевики сознательно шли по пути подчинения своей узко партийной идеологической пропаганде всей мощи государственного аппарата, и это стало одним из важнейших признаков «партийного государства», «партократии», «идеократии» или «тоталитарного государства», как стали потом называть полити-

[12] Ленин В. И. Речь на всероссийском совещании политпросветов // ПСС. — Т. 41. — С. 400, 405, 406.

ческие структуры такого типа. Принятая в марте 1919 г. на VIII съезде партии Программа РКП (б) официально определила как одну из центральных задач «развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти»[13].

При этом партия не просто заняла собой государственные органы власти, как это сделали, например, фашисты в Италии и нацисты в Германии, а полностью их подчинила, поставила под собой, сделав исключительно послушными, совершенно безвластными инструментами своей политики во всех сферах человеческой жизни. Властью при коммунистах была только партия. Если Пруссию Фридриха Второго называли армией, имеющей государство, то советская система была партией, обладавшей государством. Известный политолог Абдурахман Авторханов в этой связи метко пояснял: «Если бы мы хотели продемонстрировать разницу между ленинской партократией, демократическим правлением и фашистской системой, то можно было бы сказать, что если для Линкольна “правительство народа существует через народ и для народа”, если для Муссолини народ от государства существует “через государство и для государства”, то для Ленина и правительство, и народ, и государство существуют через партию, от имени партии и для партии»[14].

Обстановка Гражданской войны и военного коммунизма способствовали тому, что идеологическая работа большевиков в это время в основном заключалась в массовой ударной политической агитации. До систематической и глубокой пропаганды руки большевиков тогда практически не доходили и, как вспоминал заведующий агитпропотделом ЦК РКП (б) в 1922–1923 гг. Андрей Бубнов[15], «пропагандистские мероприятия того времени служили лишь одной цели — молниеносной подготовке необходимейшего кадра партийных агитаторов и пропагандистов для массового обслуживания военных фронтов и бесконечных ударных хозяйственных компаний (“на топливо”, “на транспорт”, “против тифа”, “против вши” и пр.)»[16].

---

[13] Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. — С 401.

[14] Авторханов М. Происхождение партократии. — Т. 1. ЦК и Ленин. — Посев. 1981. — С. 32.

[15] См. Ерашов В. П. Навсегда до конца: Повесть об Андрее Бубнове. — М.: 1978.

[16] Бубнов А. Агитация и пропаганда в развитии партии // Бубнов А. Основные вопросы истории РКП. — М.: 1923.

В то же время уже на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 г. был принят целый ряд резолюций с постановкой задачи налаживания системной и регулярной пропагандистской работы среди самых широких слоев населения: «О партийной и советской печати», «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне», «О работе среди женского пролетариата», «О работе среди молодежи». В том же году на VIII партконференции была выражена сильная обеспокоенность низким уровнем политических знаний членов выросшей за два года в 1,5 раза партии и поставлена задача повышения уровня их сознательности и политической грамоты.

Началась «великая и ужасная» эра превращения обычных людей в идейных коммунистов.

3

Важно подчеркнуть, что некая, пусть и очень ограниченная либерализация экономики, связанная с НЭПом, совершенно никакой демократизацией в политической жизни страны не сопровождалась. Большевики об этом не допускали даже мысли и никаких реформ в этом отношении совершенно не планировали. Ленин относился к любым проявлениям буржуазной демократии с нескрываемым отвращением. «Везде паршивое мещанство одинаково гнусно, а “демократическое мещанство”, занятое идейным труположством, сугубо гнусно»[17], — таково было его кредо. Некоторые единичные выступления в партии по поводу целесообразности введения после окончания Гражданской войны демократических свобод были решительны осуждены. «Экономический корень неизбежных колебаний мелкого производителя мы этим (НЭПом. — А.Г.) подрежем, а с политическими колебаниями, полезными только Милюкову, мы будем бороться беспощадно»[18], — указывал Ленин. В таком же духе высказывался в докладе на XII партконференции (август 1922 г.) и Зиновьев: «Мы в области политической не можем об отступлении и думать, а будем организовываться в этой области для продолжения наступления»[19]. Конференция приняла резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях», объявлявшей «иллюзорными» надежды противников

[17] Ленин В. И. А. М. Горькому // ПСС. — Т. 48. — С. 227–228.

[18] Ленин В. И. О продовольственном налоге // ПСС. — Т. 43. — С. 243.

[19] Справочник петроградского агитатора. — 1922. — № 8. — С. 58.

большевиков «на капитуляцию РКП и установление «демократической» коалиционной власти»[20].

Как уже упоминалось, ни о какой смене Конституции 1918 года, провозглашавшей «беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах», не было и речи. По-прежнему избирательных прав были лишены лица, прибегающие к наемному труду, и торговцы, священнослужители, все, живущие на «нетрудовой» доход, агенты бывшей полиции, члены царствовавшего дома. Выборы в Советы были невсеобщими, неравными, непрямыми и нетайными. При этом Советы всех уровней оставались лишь придатком партийных инстанций, воплощавшим их решения в жизнь. Никакого разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную Ленин также не признавал.

К основополагающему принципу любой демократии — многопартийной политической системе — большевики относились после выигранной Гражданской войны резко отрицательно. Курс был сразу же взят не то что на возрождение многопартийности, а, напротив, на окончательное насильственное уничтожение оставшихся еще в стране практически нелегальных партий — меньшевиков и эсеров. «Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно, как открытых, так и перекрашенных в “беспартийных”, в тюрьме»[21], — писал Ленин в апреле 1921 г.

В марте 1922 г. на XI Съезде партии Зиновьев откровенно издевался над любыми ожиданиями демократизации советской системы: «Мы имеем “монополию легальности”, мы отказали в политической свободе нашим противникам. Мы не даем легально существовать тем, кто претендует на соперничество с нами. Мы зажали рот меньшевикам и эсерам. <...> Диктатура пролетариата, как говорил товарищ Ленин, есть очень жестокая вещь. Для того, чтобы обеспечить победу диктатуры пролетариата, нельзя обойтись без того, чтобы переломать хребет всем противникам этой диктатуры»[22].

XII партконференция в августе 1922 г. прямо поставила задачу «в сравнительно короткий срок окончательно ликвидировать партии эсеров и меньшевиков, как политические факторы». При этом в решении было записано: «Нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам,

[20] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — М.: 1953. — С. 672.

[21] Ленин В. И. О продовольственном налоге // ПСС. — Т. 43. — С. 242.

[22] Одиннадцатый съезд РКП (б). — С. 412–413.

но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимобеспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции»[23].

Никакого перехода к свободе слова и печати, обещанного большевиками и в Декрете о печати в 1917 г., и в Программе РКП (б) в 1919 г., совершенно не планировалось. Ленин указывал: «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров. Это факт неопровержимый. Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей еще такое оружие, как свобода политической организации (свобода печати, ибо печать есть центр и основа политической организации) <...> значит облегчить дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем»[24].

Очень важно также отметить, что и внутрипартийная демократия, которая в большевистской партии в дореволюционные времена, хоть и всегда при очень сильном авторитарном давлении Ленина на соратников, но все-таки в некоторой мере существовала, в начале 1920-х годов начала по инициативе того же Ленина решительно сворачиваться. Сильнейший, без преувеличения смертельный удар нанесли по ней ленинские резолюции X съезда РКП (б) «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». На первую из них нужно обратить особое внимание, потому что это был классический образец коммунистического тоталитаризма и одновременно политической демагогии. В ней, в частности, говорилось: «Необходимо, чтобы все сознательные рабочие ясно осознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к правительственной партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контрреволюции». Съезд поручал ЦК «провести полное уничтожение всякой фракционности». При этом в резолюции указывалось, что конструктивная критика по целому ряду партийных вопросов — «об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самодеятельности рабочих и т.п.» — «должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием и испытываемы на практической работе». Для этого съезд предписал выпускать «Дискуссионный листок» и особые сборники, но тут же предупредил: «Всякий, вы-

[23] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 672, 674.

[24] Ленин В. И. Письмо Г. Мясникову. 5.VIII.1921 г. // ПСС. — Т. 44. — С. 79.

ступающий с критикой, должен учитывать положение партии среди окружающих ее врагов»[25].

То есть в резолюции фактически отрицался такой основополагающий принцип демократических норм как гарантии меньшинства на право высказывания и пропаганды своей позиции. Ибо формальное разрешение критики при запрещении организационного оформления (фракционности) тех или иных идеологических течений, а также признание невозможности пребывания в РКП (б) лиц, позиция которых является, по мнению ЦК, небольшевистской, в условиях однопартийной системы и сосредоточения всей власти у небольшой группы руководителей неуклонно вело к монополизму верхушки партии и далее, ее вождя. Политбюро ЦК при новом порядке словно указывало всем членам партии: вы можете критиковать нас, то есть партию, сколько угодно, но как только мы признаем, что ваша линия теоретически и тактически неправильна, да еще и в условиях враждебного окружения ослабляет положение партии, вы будете вышвырнуты из рядов коммунистов и станете нашими врагами. Делегат X съезда партии Игнатов прямо указывал Ленину, что своими резолюциями он фактически «закрывает возможность обсуждения внутри партии каких бы то ни было вопросов» и «получается прекращение всякого обсуждения, прекращение всякой живой мысли внутри партии»[26].

Впоследствии эти слова, как известно, полностью подтвердились. При этом в РКП (б) стало самым парадоксальным образом считаться, что введенный Лениным порядок — это и есть «внутрипартийная демократия». Уже в октябре 1923 г. Объединенный пленум ЦК и ЦКК клеймил Троцкого и его сторонников, «одобряя полностью своевременно намеченный Политбюро курс на внутрипартийную демократию» и заявляя, что «нападение Троцкого, направленное на Политбюро, объективно приняло характер фракционного выступления, грозящего нанести удар единству партии и создающего кризис партии»[27]. XIII партконференция (январь 1924 г.), с одной стороны, продолжая декларировать линию на «рабочую демократию» и указывая, что только постоянная, живая идейная жизнь может сохранить партию такой, какой она сложилась до и во время революции, с постоянным критическим изучением своего прошлого, исправлением

[25] Десятый съезд РКП (б). — С. 585–586.

[26] Там же. — С. 541. См. также: Авторханов А. X Съезд и осадное положение в партии // Новый мир. — 1990. — № 3.

[27] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 767, 768.

своих ошибок и коллективным обсуждением важнейших вопросов», с другой стороны прямо заявляла: «Партия не может быть рассматриваема как дискуссионный клуб для всех и всяческих направлений», постановив наряду с целым рядом явно декларативных мер по развитию демократических норм также «усилить партийно-воспитательную работу», «усилить информацию членов партии путем печати и объездов мест со стороны членов ЦК», «усилить отделы партийной жизни в периодической печати» и др.[28] Отныне все несогласные с партийной верхушкой будут попадать в категорию антипартийных элементов и практика единогласного одобрения официального курса начнет свое победное шествие.

Это был очень важный момент в деятельности Коммунистической партии на всем ее протяжении. На любое обвинение в тоталитаризме, антидемократизме, зажиме критики и т.д. партийные идеологи всегда показывали огромное количество всяческих резолюций, где черным по белому указывалось: «Следить за строгим проведением выборности должностных лиц, считать недопустимым навязывание этих лиц вопреки воле организации», обязательно ставить все существенные вопросы партийной политики на обсуждение ячеек и партийной массы в целом», «расширять сеть партийных дискуссионных клубов», «выдвигать новых работников снизу», ввести в практику обязательную отчетность парторганов», «особенно важной задачей является борьба с бюрократическими извращениями», «необходимо обеспечить хозяйственникам в кругу их работы достаточную самостоятельность», «партийной и советской печати поставить в обязанность максимально чутко прислушиваться к требованиям и предложениям, идущим со стороны масс», «при выборах в Советы обращать внимание на выдвигание новых людей», «способствовать росту всевозможных добровольных, самодеятельных объединений» и т.д.[29] Однако все это оставалось всегда исключительно демагогическими декларациями, совершенно игнорируемыми на практике, потому что монополизация партией власти и всех без исключения государственных, хозяйственных культурных ресурсов позволяла партийной бюрократии проводить ту политику, которую она считала нужным. Всяческие же проявления несогласия с линией партийной верхушки объявлялись либо «мелкобуржуазным уклоном», либо просто «антисоветской» и «антипартийной» деятельностью и неизменно подавлялись идейно и физически.

[28] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 774.

[29] Там же. — С. 771–778.

Уже на XIII партконференции, как только речь зашла о действительной (а не декларативной) критике ЦК со стороны части виднейших большевиков (Троцкий, Преображенский, Радек, Серебряков, Смирнов и др.), было объявлено: «Оппозиция во всех своих оттенках обнаружила совершенно небольшевистские взгляды на значение партийной дисциплины. Выступления целого ряда представителей оппозиции представляют собой вопиющее нарушение партийной дисциплины и напоминают те времена, когда тов. Ленину приходилось бороться против “интеллигентского анархизма” в организационных вопросах и защищать основы пролетарской дисциплины в партии. Оппозиция явно нарушила постановление X съезда РКП, запрещающее образование фракций внутри партии. Большевистский взгляд на партию, как на монолитное целое, оппозиция заменяет взглядом на партию, как на сумму всевозможных течений и фракций. <...> Такой взгляд на партию не имеет ничего общего с ленинизмом. Фракционная работа оппозиции не могла не стать угрозой единству государственного аппарата. Фракционные выступления оппозиции оживили надежды всех врагов партии». В результате было решено, что «против этого мелкобуржуазного уклона необходима систематическая и энергичная борьба». «Партия политически уничтожит всякого, кто покусится на единство партийных рядов»[30], — предупреждала резолюция XIII партконференции.

Таким образом, все заявления о рабочей демократии сразу же оказались совершенно непригодной для практики коммунистического строительства выдумкой, только вводящей самих рабочих в заблуждение. «Основной предпосылкой дальнейших успехов пролетарской революции является незыблемое единство РКП — руководящей партии пролетарской диктатуры. Единство партии является основным достоянием пролетарского авангарда. Единство РКП необходимо охранять, как зеницу ока»[31], — словно заклинание повторялось в резолюциях этого последнего при жизни Ленина партийного форума. В этом заключалась и сила созданной им партии, и одновременно ее историческая обреченность, потому что такое понимание единства обрекало организацию вариться исключительно в собственной лжи до своего полного банкротства.

Также следует сказать о том, что, несмотря на начало в стране в этот период работы по созданию и введению в действие новой законодательной базы, вся она основывалась на незыблемом принципе

[30] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 781–782.

[31] Там же. — С. 785.

диктатуры пролетариата, то есть коммунистической партии. Ленин много раз пояснял, что под диктатурой пролетариата он имеет в виду именно диктатуру своей партии и ничего более. В частности, он говорил: «Нельзя осуществлять диктатуру пролетариата через поголовно организованный пролетариат... Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру»[32]. В другом месте Ленин уточнял: «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии, мы говорим: “Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим, и с этой почвы сойти не можем”»[33]. Такая позиция была зафиксирована и в официальных документах партии. Так, в основной резолюции XII съезда (1923 г.) по отчету ЦК указывалось: «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, то есть Компартии»[34]. А передовица «Правды», посвященная данному съезду, предупреждала: «Съезд никому не позволит шутить с вопросом о диктатуре партии»[35]. При этом под диктатурой РКП (б) понималось ее безраздельное руководство над всем и вся. В резолюции XII съезда разъяснялось: «РКП руководит и должна руководить всей политической и культурной работой органов государственной власти, направляет и должна направлять деятельность всех хозяйственных органов республики. Задача партии не только в том, чтобы правильно распределять своих работников по отдельным отраслям государственной работы, но и в том, чтобы во всем существенном определять и проверять самый ход этой работы. ... партия не может ни на минуту забыть, что главная ответственность за работу хозяйственных и общегосударственных органов лежит на РКП, ибо она одна исторически призвана быть действительным проводником диктатуры рабочего класса. Еще ближе к хозяйству, еще больше внимания, руководства, сил хозорганам, — таков лозунг партии на ближайший период. <...> В связи с необходимейшей смычкой с крестьянством стоит задача правильной политики в национальном вопросе. <...> Задача создания дешевого и действительно нового, действительно социалистического [государственного] аппарата есть важнейшая задача ближайших лет»[36].

---

[32] Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // ПСС. — Т. 42. — С. 203–204.

[33] Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г. // ПСС. — Т. 39. — С. 134.

[34] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 672.

[35] Правда. — 1923. — 27 апреля.

[36] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 672.

В этом разъяснении фактически и заключается определение того, что есть тоталитарное коммунистическое государство: это полное господство компартии над обществом в политической, экономической, культурной и всех иных сферах. Однако все критические выступления в свой адрес о том, что партия узурпировала свою власть не только над обществом, но даже над государством, большевиками яростно преследовались. XII съезд указывал: «Особенно опасными и губительными для исторической миссии нашей партии являются те уклоны, которые противопоставляют Советское государство рабочему классу и партию — Советскому государству. [Такое] противопоставление <...> является ныне главнейшим агитационным орудием всех врагов нашей партии и принимает в их руках явно контрреволюционный характер. <...> Поэтому XII съезд особо подчеркивает необходимость и в дальнейшем строго придерживаться тактики <...> обеспечивающей за партией фактическое руководство всем советским, и в частности хозяйственным аппаратом Советской республики»[37].

При подготовке новых советских законов большевики не отказались от принципа «революционного правосознания», означавшего на практике произвол любого отморозка, прибившегося к властям и провозгласившего себя борцом за дело революции. Резолюция XII партконференции прямо указывала: «Репрессии <...> диктуются революционной целесообразностью»[38]. В статье «Ежегодника советской юстиции» в 1922 г. разъяснялось: «Значит ли, что изданием писаных законов революционное правосознание как база решений приговоров сдается в архив? Отнюдь нет. Революцию в архив еще никто не сдал, и революционное правосознание должно проходить красной нитью в каждом приговоре или решении: оно лишь ограничено писаными нормами, но оно не упразднено»[39].

Такой подход шел прежде всего от Ленина. Насколько иллюзорными были надежды на переход большевиков с НЭПом к демократизации и насколько драконовская закладывалась вождем большевизма диктатура на перспективу, практически не оставлявшая никакой возможности для нормализации жизни, хорошо иллюстрирует его директива наркому юстиции Курскому с копиями членам Политбюро и Президиуму ВЦИК. Она была написана 20 февраля 1922 г. и посвящена задачам Наркомюста в условиях новой экономической политики.

---

[37] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 673–674.

[38] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 674.

[39] Ежегодник советской юстиции. — 1922. — № 1. — С. 7.

В этом документе Ленин констатировал, что наркомату юстиции в рамках НЭПа отводится «особенно боевая роль». В чем она заключается? Ставилась задача: «Усиление репрессии против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров); проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обязательная постановка ряда образцовых (по быстроте и силе репрессии; по разъяснению народным массам, через суд и через печать, значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других важнейших центрах; воздействие на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессии — все это должно вестись систематично, упорно, настойчиво, с обязательной отчетностью (самой краткой, в телеграфном стиле, но деловой и аккуратной, с обязательной статистикой того, как карает и как учится карать НКЮст».

В части экономической политики Ленин, как уже ранее говорилось, также предостерегал от проявлений сколько-нибудь существенного либерализма. Он указывал: «Мы признали и будем признавать лишь государственный капитализм, а государство, это — мы, мы, сознательные рабочие, мы, коммунисты. Поэтому ни к черту не годными коммунистами надо признать тех коммунистов, кои не поняли своей задачи ограничить, обуздать, контролировать, ловить на месте преступления, карать внушительно всякий капитализм, выходящий за рамки государственного капитализма, как мы понимаем понятие и задачи государства. Именно НКЮсту, именно нарсудам здесь выпадает на долю особенно боевая и особенно ответственная задача».

Ленин возмущенно спрашивал Курского: «Где шум по поводу образцовых процессов против мерзавцев, злоупотребляющих новой экономической политикой? Этого шума нет, ибо этих процессов нет. НКЮст “забыл”, что это его дело, — что не суметь подтянуть, встряхнуть, перетряхнуть нарсуды и научить их карать беспощадно, вплоть до расстрела, и быстро за злоупотребления новой экономической политикой, это долг НКЮста. За это он отвечает. <...> Воспитательное значение судов громадно. Где у нас забота об этом? Где учет реальных результатов? Этого нет, а это азбука всей юридической работы».

Наряду с этим Ленин потребовал каждого члена наркомата оценивать по послужному списку, согласно справке: «Скольких купцов за злоупотребление нэпо ты подвел под расстрел или под другое, не игрушечное <...> наказание? Не можешь ответить на этот вопрос? — значит ты шалопай, которого надо гнать из партии за “комболтов-

ню” и за “комчванство”». При этом Ленин предупреждал, что «наркомюст будет первым виновным, если эта репрессия не усилится».

В части подготовки нового Уголовного кодекса и других законов Ленин предписывал: «Не перенимать (вернее, не дать себя надувать тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое. <...> Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. <...> Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в “частноправовые” отношения; расширить право государства отменять “частные” договоры; применять не corpus juris romani[40] к “гражданским правоотношениям”, а наше революционное правосознание; показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как это надо делать с умом и энергией; через партию шельмовать и выгонять тех членов ревтрибуналов и нарсудей, кои не учатся этому и не хотят понять этого».

Ленин предупреждал: «Если НКЮст не докажет рядом образцовых процессов, что он умеет ловить <...> и карать не позорно-глупым, “коммунистически-тупоумным” штрафом в 100–200 миллионов, а расстрелом, — тогда НКЮст ни к черту не годен, и я буду считать своим долгом тогда добиваться от Цека полной смены ответственных работников НКЮста». Особенно Ленин настаивал на проведении судебных показательных процессов, предписывая Курскому: «Прошу Вас сообщить мне в кратчайший срок, чтобы я с полной точностью мог видеть, кто именно <...> отвечает за проведение образцовых процессов (каждый член коллегии должен показать себя на постановке и проведении нескольких образцовых процессов), и за деловой контроль за ревтрибуналами и нарсудами, и судебными следователями и т. п. такой-то губернии или такого-то участка Москвы».

При этом на данном письме указывалось: «Не размножать, только показывать под расписку, не дать разболтать, не проболтать перед врагами. <...> Запретить под страхом партийной ответственности болтать об этом письме, ибо врагам показывать нашу стратегию глупо. Добиться того, чтобы несколько вполне согласных с духом этого письма коммунистов, работников суда и НКЮста, выступило на эти темы с рядом статей в прессе. <...> Ни малейшего упоминания в печати о моем письме быть не должно. Пусть, кто хочет, выступает за своей подписью, не упоминая меня»[41].

---

[40] Свод законов римского права.

[41] Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // ПСС. — Т. 44. — С. 396–400, 400.

Через два дня после этого письма Ленин написал аналогичную директиву в Политбюро по поводу Гражданского кодекса РСФСР: «Обращаю внимание на то, что вчера в Совнаркоме совершенно изгадили, как мне сообщает тов. Горбунов, Гражданский кодекс. Именно те предостережения, которые я делал в письме Курскому, оказываются не принятыми во внимание. Предписать Президиуму ВЦИК рассмотреть это дело в духе моих указаний в письме Курскому. Ни в каком случае не утверждать без вторичного внесения в Политбюро с моим предварительным заключением». Также Ленин предписывал немедленно создать комиссию из трех юристов, за которых можно ручаться, что они правильно понимают дело, и поручить им в короткий срок представить в Политбюро проект изменений и дополнений в Гражданский кодекс. Далее Ленин формулировал: «Главной задачей комиссии признать: полностью обеспечить интересы пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы. Не рабское подражание буржуазному гражданскому праву, а ряд ограничений его в духе наших законов, без стеснения хозяйственной или торговой работы»[42].

В марте 1922 г. Ленин направил секретное письмо членам Политбюро, в котором указывал: «Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок»[43].

При этом нужно подчеркнуть, что данные указания были написаны Лениным под грифом «секретно». А вот что практически параллельно декларировалось в официальных партийных документах, например, в резолюции XI партконференции: «Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка должна идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан. Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений должны быть установлены твердые гражданские нормы. Граждане

[42] Ленин В. И. Письмо в Политбюро ЦК РКП (б) о Гражданском кодексе РСФСР // ПСС. — Т. 44. — С. 401.

[43] Цит. по: Гимпельсон Е.Г. Россия на переломе эпох. — С. 81.

и корпорации, вступившие в договорные отношения с государственными органами, должны получить уверенность, что их права будут охранены. Судебные учреждения Советской республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована»[44].

Нельзя не видеть, что Ленин в своих секретных указаниях писал прямо противоположное тому, что он писал или санкционировал в публичных документах, закладывая при этом все для создания неправового тоталитарного государства. Все, что потом таким пышным цветом расцвело при Сталине, включая полное подчинение судебной системы партии и исполнительной власти, произвол государства по отношению к гражданам, показательные судебные процессы с предрешенным исходом, принцип революционной целесообразности и т.д., — всему этому автором был именно Ленин.

С 1 июня 1922 г. в Советской России начал действовать Уголовный кодекс РСФСР, представлявший собой классический пример государственной системы, закреплявшей политические несвободы, то есть образец «антидемократии», «антицивилизации». В преамбуле говорилось, что кодекс вводится «в целях ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания». Глава I была посвящена «государственным преступлениям», а в ней раздел 1 — «контрреволюционным преступлениям». При этом разъяснялось, что «контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами».

Наряду с этим статья 69 Уголовного кодекса прямо указывала: «Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового невыполнения

[44] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 593.

возлагаемых на граждан воинской или налоговых повинностей, карается — лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией. За те же преступления, совершенные в военной обстановке или при народных волнениях, наказание повышается до высшей меры наказания». Ввиду того, что под «пассивное противодействие» можно было подвести что угодно, как и под «пропаганду и агитацию», эта статья означала узаконение в стране полного беспредела власти.

Но этой нормы большевикам показалось мало, имелся еще ряд статей против гражданских свобод. Так, статья 70 констатировала: «Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57-й, карается — изгнанием из пределов РСФСР или лишением свободы на срок не ниже трех лет». Следующая статья 71 предупреждала: «Самовольное возвращение в пределы РСФСР в случае применения наказания по пункту “а” ст. 32-й, карается — высшей мерой наказания». Но и этого было недостаточно. Статья 72 гласила: «Изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера карается — лишением свободы на срок не ниже одного года». А если это были не агитки, а просто, скажем, сплетни? Тогда они вполне подпадали под статью 73, гласившую: «Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее, карается — лишением свободы на срок не ниже шести месяцев».

И, наконец, была еще и статья 83, которая указывала: «Агитация и пропаганда всякого рода, заключающая призыв к совершению преступлений, предусмотренных статьями 75–81, а равно в возбуждении национальной вражды и розни, карается — лишением свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией. Если же агитация и пропаганда имели место во время войны и были направлены к неисполнению гражданами возложенных на них воинских или связанных с военными действиями обязанностей и повинностей — то наказание может быть повышено вплоть до высшей меры наказания». К таким же наказаниям вел и «призыв к невыполнению или противодействию распоряжениям центральной или местной власти».

28 сентября 1922 г. Политбюро приняло секретное постановление, которое давало ГПУ право внесудебных репрессий вплоть до расстрела, а также ссылки, высылки и заключения в концлагеря. Эта система правового произвола, или государственного террориз-

ма, в течение нескольких лет была развита и вполне закрепилась в СССР. На XVI съезде ВКП (б) в 1930 г. генеральный прокурор Н. В. Крыленко сформулировал ее суть следующим образом: «Наши законы — это формы, в которые партия облекает свою волю. <...> Все основные лозунги нашей партии немедленно находили отображение в советских законах. Эти законы есть ничто иное, как указания партии»[45].

Таким образом, Ленин впервые в истории права, как впоследствии писал, например, польский философ Лешек Колаковский, «заложил основы законодательства, присущего тоталитарной системе, отличающегося от законодательства деспотической системы»[46]. По его мнению, характерная черта деспотизма — это суровость правовой системы, а тоталитаризма — ее фиктивность. Ведь в этот ленинский Уголовный кодекс были включены статьи, наказывающие за все, что только можно истолковать как антиреволюционная агитация, помощь буржуазии, призывы к противодействию советской власти, контрреволюционные измышления, слухи и т. д. Это означало, что власть может убивать или сажать в тюрьму вполне легитимно абсолютно всех, кого только захочет. Следовательно — закон просто не существует. Не случайно, в 20–50-е годы типичной статьей, по которой сидели репрессированные, была так называемая «аса» — антисоветская агитация. Это была ленинская статья.

Исследователь юридических аспектов ленинизма доктор юридических наук Эльхон Розин в этой связи констатировал: «Законы для Ленина, особенно в последний период его жизни, были пустым звуком. Он называл даже декреты Советской власти дерьмом. Его правовой нигилизм был просто удивителен для юриста. Закон и законность, несмотря на отдельные высказывания в их защиту, заменялись Лениным «целесообразностью» и «революционным правосознанием». Да и вообще вождь большевизма практически не рассматривал вопросы права. Для него важнее была социальная демагогия»[47].

Также весьма метко охарактеризовал отношение к праву юриста по образованию Ленина один из крупнейших российских несоветских историков Сергей Пушкарев: «В сочинениях М.Е. Салтыкова-Щедрина есть “Устав”, или руководство для администраторов, одна

---

[45] Шестнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет. — М., Л.: 1930. — С. 351.

[46] Цит. по: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. — С. 149.

[47] Розин Э. Указ. соч. — С. 256.

из статей которого гласит: “Ежели ты чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя, и тогда все сие, сделавшись невидимым, много тебя в действиях облегчит”». Ленин исполнил наставление щедринского «Устава» в самом буквальном смысле: он «снял со стола и положил под себя» все законы религиозные, моральные и юридические, и это, конечно, «много в его действиях облегчило»[48].

Наряду с этим репрессии против всех инакомыслящих большевики считали необходимым дополнить и самой активной идеологической обработкой населения. XI съезд РКП (б) (март–апрель 1922 г.) записал в резолюции «О печати и пропаганде»: «Констатируя стремление буржуазии через посредство литературы и культработы повлиять на трудящиеся массы, съезд считает, что этим влияниям надо противопоставить энергичную политработу. Поэтому партия должна всемерно расширять и углублять свою агитационно-пропагандистскую работу». При этом напомним, что имелся в виду прежде всего не именно узко партийный аспект, а вся мощь государственного аппарата, подчиненного партии.

Плюс к этому не только соответствующие инстанции, а и каждый член партии должен был стать настоящим бойцом с любым проявлением некоммунистического мировоззрения. «Первенствующей обязанностью коммуниста» Ленин объявил «систематическую, наступательную борьбу с буржуазной идеологией, с философской реакцией, со всеми видами идеализма и мистики»[49].

Таким образом, некоторые изменения в экономической сфере России начала 1920-х годов не сопровождались никакими существенными мерами в области реформы политической системы страны. Она оставалась ярко выраженной диктатурой коммунистической партии и укреплялась как таковая.

4

В то же время НЭП вызвал в социально-экономической сфере такие перемены, которые не могли не отразиться и на идейно-политической деятельности большевиков, так как новая ситуация вы-

[48] Пушкарев С. Г. Ленин и Россия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lenin-rus.narod.ru/00.htm, свободный.

[49] Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // ПСС. — Т. 45. — С. 22.

двинула перед агитационно-пропагандистскими органами РКП (б) ряд новых конкретных задач.

Прежде всего нужно сказать о непонимании значительной частью партии и населения сущности Новой экономической политики. Философ, бывший меньшевик, затем советский служащий и с 1930-го года эмигрант Николай Валентинов (Вольский) в своих мемуарах писал: «Не могу здесь не вспомнить одну беседу с моим старым знакомым Ю. Стекловым, ставшим редактором “Известий ВЦИК”. <...> “Ленин, — сказал мне Стеклов, — произвел изумительный по смелости и решительности поворот политики. “Научитесь торговать!” — мне казалось, что я скорее губы себе обрежу, а такого лозунга не выкину. С принятием такой директивы нужно целые главы марксизма от нас отрезать. Давать руководящие принципы они нам уже не могут”». По самому своему официальному положению Стеклов должен был в газете ВЦИКа защищать прокламируемую Лениным новую экономическую политику. Если он и делал это, то сопротивляясь».

Также Валентинов делился впечатлениями от своих контактов со старым знакомым А. Свидерским, который в 1921 г. занимал высокий пост в комиссариате продовольствия, а затем был заместителем народного комиссара земледелия. На партийной конференции в мае 1921 г. он выступал с одобренным Лениным докладом о продналоге. Валентинов писал: «Когда я указал ему, что у меня такое впечатление, что в партии не все охотно идут за Лениным, Свидерский стал объяснять, что, в сущности, дело обстоит много хуже, ибо мало кто с Лениным согласен. «Полностью согласны с ним, может быть, только Красин и Цюрупа, все другие или молчат, или упираются». На одном собрании <...> Ленин говорил: «Когда я вам в глаза смотрю, вы все как будто согласны со мной и говорите да, а отвернусь, вы говорите нет. Вы играете со мной в прятки. В таком случае позвольте и мне поиграть с вами в одну принятую в парламентах игру. Когда в парламентах главе правительства высказывают недоверие, он подает в отставку. Вы мне высказали недоверие во время заключения мира в Бресте, хотя теперь даже глупцы понимают, что моя политика была правильной. Теперь снова вы высказываете мне недоверие по вопросу о новой экономической политике. Я делаю из этого принятые в парламентах выводы и двум высшим инстанциям — ВЦИКу и Пленуму – вручаю свою отставку. Перестаю быть председателем Совнаркома, членом Политбюро и превращаюсь в простого публициста, пишущего в “Правде” и других советских изданиях». Валентинов возразил Свидерскому: «Ленин, конечно, шутил?».

Тот ответил: «Ничего подобного. Он заявлял о том самым серьезным образом. Стучал кулаком по столу, кричал, что ему надоело дискутировать с людьми, которые никак не желают выйти ни из психологии подполья, ни из младенческого непонимания такого серьезного вопроса, что без нэпа неминуем разрыв с крестьянством. Угрозой отставки Ленин так всех напугал, что сразу сломил выражавшееся многими несогласие». Далее Валентинов констатировал: «Бешено идя против течения, [Ленин] властно, хлыстом заставил партию принять и политику концессий, и нэп, но глубокое, непокоренное сопротивление всему этому в партии, несомненно, осталось»[50].

Работавший в 1921 г. секретарем Нижегородского губкома Анастас Микоян также свидетельствовал, что на местах «имелось много сомнений, недоуменных вопросов»[51]. Некоторые коммунисты восприняли НЭП как отход от планов строительства коммунизма и даже демонстративно выходили из партии. В Псковской организации по данной причине в первой половине 1922 г. из РКП (б) вышли 108 человек[52]. Среди широких слоев населения, в целом положительно отнесшихся к новой экономической политике, также имелось много неясных представлений о характере НЭПа. Ленин признавал на X партконференции в мае 1921 г., что «на местах политика, определившаяся в связи с продналогом, остается в громадной степени неразъясненной, частью даже непонятой»[53]. Все это ставило перед большевистскими агитационно-пропагандистскими органами задачу пропаганды, разъяснения, популяризации экономической политики советского правительства и, соответственно, агитации населения поддерживать эту политику. И в резолюции X партконференции (май 1921 г.) «Об экономической политике» после перечисления директив по переходу к НЭПу прямо указывалось: «Конференция поручает ЦК и всем организациям партии провести систематический ряд мер по усилению агитации и пропаганды, а равно соответствующую передвижку партийных сил для полного уяснения и планомерного проведения всех вышеизложенных задач»[54]. Наряду с этим перед РКП (б), разумеется, стояла задача разъяснения в нужном

[50] Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. — М.: 1991. — С. 81.

[51] Микоян А. И. В начале двадцатых. — М.: 1975. — С. 102, 111.

[52] Центральный государственный архив историко-политических документов (далее: ЦГАИД). — Ф. 9. — Оп.1. — Д. 30. — Л. 103.

[53] Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге // ПСС. — Т. 43. — С. 299.

[54] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 575.

свете и всех других правительственных мероприятий во внутренней и внешней политике.

Другая специфическая задача была связана с появлением в 1921–1922 гг. частных издательств и кинопроката, некоммунистической прессы, активизации деятельности различных общественных организаций интеллигенции и других центров распространения либеральной идеологии. С развитием рынка в экономике расширилась и социальная среда, тяготеющая к тем или иным формам общечеловеческого мировоззрения и враждебно относившаяся к большевизму. Поэтому главнейшей задачей агитационно-пропагандистских органов РКП (б) являлась массовая пропаганда марксистских политических знаний и одновременно борьба с проявлениями других идеологий, то есть с инакомыслием. Эта директива неуклонно проходила практически через все важнейшие партийные форумы начала 1920-х годов. X съезд РКП (б), едва приняв резолюцию о продналоге, сразу же постановил: «Съезд поручает всем агитпропагандистским органам партии и Главполитпросвету развить самую усиленную агитацию в связи с новой полосой революции и задачами борьбы с мелкобуржуазной контрреволюцией»[55]. В марте 1922 г. XI съезд РКП (б) в резолюции «О печати и пропаганде» указал: «На основе роста капиталистических отношений неизбежно усиление буржуазного влияния не только на мелкобуржуазные слои населения, но даже на наиболее отсталую часть пролетариата. Констатируя стремление буржуазии через посредство литературы и культработы повлиять на трудящиеся массы, съезд считает, что этим влияниям надо противопоставить энергичную политработу. Поэтому партия должна всемерно расширить и углубить свою агитационную и пропагандистскую работу»[56]. Через полгода XII партконференция предписывала: «Буржуазному влиянию необходимо противопоставить целую систему мер агитационно-пропагандистского порядка»[57].

Глава агитпропа Андрей Бубнов также разъяснял: «Фронту возрождающейся буржуазной идеологии мы должны противопоставить могучий организованный натиск революционной идеологии коммунизма»[58]. В рамках данной задачи особенно актуальной была идейно-политическая борьба большевиков с другими политическими

[55] Десятый съезд РКП (б). — С. 573.

[56] Одиннадцатый съезд РКП (б). Протоколы. — М.: 1936. — С. 597–598.

[57] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 673.

[58] Бубнов А. Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. — 1922. — С. 25.

партиями и течениями, в частности, действующими в эмиграции, работа которых несколько оживилась в связи с введением НЭПа и усилением надежд на скорое банкротство большевизма.

Один из видных представителей большевистской партии Илларион Вардин писал с наступлением НЭПа: «Буржуазия может обрабатывать сырье, но ей никто не позволит обрабатывать мозги рабочих и крестьян. Никакие законы марксизма, никакие законы революции не обязывают нас вооружить буржуазию и ее агентов политически, раз мы сделали ей экономические уступки»[59].

Далее нужно иметь в виду то, что к моменту окончания Гражданской войны большевики создали уже новый государственный строй, где была национализирована промышленность и власти пытались управлять буквально всем и регламентировать все. Это требовало громадного количества партийных и советских работников, которые были бы хоть сколько-нибудь грамотны и мало-мальски идейно подкованы, то есть думали, что такая организация экономики — благо. Как уже отмечалось, былые представления Ленина о том, что управлять государством с легкостью может любой человек, не мучившийся над книжкой, при малейшем соприкосновении с действительностью разлетелись просто в пыль. Весь период 1918–1922 гг. он чуть ли не в каждом своем выступлении, посвященном хозяйственным вопросам, сетовал, что «русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями»[60], «самая трудная задача <...> это задача трудовой дисциплины», «специалистов у нас нет, вот в чем гвоздь дела» и вообще, оказалось, что «рабочие, увлеченные борьбой за социализм <...> недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать»[61]. А поэтому большевикам, если они хотели удержаться у власти и строить страну по образу и подобию своему, необходимо было развернуть самую широкую работу по распространению, как тогда говорили, политической грамоты.

Немаловажной особенностью нэповского периода являлось и распространение среди значительной части большевистской партии аморальных явлений. Огромное количество партийных и советских начальников почувствовали себя настоящими хозяевами в этой стране.

---

[59] Вардин Ил. Октябрьская революция и печать // О газете. Сб. ст. — 1923. — С. 17.

[60] Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // ПСС. — Т. 36. — С. 188.

[61] Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // ПСС. — Т. 45. — С. 390.

Они победили и теперь могли, что называется — жить! В партийных документах, в прессе отмечалось усиление среди членов партии и, в частности, среди руководящих работников пьянства, взяточничества, стремления к личному обогащению, падение дисциплины и т.д.[62] Все это не могло не вызвать обеспокоенности со стороны наиболее идейной части РКП (б). Поэтому одна из основных задач партии в период НЭПа, по мнению дорожащего идеалами коммунизма Арона Сольца, заключалась в достижении того, чтобы «окружающая буржуазно-мещанская среда не разложила РКП (б) как революционную силу, как борющийся авангард пролетарской революции»[63]. Комиссия агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП (б), работавшая в 1922 г., сделала вывод, что важным направлением в работе с идейно и морально неустойчивыми коммунистами должно стать «всемерное углубление их политического и марксистского образования»[64]. Октябрьский пленум ЦК 1923 г. записал решение о необходимости «усиления борьбы с излишествами и разлагающим влиянием нэпа на отдельные элементы партии»[65]. А XIII партконференция (январь 1924 г.) уже самым серьезным образом подчеркивала: «Объективные противоречия данной стадии переходного периода, вытекающие из одновременного существования самых различных хозяйственных форм, из наличности рыночных отношений, из необходимости для государственных учреждений применять капиталистические формы и методы практической работы <...> сказываются в целом ряде отрицательных тенденций, борьба с которыми должна быть поставлена в порядок дня. К числу таких тенденций относятся <...> опасность нэповского перерождения части работников, по роду своей деятельности наиболее близко соприкасающихся с буржуазной средой, наблюдающаяся бюрократизация партийных аппаратов и возникающая отсюда угроза отрыва партии от масс»[66].

Также следует указать на целый ряд чисто агитационных задач, стоящих перед агитпропами, а именно: выборные компании в государственные и общественные организации, решения всяческих социальных и хозяйственных проблем, поддержка внешнеполитических акций, проведение революционных праздников, борьба

[62] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 340. — Л. 7. ЦГАИПД. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 51–58. Коммунист. — 1922. — 19 сентября.

[63] Правда. — 1922. — 21 января.

[64] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 294. — Л. 103.

[65] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 767.

[66] Там же. — С. 772.

с церковью, приобщение к культуре, внедрение гигиены и охраны труда, организация быта и т.д.

Однако при всех этих конкретных задачах нужно иметь в виду, что у большевиков имелась в идеологическом плане еще и самая общая, можно сказать, святая и все подчиняющая себе сверхзадача. Она заключалась в том, чтобы из того во многом, по их мнению, никчемного «человеческого материала», который достался им от проклятого прошлого, сделать, воспитать, вырастить нового человека. Такого, который был бы способен не только понять и оценить великие большевистские устремления, но и непосредственно стать полноценным элементом будущего коммунистического общества — вполне сознательным и коммунистичным во всех отношениях. Большевики хотели сделать людей счастливыми, а для этого перевоспитать их, то есть научить правильно думать, работать, отдыхать, любить, ходить, питаться, одеваться и вообще — дышать и существовать. В одной из резолюций X съезда прямо заявлялось: «Коммунизм строится из того человеческого материала, который оставлен нам в наследство капитализмом. ... Перерабатывание всех этих элементов <...> приспособление их к делу строительства коммунистического общества является одной из важнейших задач»[67].

В Программе РКП (б) также говорилось: «Задачей партии является в настоящий момент преимущественно идейная и воспитательная работа над тем, чтобы уничтожить до конца все следы прежнего неравенства или предубеждения, особенно среди отсталых слоев пролетариата и крестьянства»[68]. Или: «Школа должна быть <...> проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс, в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм»[69].

Ленин неустанно говорил о том, что нужно создавать практически новый тип человека: «Надо перевоспитать массы, а перевоспитать их может только агитация и пропаганда»[70]. Он был убежден: «Для работников просвещения и для коммунистической партии, как авангарда в борьбе, должно быть основной задачей — помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые

[67] Десятый съезд РКП (б). — С. 594.

[68] Восьмой съезд РКП (б). — С. 395.

[69] Там же. — С. 400.

[70] Ленин В. И. Речь на всероссийском совещании политпросветов // ПСС. — Т. 41. — С. 408.

привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс. <...> Трудящиеся массы, массы крестьян и рабочих, должны побороть старые навыки интеллигенции и перевоспитать себя для строительства коммунизма»[71]. Или вот характерное высказывание: «Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвещения — осуществить эту переделку массы»[72].

Николай Бухарин, выступая с докладом о партстроительстве на VIII конференции РКП (б) в декабре 1919 г., подчеркивал: «Наша задача заключается не только в том, чтобы из работника делать сознательного коммуниста и хорошего агитатора и пропагандиста, а также и в том, чтобы сделать из него общественного работника, строящего социалистическое, или коммунистическое, общество. Эта задача является центральной нашей задачей»[73].

В одной из резолюций XII съезда РКП (б) (апрель 1923 г.) также, в частности, говорилось: «Партийные органы в центре и на местах должны повсюду ставить одну и ту же основную задачу: готовить из рабочего и крестьянина практического работника революции, вооруженного методами марксистского подхода к конкретным вопросам революционного строительства»[74].

То есть в большевизме красной нитью через все его существо проходит идея необходимости перевоспитания людей и выработки у них совершенно новых, коммунистических качеств, принципиально отличающихся от свойственных буржуазно-демократическому обществу в смысле идейной сознательности, дисциплины, желания трудиться без стимулов, отрицания общечеловеческой морали и т.д. То, что впоследствии из этого получилось, философ Александр Зиновьев сформулировал так: «Индивид в коммунистическом обществе с рождения живет в сфере мощнейшей системы воздействия, которая успешно творит из него “нового человека”, удовлетворяющего принципам этого общества. Здесь выпускаются в массовых

[71] Ленин В. И. Речь на всероссийском совещании политпросветов // ПСС. — Т. 41. — С. 404.

[72] Там же. — С. 406.

[73] Восьмая всероссийская конференция РКП (б). Протоколы. — М.: 1934. — С. 159.

[74] Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. — М.: 1968. — С. 706.

масштабах превосходно сделанные существа, лишенные каких бы то ни было социально-нравственных устоев и готовые на любую мерзость, какая от них потребуется, смотря по обстоятельствам. <...> Люди здесь по своему положению в коммунах воспринимают друг друга не как целостные автономные существа, содержащие в себе все ценности мира, а лишь как частичные функции целого. Здесь практически действует принцип: незаменимых людей нет. <...> В коммунистическом обществе огромная масса людей профессионально или почти профессионально занимается тем, что низводит человека до уровня ничтожной ползучей твари»[75].

Как можно было создать нового человека — такого, который бы свято верил (или самозабвенно делал вид, что верит) в большевистские установки про грядущий рай на земле, был послушен воле руководителей коммунистической партии и готов отдать за новые идеалы свои собственность, семью, честь и самое жизнь? Это возможно было сделать только посредством тотальной идеологической обработки людей и превращения их из самостоятельно мыслящих свободных индивидуальностей, имеющих возможность получать весь спектр информации и делать выбор, в идеологически стерильную армию запрограммированных зомби. Такую систему большевикам и предстояло создать.

[75] Зиновьев А. Указ. соч. — С. 142, 143, 146. Еще раз подчеркнем, что мы приводим формулировки Александра Зиновьева в основном как наблюдательного субъекта советского общества, а не политолога-аналитика, ибо в последнем качестве он крайне слаб ввиду исключительных субъективизма, непоследовательности и противоречивости своих воззрений. Как уже говорилось, Михаил Геллер очень метко назвал Александра Зиновьева автором, который точно описывает эпидемию, будучи и сам ею зараженным.

Глава 3

Ленин нечестно мыслит

Знание, абсолютно уверенное в том,
что оно безошибочно, — это вера.

Евгений Замятин, «Мы»

1

Большевистская государственная пропаганда имела целый ряд характерных, присущих ей органически черт, или особенностей. Важнейшей из них следует признать демагогический характер. Более того, если бы нужно было охарактеризовать коммунистический агитпроп одним единственным словом, его можно было бы смело назвать «демагогия», то есть побуждение людей к определенному образу мышления и поведения с помощью ложных аргументов, невыполнимых обещаний, извращения фактов, потворства низменным инстинктам и страстям малограмотных масс, манипулирования людьми путем привлекательных призывов и лозунгов, лишенных реального обеспечения, и т. д.

Это качество большевистской пропаганды исходило прежде всего из самой природы марксизма как ложной общественной теории, по выражению академика Александра Яковлева, «утопии, игры фантазии, злого обмана, игры на инстинктах, спекуляции на реальных социальных уродствах и противоречиях»[1], в истории развития которой всегда присутствовало устойчивое давление заранее принятой идеологической схемы на отбор, обработку и трактовку фактов. Образно говоря, первичен был «Манифест коммунистической партии» с его заклинанием «призрака коммунизма», а вторичен «Капитал» с претензией на научный экономический анализ, который все-таки не выдерживал никакой квалифицированной критики ни по одному из

[1] Яковлев А. Большевизм — социальная болезнь XX века // Курутуэ С., Верт Н. и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. — М.: 2001. — С. 31.

своих центральных положений, а особенно в части теории трудовой стоимости и прибавочной стоимости[2]. Однако первых научных коммунистов никакая критика их учения абсолютно не смущала, потому что они ее попросту игнорировали.

Историк и экономист Том Бетелл констатировал по этому поводу: «Марксисты, начиная с “Манифеста”, отбросили, как не заслуживающие обсуждения, все проблемы, которые неизбежны при разрушении одного из самых фундаментальных общественных институтов — [частной собственности]. Основатели коммунизма того времени и не предвидели никаких трудностей, и не рассматривали их, на что позднее обратил внимание кембриджский экономист Альфред Маршалл, отмечавший, что социалисты “не изучают доктрины, подвергающие их нападкам”. Они удовлетворялись широковещательными заявлениями об исторической необходимости и едко высмеивали всякого, кому хватало смелости не согласиться с ними. <...> Маркс не столько призывал к уничтожению частной собственности или к победе пролетариата, сколько предсказывал эти события. Проповедь была замаскирована под пророчество»[3].

Между тем, в то время как Маркс, Энгельс, Ленин и все другие коммунисты и социалисты XIX–XX веков видели в капитализме, то есть строе, основанном на частной собственности и рынке, лишь исключительный негатив, обреченный на свалку истории, экономисты, исповедовавшие действительно научные, объективные подходы, прозорливо оценивали его суть и перспективы совсем по-другому. Вот как можно передать квинтэссенцию такого взгляда в формулировке крупнейшего либерального мыслителя XX века, яркого представителя «австрийской» экономической школы Людвига фон Мизеса: «Отличительной чертой современного капитализма является массовое производство товаров для массового же их потребления. Результат этого — тенденция к постоянному повышению среднего уровня жизни, постепенное обогащение многих. Капитализм превращает “простого человека” из пролетария в “буржуа”. На рынке в капиталистическом обществе простой человек является полноправным хозяином-потребителем, который, покупая или воздерживаясь от покупки, в конечном сче-

[2] Глубокая и содержательная критика экономического учения Карла Маркса содержится в книге Певзнера Я. А. Крах коммунизма и современные общественные отношения. — М.: 1999. См. также: Бем-Баверк О. Критика теории Маркса. — М.: 2002. Вышеславцев Б.П. Философская нищета марксизма. // Сочинения. — М.: 1995.

[3] Бетелл Т. Указ. соч. — С. 161.

те, определяет, что и в каком количестве должно производиться, какого качества оно должно быть. Магазины и заводы, удовлетворяющие исключительно или преимущественно нужды более состоятельных членов общества в предметах роскоши, играют лишь подчиненную роль в условиях рыночной экономики. Они никогда не достигают размаха большого бизнеса, ибо большой бизнес всегда — прямо или косвенно — обслуживает массы. Именно в этом возрастании роли масс состоит радикальный социальный переворот, совершенный "промышленной революцией". Те социальные низы, которые в предыдущие эпохи составляли толпы рабов и крепостных, бедняков и нищих, становятся теперь покупающей публикой, ради которой старается бизнесмен. Они-то и есть тот клиент, который "всегда прав", полновластный хозяин, который способен сделать бедного поставщика продукции богатым, а богатого — бедным. В условиях рыночной экономики уже не нужны вельможи и чиновники, держащие в повиновении чернь и собирающие с нее налоги и подати, чтобы предаваться шумным пирам, оставив на долю простолюдина краюху черного хлеба. Капиталистическая система производства позволяет преуспевать лишь тем, кто научился как можно лучше и при минимальных затратах удовлетворять нужды людей. Разбогатеть можно только обслуживая потребителя. Капиталист неизбежно теряет состояние, если он не сумел или не успел вложить его в дело для наилучшего удовлетворения общественных потребностей. В этом ежедневном плебисците, где каждый грош дает право голоса, именно потребители определяют, кому владеть и управлять заводом, магазином, фермой. Контроль за материальными средствами производства является теперь общественной функцией, одобряемой или отвергаемой Его Величеством Потребителем. А вот что представляет собой в этих условиях понятие свободы. Любой взрослый индивидуум имеет возможность моделировать свой образ жизни по собственному плану. Никто не принуждает его жить согласно единственно допустимому плану, навязываемому властями с помощью полиции, т.е. общественного аппарата принуждения»[4].

Мизес подчеркивал, что только рынок способен сделать так, чтобы, преследуя исключительно свои собственные интересы, индивидуум в то же время действовал на благо всего общества в целом. Никакого другого способа совместить интересы личности и общества

[4] Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. — М.: 1993. — С. 34.

нет[5], и разрушение рынка, как этого всегда хотели марксисты, неизбежно ведет к разрушению и самого человеческого общества.

При этом, не говоря об уже самых первых экономистах «австрийской» школы конца XIX в. (Карл Менгер, Ойген Бем-Баверк, Фридрих Визер и др.[6]), не оставлявших в своих трудах сомнения в неправоте Карла Маркса, даже один из первых виднейших марксистов Эдуард Бернштейн, вынужден был в 1899 г. признать, что в «Капитале» во многих главах (особенно в знаменитой 24-й) «дается одностороннее и недостаточное изображение фактов, чтобы приспособить его к заранее диалектически построенной схеме». Такой подход, по его мнению, был свойственен и Карлу Каутскому в ранний период, который «должен насиловать факты, чтобы согласовать их с традиционными формулами доктрины»[7]. В том же году и русский марксист Петр Струве опубликовал анализ социальной теории Маркса, в котором вскрыл ее непоследовательность, показав, что, исходя из описанных в «Капитале» предпосылок, если социализм и грядет, то исключительно в ходе эволюции, но никак не революции. Более того, Струве, как и «австрийцы», подверг уничтожительной критике центральное для марксизма понятие «стоимости», придя к выводу, что это категория не научная, а некая метафизическая[8]. Также, например, философ Сергей Булгаков, будучи в молодости марксистом, в 1900 г. в книге «Капитализм и земледелие» обосновал, что в области сельского хозяйства Марксов закон концентрации производства совершенно не действует, и здесь характерна, наоборот, тенденция к децентрализации. Для аграрной России это был крайне важный вывод. В целом следует констатировать, что к рубежу столетий былая мода на марксизм в среде научной интеллигенции как Европы, так и России стала сходить на нет.

---

[5] Как известно, приоритет открытия этой «невидимой руки» рынка принадлежит Адаму Смиту: «Ни один индивид <...> не действует в общественных интересах, не знает, насколько он соблюдает общественные интересы <...> Он только преследует свои собственные цели. И в этом, и во многих других случаях им движет невидимая рука, которая приводит в итоге к тому, что не входило в его намерения. <...> Преследуя собственные интересы, человек часто более эффективно преследует интересы общества, чем когда он на самом деле собирается действовать на благо всех людей». (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: 1962. — С. 332).

[6] См. Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке. — М.: 2009. Сото Х. У. Австрийская экономическая школа. М., 2007. Хайек Ф. Дорога к рабству. — М.: 2005.

[7] Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. — Спб.: 1902. — С. 329, 374.

[8] Пайпс Р. Струве: левый либерал. — М.: 2001. — С. 320–327.

Между тем, Ленин полностью оставался в плену утопических построений и был обуреваем лишь одной идеей — подготовкой социалистической революции. Его труды, являясь евангелием для партийной пропаганды, сплошь и рядом просто игнорировали доводы противников большевизма, подменяли поиски серьезных контраргументов эмоциональными обвинениями в «оппортунизме», «лакействе», «ренегатстве» и т.д. Ленинские работы, претендующие по замыслу на серьезные научные исследования, например, «Развитие капитализма в России» (1899), «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), «Государство и революция» (1918) и др. в действительности явно не выдерживали критики и среди специалистов никакими гениальными трудами никогда не считались. (В отличии, конечно, от тех произведений Ленина, которые были посвящены политической тактике — «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» и др. — и которые поныне являются поистине непревзойденными пособиями для любого рода экстремистской, подрывной деятельности, оставаясь золотым фондом в духовном багаже тоталитарных движений. В данном контексте Ленина вполне можно было охарактеризовать определением, данным его соратником еще по «Искре» Александром Потресовым — «злодейски гениальный»[9]).

Известный русский экономист, причем социалист и поборник кооперации, Михаил Туган-Барановский писал о Ленине: «Экономист, теоретик, исследователь он ничтожный. <...> Говорят о его книге “Развитие капитализма в России”, но ведь она слаба, лишена настоящего исторического фона, полна грубых промахов и пробелов»[10]. От авторов, критикующих Маркса, Ленин, по утверждению Туган-Барановского, просто сознательно отворачивался. Что же касается книги «Государство и революция», рисующей картины социалистического общества, то она была настолько утопической, фантастической и даже парадоксально наивной, что воспринимать ее всерьез могли только такие же, как Ленин, революционные фанатики и никто более. «Большевизм останется темной страницей в истории социализма»[11], — констатировал, например, марксист-центрист Карл Каутский, легко превращавшийся в глазах Ленина по мере своего поправения из когда-то обожаемого учителя в «ренегата» и «сладенького дурачка Каутского»[12].

---

[9] Резов Э. Указ. соч. — С. 295.

[10] Цит. по: Ципко А. С. Насилие лжи или как заблудился призрак. — М.: 1990. — С. 197.

[11] Каутский К. Большевизм в тупике. — М.: 2002. — С. 296.

[12] Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // ПСС. — Т. 37. — С. 263.

Крупнейший русский мыслитель Николай Бердяев был также убежден, что как ученый-философ Ленин очень слаб[13]. Философ и историк русской философской мысли Николай Лосский писал в этой связи: «Бердяев справедливо замечает, что “диалектический материализм марксистов-ленинцев приписывает материи божественные атрибуты”. Непонятно, на каких основаниях они называют эту основную реальность “материей”. Не будучи материалистами в подлинном смысле слова, марксисты представляют свое мировоззрение материалистическим при помощи умолчаний или туманных и неточных утверждений»[14]. Весьма примечательно и мнение философа Сергея Булгакова. На вопрос, как он оценивает творчество Ленина, Булгаков однажды ответил: «Ленин нечестно мыслит. Он загородился броней ортодоксального марксизма и не желает видеть, что вне этой загородки находится множество вопросов, на которые марксизм не может дать ответ. Ленин их отпихивает ногой»[15].

Аналогичного мнения придерживался известный философ и публицист Федор Степун, называвший Ленина «рабом своего революционного мифа», у которого «с догматической косностью духа уживается изумительная подвижность услужающей мысли, изумительная способность оправдания и применения своей догмы»[16]. При этом Степун так характеризовал Ленина: «Он говорил изумительно убедительно, но и изумительно бессмысленно. Основной чертой психологии и идеологии его речей была не простота, а какое-то ухарски-злостное упростительство»[17]. С этим были согласны, например, первый русский марксист Георгий Плеханов, считавший, что Ленину свойственен прежде всего «невероятный дар упрощения»[18], и публицист Петр Рысс, утверждавший: «Едва ли не самым для него характерным является сематичность его ума, — отсюда небрежность во всем. <...> Ленин — само упрощение. <...> Примитивная вера, примитивная прямолинейная логика, примитивная идеология и примитивные инстинкты при полном неуважении и недоверии к культуре и к опытности старой мудрой Европы — вот что составляло отличительные

[13] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: 1990. — С. 96–97, 100.

[14] Лосский Н. Указ. соч. — С. 498.

[15] Цит. по: Ципко А.С. Указ. соч. — С. 195.

[16] Степун Ф. Мысли о России // Новый мир. — 1991. — № 6. — С. 232–233.

[17] Цит. по: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме. — СПб.: 1999. — С. 32.

[18] Цит. по: Степун Ф. Указ. соч. — С. 207.

черты большевизма»[19]. Интересно, что Ленин и сам не отрицал своего стремления к этому упрощению. По воспоминаниям М. Горького, он говорил: «Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто»[20].

А вот мнение бывшего соратника Ленина, уже упоминавшегося Николая Валентинова (Вольского): «Ленин умел гипнотизировать свое окружение, бросая в него разные словечки; он бил ими, словно обухом, по голове своих товарищей, чтобы заставить их шарахаться в сторону от той или иной мысли. Вместо долгих объяснений — одно только словечко должно было вызывать, как в экспериментах проф. Павлова, "условные рефлексы". В 1903 г. таким словечком было "акимовщина", в следующие годы появились другие: "ликвидатор", "отзовист", "махист", "социал-патриот" и т.д. Спастись от гипноза штампованных словечек можно было лишь далеко уходя от Ленина, порывая с ним связь»[21].

Очень характерны воспоминания Надежды Крупской о том, как Ленин подходил к полемике с противниками: «Владимир Ильич тщательно конспектирует высказывания «критиков», выбирает и выписывает особо яркие и характерные места и противопоставляет им высказывания Маркса. Тщательно анализируя высказывания "критиков", он старается показать их классовую сущность, выпукло ставя наиболее важные и больные вопросы»[22]. То есть Ленина совершенно не заботило выявление аргументации по существу вопроса. Первым делом он стремился обосновать свою позицию ссылками на Маркса и показать классовую сущность соперника, а именно то, что он льет воду на мельницу капитализма. После этого оппонент просто терял для Ленина всякий интерес. «Мы над теми, кто относится отрицательно к диктатуре пролетариата, смеемся и говорим, что это глупые люди, не могущие понять, что должна быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии. Кто говорит иначе, либо идиот, либо политически <...> неграмотен. <...> А кто мечтает о середине — самый вредный и опасный нам противник»[23], — вот типичная, характерная для Ленина аргументация его позиции. (Соответственно, после смерти вождя самым главным в советской жизни было найти для обоснования тех или

[19] Рысс П. Я. Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. — Париж: 1921. — С. 116.

[20] Цит. по: Майсурян А. Указ. соч. — С. 211.

[21] Цит. по: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Указ. соч. — С. 371.

[22] Крупская Н. К. Как Ленин работал над Марксом. // Педагогические сочинения. — Т. 9. — С. 493.

[23] Ленин В. И. Успехи и трудности Советской власти // ПСС. — Т. 38. — С. 56.

иных действий соответствующую цитату из самого Ленина. Все, что не соответствовало классику, было антисоветским, преступным.)

Ленинские «нечестное мышление», «дар упрощения», «гипнотизирование словечками», заведомое отрицание всего некоммунистического, слепая вера в истинность исходных постулатов марксизма делали невозможным объективное исследование фактов. В данной связи следует отметить, что многие мыслители указывали на религиозную природу большевизма. Так, Бертран Рассел писал: «Большевизм является религией. Его догмы также далеко отстоят от очевидности или противоречат ей... Принимающие большевизм становятся невосприимчивыми к доказательствам науки и совершают интеллектуальное самоубийство»[24]. «Раб догмы»[25], — так называл Ленина в 1917 г. Максим Горький.

Ленин был, разумеется, исключительно одаренным человеком. Но после казни его брата Александра в 1887 г. и последовавшего спустя несколько месяцев исключения 17-летнего Владимира из Казанского университета в него словно вселился бес ниспровержения основ того общества, в котором семья Ульяновых оказалась на совершенно незнакомом для нее раньше при жизни Ильи Николаевича маргинальном положении[26]. Буквально в один год, будучи высланным в материнское имение Кокошкино и проживая там без определенных занятий, Ленин, начитавшись Чернышевского, стал патологическим революционером. При этом он очень быстро, по его собственному свидетельству, к 1889 году, нашел и наиболее психологически близкую для него систему взглядов в виде марксизма, придававшего истории человечества умозрительный смысл и порядок и указывавшего пути разрушения существующего обще-

[24] Рассел Б. Практика и теория большевизма. — М.: 1991. — С. 65–66.

[25] Горький М. Вниманию рабочих. // Новая жизнь. — 1917. — 23 ноября. — С. 151–152.

[26] «Владимир Ильич рассказал мне однажды, — писала Крупская, — как отнеслось общество к аресту его старшего брата. Все знакомые отшатнулись от семьи Ульяновых, перестал бывать даже старичок-учитель, приходивший раньше постоянно играть по вечерам в шахматы». «Ни одна либеральная каналья симбирская, — говорил Владимир, — не отважилась высказать моей матери словечко сочувствия после казни брата. Чтобы не встречаться с нею, эти канальи перебегали на другую сторону улицы». «Эта всеобщая трусость, — продолжала Крупская, — произвела, по словам Владимира Ильича, на него тогда очень сильное впечатление. Это юношеское переживание, несомненно, наложило печать на отношение Владимира Ильича к обществу, к либералам». (Майсурян А. Другой Ленин. — М.: 2006. — С. 15).

ства. Все, что соответствовало этому мироощущению, Ленин впоследствии талантливо и со страстной энергией поднимал на щит, все, что противоречило, презрительно отвергал с порога. «Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией»[27], — восторженно писал Ленин о марксизме. Он уверовал в новое учение с истовостью религиозного фанатика и стал человеком, непоколебимо убежденным, что он воплощает законы истории и при этом единственный на планете правильно понимает учение Маркса.

Историк Ричард Пайпс по этому поводу отмечал: «С того момента, когда Ленин сформулировал теоретически и практически доктрину большевизма, вокруг него как бы сомкнулась невидимая стена, за которую не могла проникнуть ни одна чуждая мысль. Вследствие этого ничто не могло изменить его мнения. Он относился к той категории людей, о которых маркиз де Кюстин сказал: они понимают все, кроме того, что им говоришь. С ним нужно было либо соглашаться, либо бороться; любое несогласие вызывало прилив разрушительной ненависти, стремление стереть противника с лица земли. <...> В конце концов этот изъян подорвет его попытку построить новое общество, поскольку мысль о том, что люди могут жить в мире и согласии, была ему недоступна»[28].

Однако принятое и развиваемое Лениным учение оказалось ложным, утопическим[29], а значит, при попытках воплотить его в жизнь и при этом сохранить поставленные изначально высшие задачи, его сторонникам, испытывающим закономерные провалы в своей

---

[27] Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // ПСС. — Т. 23. — С. 40.

28 Пайпс Р. Русская революция. — Кн. 2. — С. 22.

[29] «Марксистская схема эволюции создавалась так. В человеческой истории из разных мест планеты и разных эпох вырывались отдельные куски. Они отбирались по определенным критериям и располагались в умозрительный упорядоченный ряд, который рассматривался как закономерные этапы развития общества. Но разбросанные в пространстве и во времени фрагменты истории не являются историей чего-то одного, как бы эти фрагменты не упорядочивались теоретиками. <...> В природе вещей вообще и в природе общества в частности не заложено никакой необходимости прогресса. Прогресс возможен, но он не необходим, ибо не все существующее необходимо. <...> Хотя марксизм рождался с претензией на науку (причем высшей и единственной в своем роде), он превратился в классический образец идеологии, а его термины и высказывания превратились в чисто идеологические феномены, лишенные всякого научного смысла». (Зиновьев А. Коммунизм как реальность. — М.: 1994. — С. 39, 40, 46).

деятельности, необходимо было как-то объяснять несоответствия и неудачи, изворачиваться, лгать, сваливать на кого-то другого вину за практические результаты, обосновывать стратегические и тактические перемены, выдавать действительное за желаемое, морочить людям голову все новыми схоластическими доказательствами истинности целей и средств и т.д.

То есть самая главная, центральная социалистическая идея марксизма-ленинизма о том, что ликвидация частной собственности приведет к построению счастливого, благополучного общества, являлась базой для неизбежного развития большевистской демагогии. И чем больше пытались большевики реализовать свою политическую программу, тем эта ложь становилась все необъятнее, глубже и изворотливее. Причем очень часто в эту ложь верили и сами ее творцы, отчего она, разумеется, не становилась менее демагогичной. Этот вопрос встал уже на VIII партконференции в декабре 1919 г., когда, намечая план лекций в системе политграмоты, Николай Бухарин пояснял: «Третья лекция называется “Почему у нас тяжело жить?”. Она должна разрешить психологическое противоречие, которое у некоторых является: “Каким образом вы говорите о такой хорошей вещи, как коммунизм, и в то же время в нашей Советской республике, которая идет к коммунизму, жрать нечего?” Это противоречие нужно разрешить в первую голову. На этот вопрос нужно в первую голову ответить»[30]. (И действительно, почему в распрекрасной советской стране на каждом шагу встречаются дефицит и очереди, а трудящиеся в капиталистических странах живут не в пример лучше, коммунистической пропаганде пришлось потом объяснять советским гражданам ежедневно и ежечасно в течение всего существования СССР.)

При этом Ленин и не скрывал, что не видит ничего плохого в использовании клеветы и обмана, в том числе и рабочих, если это служит его политическим целям. Так, например, когда в 1907 году он публично написал, что меньшевики предали рабочий класс, и должен был предстать перед партийным судом объединенной тогда РСДРП по обвинению в клевете, Ленин безапелляционно заявил: «Именно эта формулировка как бы рассчитана на то, чтобы вызвать у читателя ненависть, отвращение, презрение к людям, совершающим такие поступки. Эта формулировка рассчитана не на то, чтобы убедить, а на то, чтобы разбить ряды, — не на то, чтобы поправить

[30] Восьмая Всероссийская конференция РКП (б). Протоколы. — М.: 1934. — С. 157.

ошибку противника, а на то, чтобы уничтожить, стереть с лица земли его организацию. Эта формулировка действительно имеет такой характер, что вызывает самые худшие мысли, самые худшие подозрения о противнике, и действительно, в отличие от формулировки, убеждающей и поправляющей, она «вносит смуту в ряды пролетариата»[31]. Такая позиция заставила содрогнуться даже многих сторонников Ленина, ведь в то время различие между меньшевиками и большевиками внутри РСДРП воспринималось еще как некое досадное недоразумение. Но Ленин уже четко относил недавних своих боевых товарищей к злейшим врагам и не оставлял для них ни малейшей надежды на проявление им элементарной порядочности.

2

И действительно, следует со всей очевидностью признать, что весь путь Ленина к власти и во власти — это непрерывная цепь вольного или невольного обмана и самообмана, введения в заблуждение всех вокруг и себя самого, лжи, клеветы, хитрости, коварства, оговоров, предания забвению клятвенных обещаний, придумывания причин неудач и новых курсов, приписывания своей партии чужих заслуг, резонерства, безапелляционного отказа от своих же утверждений, интриг и т.д. «Тотальная ложь» — так охарактеризовал академик Яковлев главнейший метод реализации вождем большевизма своих целей, добавляя, что, например, «Геббельс только повторял Ленина, требуя былинной клеветы на все тот же “проклятый” демократический Запад»[32]. Причем, в отличие от представителя любой другой партии, стоявшей на почве общечеловеческих ценностей, Ленин использовал эти приемы не в виде какого-то заведомого нарушения признаваемых им общепринятых правил, а, напротив, возведя в ранг нормального поведения, а после октября 1917 г. еще и государственной системы. «Конечно, политика — это профессия, в которой трудно сохранить моральную чистоту. Многие политические деятели давали обещания, которых потом не исполняли, или прямо обманывали народ, но не было такого разностороннего и такого искусного мастера политического обмана, как Ленин. Все лозунги, провозглашенные им в 1917 году, все его обещания и заявления по основным вопросам внутренней и внешней политики

[31] Ленин В. И. Доклад V Съезду РСДРП // ПСС. — Т. 15. — С. 296–297.

[32] Яковлев А. Указ. соч. — С. 9.

представляли собой преднамеренный обман»[33], — утверждал историк большевизма Сергей Пушкарев.

Нелады с честностью начались у Ленина уже при попытке опубликовать первую работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Вот как этот эпизод описал Н. Валентинов: «Заразившись с 1887 года, под влиянием сочинений Чернышевского, дикой ненавистью к либералам и либерализму вообще, он считал, что не может и не должен иметь никаких отношений с этой мерзкой породой “общественной фауны”. Однако желание напечатать написанную статью у него было столь велико, что, несмотря на пылающее презрение к либералам, Ленин послал свою статью в редакцию московского либерального журнала “Русская Мысль”. Редакция печатать её отказалась. Совсем не потому, как Ленин со злобой уверял Туган-Барановского, что боялась заложенных в статье марксистских идей, а по другой и простой причине: эта прославленная советскими биографами работа была лишь сдобренным ненужными словечками простым пересказом замечательной книги В.Е. Постникова “Южнорусское крестьянское хозяйство”, вышедшей в Москве в 1891 году. Отказ проклятых либералов напечатать его произведение был для Ленина большим ударом по его самолюбию (а оно уже тогда было непомерным), и он долгое время скрывал от всех своё обращение в “Русскую Мысль”. Книгу же Постникова Ленин ещё раз широко использовал в своём исследовании «Развитие капитализма в России»[34].

С самого начала своей революционной деятельности Ленин заслужил репутацию энергичного и целеустремленного интригана, генерирующего постоянные скандалы в редакции газеты «Искра», а затем и в руководстве РСДРП. При этом Ленин был необычайно сильный и коварный противник. Ведь даже сам термин «большевики» являлся по отношению к его сторонникам, по совести сказать, не вполне правомерным, поскольку и в основных дебатах на II съезде в 1903 г. (особенно до ухода Бунда), и сразу после форума, и затем еще много лет спустя большевики были по большей части как раз в меньшинстве, и порой, например, в 1904 г., просто в самом плачевном состоянии, даже без газеты, но Ленин сознательно закрепил это название за своей фракцией, зная, что таким образом в итоге выиграет в общественном мнении. (Хотя вслух впоследствии отзывался об этом слове — «больше-

[33] Пушкарев С. Г. Ленин и Россия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lenin-rus.narod.ru/00.htm, свободный.

[34] Валентинов Н. В. (Н. Вольский) Малознакомый Ленин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/UnnownLenin/index.htm, свободный.

вики» — как о чем-то стихийно и само собой произошедшем, чуть ли не нелепом. Между тем в 1917 г. была запущена такая политическая шутка, что большевики — это те, кто побольше за народ, а меньшевики — те, что поменьше.) Наряду с этим Ленин активно практиковал метод подрыва законных институтов РСДРП, когда оказывался в них в меньшинстве, создавал неправомочные параллельные организации с таким же названием и бросал все силы, чтобы всячески опорочить своих недавних соратников и личных друзей. (Об этом полны воспоминания бывших соратников Ленина, см. ниже).

Не ограничиваясь интригами на чисто политической почве, Ленин не гнушался и элементарным финансовым мошенничеством. Так, например, в 1907 г. он попросил Максима Горького оказать посредничество для заключения займа у владельца мыловаренных предприятий Фельца для организации Лондонского съезда. Тот, доверившись известному писателю, дал денег, но только до 1 января 1908 г. Однако Ленин и не думал отдавать долг, велев написать англичанину, что условия в России изменились и требовать теперь деньги было бы с его стороны ростовщичеством. Ссуда была возвращена лишь в 1923 г. по настоянию Л. Красина, который работал тогда полпредом в Англии и испытывал большие неприятности от такого былого некрасивого поступка большевиков. Позднее лидер меньшевиков Юлий Мартов обвинял Ленина в отказе отдавать крупные суммы партийных денег неоднократно.

Самым деструктивным образом вел себя Ленин и, например, в части думской деятельности большевиков в 1907–1914 гг. С одной стороны, он выступал за участие социал-демократов в выборах и затем в работе законодательного органа власти. Но с другой — убеждал депутатов-большевиков, что «никаких законов, облегчающих положение рабочих, черносотенная Дума никогда не примет». Когда однажды депутат-рабочий Бадаев с товарищами приехал в эмиграцию к Ленину советоваться относительно поправок к законопроекту по государственному бюджету, тот высмеял его, сказав, дескать, миляга, зачем тебе бюджет, поправки, кадетский законопроект? Ты внеси им «законопроект» такой, что через три года мы вас повесим на фонарях. Вот это будет настоящий законопроект! Более того, рассказывали, что депутаты-большевики даже брали уроки у уличных мальчишек, обучаясь искусству громко свистеть. В громком шиканье и свисте, собственно, и заключалась их роль в Государственной думе[35]. А ведь Программа партии кадетов, вопреки ленинской заведомой клевете на них, содержала как раз требования развитого рабочего законодательства с восьмичасовым

[35] Майсурян А. Указ. соч. — С. 181.

рабочим днем, правом стачек, независимой трудовой инспекцией, охраной труда, выборами рабочих в комиссии по трудовым спорам, государственным и корпоративным страхованием, установлением уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда[36]. Именно такие законопроекты и обеспечивали в Европе радикальное улучшение положения трудящихся.

В период Первой мировой войны публично Ленин клеймил ее как величайшее преступление, а в частных письмам просто потирал руки от удовольствия и в 1913 г., например, писал: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции штукой»[37].

Не имея возможности во время первых месяцев войны получать деньги из России за счет «эксов» и пожертвований, Ленин придумал другую сомнительную в моральном отношении тактику: он писал во все концы тревожные письма с рассказами, что жить нечем и нужны средства, иначе ему «не продержаться». При этом Крупская, выражая позицию Ленина, как-то объясняла в частном разговоре: «Нужно писать так, чтобы <...> разжалобить, иначе товарищи из России нам не пришлют денег. Нужно, чтобы они верили, что если не получим немедленно денег, мы все погибли. Письма должны быть слезливыми»[38].

Поведение Ленина в дореволюционный период хорошо характеризует оценка Максима Горького, который долгие годы был с ним близок, но в конце концов не выдержал безапелляционных оскорблений вождя в оппортунизме и написал в 1913 г. ему письмо-отповедь, а далее пять лет принципиально с ним не встречался и не переписывался. Вот как Горький сам рассказывал о том, что же конкретно было в его письме Ленину: «Написал, что он очень интересный человек, ума — палата, воля железная, но те, которые не желают жить в обстановке вечной склоки, должны отойти от него подальше. Создателем постоянной склоки везде являлся сам Ленин. Это же происходит оттого, что он изуверски нетерпим и убеждён, что все на ложном пути, кроме него самого. Всё, что не по Ленину, — подлежит проклятию. Я написал: Владимир Ильич, Ваш духовный отец — протопоп XVII века Аввакум, веривший, что дух святой глаголет его устами и ставивший свой авторитет выше постановлений Вселенских Соборов»[39]. При этом очень характерно, что

[36] Программа Конституционно-демократической партии // Полный сборник платформ всех политических партий. — СПб.: 1906. — С. 15.

[37] Ленин В. И. А.М. Горькому. Январь 1913 г. // ПСС. — Т. 48. — С. 155.

[38] Майсурян А. Указ. соч. — С. 188.

[39] Валентинов Н. В. (Н. Вольский) Н. Малознакомый Ленин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/UnnownLenin/index.htm, свободный.

Ленин, доведя Горького до такого разрыва своими нотациями, будто бы не заметил этого письма и, оказавшись во время войны в непростом финансовом положении, продолжал как ни в чем не бывало обращаться с просьбами напечатать за гонорар написанные им и Крупской статьи в издательстве Горького «Парус». Тот не отвечал на предложения. Но однажды Ленин стороной узнал, что, прочитав рукопись, Горький выразил своё недовольство резкими выпадами в ней Ленина против Каутского. «О, телёнок!» — злобно обругал тогда вождь писателя в письме к Инессе Арманд. И тут же не преминул театрально покрасоваться перед любимой женщиной: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого»[40].

Приехав в демократическую Россию после Февральской революции в апреле 1917 г., Ленин сразу же стал целенаправленно уничтожать демократическое Временное правительство, третировать его, обливать грязью, обвинять, провоцировать недовольство населения его действиями[41], а когда власть очень робко попыталась защититься и призвать распоясавшихся клеветников к суду по подозрению в государственной измене, тогда Ленин с Зиновьевым быстро и привычно ушли в подполье. При этом Ленин уверял массы, что заведомо антинародное Временное правительство не хочет и не может дать народу «ни мира, ни хлеба, ни полной свободы», а вот большевики, то есть «рабочее правительство», готовы дать все и сразу[42].

---

[40] Ленин В. И. И.Ф. Арманд. 18 декабря 1916 г. // ПСС. — Т. 49. — С. 340.

[41] Ленин В. И. Письма из далека // ПСС. — Т. 31. — С. 11–47.

[42] Ленин В. И. Набросок тезисов 4 марта 1917 г. // ПСС. — Т. 31. — С. 2–5. Интересно, что со стороны противников Ленина из демократического лагеря отношение к нему было гораздо более честным. Кадет Владимир Набоков вспоминал: «Помню, Керенский уже в апреле, через некоторое время после приезда Ленина, как-то сказал, что он хочет побывать у Ленина и побеседовать с ним, и в ответ на недоуменные вопросы пояснил, что “ведь он живет в совершенно изолированной атмосфере, он ничего не знает, видит все через очки своего фанатизма, около него нет никого, кто бы хоть сколько-нибудь помог ему ориентироваться в том, что происходит”. Визит, сколько мне известно, не состоялся. Не знаю, отклонил ли его Ленин или Керенский сам отказался от своего намерения». (Цит. по: Майсурян А. Указ. соч. — С. 17). А когда в июне 1917 г. Керенский и Ленин по очереди выступали с трибуны I Съезда Советов, военный министр напомнил, сколь плачевно для революционеров закончилась французская революция и заявил: «Наша задача — не допустить такого же печального конца и русской революции 1917 г. Наша задача заключается в том, чтобы дать возможность товарищу Ленину и дальше говорить здесь, а не возвращаться обратно в Швейцарию». (Там же. — С. 18).

Однако эти обещания после захвата власти выполнены Лениным не были. Как справедливо констатировали в своей «Утопии у власти» историки Михаил Геллер и Александр Некрич, «с первых дней Октябрьской революции партия обманывает рабочих и беднейшее крестьянство, тех, от чьего имени она совершила революцию. Обманывает надеждой на мир, на землю, на управление государством, на социализм — земной рай за углом. В конце 20-х годов обман — бессознательный и сознательный — превращается в ложь, которая в годы первой пятилетки становится Большой Ложью»[43].

Не говоря уже о непостижимом стратегическом обмане с миром (на самом деле лозунгами Ленина были «превращение войны империалистической в войну гражданскую» и «мировая революция»), землей (колхозы были запланированы еще в 1917 г., а программно и с самого начала[44]) и свободой (Конституция 1918 г. закрепила прямую несвободу), верхом политического лицемерия был и вопрос об Учредительном собрании. Ведь Ленин сам яростно критиковал Временное правительство за то, что оно, якобы, тянуло с его созывом, сам в Декрете о земле написал о том, что объявляемые преобразования декларируются лишь до Учредительного собрания. На Втором съезде советов большевики клятвенно пообещали созвать всенародное представительство и признать его властью, от которой «зависит решение всех основных вопросов»[45], в том числе и о государственном устройстве. Население верило этим обещаниям, которые на самом деле Ленин и не собирался выполнять. Большевики попросту разогнали собравшуюся наконец 5 января 1918 г. «Учредилку», да еще и расстреляли разрешенную мирную демонстрацию в ее поддержку.

Более того, придя к власти под лозунгом «Вся власть Советам», Ленин и им не думал давать хоть какую-то власть, а сделал исключительно придатком партийного аппарата, и само понятие «Советская власть» было абсолютным обманом, фикцией, ибо не отражало истинного положения вещей в большевистской России, а сознательно вводило в заблуждение население страны и зарубежное общественное мнение. При этом такими же фикциями, обманом были и другие центральные категории ленинизма — диктатура пролетариата, пролетарская революция, государство рабочих и крестьян, револю-

[43] Геллер М., Некрич М. Указ. соч. — С. 253.

[44] Ленин В.И. Доклад на собрании большевиков — участников всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов 4 апреля 1917 г. // ПСС. — Т. 33. — С. 109.

[45] Гимпельсон Е. Г. Россия на переломе эпох. — С. 15.

ционное правосознание — ибо за ними изначально были сокрыты (вольно или невольно) совсем иные реалии: диктатура партии и вождя, тоталитарное государство, власть бюрократии, беззаконие и т. д.

В 1918–1920 гг. основным мотивом выступлений Ленина (помимо предписаний расстреливать всех и вся) было сваливание всех отрицательных сторон советской действительности на всевозможных врагов, мешающих советскому правительству строить счастливую жизнь. И особенно — на тех, кто срывает продразверстку, за попытку введения которой большевики яростно критиковали в 1917 г. Временное правительство и которую сами стали проводить железной рукой. Но и тут была явная ложь. Полностью провалив централизацию продовольственного дела, большевики все грехи списали на «деревенских богатеев, кулаков» и «спекулянтов», которые «срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба», «срывают твердые цены, спекулируют хлебом»[46], хотя именно благодаря только мешочникам, нелегально продававшим хлеб по городам, и смогло выжить население России в 1917–1921 гг.[47] При этом сначала, посылая продотряды в деревню и объявляя «великий “крестовый поход” против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и топлива для машин»[48], Ленин предписывал: «Спекулянтов отряды расстреливают на месте»[49], «Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет»[50]. А после введения НЭПа он на эти же продотряды из рабочих и свалил всех собак: «Разверстка: у нас такой нажим был, что револьверы к вискам приставляли. Народ возмущен... Но сельское хозяйство из-под палки вести нельзя»[51].

На пути к власти Ленин убеждал всех, что только большевистская партия может вывести страну из кризиса, только марксисты вполне постигли законы истории и знают, как нужно совершать социалистическую революцию, и т.д. Люди верили. А, будучи уже у власти, он признался, что, оказывается, понятия не имел, как и что будет

[46] Ленин В. И. О голоде // ПСС. — Т. 36. — С. 357–364.

[47] Давыдов А. Ю. Мешочники. Нелегальное снабжение российского населения и власть в 1917–1921 гг.

[48] Ленин В. И. О голоде // ПСС. — Т. 36. — С. 361–362.

[49] Ленин В. И. Совещание президиума Петроградского Совета с представителями продовольственных организаций 27 января 1918 г. // ПСС. — Т. 35. — С. 312.

[50] Там же. — С. 311.

[51] Ленин В. И. Записка членам ЦК и наркомам // ПСС. — Т. 42. — С. 384–385.

делать дальше, весьма беззаботно утверждая: «Помнится, Наполеон писал: <...> “Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет”. Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т.п.»[52] «Конечно, масса людей обвиняла нас, и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют нас за то, что мы взялись за это дело, не зная, как довести его до конца. Но это — смешное обвинение людей мертвых. Как будто можно делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца!»[53], — говорил Ленин в 1919 г. на VIII съезде РКП (б). Самый страшный цинизм этих слов заключался в том, что в результате большевистского эксперимента к этому времени сотни тысяч людей уже действительно были мертвы, а в целом Гражданская война унесла 13 млн. человек[54].

До сих пор коммунистический обман, что капитализм обречен и нужно строить экономику на основе общественной собственности, представляется многим просто непостижимым и, тем не менее, факт остается фактом: Маркс и Ленин настаивали на этом, а над экономикой социализма сколько-нибудь серьезно и детально даже и не задумывались. Как-то рационально объяснить этот поистине необъяснимый феномен не могли затем ни «австрийцы», ни неоклассики, ни кейнсианцы, ни сами коммунисты — никто. «Приходится с полной определенностью констатировать поразительный факт: научный социализм, целиком поглощенный критикой капиталистического строя, теории социалистического строя до сих пор не разработал»[55], — писал в 1922 г. российский экономист Борис Бруцкус.

Взяв власть, Ленин убеждал всех в том, что управлять государством легче простого, «организаторская работа подсильна и рядовому рабочему и крестьянину <...> таких людей в “простонародье”, о котором высокомерно и пренебрежительно говорят буржуазные интеллигенты, масса <...> и богатейший родник»[56]. При этом буржуазных интеллигентов и специалистов нужно «сажать в тюрьму», «расстреливать», заставлять «чистить сортиры» и вообще «истреб-

[52] Ленин В. И. О нашей революции // ПСС. — Т. 45. — С. 381.

[53] Ленин В. И. VIII съезд РКП (б). Политический отчет ЦК // ПСС. — Т. 38. — С. 141.

[54] Гимпельсон Е. Г. Россия на переломе эпох. — С. 27.

[55] Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. — М.: 1999. — С. 4.

[56] Ленин В. И. Как организовать соревнование // ПСС. — Т. 35. — С. 199.

лять и обезвреживать как паразитов»[57]. Однако, попытавшись построить столь желанный социализм и потерпев полное экономическое фиаско, Ленин тут же провозгласил совсем другое — притворно лояльное — отношение к буржуазным спецам и обвинил во всем некультурность и лень населения[58], высокомерно отчитывая при этом забывших свое место рабочих Мосгорводопровода, которые затравили до самоубийства своего главного инженера.

Примеров Ленина-перевертыша можно привести бесчисленное множество. Скажем, с одной стороны он утверждал, что «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Но это было чистое лукавство, потому что Ленин тут же указывал: «Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных»[59]. До революции Ленин гневно писал: «Ни в одной культурной стране мира не осталось такого гнусного учреждения как цензура»[60]. А едва взяв власть в свои руки, тут же эту цензуру ввел в несопоставимо более жестком варианте, причем объявив, что делается это временно, до стабилизации ситуации, хотя сам прекрасно знал, что выходить инакомыслящей прессе больше никогда не даст. Или до революции большевики сами толкали рабочих на забастовки, а после революции — стали называть такие акции «саботажем» и сажать за это тех же рабочих в тюрьму.

В книге «Государство и революция» Ленин писал об отмирании государства после пролетарской революции, а, придя к власти, стал, наоборот, его безмерно укреплять, заявляя: «Государство, это — область принуждения. Сумасшествием было бы отрекаться от принуждения»[61]. По этому поводу философ Александр Зиновьев резонно замечал: «Не случайно основоположники учения о коммунизме говорили об отмирании государства, органов подавления при коммунизме, — они чуяли, что их идея — нереализуемая

[57] Ленин В. И. Как организовать соревнование // ПСС. — Т. 35. — С. 195–205.

[58] Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // ПСС. — Т. 36. — С. 188–190.

[59] Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // ПСС. — Т. 41. — С. 305.

[60] Ленин В. И. Вставка к статье Н.К. Крупской «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» // ПСС. — Т. 24. — С. 270.

[61] Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // ПСС. — Т. 42. — С. 294.

фантазия, и обставляли фантазию фактически нереализуемыми условиями»[62].

Чистейшей воды обман содержался и в провозглашении Лениным в Программе партии «права наций на самоопределение», потому что на деле он всегда проводил другой свой лозунг: «Интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение»[63]. То же и с религией. С одной стороны, в Программе РКП (б) Ленин записал, что необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувства верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма, а на практике проводил политику разрушения храмов и монастырей, массовых расстрелов священнослужителей, разграбления церквей под предлогом борьбы с голодом. По поводу внутрипартийной демократии и критики высших органов РКП (б) Ленин, казалось бы, однозначно говорил, что «безусловно необходима критика недостатков партии», но одновременно он запретил резолюцией X съезда «О единстве партии» «всякую фракционность» и прозрачно указал то, что всякий, кто будет выступать с критикой, должен очень хорошо подумать о международном положении[64]. По поводу профсоюзов в Программе партии записали: «Профессиональные союзы должны придти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым»[65]. Такие заявления, безусловно, привлекали часть рабочих. Но когда данный подход стал проявляться на практике и угрожать диктатуре партии, Ленин заклеймил его как «синдикалистский и анархистский уклон», вызванный «воздействием на пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихией», и признал «несовместимым с принадлежностью к партии»[66].

В резолюции X партконференции (май 1921 г.) «Об экономической политике» записали, что «предприимчивость и самодеятельность мест должны быть во что бы то ни стало всесторонне поддерживаемы и развиваемы», а товарообмен нужно вести «отнюдь не стесняя правильной свободы торговли»[67]. И тут же Ленин провозгласил «борьбу с анархическим товарообменом путем сосредоточения его преимущественно в руках кооперации». Но ведь это без

[62] Зиновьев А. Указ. соч. — С. 137.

[63] Ленин В. И. К истории вопроса о несчастном мире // ПСС. — Т. 35. — С. 251.

[64] Десятый съезд РКП (б). — С. 586.

[65] Восьмой съезд РКП (б). — С. 403.

[66] Десятый съезд РКП (б). — С. 587, 590.

[67] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 574.

преувеличения — взаимоисключающие вещи. В той же резолюции, с одной стороны, декларировали «расширение самостоятельности и инициативы каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами», а с другой — предписали «усилить карательные меры за бесхозяйственность и <...> нерациональное использование рабочей силы»[68]. Опять взаимоисключение.

На протяжении двух лет после революции Ленин энергично насаждал в новом государственном аппарате страны чудовищный и невиданный в мире бюрократизм, возводя его в систему власти[69] (потому что строить огосударствленную экономику иначе просто невозможно), а потом сам же гневно грозил всем преданием суду за «безобразие волокиты и канцелярщины» и, требуя воплощения очередной утопии, а именно, что «машина советской администрации должна работать аккуратно, четко, быстро»[70]. И следом на вопрос: как же все-таки бороться с бюрократизмом, если все время от Ленина на практике идут директивы обратного характера, он со свойственной для него уверенностью в непогрешимости отвечал: «Я даже приблизительно не знаю этого. Рабкрин должен знать, ибо его дело изучать сие»[71].

Сплошь и рядом Ленин использовал неведение масс о чем-либо для откровенной лжи. Так, например, он постоянно ссылался на то, что на Западе нет никакой демократии и у рабочих там нет собственных зданий для проведения митингов и собраний — какая же это свобода и демократия? Хотя на самом деле он прекрасно знал, что это не так, и не только местные рабочие могут там преспокойно арендовать помещения для своих политических собраний, но и русские революционеры для своих революционных съездов.

Демагогией в наивысшей степени нужно назвать так называемые ленинские нормы внутрипартийной демократии, сформулированные, например, в резолюции X съезда «По вопросам партийного строительства». В частности, там указывалось: «Под рабочей внутрипартийной демократией разумеется такая организационная

---

[68] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 575.

[69] Ленин В. И. Постановление о работе замов // ПСС. — Т. 45. — С. 156–159. Это постановление ввиду его полной невыполнимости даже высмеял Троцкий, что было отражено в комментариях и примечаниях к нему в III издании сочинений Ленина.

[70] Ленин В. И. Руководителям центральных советских учреждений // ПСС. — Т. 54. — С. 101.

[71] Ленин В. И. К вопросу о задачах Рабкрина, их понимания и их исполнения // ПСС. — Т. 44. — С. 127

форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии. <...> Методами работы являются прежде всего методы широких обсуждений всех важнейших вопросов, дискуссии по ним, с полной свободой внутрипартийной критики, методы коллективной выработки общепартийных решений, пока по этим вопросам не принято общеобязательных партийных решений»[72]. Но в условиях однопартийного монополизма и сосредоточения в руках Политбюро всей полноты власти и политической, и экономической такие декларации являлись не только пустым звуком, но, более того, прямым обманом рядовых членов партии и всех граждан страны, потому что были без конкуренции в политике и экономике заведомо невыполнимы.

Наряду с ничего не стоящими периодическими призывами к правде Ленин на самом деле учил своих товарищей по партии ради победы над врагами идти на «всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды»[73]. Так, в августе 1920 г. в записке заместителю председателя Реввоенсовета Склянскому он давал такие указания: «Под видом “зеленых” (мы потом на них и свалим) пройдем на 10–20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100000 руб. за повешенного»[74].

Даже по такому, казалось бы, однозначному вопросу, как отношение к Сталину, Ленин тоже фактически всех обманул и прежде всего самого себя. Ведь общеизвестно, что в так называемом «Письме к съезду», продиктованном в конце 1922 — начале 1923 гг., Ленин указал: «Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью» и далее предлагал «товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.»[75]. Но ведь всю свою сознательную жизнь до этого Ленин Сталина поддерживал, выдви-

[72] Десятый съезд РКП (б). — С. 609.

[73] Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // ПСС. — Т. 41. — С. 38.

[74] Цит. по: Волкогонов Д. С бесшабашной решимостью. // Известия. — 1992. — 22 апреля.

[75] Ленин В. И. Письмо к съезду // ПСС. — Т. 45. — С. 345–346.

гал и защищал, называл «чудесным грузином»[76]. Например, когда на XI съезде РКП (б) в 1922 г. Преображенский сказал было, что Сталин набрал себе слишком много полномочий, Ленин встал на его защиту, заявив: «Сталин делает дело, он видит высшую необходимость в сохранении единства партии. Он скромен в поведении и нетребователен в быту»[77]. И именно после этого съезда Сталин при поддержке Ленина был избран генеральным секретарем ЦК РКП (б). К тому же в упомянутом «Письме к съезду» Ленин, словно специально дал характеристики и другим наиболее вероятным претендентам на место Сталина, из которых следовало, что все они совершенно не годятся ему на замену.

Ленин по привычке даже ухитрился обмануть потомков и по поводу НЭПа, так как спустя почти сто лет весьма распространенной является точка зрения, что это был поворот от коммунизма к эффективному рынку и демократии, хотя, как было выше показано, такое мнение есть глубочайшее заблуждение.

Обманчив был и весь внешний облик Ленина, как человека, казалось бы, крайне неприхотливого в быту, с очень скромными потребностями, в потертом стареньком костюмчике и ботинках с заплаткой, некурящего, непьющего, обходящегося без разносолов и т. д. С одной стороны, как показал в своем исследовании «Малознакомый Ленин» Н. Валентинов, лидер большевиков в своем быту отнюдь не являлся таким уж скромнягой, постоянно просил мать прислать ему денег из фамильных сбережений, и данный образ был зачастую лишь пропагандистским ходом. Но с другой, о какой скромности вообще можно говорить в отношении сторонника и организатора лозунга «грабь награбленное», который, нимало не гнушаясь своей ролью в истории, организовал величайший государственный грабеж, лишив миллионы людей их имущества, крыши над головой, средств к существованию и превратив в нищих бесправных рабов?

В итоге, подвергнув Ленина анализу на предмет его честности в большом и малом, исследователь большевизма Сергей Пушкарев, например, пришел к выводу: «Если бы было образовано специальное компетентное жюри для сравнительной оценки талантов политобманщиков разных народов и разных стран, то Ленин, несомненно, получил бы первый приз»[78].

---

[76] Ленин В. И. А.М. Горькому. Февраль 1913 г. // ПСС. — Т. 48. — С. 162.

[77] Цит. по: Гимпельсон Е. Г. Россия на переломе эпох. — С. 50.

[78] Пушкарев С.Г. Указ. соч.

«Клеветали люди и в прошлом. Но только в коммунистическом обществе клевета стала нормальным социальным явлением, не вызывает открытого осуждения и никаких угрызений совести. Только здесь она достигает чудовищной силы и применяется на всех уровнях жизни»[79], — так писал впоследствии о советском обществе выросший в нем и проживший большую часть жизни философ Александр Зиновьев.

3

Для того, чтобы подвести некие философские основы под политику постоянной лжи и манипулирования мнением общества, Ленин взял вслед за Марксом на вооружение так называемый диалектический метод Гегеля. Большевики столь замечательно использовали как угодно трактуемые «отрицание отрицания», «тождество и единство противоположностей», «перерастание количества в качества» и т.д., что стало очень легко доказывать, будто диктатура — это и есть свобода, ложь для одних — это правда для других, убийцы — это освободители, высший закон проявляется в произволе, отмирание государства происходит через его усиление, политический маньяк может быть самым человечным человеком и т.д.

«Диалектика отрицает абсолютные истины, выясняя смену противоположностей и значение кризисов в истории»[80], — писал Ленин. Он учил, что всякое явление нужно рассматривать в непрерывном развитии, только в конкретной обстановке и в связи с законами диалектики, и тогда получалось, что нет ничего постоянного, все меняется и нет никакого смысла искать в политике большевиков противоречия, согласно обычной, «недиалектической» логике и обвинять их в чем-либо: во лжи, непоследовательности, безответственности и т.д. Академик Яковлев в этой связи указывал, что «большевистская логика основана на принципах революционной целесообразности и проституированной диалектики»[81].

Автор культовой книги XX века «Открытое общество и его враги» Карл Поппер уделил этому вопросу большое внимание, называя гегелевскую диалектику «колоссальной мистификацией» и «загадочным

[79] Зиновьев А. Указ. соч. — С. 149.

[80] Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // ПСС. — Т. 37. — С. 336.

[81] Яковлев А. Указ. соч. — С. 10.

методом <...> который столь легко можно применить к решению любой проблемы, создавая вместе с тем видимость преодоления колоссальных сложностей <...> и который можно было использовать с малой затратой сил и весьма скудными научными знаниями». Поппер констатировал, что диалектический метод «положил начало “веку нечестности” (как охарактеризовал период немецкого идеализма А. Шопенгауэр) или “эре безответственности” (как К. Хайден назвал век современного тоталитаризма) — сначала интеллектуальной, а потом, как следствие, и моральной»[82]. Поппер также характеризовал диалектику как «дерзкий способ надувательства», а само гегельянство как «возрождение племенного духа», то есть попытку коллективизма взять верх над индивидуализмом. «Историческое значение Гегеля состоит в том, что его философия представляет собой “утерянную связь” между Платоном и современной формой тоталитаризма»[83], — писал исследователь «открытого общества» и приводил мнение весьма ценимого им прежде всего за интеллектуальную честность Артура Шопенгауэра, который утверждал: «Гегель, назначенный властями сверху в качестве дипломированного Великого философа, был глупый, скучный, противный, безграмотный шарлатан, который достиг вершин наглости в наскребании и преподнесении безумнейшей мистифицирующей чепухи. Эта чепуха была шумно объявлена бессмертной мудростью корыстными последователями и с готовностью принята всеми дураками, которые, таким образом, соединились в столь совершенный хор восхищения, который вряд ли когда-либо звучал ранее. Широчайшее поле духовного влияния, предоставленное Гегелю власть предержащими, позволило ему добиться успеха в деле интеллектуального разложения целого поколения»[84]. При этом Поппер был убежден, что «почти все наиболее важные идеи современного тоталитаризма непосредственно восходят к Гегелю»[85], призывая новые поколения настойчиво бороться с «ужасающей нечестностью» и «интеллектуальным мошенничеством» Гегеля[86].

Занимавшийся профессионально проблемами логики Александр Зиновьев не восходил так далеко в критике гегельянства, однако в отношении большевизма у него сомнений не было. «Превращение

[82] Поппер К. Открытое общество и его враги. — М.: 1992. — Т. II. — С. 36–37.

[83] Там же. — С. 40.

[84] Там же. — С. 42.

[85] Там же. — С. 76.

[86] Там же. — С. 94.

марксизма в господствующую государственную идеологию сопровождалось превращением диалектики из орудия познания сложных явлений действительности в орудие идеологического жульничества и оглупления людей»[87], — был убежден известный философ.

Большевики, в полной мере используя эту мистификацию, стали в духовном отношении просто неуязвимы. Причем такая позиция была быстро подхвачена малограмотными партийцами и их пропагандистами. Например, ведущий литературный критик первой половины 20-х годов П.С. Коган провозглашал: «Революции надолго приходится забывать о цели для средства, изгнать мечты о свободе для того, чтобы не ослаблять дисциплины. Прекрасное иго, не золоченое, но железное, солидное и организованное — вот, что пока принесла революция нового: вместо золоченого — железное ярмо. Кто не понимает, что это единственный путь к освобождению, тот вообще ничего не понимает в совершающихся событиях». Обвинять большевистскую партию в каких бы то ни было грехах становилось бессмысленно, потому что нет и не может быть для революционера-ленинца самого понятия греха — вот к какому выводу приводила большевистская диалектика.

Характерно, что без диалектики (по крайней мере, на практике) не могли обойтись и поборники другой формы тоталитаризма — фашисты. В своей «Доктрине фашизма» Бенито Муссолини, в частности, употреблял такие пассажи: «Нация не есть раса или определенная географическая местность, но длящаяся в истории группа, то есть множество, объединенное одной идеей, каковая есть воля к существованию и господству, то есть самосознание, следовательно, и личность. Эта высшая личность есть нация, поскольку она является государством»[88].

4

Доказывать недоказуемое и представлять зло добром и наоборот большевикам позволяло и их отрицание общечеловеческой нравственности. Когда в 1913 г. один из публицистов призвал социал-демократов действовать в рамках уважения общепринятых моральных установлений, Ленин просто высмеял его в одной из статей, назвал

[87] Зиновьев А. Указ. соч. — С. 50.

[88] Муссолини Б. Доктрина фашизма. 1932 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt25.htm, свободный.

мещанином и ликвидатором и пояснил: «Мы ведем свою классовую борьбу по соображениям целесообразности»[89]. В своей знаменитой речи перед молодежью в 1920 г., (ставшей сразу коммунистической классикой, заучиваемой в школе вплоть до конца Советской власти) он отмечал: «Всякую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. <...> Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата». «Нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающее новое общество коммунистов». «Для нас справедливость подчинена интересам свержения капитала»[90]. То есть у коммуниста нет никаких нравственных запретов или, наоборот, обязательств перед другими людьми. Его не касаются заповеди «не убий», «не укради», «не лжесвидетельствуй», «чти отца своего и мать свою» и т.д. Большевик не должен стараться поступать с людьми так, как он хотел бы, чтобы поступали с ним, он выше этого и руководствуется только преданностью коммунистической партии и ее идеалам.

Троцкий выражал ту же мысль совсем откровенно по-иезуитски, но все-таки не без некоторого коммунистического выкрутаса: «Средство может быть оправдано только целью. Но и цель требует оправдания»[91].

Нарком просвещения Анатолий Луначарский написал по поводу коммунистической нравственности целую книжку. Придя к выводу, что «буржуазная мораль представляет собой смесь отвратительной муштры и разнузданного индивидуализма»[92], он констатировал: «Марксизм говорит, что мораль есть своеобразная форма стадного инстинкта»[93]. Луначарский выдвинул лозунг, что нравственность должна стать сознательной и в будущем, скорее всего, такого понятия уже не будет. «Наивысшим критерием морали для марксизма является общественность. Быть может, что в будущем общественностью, социальностью и будет называться то, что до сих пор называлось моралью»[94], — писал Луначарский. При этом он вполне в духе

[89] Ленин В. И. Упорство в защите плохого дела // ПСС. — Т. 24. — С. 199.

[90] Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // ПСС. — Т. 41. — С. 309, 311.

[91] Цит. по: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. — С. 199.

[92] Луначарский А. В. Владимир Ильич и народное просвещение // В.И. Ленин о воспитании и образовании. — М.: 1987. — С. 428.

[93] Луначарский А. Мораль с марксистской точки зрения. — М.: 1925. — С. 23.

[94] Там же. — С. 28.

коммунистической утопии считал, что «если бы не было частной собственности, если бы работник имел веселый отдых и здоровый труд, тогда бы у него не было никаких импульсов, чтобы причинить вред другим, а напротив, было бы глубочайшее сознание того, что он способствует огромному счастью всего общества»[95]. В результате Луначарский не обошелся без все той же диалектики, заключив: «Поведение будущего человека будет определяться прежде всего тем, что он человек, напрягающий все силы на благо общественности. Но в гармоничном социалистическом обществе не будут отрицаться и его индивидуальные требования. <...> Однако сейчас осуществить то, на что мы имеем право лишь по достижении своей победы, не только нельзя, но было бы и преступлением, ибо сейчас это оказалось бы поведением, идущим вразрез с общественностью»[96].

Советские деятели всячески развивали (или были вынуждены развивать) идеи классовой морали и приспосабливали их к конкретным темам и аудиториям. Так, директор Петроградского психотерапевтического института и лектор Академии коммунистического воспитания Арон Залкинг пропагандировал как истинно марксистскую теорию в области воспитания молодежи науку педологию и выработал 12 половых заповедей революционного пролетариата. Говоря об общих основах коммунистической этики, Залкинг разъяснял: «Коллективизм, организация, активизм, диалектический материализм — вот четыре основных мощных столба, подпирающие собою строящееся сейчас здание пролетарской этики, — вот четыре критерия, руководясь которыми всегда можно уяснить, целесообразен ли с точки зрения интересов революционного пролетариата тот или иной поступок. <...> Наоборот, все, что способствует индивидуалистическому обособлению трудящихся <...> безнравственно, преступно, такое поведение должно беспощадно пролетариатом преследоваться».

Это относилось и к сексуальной теме, по поводу которой Залкинг указывал: «Наша точка зрения может быть лишь революционно-классовой, строго деловой. Если то или иное половое проявление содействует обособлению человека от класса, уменьшает остроту его научной (т.е. материалистической) пытливости, лишает его части производственно-творческой работоспособности, необходимой классу, понижает его боевые качества, долой его. Допустима половая жизнь лишь в том ее содержании, которое способствует росту кол-

[95] Луначарский А. Мораль с марксистской точки зрения. — М.: 1925. — С. 26.
[96] Там же. — С. 29.

лективистических чувств, классовой организованности, производственно-творческой, боевой активности, остроте познания и т. д.».

Среди 12-ти половых заповедей Залкинга были, например, такие: «IX. Половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально полового завоевания». Или «XII. Класс в интересах революционной целесообразности имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая»[97].

Норма «нравственно все, что полезно для коммунизма», создавала самые благоприятные условия и напрямую вела к любым фальсификациям, оправдывая их интересами революции. Отрицание приоритета вечных нравственных ценностей (хотя бы в идеале, который весьма далек от земной грешной жизни, но к которому надлежит стремиться и критериями которого следует оценивать свою деятельность)[98] превращало моральную систему большевиков в некий антимир, где все перевернуто с ног на голову. Даже марксист, социал-демократ Карл Каутский писал по этому поводу: «Каждая гнусность превращается в геройский подвиг, если ее совершает коммунист. Каждое зверство дозволено, если оно делается во имя пролетариата»[99]. А Бердяев следующим образом комментировал этот аспект: «Став одержимым максималистической революционной идеей, Ленин в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом <...> допуская обман, ложь, насилие, жестокость... Исключительная одержимость одной идеей привела к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе»[100].

Академик Яковлев в этой связи отмечал: «Маркс в конце концов отбросил рассуждения о гуманности и любви, которые были в первых его произведениях. Он уже не говорит о моральной справедливости,

---

[97] Залкинг А. Революция и молодежь. — М.: 1924. См. также: Залкинг А. Педология. Утопия и реальность. — М.: 2001.

[98] Просто парадоксально в этом смысле то, что Иван Грозный, который мог бы по своим методам борьбы с противником вполне называться предтечей большевиков, выводит в своем письме к А. Курбскому совершенно антибольшевистскую этическую формулу: «Грех ведь не тогда опасен, когда его совершают, а когда, совершив, не осознают его и не раскаиваются, но хуже всего, когда выдают нарушение закона за праведный поступок». (Известия. — 1992. — 17 ноября).

[99] Каутский К. От демократии к диктатуре. — Пг.: 1919. — С. 162.

[100] Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. — 1990. — № 1. — С. 97.

хотя беспрерывно морализирует, изобличая и осуждая своих врагов. И все это выросло в утверждение, что нравственно все, что соответствует интересам революции, пролетариата, коммунизма. Именно с такой моралью и расстреливали заложников в гражданскую войну, уничтожали крестьянство, строили концентрационные лагеря, переселяли целые народы»[101].

В белоэмигрантской среде Ленина называли «Красным Макиавелли»[102]. А Чернов так характеризовал своего противника: «Ленина часто обвиняли в том, что он не хочет или не умеет быть честным противником. Но для Ленина само понятие «честного противника» было нелепостью, обывательским предрассудком. Им порой можно воспользоваться, немножко по-иезуитски, в собственных интересах, но принимать его всерьез глупо. Защитник пролетариата не только вправе, но и обязан по отношению к врагу отбросить всякие skrupules. Ввести его в заблуждение, сознательно обмануть, допустить по отношению к нему заведомое преувеличение, неправду, выставить его в наивозможно худшем свете, возбудить по отношению к нему во что бы то ни стало самые отвратительные подозрения — все это Ленин считал в порядке вещей, и не скрывал, что считает в порядке вещей»[103].

В одном из писем, адресованных лично Ленину уже после революции, Чернов прямо писал: «Вы — человек аморальный до последних глубин своего существа. Вы себе «по совести» разрешили преступить через все преграды, которые знает человеческая совесть. <...> Когда власть в самом происхождении своем основывается на глубочайшей лжи, на нравственной фальши, то эта зараза пропитывает ее насквозь и тяготеет над ней до конца. Ваш коммунистический режим есть ложь»[104]. При этом любопытно отметить, что для революционера Чернова Ленин оставался хоть и совершенно бессовестным, но все-таки человеком, в отличие, например, от нобелевского лауреата по литературе Ивана Бунина, который считал его существом, вообще не подлежащим оценке в категориях морали и совести, созданием иносущным, инопородным. В своей знаменитой речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г., писатель, в частности, сказал: «Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов че-

[101] Яковлев А. Указ. соч. — С. 9.

[102] Последние новости. — 1921. — 6 апреля.

[103] Чернов В. О Ленине // Воля России. — № 3. — 1924.

[104] Цит. по: Штурман Д. Указ. соч. — С. 129–133.

ловек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?»[105]

Максим Горький в своих «Несвоевременных мыслях» до закрытия в июле 1918 года журнала «Новая жизнь» не переставал приводить факты, негодовать и разоблачать «народных комиссаров», которые стремятся показать свою «преданность народу», не стесняясь «расстрелами, убийствами и арестами несогласных с ними, не стесняясь никакой клеветой и ложью на врага»[106].

Вот еще несколько характерных мнений крупнейших российских философов и публицистов о морали большевизма. Федор Степун: «Все нравственное убожество большевистски-революционного миросозерцания и вытекающей из него тактики заключается в том, что большевистский марксизм не знает понятия своей вины, что у него виноват всегда другой: буржуй, империалист, соглашатель, капиталист и т. д.»[107]

Георгий Федотов: «Имморализм присущ самой душе большевизма, зачатого в холодной, ненавидящей усмешке Ленина. Его система — действовать на подлость, подкупать, развращать, обращать в слякоть людей, чтобы властвовать над ними, — дала блестящие результаты»[108].

Борис Вышеславцев: «Идеология преступления знает два пути; один — отрицание всяких абсолютных запретов, “все позволено” и нет различия между добром злом; другой путь — оправдание преступления какой-либо возвышенной и обычно бесконечно далекой целью. <...> Марксистский коммунизм избрал оба»[109].

Николай Бердяев: «Еще до революции приходилось слышать от честных социал-демократов, что в среде большевизма трудно отличить революционеров от провокаторов и предателей. Самый нравственный принцип революционного максимализма таков, что он делает затруднительным различение, ибо все объявляется дозволенным для революционных целей и правду не считает существенной»[110].

---

[105] Бунин И. А. Миссия русской эмиграции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2142.shtml, свободный.

[106] Новая жизнь. — 1918. — 19 января.

[107] Цит. по: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Указ. соч. — С. 368.

[108] Федотов Г. П. Тяжба о России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. — СПб.: 1992. — Т. 2. — С. 105.

[109] Вышеславцев Б. Парадоксы коммунизма // Путь. — 1926. — № 3. — С. 117.

[110] Бердяев Н. А. Правда и ложь в общественной жизни // Собрания сочинений. — Париж: 1990. — Т. 4. — С. 87–88.

Александр Зиновьев: «Коммунизм можно рассматривать как злокачественную ткань на теле цивилизации. <...> Для него абсолютно все, происходящее с ним, есть его успех. Он не знает ошибок и поражений. Идеология этого общества оправдывает любое поведение его руководства. Угрызения совести здесь не мучают никого, ибо такого явления как совесть, и других элементов нравственности вообще нет в его природе»[111].

Таким образом, большевизм был, несомненно, аморален, или точнее имморален, ибо не просто постоянно нарушал какую-то признанную человечеством мораль, а ставил себя вне нравственных категорий вообще. «Мы должны сказать, что должны погибнуть те, о ком мы считаем, что они должны погибнуть»[112], — такую формулу большевистской этики выдвинул Ленин перед агитационно-пропагандистскими работниками на II Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 г. «Нам все дозволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства»[113], — писал орган киевских чекистов «Красный меч». Но именно такое понимание морали изначально обрекало коммунизм в быстрое вырождение и превращение в «раковую опухоль» человечества.

Закономерно было и то, что, как отмечали очевидцы, Ленин с полнейшим равнодушием относился к нарушению большевиками общепринятых этических норм в личной жизни. В таких случаях он говорил: «Это меня не касается, это Privatsache» (личное дело) или «на это я смотрю сквозь пальцы». В 1904 г. один из большевиков попал в неприятную историю, ставшую известной в социал-демократической среде, растратив партийные деньги в публичном доме. Однако Ленин по этому поводу заявил, что, не будучи попом, проповедями с амвона не занимается, а потому и стыдить провинившегося по этому поводу не собирается[114].

Нельзя не упомянуть и о том, что имморализм большевизма делал из людей поистине монстров. Член ЦКК С.И. Гусев заявил на XIV съезде партии: «Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть смотреть и доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоноси-

[111] Зиновьев А. Указ. соч. — С. 237.

[112] Ленин В. И. Доклад на 2 Всероссийском съезде Политпросветов 17 октября 1921 г. // ПСС. — Т. 44. — С. 167.

[113] Цит. по: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. — С. 114.

[114] Майсурян А. Указ. соч. — С. 90.

тельства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше — идти на доносительство»[115].

Не случайно, что сразу после смерти своего лидера виднейшие большевики повели себя как ядовитые пауки в запертой банке и быстро уничтожили друг друга, а заодно и значительную часть населения своей страны, а верх одержал самый жестокий, коварный и безнравственный из них — Иосиф Сталин. При этом он, словно выполняя директивы Ленина Курскому, организовал целый ряд показных судебно-политических процессов, где руководители партии, вершившие судьбы миллионов, нелепо признавались во всяческих выдуманных чудовищных преступлениях и проникновенно каялись в своем поведении, превознося своего убийцу Сталина, что, в общем-то, трудно укладывалось в созданный большевистской пропагандой образ несгибаемых революционеров и рыцарей без страха и упрека. Скорее, это были люди без стыда и совести.

Очень любопытно, как пытался объяснить этот феномен один из таких «плачущих большевиков», уже упоминавшийся организатор индустриализации в СССР Пятаков, расстрелянный в 1937 г. после процесса по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». В 1928 г. он излагал упрекнувшему его в безнравственной изворотливости Валентинову следующую позицию: «Большевизм есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым. Ей доступно то, что всем другим натурам, небольшевистским, кажется невозможным. Вы с удивлением и с упреком говорите, что исключенный из партии, чтобы снова в ней находиться, я иду на все, готов пожертвовать своей гордостью, самолюбием, своим достоинством. Это свидетельствует, что Вам совершенно чуждо понимание величия этой партии. Ради чести и счастья быть в ее рядах, мы должны действительно пожертвовать и гордостью, и самолюбием и всем прочим. Возвращаясь в партию, мы выбрасываем из головы все ею осужденные убеждения, хотя бы мы их защищали, когда находились в оппозиции. <...> Я согласен, что небольшевики и вообще категория обыкновенных людей не могут сделать мгновенного изменения, переворота, ампутации своих убеждений. Но настоящие большевики-комму-

[115] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). — С. 600, 601.

нисты — люди особого закала, особой породы, не имеющей себе исторических подобий. Мы ни на кого не похожи. Мы партия, состоящая из людей, делающих невозможное возможным. Проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя, и если партия того требует, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из мозга идеи, с которыми носились годами»[116].

Очень показательны в нравственном отношении также слова и другого упомянутого Лениным в «Письме к съезду» «ценнейшего и крупнейшего теоретика партии» — Николая Бухарина, когда в 1936 г. после процесса над оклеветавшими его бывшими соратниками Каменевым и Зиновьевым он написал в письме Ворошилову: «Что расстреляли собак — страшно рад. <...> Циник-убийца Каменев, омерзительнейший из людей, падаль человеческая». (Правда, перепуганный Ворошилов, показав это письмо Сталину и другим членам Политбюро, ответил Бухарину: «Если ты своим письмом хотел убедить меня в твоей полной невиновности, то убедил пока в одном — впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу»[117].) Таковы были отношения соратников, партийных борцов за народное счастье.

«Никогда еще ложь не изготовлялась и не лилась в таких пантагрюэлических количествах, как в современных тоталитарных странах. Ложь стала воздухом, которым там дышат, самой тканью культуры, производимой государством»[118], — констатировал Георгий Федотов в 1940-х годах и имел в виду прежде всего сталинский СССР и гитлеровскую Германию. При этом ни сами большевики, ни их противники изначально не сомневались, что коммунизм и фашизм — явления глубоко родственные. Федотов писал: «Весь мировой фашизм поднялся на ленинских дрожжах»[119], «Россия — самая последовательная страна фашизма. Ленин и был изобретателем этой государственной формы, которую Муссолини и Гитлер заимствовали у него. А социальное содержание московского фашизма ничем не отличается от германского»[120].

---

[116] Цит. по: Д. Штурман. Указ. соч. — С. 48.

[117] Роговин В. 1937 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://trst.narod.ru/rogovin/t4/x.htm, свободный.

[118] Федотов Г. П. Загадки России. // Новый журнал. — 1943. — № 5. — С. 161.

[119] Федотов Г. П. Февраль и Октябрь // Федотов Г.П. Защита России. — Париж: 1988. — Т. 4. — С. 98.

[120] Федотов Г. П. Наш позор // Федотов Г.П. Защита России. — Париж: 1988. — Т. 4. — С. 205.

С этим первоначально не спорили и сами большевики. Например, Бухарин, выступая в 1923 г. на XII съезде РКП (б), говорил: «Характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, то есть с точки зрения техники их политических приемов, то это полное применение большевистской тактики и специально русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия очень крепко сколоченной военной организации, в смысле определенной системы бросания своих сил <...> и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами»[121].

Нобелевский лауреат академик Иван Павлов направил в декабре 1934 г. письмо в СНК СССР, где писал: «Вы напрасно верите в мировую революцию. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До вашей революции фашизма не было»[122].

Один из виднейших нацистов Рудольф Гесс также свидетельствовал: «Руководство Имперской Безопасности распорядилось доставить комендантам концлагерей достаточно подробную документацию, касающуюся русских концентрационных лагерей. Свидетельства очевидцев, беглецов из этих лагерей, дали нам ясную картину условий тамошней жизни»[123].

В этой связи исследователь большевизма Эльхон Резов заключал: «Превращение идей вождя в тотальные идеи государства было началом установления тоталитарного режима. Ни Муссолини, ни Гитлер не были основателями тоталитаризма, как это полагают многие западные исследователи. Основателем тоталитаризма был вождь большевистской партии и создатель Советского государства В.И. Ленин»[124]. «Большевизм и фашизм — две стороны одной и той же медали. Медали вселенского зла», — считал академик Яковлев, добавляя при этом, что «гитлеровский террор был более предсказуем»[125].

---

121 Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. — М.: 1968. — С. 273.

122 Цит. по: Яковлев А. Указ. соч. — С. 29.

123 Цит. по: Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. — С. 47.

124 Резов Э. Указ. соч. — С. 278.

125 Яковлев А. Указ. соч. — С. 5–6.

Вместе с тем, очевидно, что коммунизм и фашизм роднило не только общее тоталитарное[126] начало, но, прежде всего, моральное, а точнее аморальное, сходство[127]. Ведь вся этика революционной целесообразности Ленина вполне укладывалась в формулу Гитлера: «Я освобождаю вас от химеры совести».

Выросший в горниле советской идеологической машины 1920–1930-х годов Э. Резов мог вполне квалифицированно судить о ней, утверждая: «Большевизм — царство лжи, слов и фраз о справедливости, свободе, личности и демократии, за которыми нет ничего, кроме лицемерия и принятых на идеологическое вооружение многочисленных догм, интерпретированных в угодном Ленину смысле. <...> Вся история созданных Лениным общества и государства — это яркое свидетельство того, насколько они безобразно и несправедливо устроены. Из них просто изливается яд лжи, они брызжут насилием, террором, безнравственностью, отсутствием элементарной справедливости»[128].

---

[126] Коммунизм и фашизм оба базировались прежде всего на антииндивидуалистическом, или антиличностном, коллективистском начале, выражавшемся в тоталитарном господстве государства над личностью. Вот некоторые тезисы из «Доктрины фашизма» Бенито Муссолини: «Фашистская концепция государства антииндивидуалистична; фашизм признает индивида, поскольку он совпадает с государством, представляющем универсальное сознание и волю человека в его историческом существовании». «Для фашиста все в государстве и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен и фашистское государство, как синтез и единство всех ценностей, истолковывает и развивает всю народную жизнь, а также усиливает ее ритм». «Если XIX век был веком индивида (либерализм равнозначен с индивидуализмом), то можно предположить, что этот век будет веком “коллектива”, следовательно веком государства». «Кто говорит “либерализм”, говорит “индивид”; кто говорит “фашизм”, тот говорит “государство”». «Основное положение фашистской доктрины — это учение о государстве, его сущности, задачах и целях. Для фашизма государство представляется абсолютом, по сравнению с которым индивиды и группы — только “относительное”. Индивиды и группы “мыслимы” только в государстве». (Муссолини Б. Доктрина фашизма. 1932 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt25.htm, свободный).

[127] О сравнении коммунизма и фашизма см.: Люкс Л. Третий Рим? Третий рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. — М.: 2002 г. Линденберг К. Технология зла. — М.: 1997. Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. — М.: 2002.

[128] Резов Э. Указ. соч. — С. 293, 295.

5

Однако одной демагогичностью большевистская пропаганда не исчерпывалась, ибо в таком случае она никогда не смогла бы подняться на уровень государственной системы идеологической обработки масс, а осталась бы на страницах чисто партийных малочитаемых газет и журналов. Важно отметить, что это была не просто демагогия, а агрессивная, экстремистская демагогия. «Большевизм — дитя войны и, естественно, он нес в себе войну. Коммунизм всегда был “военным”, только войны были разные — гражданская, с крестьянами (коллективизация), “холодная” (психологическая)»[129], — справедливо подмечал Егор Гайдар.

Экстремистский характер реализации своих планов по переустройству общества Ленин заимствовал как у российских революционеров-народников, так и в марксизме. В частности, Маркс писал, что нужно сменить оружие критики на критику оружием[130], и призывал к революционному террору, чтобы «сократить, упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества», признавая по существу «только одно средство — революционный терроризм»[131]. Маркс воспевал гражданскую войну[132] и третировал такие буржуазные феномены, как парламентаризм, демократия, права и свободы граждан и т. д.

Точкой, от которой отталкивался большевистский экстремизм, была ненависть. Ленин признавал, что «ненависть представителя угнетенных и эксплуатируемых масс есть поистине “начало всякой премудрости”, основа всякого социалистического и коммунистического движения и его успехов»[133]. При этом он ставил задачу «глухую ненависть рабочих к полиции и к властям <...> превратить в сознательную ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа. А построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя,

[129] Гайдар Е. Государство и эволюция. — Т. 1. — С. 70.

[130] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 1. — С. 422.

[131] Там же. Т. 5. — С. 494.

[132] Там же. Т. 33. — С. 172.

[133] Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме // ПСС. — Т. 4. — С. 64–65.

в современной России, крупнейшую политическую силу»[134]. Даже одними из самых любимых некрасовских строк у Ленина были:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть...

То есть успехи коммунистической партии по завоеванию и затем удержанию власти прямо зависели от того, насколько массы исполнены ненавистью к тому или иному объекту борьбы коммунистов. Следовательно, эту ненависть большевикам необходимо было все время подогревать, непрерывно разыгрывая различные вариации на тему образа врага. Уже в 1918 г. Ленин выдвинул тезис о том, что по мере приближения победы социализма над капитализмом классовая борьба обостряется, а сопротивление буржуазии возрастает[135], создав тем самым для большевистской пропаганды идеологическое обоснование для постоянного усиления обличений классового врага. Или он замечал, что французская революция «доказывает до сих пор жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть»[136].

Ленин всегда ставил ненависть к противнику в заслугу коммунистам и их сторонникам. Например, в 1916 г. в одной из работ он писал: «В “Интернационале Молодежи” помещен ряд хороших статей в защиту революционного интернационализма, и все издание проникнуто превосходным духом горячей ненависти к изменникам социализма»[137].

При этом первым примером и образцом того, как нужно ненавидеть, был, несомненно, сам Ленин и вряд ли найдется еще в истории персонаж, который делал это столь истово и фанатично. Он ненавидел просто все и вся вокруг: царя, чиновников, помещиков, капиталистов, торговцев, священнослужителей, интеллигенцию, состоятельных крестьян, рабочих-меньшевиков, революционеров-небольшевиков, марксистов-оппортунистов, большевиков-оппозиционеров и т.д. Ричард Пайпс отмечал: «К осени 1888 года, когда они с материю переехали в Казань, Ленин был уже законченным радикалом, исполненным бесконечной ненависти к тем, кто порушил его многообещающую карьеру и отвернулся от его семьи, —

[134] Ленин В. И. Насущный вопрос // ПСС. — Т. 4. — С. 198.

[135] Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства // ПСС. — Т. 36. — С. 379, 382.

[136] Цит. по: Майсурян А. Указ. соч. — С. 63.

[137] Ленин В. И. Интернационал Молодежи // ПСС. — Т. 30. — С. 225.

к царскому режиму и «буржуазии». Отличительной чертой типичных русских революционеров — в том числе и Александра Ульянова — был идеализм; основным политическим мотивом Ленина стала ненависть. Взращенный на этом чувстве, социализм Ленина являлся изначально и всегда оставался доктриной разрушения. Ленин мало задумывался о мире будущего, потому что был слишком поглощен — интеллектуально и эмоционально — разрушением мира настоящего. Именно эта навязчивая страсть к разрушительству завораживала и отталкивала, вдохновляла и ужасала русскую интеллигенцию, склонную колебаться между гамлетовской нерешительностью и донкихотовской одержимостью»[138].

При этом некоторые категории людей Ленин ненавидел особо фанатично. Прежде всего, либеральную интеллигенцию. Ленин неизменно называл ее представителей «прихвостнями и прихлебателями буржуазии», «лакеями денежного мешка, холопами эксплуататоров», «приживальщиками крепостников-помещиков», «слякотью»[139], «дипломированными лакеями поповщины», «идейными рабами буржуазии», «современными крепостниками», «буржуазным хламом», «растлителями» [140], «швалью»[141]. Говоря об «интеллигентиках, мнящих себя мозгом нации», он утверждал, что «на деле это не мозг, а говно»[142].

Такое отношение вполне понятно не только с идеологической, но и психологической точки зрения. Как справедливо писала исследовательница коммунизма Дора Штурман, «ренегат от интеллигенции, Ленин как всякий ренегат, относится к материнской среде с воинственной антипатией: во-первых, пережитки критериев исходной среды нарушают внутреннюю цельность ренегатствующего сознания, которое раздражается против источника досадных помех. Во-вторых, “свои” мешают, путают карты и еще как. Да еще служат пусть очень слабым, но все же укором: вынуждают оправдываться, что он и делает постоянно, хотя ему очень мало свойственны сомнения в своей правоте»[143].

---

[138] Пайпс Р. Русская революция. — Кн. 2. — С. 9.

[139] Ленин В. И. Как организовать соревнование // ПСС. — Т. 35. — С. 196, 197.

[140] Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // ПСС. — Т. 45. — С. 23–33.

[141] Ленин В. И. Л. Б. Каменеву 27 февраля 1914 г. // ПСС. — Т. 48. — С. 262.

[142] Ленин В. И. А. М. Горькому. 15 сентября 1919 г. // ПСС. — Т. 51. — С. 48.

[143] Д. Штурман. Указ. соч. — С. 156.

Другой категорией людей, вызывавшей особую ненависть Ленина, были так называемые кулаки, то есть фермеры — самый ценный в экономическом отношении элемент в деревне, но зато и самый независимый от желающего его ограбить государства (отчего и ненависть грабителя).

Вот что Ленин писал по этому поводу: «Кулаки — бешеный враг Советской власти... Бой против кулаков мы называем последним, решительным боем. <...> Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. <...> Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся. <...> Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалят бедных крестьян. Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им! Ненависть и презрение к защищающим их партиям: правым эсерам, меньшевикам и теперешним левым эсерам! Рабочие должны железной рукой раздавить восстания кулаков. <...> Беспощадное подавление кулаков, этих кровопийц, вампиров, грабителей народа, спекулянтов, наживающихся на голоде; — вот какова программа сознательного рабочего. Вот политика рабочего класса»[144]. Отчетливо видно, что в данном пассаже колоссальная ненависть Ленина переплетается с самой неприкрытой демагогией и стремлением указать трудящимся на виновника всех бед. Впоследствии эти виновники, или враги народа, будут постоянно меняться, пока в этой роли не перебывают практически все категории населения.

На колоссальный человеконенавистнический потенциал большевизма указывали очень многие. «В соответствии с преобладающей чертой в характере Ленина я сейчас же заметил, что его главной установкой была ненависть. Ленин увлекся учением Маркса прежде всего потому, что нашел в нем отклик на эту основную установку своего ума. <...> Он ненавидел не только существующее самодержавие и бюрократию, не только беззаконие и произвол полиции, но и их антиподов — либералов и буржуазию. В этой ненависти было что-то отталкивающее и страшное»[145], — писал, например, о Ленине

[144] Ленин В. И. Товарищи рабочие, идем в последний и решительный бой! // ПСС. — Т. 37. — С. 40–42.

[145] Цит. по: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Указ. соч. — С. 260.

его соратник в 1890-е годы, но затем эволюционировавший от марксизма к либерализму Петр Струве.

«Марксизм основывается на <...> бескомпромиссно-враждебном отношении, жгучей ненависти к окружающей жизни, допускающем лишь один выход — ее полное уничтожение»[146], — утверждал философ Игорь Шафаревич. «Это царство всеобщей взаимной ненависти»[147], — писал о большевистской России философ Евгений Трубецкой.

Также интересно в этой связи привести мнение философа Бориса Вышеславцева: «Маркс социализировал, обобществил ненависть. <...> Бесконечно далекий идеал обеспечивает бесконечную возможность совершения преступления, любовь к дальнему санкционирует бесконечную ненависть к ближнему. Таков революционно-прогрессивный принцип, оправдывающий преступление. На нем покоится коммунизм и в значительной степени современный социализм»[148].

Соответственно, большевистская пропаганда отличалась по большей части ненавистническим, наглым, оскорбительным и попросту хамским тоном по отношению к противникам, была хвастлива, груба, задириста и обладала такой непробиваемой самоуверенностью, какая бывает свойственна только очень интеллектуально зашоренным и совершенно невоспитанным людям. Причем, полное отсутствие хоть какого-то формального уважения к противнику шло в большевистской пропаганде, несомненно, от самого Ленина.

Николай Лосский в своей хрестоматийной «Истории русской философии» констатировал: «Стиль большевистских писаний поразительно оскорбителен. Нередко можно встретить в них возмутительные метафоры, подобные следующей, употребленной Лениным: “Сто тысяч читателей Геккеля означают сто тысяч плевков по адресу философии Маха и Авенариуса”. Но еще более омерзительным, чем злоба, является подлое раболепие, очень характерное для советских авторов, боязнь отстать от “генеральной линии партии” и стремление того, чтобы все, что ими говорится, было свидетельством их правоверности»[149].

Эльхон Резов делал в этой связи такие наблюдения: «В предоктябрьский период, когда большевизм был лишь одним из направлений

---

[146] Шафаревич И. Социализм как явление мировой истории. // Шафаревич И. Сочинения в 3-х томах. — М.: 1994. — Т. 1. — С. 304.

[147] Цит. по: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Указ. соч. — С. 19.

[148] Вышеславцев Б. Парадоксы коммунизма // Путь. — 1926. — № 3. — С. 117.

[149] Лосский Н. Указ. соч. — С. 504.

в социалистической теории и социалистическом движении, Ленин достаточно резко, порой возмутительно грубо, высказывался о Каутском и многих других, с кем он разошелся по идейным соображениям. Он проявил удивительную нетерпимость ко многим экономистам и философам из противоположного лагеря. При этом Ленин не стеснялся в выражениях. <...> Может быть, бранчливость Ленина в адрес его оппонентов объясняется, как это полагают некоторые исследователи, сложным ленинским характером, его нетерпимостью к своим противникам, любому, кто осмеливался ему возражать. Видимо, в этих суждениях есть какой-то резон. И все-таки ленинская резкость объясняется, главным образом, не характерологическими чертами Ленина, а его общим отношением к инакомыслию, к противоположным взглядам, а может, даже усердно подавляемым в себе комплексом неполноценности, осознанием собственной идейной ущербности»[150].

И действительно, Ленин, как в своих публичных выступлениях, так и в частной переписке постоянно кого-то оскорблял, третировал, над кем-то надсмехался и издевался, включая и ближайших товарищей по партии. Например, о своем соратнике, будущем наркоме в советском правительстве Луначарском Ленин в частном письме писал: «Ну, не мерзавец ли сей Луначарский?»[151]. В другом послании он делился: «Прочел «Темы дня». Ну и сволочь»[152]. О своем учителе Плеханове замечал: «Кто свинья, Сиг или Плеханов? Или оба?»[153] О Каутском и Бернштейне: «Мое мнение, что “поворот” Каутского + Бернштейн + КО (+500+1000+??) есть поворот говна (= Dreck), которое почуяло, что массы дальше не потерпят, что “надо” повернуть налево, дабы продолжать “надувать массы”. Это ясно... Съедутся говняки, скажут, что они “против политики 4 августа”, что они за “мир”, “против аннексий” и <...> тем помогут буржуазии тушить зачатки революционного настроения»[154]. Или о Роберте Гримме — одном из лидеров социал-демократической партии Швейцарии (давшей убежище Ленину): «Гримм нахал и сволочь: он подло нападает не на меня (как ошибочно думает Григорий, плохо осведомленный

[150] Резов Э. Указ. соч. — С. 274.

[151] Ленин В. И. Г. Л. Шкловскому. 12 марта 1912 г. // ПСС. — Т. 48. — С. 49.

[152] Ленин В. И. Л. Б. Каменеву. 25 февраля 1913 г. // ПСС. — Т. 48. — С. 169.

[153] Ленин В. И. В. А. Карпинскому и С. Н. Равич. 21 ноября 1914 г. // ПСС. — Т. 49. — С. 33.

[154] Ленин В. И. К. Б. Радеку. Позднее 19 июня 1915 г. // ПСС. — Т. 49. — С. 81–82.

Зиной), а на Радека»[155]. И в другом письме: «Подлец Гримм во главе всех правых провел (против Нобса, Платтена, Мюнценберга и Нэпа решение отложить на неопределенное время партийный съезд... Председатель Циммервальда и пр. — и такой подлец в политике!»[156] Или о своем будущем наркоме: «Приехал Троцкий, и сей мерзавец сразу же снюхался с правым крылом “Нового Мира” против левых циммервальдовцев!!»[157] Как отмечал Резов, «подобные высказывания <...> свидетельствуют об удивительной нетерпимости Ленина к малейшим отклонениям от его взглядов. О нем можно сказать словами поэта: «Скажите, Вы, смеясь или в печали, ошибкою добро о ком-нибудь сказали?»[158]

Большевистской пропаганде была свойственна максима «все или ничего», «или мы уничтожим наших врагов, или они нас», и это несмотря ни на какие жертвы, ни на какие затраты. Большевикам нужна была постоянная война, будь то фронт военный, хозяйственный, идеологический или любой другой. И если враг как-то ускользал, не хотел принимать боя и просил мировую, большевистский агитпроп, вволю поплясав на его костях, тут же избирал себе другую жертву.

По этому поводу Пайпс отмечал: «Ленин с неизбежностью пришел к восприятию политики как войны. Ему не нужна была социология Маркса, чтобы военизировать политику и относиться к разрешению любого несогласия одним-единственным образом: несогласный подлежал физическому уничтожению. <...> В силу всей своей психофизической организации <...> он видел в войне не антитезис мира, но его диалектическое продолжение. <...> Взгляд Ленина на жизнь был смесью идеологии Клаузевица и социального дарвинизма: когда однажды, в редкий момент откровенности, Ленин сообщил: “История показывает, что мир есть передышка для войны”[159], он непредумышленно приоткрыл перед нами самые глубокие тайники своего сознания. Такой склад ума делал Ленина абсолютно неспособным ни к какому компромиссу, за исключением тактического»[160].

По этому поводу правильную оценку дал, на наш взгляд, российский ученый Алексей Кара-Мурза: «Если коммунизм возгоняется

[155] Ленин В. И. И. Ф. Арманд. 7 ноября 1916 г. // ПСС. — Т. 49. — С. 322.

[156] Ленин В. И. И. Ф. Арманд. 8 января 1917 г. // ПСС. Т. — 49. — С. 357.

[157] Ленин В. И. И. Ф. Арманд. 19 февраля 1917 г. // ПСС. — Т. 49. — С. 390.

[158] Резов Э. Указ. соч. — С. 276.

[159] Ленин В. И. VII Экстренный съезд РКП (б). Политический отчет ЦК. // ПСС. — Т. 36. — С. 23.

[160] Пайпс Р. Русская революция. — Кн. 2. — С. 16.

и паразитирует на хаосе, на деградации, на варваризации, то он кровно заинтересован и в хаосе, и в варваризации. Принцип “чем хуже, тем лучше” — имманентный принцип коммунизма. Паразитируя на хаосе, коммунизм заинтересован в провоцировании реального хаоса; за неимением или недостаточностью реального хаоса, коммунизм разыгрывает воображаемый хаос, демонизирует врага, используя демагогическую риторику о “грозящей катастрофе”. Именно так коммунисты мистифицировали “реальный капитализм” — как загнивающее общество тотального разложения, безработицы, протеста трудящихся и т.п.»[161].

Очень важно сказать и о том, что экстремизм большевистской идейно-политической работы был возможен исключительно благодаря всемерной и постоянной поддержки агитпропа со стороны государственных репрессивных органов. Согласно Декрету ВЦИК от 23 июня 1921 г. принадлежность к антисоветским партиям каралась сроком лишения свободы до 2-х лет по приговорам чрезвычайных комиссий без суда. С 1 июня 1922 г., как уже говорилось, был введен в действие новый Уголовный кодекс, где контрреволюционная агитация и пропаганда объявлялась государственным преступлением. 10 августа 1922 г. был принят Декрет, разрешающий без суда применять высылку за границу за контрреволюционные выступления. Напомним, что в резолюции XII партконференции (август 1922 г.) «Об антисоветских течениях и партиях» прямо говорилось: «Нельзя отказаться <...> от применения репрессии не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции»[162].

Сам Ленин, едва ли не по нескольку раз в день, подписывая всяческие «расстрельные» телеграммы и распоряжения в 1918–1920 гг., отнюдь не забывал об этом своем излюбленном методе решать социальные проблемы и в мирное, нэповское время. Например, в своих замечаниях к проекту вводного закона к Уголовному кодексу в мае 1922 г. он писал: «Надо расширить применение расстрела», «суд должен не устранить террор <...> а обосновать и узаконить его», «формулировать его надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле»[163]. При этом в ленинской резолюции

[161] Кара-Мурза А. А. Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре // Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме. — С. 367.

[162] КПСС в резолюциях... — Т. 2. — С. 593.

[163] Ленин В. И. Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР и письма Д. И. Курскому // ПСС. — Т. 45. — С. 189–190.

IV съезда Советов «О законности» вообще допускалось принятие экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве, делая таким образом советскую правовую систему полным беззаконием.

Карт-бланш же на самоуправство и зверства большевистских спецслужб Ленин дал еще в начале их деятельности. Так, выступая на митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 г., он, в частности, сказал: «Не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК... Естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. <...> Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие»[164]. То есть осуждать и расстреливать невиновных людей для Ленина было обычным делом, не говоря уже об уничтожении любого сопротивляющегося этой диктатуре.

Причем красный террор Лениным был начат еще до покушения на него и официального объявления такового. Так, в телеграмме Г. Зиновьеву 26 июня 1918 г. он писал: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает»[165]. Также Ленину принадлежат идея и практика создания первых в новейшей истории концлагерей. 9 августа 1918 г. в телеграмме Пензенскому губисполкому председатель СНК писал: «Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»[166]. А чуть позже в печально известном Декрете СНК о красном терроре от 5 сентября 1918 г. значилось: «Необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»[167]. И действительно, в 1919 г. на Соловецких островах Белого моря на базе бывшего монастыря был организован первый в мире концлагерь для истребления недовольной интеллигенции под названием СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения.

Также активно использовался большевиками и метод заложничества, причем с полного одобрения Ленина. Так, в проекте постановления Совета обороны о мобилизации советских служащих, написанном

---

[164] Ленин В. И. Речь на митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 г. // ПСС. — Т. 37. — С. 173.

[165] Ленин В. И. Г. Зиновьеву. 26 июня 1918 г. // ПСС. — Т. 50. — С. 106.

[166] Ленин В. И. Пензенскому губисполкому // ПСС. — Т. 50. — С. 143–144.

[167] Декреты Советской власти. — Т. 3. — С. 291–292.

не позднее 31 мая 1919 г., он указывал: «Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля или дезертирства или невыполнения данных заданий и т.п.»[168]. А еще до этого тысячи не в чем не повинных заложников уже были большевиками расстреляны, в частности, после покушения на Ленина 30 августа 1918 г.

В целом же репрессии, террор играли у большевиков в начале 1920-х годов сразу несколько ролей. Во-первых, общая обстановка произвольного насилия государственной власти над населением, уничтожение, лишение свободы и ограбление огромных масс людей создавали обстановку всеобщего страха, побуждающего если и не понимать, то хотя бы формально принимать идеологическую пропаганду этой власти как данность, не сопротивляясь ей явно. Ситуация, когда террор и пропаганда шли рука об руку, хорошо иллюстрирует одна из телеграмм Ленина в Пензенский губисполком: «Получил на вас две жалобы: первая, что вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, вы совершаете великое преступление против революции. Вторая жалоба, что вы сокращаете агитацию, уменьшаете тираж листков, жалуетесь на недостаток денег. Мы не пожалеем сотни тысяч на агитацию. Требуйте денег срочно от ЦИКа, недостатка денег не будет, такие отговорки не примем»[169].

Во-вторых, репрессии, помимо общего террора, были обращены и целенаправленно на источники контрпропаганды, то есть небольшевистские партии и беспартийную интеллигенцию, что лишало населения идеологической альтернативы.

И, в-третьих, экстремизм и пропаганда не просто шли рядом, а пропитывали друг друга и переплетались так, что идеология сама становилась террором, а репрессии обретали некое роковое романтическое звучание. Так, в одном из изданий ВЧК говорилось: «Наша мораль — новая, наша гуманность — абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам все разрешено... Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к Светлому царству Труда, Свободы и Правды»[170].

---

[168] Ленин В. И. Проект постановления о мобилизации советских служащих // ПСС. — Т. 54. — С. 415.

[169] Ленин В. И. Телеграмма Пензенскому Губисполкому Минкину // ПСС. — Т. 50. — С. 149.

[170] Красный меч. — 1918. — № 1. «Чтобы жалкая жизнь коммунистического общества казалась обещанным раем, должен быть ад, с которым люди могли бы сравнивать свою жизнь и наслаждаться тем, что они по крайней мере не в этом аду» (Зиновьев А. Указ. соч. — С. 118).

6

Соединение пропаганды с репрессиями позволило реализоваться еще одному качеству большевистской идеологии — ее монополизму. Такая отличительная особенность коммунистического агитпропа исходила из ленинского принципа «партийности», обязывающего «при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»[171]. Иначе этот принцип интерпретировался в коммунистической риторике как классовый подход. Он в корне отличался от, например, либеральной традиции, где всегда ставилась задача достичь общественного компромисса для всех социальных групп, а не благополучия какой-то одной за счет уничтожения или ограбления других. «Классовая правда — ложь по природе. Лишь общечеловеческое начало может претендовать на истину»[172], — справедливо отмечал в этой связи академик Яковлев.

Изгнанный Лениным в 1922 г. из России философ мировой величины Борис Вышеславцев в этой связи совершенно четко формулировал: «Марксизм есть классовая идеология, и это признается его собственной доктриной. Такая идеология есть прямая противоположность науке и философии. Она есть коллективная психологическая мобилизация для целей борьбы, завоевания, покорения и властвования. Она не ищет в сущности никакого миросозерцания, ибо не хочет ничего “созерцать” и ничего “искать”: она нашла средство внушать, пропагандировать, психически властвовать, вести массы. Демагогическую идеологию мы наблюдаем в формах нацизма, фашизма и коммунизма. Эта идеология не признает никакого диалога, она признает только монолог, диктат, диктатуру. <...> Она <...> говорит: “ты не думай — вожди за тебя подумали”. Идеи практического и метафизического материализма при этом особенно удобны для овладения массовой психологией пролетариата, и не одного только пролетариата, но и массового человека вообще. <...> Марксизм <...> есть идеологическая демагогия»[173].

Ленин же мотивировал свою позицию тем, что стремление занять беспартийную, надклассовую, опирающуюся на общечеловеческие ценности позицию всегда приводит к признанию и апологетике

---

[171] Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // ПСС. — Т. 1. — С. 419.

[172] Яковлев А. Указ. соч. — С. 29.

[173] Вышеславцев Б. П. Философская нищета марксизма // Вышеславцев Б. П. Сочинения. — М.: 1995. — С. 15–16.

капиталистического строя. Свободомыслие как необходимое условие развития общественного сознания большевизм решительно отвергал. Лозунг «свободы критики» Ленин назвал свободой внедрения в социализм буржуазных идей[174]. В ноябре 1920 г. он прямо заявлял, что «если свобода критики означает свободу защиты капитализма, то мы ее раздавим»[175].

В классической для коммунизма статье «Партийная организация и партийная литература» Ленин писал: «Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, “барскому анархизму” и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме. <...> Долой литераторов беспартийных!»[176].

Очевидно, что принцип партийности с точки зрения строительства сколько-нибудь благополучного общества был чрезвычайно уязвим, ибо изначально предполагал деление общества на своих и чужих, чистых и нечистых. Интересы первых следовало поддерживать, вторых — нет или даже подавлять, если, с точки зрения большевиков, они противоречили первым. Такой подход сам по себе генерировал постоянную борьбу, войну классов и социальных групп. Ведь и классы весьма неоднородны, а, следовательно, внутри их партийный подход побуждал непременно искать более чистых и менее, опять-таки борясь против них — и так до бесконечности, пока не установится диктатура узкого круга «самых чистых» при непременном лидерстве «чистейшего из чистых». Так на самом деле у большевиков на практике и получилось.

По поводу принципа партийности во всей некоммунистической литературе XX века было единое и однозначное негативное мнение. Например, Лосский писал: «Неправда, будто большевики ищут в философии что-нибудь, кроме удобного оружия для достижения своих революционных целей. Вот почему они, вслед за Лениным, восхваляют партийность. <...> Под влияние партийности атрофи-

[174] Вышеславцев Б. П. Философская нищета марксизма // Вышеславцев Б. П. Сочинения. — М.: 1995. — С. 9.

[175] Ленин В. И. Московская губконференция РКП (б) 20-22 ноября 1920 г. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии // ПСС. — Т. 42. — С. 36.

[176] Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // ПСС. — Т. 12. — С. 100.

руется независимое наблюдение и исследование и развивается одно лишь стремление к отстаиванию застывших догм во что бы то ни стало. Применяемые для этого средства становятся все более и более наивными. Это или ссылки на авторитеты, или брань, обвинения, угрозы»[177]. Лосский обращал внимание на то, что большевистская пропаганда любые отступления от марксизма стала называть «вредительством», которое должно быть ликвидировано.

При этом еще раз подчеркнем, что всю свою узкоклассовость и партийность большевики из партийной агитационно-пропагандистской работы перенесли на государственный уровень и тем самым возвели свою идеологическую ограниченность в ранг политики уничтожения больших групп людей. «Отменив законы свергнутых правительств, советская власть поручила выбираемым советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых или неполноты их — руководствоваться социалистическим правосознанием»[178], — гласила Программа РКП (б).

Партийность на государственном уровне привела к монополизму, который был теоретически заложен в самой большевистской идеологии. «Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом». И это невозможно «без принципиально решительного разрыва и беспощадной борьбы с теми буржуазными извращениями социализма, которое одержало победу в верхах социал-демократических и социалистических партий», — прямо заявляла Программа большевиков и указывала: «Руководителем борьбы пролетариата за его освобождение является лишь новый, Третий коммунистический интернационал, одним из отрядов которого является РКП (б)»[179].

До революции принцип монополизма, разумеется, не мог быть большевиками реализован, но уже в 1918 г. ими была закрыта вся оппозиционная печать[180], а с 1922 г., как уже указывалось, инакомыслие стало формально уголовным преступлением. При этом Ленин никогда не скрывал своего отвращения к принципам буржуазной демократии с их непременным атрибутом — идейно-политическим плюрализмом, и более того, не допускал возможности существования его в коммунистическом обществе, где все должны

---

[177] Лосский Н. Указ. соч. — С. 503–504.

[178] Восьмой съезд РКП (б). — С. 400.

[179] Там же. — С. 394.

[180] Окороков А. З. Великий Октябрь и крах буржуазной прессы. — М.: 1970. — С. 312, 375.

быть по своему мировоззрению коммунистами. Большевистский монополизм исходил из пагубного в интеллектуальном отношении соображения, что марксистское учение есть единственно верное, а руководящая роль коммунистической партии — обязательная предпосылка для построения благополучного общества.

Эсер Виктор Чернов в этой связи говорил о Ленине: «Как человек “с истиной в кармане” он не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы, свойственным всякому индивидуальному духовному творчеству. Напротив, здесь он был доступен лишь азиатской идее сделать печать, слово, трибуну, даже мысль — монополией одной партии, возведенной в ранг управляющей касты»[181].

А публицист Русского Зарубежья Владимир Варшавский подмечал: «Марксизм-ленинизм наследовал <...> традицию инквизиционную: грешников нужно привести к спасающей абсолютной Истине насильно, а злых еретиков, которые своим инакомыслием мешают истине занять ее место, тех уничтожать. <...> Истину можно утвердить и охранить только насилием и террором»[182].

Монополия на истину, борьба с инакомыслием не могли не привести большевизм к полному интеллектуальному банкротству и быстрому вырождению не выдерживающих никакой критики догм, совершенно оторванных от жизни. «Русский революционный социализм, отворачивающийся от всего объективного, есть, в сущности, своеобразная форма рассудочного, рационалистического безумия», — считал Бердяев[183].

Советский публицист Михаил Гефтер, размышляя о судьбах своего поколения, однажды написал: «Я пытаюсь понять власть Сталина над нашими душами. И если сказать об этом совсем коротко, несколькими словами, то ими будут: умерщвление альтернативы»[184].

Большевистская система идеологической обработки изначально была настроена именно так: право на жизнь имеет только то, что признает верным партия, и ничего больше. Согласно такой постановке дела, советские люди не знали ничего, кроме марксизма-ленинизма, то есть были против него полностью идейно безоружны. В этом заключалась сила коммунистической системы пропаганды,

---

[181] Воля России. — 1924. — № 3. — С. 34.

[182] Варшавский В.С. Родословная большевизма. — Париж: 1982. — С. 126–127.

[183] Цит. по: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Указ. соч. — С. 139.

[184] Гефтер М.. Будущее прошлого // Век XX и мир. — 1991. — № 8. — С. 33.

но в этом, разумеется, была и слабость. Видя, как просто панически боятся коммунисты свободы инакомыслия, самостоятельно мыслящие советские граждане неизменно приходили к мысли о порочности этой идеологии. И как только в середине 1980-х годов была ослаблена репрессивная машина, коммунизм пал.

7

И еще одним важнейшим, родовым качеством советской пропаганды, базировавшимся на предшествующих, являлась ее тотальность, ставшая, в свою очередь, непременным признаком самого тоталитарного общества. Э. Резов на сей счет справедливо заключал: «Конечно, тоталитарное государство и тоталитарный режим — это совокупность ряда существенных признаков. Различные исследователи тоталитаризма насчитывают их до полутора десятков. Другие ограничиваются четырьмя-семью существенными чертами тоталитаризма. Мы полагаем, что к их числу относятся, в первую очередь, нетерпимость к инакомыслящим, основанная на признании однопартийной системы в государстве»[185]. При этом, говоря об авторстве в создании тоталитарного государства, Резов констатировал: «Его пионером, первооткрывателем был вождь большевистской партии — Ленин», подчеркивая при этом, что наряду с установлением тотальной идеологической нетерпимости «лишь та система, которая ликвидировала индивидуальную частную собственность, является основой настоящей тоталитарной диктатуры, тоталитарного режима»[186].

К важнейшим признакам тоталитарного государства всеохватывающее управление мыслями и чувствами людей относил и Абдурахман Авторханов, который при этом уточнял: «Контроль западного тоталитаризма (фашизма. — А.Г.) над обществом являлся тотальным лишь в области политической и условно тотальным — в духовной жизни, тогда как советская система властвования — партократия — осуществляет не только абсолютный тотальный контроль, но и абсолютное тотальное руководство во всех областях политической, экономической и духовной жизни и деятельности советского человека»[187]. В авторстве здесь Ленина Авторханов также не сомневался.

---

[185] Резов Э. Указ. соч. — С. 290.

[186] Там же. — С. 291.

[187] Авторханов А. Происхождение партократии. — С. 15.

Академик Яковлев в этой связи констатировал: «Опора любого тоталитаризма — в его догмах, охраняемых силой. <...> Идеологический монополизм обеспечивал всеобщий контроль за всеми и каждым. Умы и души идут по тому же разряду, что и вещи. Несогласные уничтожаются или изолируются. Свободный труд, свободная мысль, свободное слово упраздняются. Поиск истины под запретом. Наука и искусство большевизируются. Более того, в ранг идеологических сфер переводятся агрономия, медицина, электроника — все и вся»[188].

Принцип тотальности большевистской пропаганды проявлялся в нескольких аспектах. Во-первых, как проведение идеологического воздействия во всех сферах общественной жизни, то есть суперидеологизация общества. «Нет такого вопроса в области идеологической, который бы не служил предметом политической агитации»[189], — указывал Ленин. «Нет таких форм науки и искусства, которые не были бы связаны с великими идеями коммунизма и бесконечно разнообразной работой по созиданию коммунистического хозяйства»[190], — констатировала одна из резолюций VIII съезда РКП (б) (1919 г.).

Во-вторых, большевики стремились охватить максимальную аудиторию и все социальные слои населения, «идти во все классы»[191]. При этом Ленин считал необходимым учитывать «своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы»[192]. На первых этапах деятельности большевики больше работали среди рабочих. Однако после их прихода к власти возросла необходимость идеологической обработки других классов, демографических групп, национальных меньшинств и т. д. Например, относительно составлявшего большинство населения страны крестьянства VIII съезд РКП (б) предписывал: «Принимая во внимание <...> то обстоятельство, что политическая темнота, общая невежественность и низкий уровень сельскохозяйственных знаний в деревне являются глубоким и серьезным препятствием и в то же время осуждают беднейшее и среднее крестьянство на нищету и косность, — Коммунистическая партия не может не отнестись с самым серьезным вниманием к просвещению деревни в широ-

[188] Яковлев А. Указ. соч. — С. 7, 16.

[189] Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов // ПСС. — Т. 2. — С. 451.

[190] Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. — М.: 1959. — С. 434.

[191] Ленин В. И. Что делать // ПСС. — Т. 6. — С. 79.

[192] Ленин В. И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического интернационала // ПСС. — Т. 41. — С. 192.

ком смысле слова. <...> Политическая пропаганда в деревне должна вестись как для грамотных, так и для неграмотных»[193]. Тот же съезд принял соответствующие резолюции и по работе специально среди женщин, молодежи, других слоев населения. В решениях XII съезда РКП (б) (1923 г.) также прямо указывалось, что работа по ликвидации политнеграмотности должна энергично вестись не только среди членов партии и РКСМ, а и среди молодежи, членов профсоюзов, красноармейцев, крестьян и т. д. При этом «ликвидация политической неграмотности среди членов партии и беспартийных нацменьшинств должна вестись на соответствующем родном языке»[194].

В-третьих, советская идеологическая машина с самого начала ставила себе задачу охватить все возрастные уровни населения, начиная с маленьких детей и кончая глубокими стариками. Это обеспечивало в перспективе такую постановку дела, которая позволяла партийно-идеологическим государственным органам держать человека в рамках своего воздействия с самого рождения и до смерти. Особенно внимательно большевики относились к тому, чтобы агитационно-пропагандистской работой была максимально охвачена молодежь. «Коммунистическая партийная работа среди крестьянской и рабочей молодежи приобретает в настоящее время громадное значение. Партия должна иметь за собой хорошо подготовленные резервы, из которых она могла бы черпать новых, проникнутых революционным энтузиазмом, честных и сознательных работников»[195], — указывалось в резолюции VIII съезда.

От системы идеологической обработки советский человек не мог никуда деться, она доставала его везде и всегда, и в этом была, безусловно, ее великая сила. Здесь каждый был обязан исповедовать марксизм и ничто иное. «Вы должны воспитать из себя коммунистов. <...> Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка»[196], — указывал Ленин советской молодежи. А по поводу, например, школьных преподавателей он говорил: «Каждый учитель обязан иметь брошюрки агитационного содержания; он обязан их не только иметь, а читать крестьянам. Если он этого не будет делать, он должен знать, что он

[193] Восьмой съезд РКП (б). — С. 432.

[194] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 706–707.

[195] Восьмой съезд РКП (б). — С. 436.

[196] Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // ПСС. — Т. 41. — С. 308–309.

лишится места»[197]. Действительно, никакой альтернативы не предусматривалось.

В смысле организации самой партийной работы большевики проводили строгий централизм. На его соблюдении во всей идейно-политической работе партии Ленин настойчиво указывал уже в ранних своих выступлениях[198]. Решения вышестоящих партийных органов по вопросам пропаганды и агитации были обязательны для всех общественных структур и институтов.

«Большевизм есть состояние духа и явление духа, цельное мироощущение и миросозерцание. Большевизм претендует захватить всего человека, все его силы, он хочет ответить на все запросы человека, на все муки человеческие. Большевизм хочет быть не кое-чем, не частью, не отдельной областью жизни, не социальной политикой, а всем, всей полнотой. Как вероучение фанатическое, он не терпит ничего рядом с собой, ни с чем ничего не хочет разделить, хочет быть всем и во всем. Большевизм <...> есть социализм, доведенный до религиозного напряжения и до религиозной исключительности», — так квалифицировал ленинизм Бердяев[199].

А Вышеславцев утверждал: «Та форма властвования, какую изобрел коммунизм, а за ним нацизм, форма вождизма и тоталитаризма есть огромный шаг назад. Ее существование есть позор для современного человечества, и ее уничтожение есть категорический императив»[200].

Таким образом, большевистская тотальная обработка населения с насаждением экстремистской монопольной идеологии являлась одним из центральных признаков изобретенного и заложенного Лениным тоталитарного государства. Его главнейшим качеством было принесение в жертву человеческой личности ради осуществления плана построения благополучного общества по рецепту группы революционных фанатиков и при первоначальной поддержке определенных маргинальных слоев населения.

«Каждая личность может быть охвачена массовой идеей, когда она перестает сознавать себя как личность. Тут она способна на

---

[197] Ленин В. И. Речь на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне // ПСС. — Т. 41. — С. 149.

[198] Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов // ПСС. — Т. 2. — С. 447–448.

[199] Бердяев Н. А. Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа) // Бердяев Н. А. Собрание сочинений. 1990. — Т. 4. — С. 29–30.

[200] Вышеславцев Б. Философская нищета марксизма // Вышеславцев Б. П. Сочинения. — М.: 1995. — С. 149.

самое героическое самопожертвование»[201], — утверждал большевик Луначарский. Оставалось только, чтобы люди в послереволюционной России перестали осознавать себя личностями, смирились с коммунистической казармой и начали воспринимать рабство как свободу. Этому их нужно было научить, направить на путь истинный, и в этом состояла главная задача большевистского агитпропа в начале 1920-х годов.

В итоге же сущность идеологической работы большевиков с населением кратко можно назвать таким понятием, как экстремистская демагогия. Академик Яковлев впоследствии давал такую оценку этому явлению: «Контроль над информацией и закрытие границ, ГУЛАГ и беззаконие, прочие издевательства над живой жизнью служили тому, чтобы псевдореальность воспринималась людьми как подлинная реальность. Перевоспитание масс было доведено до такой степени, что люди перестали “быть”, а начали “казаться”, играть верноподданническую роль везде и во всем. В миру нельзя было показать, что ты не веришь своим глазам и ушам, что белое — это черное, с языка рефлекторно срывалась одна ложь. Житие во лжи стало обязательно-принудительным, и потому набатно-солженицынское “Жить не по лжи” стало национальной идеей по демонтажу тоталитаризма: хирение и вырождение последнего стало явью во времена гласности, столь памятной многим и столь дорогой лично мне»[202].

8

При характеристике той или иной системы идеологической обработки населения важное значение имеет вопрос ее финансирования. Как известно, пропаганда и агитация достаточно дорого стоят, ибо предполагают массовый и регулярный выпуск средств информации и агитматериалов, аренду помещений для собраний и митингов, оплату агитаторов, а зачастую и самих участников манифестаций. Более того, в определенных условиях необходима охрана идеологических мероприятий, а это уже требует закупок оружия и найма боевиков. Также зачастую в ход идут подкуп соответствующих должностных лиц и другие непредвиденные расходы.

Понятно, что в период нахождения у власти большевики финансировали данную деятельность из государственного бюдже-

[201] Луначарский А. Мораль с марксистской точки зрения. — С. 23.

[202] Яковлев А. Указ. соч. — С. 6.

та, то есть просветление-охмурение населения шло за его же счет. А как обстояло дело до революции? Ведь известные методы и приемы большевиков в тот период закладывали определенную традицию и базу для перенесения их и на государственный уровень. Например, в июне 1918 г. Ленин писал в Петроград: «Тов. Зиновьев! Надо все усилия приложить, чтобы двинуть из Питера тотчас сотни агитаторов в деревни. <...> Деньги найдутся, их не жалейте»[203]. Так что данный вопрос действительно очень симптоматичен.

Уже в первые годы советской власти быстро расцвел миф о том, что большевики жили в эмиграции «впроголодь», а свои газеты выпускали на собранные рабочими «гроши». Так, например, в одной из брошюрок начала 1920-х годов было написано: «И вот тов. Ленин создаёт в конце 1904 г. первую большевистскую газету — “Вперёд”. Эта газета была вначале маленькой и была издана на собранные гроши среди сторонников тов. Ленина. Как сам тов. Ленин, так и все почти другие большевики, жили впроголодь и отдавали последние копейки для создания своей газеты. Владимир Ильич всегда бедствовал в первый период своей эмиграции. Вот почему возможно наш пролетарский вождь так рано умер»[204].

Здесь все от начала и до конца чистая ложь. Во-первых, Ленин в эмиграции абсолютно не бедствовал, поскольку помимо партийной заработной платы всегда получал от матери деньги из имевшегося в семье Ульяновых фонда, образовавшегося из наследства брата Ильи Николаевича и денег, полученных после продажи недвижимости. По крайней мере, до Первой мировой войны Ленин жил как представитель буржуа средней руки. Во-вторых, ни на какие рабочие копейки издавать газеты было невозможно и делалось это, в основном, на пожертвования богатых доброжелателей. Например, эксцентричный промышленник-миллионер Савва Морозов давал на издание «Искры» в 1901—1903 гг. по 2 тыс. рублей ежемесячно, а кроме того немеряно по разным поводам: на побеги ссыльных, изготовление прокламаций и т.д. Когда он покончил в мае 1905 г. в Каннах жизнь самоубийством (причем после визита к нему Л. Красина), большевикам через гражданскую жену Максима Горького Марию Андрееву, которая являлась душеприказчицей любившего ее Морозова, было передано не менее 60 тыс. рублей из его

[203] Ленин В. И. Зиновьеву Г. Е. 14 июня 1918 г. // ПСС. — Т. 50. — С. 99.

[204] Цит. по: Валентинов Н. В. (Н. Вольский). Малознакомый Ленин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/UnnownLenin/index.htm, свободный.

наследства. Много постарался в деле сбора денег для большевиков и сам Горький. Существовало много и других доброхотов. Нужно иметь в виду, что в дореволюционные годы непопулярность монархии была столь сильна, что на революцию жертвовали буквально все, кому не лень. Как вспоминал близкий соратник Ленина и одно время казначей партии Леонид Красин, не только в радикальных, а и либеральных кругах считалось признаком хорошего тона давать деньги оппозиционным партиям, и в числе лиц, довольно исправно выплачивавших ежемесячные сборы от 5 до 25 рублей, бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков и чиновники государственных учреждений[205]. «До революции 1905 г. революционное движение финансировалось либо буржуазией, либо радикальной интеллигенцией», — признавал и Троцкий. При этом пожертвования направлялись, разумеется, не только социал-демократам, но и другим партиям и течениям. Так, например, тот же Морозов поддерживал и самую респектабельную либеральную газету в России «Русские ведомости».

Характерно, что Ленин в целях сбора большего количества средств публично всегда старался изображать финансовую ситуацию в своей партии гораздо хуже, чем она была на самом деле. Валентинов по этому поводу свидетельствовал: «Свою тактику скрывать действительное положение кассы газеты “Искры”, изображать его хуже, чем оно было, пугать своих товарищей “финансовым крахом”, тем самым заставлять их добывать средства — Ленин проводил мастерски. В 1901 году в кассу поступили крупные суммы от Калмыковой, из Киева через проф. Тихвинского и из других мест, но Ленин именно в это время посылал всем отчаянные письма — спасайте нас! “Собирайте деньги, — писал он Дану 22 марта 1901 года. — Мы доведены теперь почти до нищенства, и для нас получение крупной суммы — вопрос жизни”. “Финансы — вовсе швах, — сообщал он Бауману 24 мая 1901 года, — Россия не даёт почти ничего”»[206].

Общая сумма средств, которыми в период революции 1905–1907 гг. располагала центральная большевистская организация, была очень значительна. Однажды ведавший делами вооружения боевиков Л. Красин в ответ на сомнения по поводу нужных средств бросил такую фразу: «Да совсем не в деньгах дело! У нас их столько, что я мог

[205] Красин Л. Б. Годы подполья. — М., Л.: 1928. — С. 142.

[206] Валентинов Н. В (Н. Вольский). Малознакомый Ленин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/UnnownLenin/index.htm, свободный.

бы на них купить не жалкие револьверы, а самые настоящие пушки. Но как их доставить, где спрятать? Вот в чём дело»[207].

Однако в ходе революционных беспорядков фрондирующим недоброжелателям царизма довелось поближе познакомиться с реальной революционной деятельностью, и пожертвования как рукой сняло. Большевикам пришлось изыскивать новые способы добычи средств и с начала 1906 года они стали прибегать к вооруженным грабежам, или «экспроприациям» («эксам»), тем более, что участвовавшие в беспорядках 1905–1907 гг. боевые дружины пролетариата оставались теперь без дела и часто превращались попросту в банды обычных грабителей. Это были организованные налеты на почтовые и железнодорожные кассы, поезда и другие средства транспортировки денег, банки и т.п. Во время знаменитого ограбления государственного банка в Тифлисе 26 июня 1907 года, непосредственным организатором которого был Иосиф Джугашвили (Коба, впоследствии Сталин), большевики забрали 250 тыс. рублей (хотя потом и почти не смогли ими воспользоваться). Кроме этого Сталин и его постоянный подручный боевик Симон Тер-Петросян (Камо) в этот период активно занимались вымогательством денег у предпринимателей, ограбили пароход «Николай I», держали рэкет на нефтяных промыслах в Азербайджане и т.п. «Главным вдохновителем и генеральным руководителем боевой работы был сам Ленин»[208], — свидетельствовал жандармский генерал Александр Спиридович в своей известной «Истории большевизма». В партии была образована секретная тройка в составе Ленина, Красина и Богданова, которая и направляла работу боевиков-грабителей.

Меньшевики такие вещи осуждали и на совместном V съезде РСДРП в 1907 году эксы были запрещены. Но большевики игнорировали решение съезда о роспуске боевых отрядов и продолжали прибегать к ограблениям, иногда в сотрудничестве с эсерами. Большой резонанс получила, например, история с бандой Степана Лбова. В 1907 г. военно-техническое бюро ЦК РСДРП, состоявшее из большевиков, заключило договор с Пермским революционным партизанским отрядом, который на самом деле был разбойной бандой, занимавшейся грабежом на Урале. По договору, составленному на бланке ЦК, большевики обязались поставить Лбову транспорт

[207] Валентинов Н. В (Н. Вольский). Малознакомый Ленин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/UnnownLenin/index.htm, свободный.

[208] Спиридович А. История большевизма в России от возникновения до захвата власти (1883–1903–1917). — М.: 2007.

оружия. Деньги в сумме 10 тыс. рублей были выплачены заранее, но товар доставлен не был. Сам Лбов был властями пойман и за разбой повешен, но один из его дружинников приехал в Париж требовать обратно деньги. Не получив их, он выпустил прокламацию, обвиняя большевистский Центр в мошенничестве. Ленин выступал резко против лбовцев, но меньшевики настояли на том, что специальная общепартийная комиссия вынесла постановление вернуть деньги. Разразился скандал[209].

Насколько Ленин был неразборчив в методах добывания средств, показывает также нашумевшее в свое время дело о наследстве Шмидта. Племянник Саввы Морозова двадцатилетний студент университета и владелец мебельной фабрики в Москве Николай Шмидт являлся натурой тонкой, впечатлительной и наряду с этим весьма материально состоятельной. Он был через дядю лично знаком с Горьким, передавал ему некоторые суммы на революцию, сочувствовал народу, вводил на своей фабрике новые либеральные порядки, а в 1905 г. чуть ли не устроил на ней вооруженное восстание и по подозрению в снабжении рабочих оружием был арестован. Следователям удалось вызвать Шмидта на откровенность, он дал некоторые показания на причастных к делу, но затем в состоянии душевной болезни и раскаяния покончил с собой осколком стекла в тюремной больнице в феврале 1907 г. Незадолго перед смертью Шмидт сказал своим сестрам, что сможет загладить свою вину лишь отдав капиталы народу, то есть на революцию. Однако поскольку никакого завещания им написано не было, наследовать деньги надлежало двум сестрам и брату Шмидта. Большевики решили завладеть этим наследством. Вхожий ранее в дом Шмидта член партии Виктор Таратута женился на младшей сестре несовершеннолетней Елизавете, а другой большевик Николай Андриканис — на старшей Екатерине. В результате этого 190 тыс. рублей, причитавшихся Елизавете, были переданы в большевистскую кассу в Париже, причем, поскольку Таратута являлся нелегалом, Елизавету пришлось фиктивно обвенчать еще и с некто Игнатьевым. Ленин горячо одобрил эту сделку. Когда один из его знакомых возмутился подлостью Таратуты, лидер большевиков возразил: «Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот Вы, скажите прямо, могли бы Вы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел. Это человек незаменимый. <...> Партия — не пансион благородных

[209] Никитин Б.В. Роковые годы. — М.: 2007.

девиц. Иной мерзавец может быть для нас именно тем полезен, что он мерзавец».

А вот Андриканис не захотел отдавать денег, вышел из партии, но затем под сильным давлением большевистского центра и организованного им суда все-таки был вынужден хотя бы некоторую часть передать Ленину[210]. На шмидтовские капиталы, которые начали поступать от Таратуты уже во второй половине 1907 г., Ленин смог, прибыв из Финляндии в Женеву, начать собирать свою полностью разбитую после революции гвардию и с февраля 1908 г. издавать газету «Пролетарий».

Юлий Мартов обнародовал эту и ряд других грязных историй, обвиняя Ленина не только в организации неправедных способов добывания денег, но и постоянном жульничестве по отношению к центральным органам РСДРП. В частности, он писал, что большевистский Центр отнял у общепартийного Центрального комитета громадную сумму, снабжал своих сторонников из фондов, выделенных на другие цели, присваивал во фракционную большевистскую кассу деньги, собранные в Америке и Англии на общие партийные нужды, подкупал своих сторонников и т.д. Также, по свидетельству Мартова, постоянная практика подобных преступлений позволила большевикам посылать в Санкт-Петербург и Москву местным организациям по тысяче и пятисот рублей в месяц соответственно, в то время как законные поступления социал-демократической партии за счет членских взносов составляли не более ста рублей в месяц. Как только в 1910 г. большевикам пришлось передать деньги на хранение трем доверенным лицам из немецких социал-демократов, и соответственно переводы в Россию прекратились, российские большевистские «организации» испарились как дым[211].

В целом же денежный вопрос являлся в эти годы постоянным предметом спора между меньшевиками и большевиками и в значительной мере, помимо идеологических разногласий, привел к полному разрыву двух фракций. 20 июня 1914 г. на заседании конференции, созванной Интернациональным социалистическим бюро в Брюсселе, Георгий Плеханов открыто заявил: «Главная причина непримиримости Ленина заключается в том, что он не желает вы-

[210] Валентинов В. Н. (Н. Вольский). Малознакомый Ленин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/UnnownLenin/index.htm, свободный. Пайпс Р. Русская революция. — Кн. 2. — С. 46–47. Майсурян А. Указ. соч. — С. 90–91. Радзинский Э. Сталин. Жизнь и смерть. — М.: 2003. — С. 66.

[211] Мартов Ю. Спасители или упразднители? — Париж: 1911.

пустить из своих рук партийных денег, часть которых им была захвачена воровским способом»[212].

Отдельной до сих пор дискутируемой темой в вопросе финансирования большевистской пропаганды является связь Ленина с правительством кайзеровской Германии в 1915–1918 гг. Несмотря на продолжающиеся отрицания в прокоммунистической литературе таких отношений, никто из независимых исследователей в них никогда не сомневался. Другое дело, что речь здесь идет, разумеется, ни о каком-то мифическом шпионаже Ленина в пользу германской разведки, чего не было и быть не могло, а об использовании немцами большевиков посредством финансирования их антиправительственной деятельности для своей победы над Россией в войне. В свою очередь Ленин использовал таким образом германское правительство для победы коммунистической революции в России. То есть в итоге, как известно, было повержено и царское, и кайзеровское правительства, а лидер большевиков воцарился в основанном им Советском государстве.

Как писал, например, Сергей Пушкарев, Ленин, будучи хитрым и осторожным конспиратором, естественно, не встречался с имперскими немецкими чиновниками, используя для работы пеструю в национальном отношении команду из социал-демократов и большевиков Я. Ганецкого, М. Козловского, Х. Раковского, К. Радека, Кескулу и др. При этом Ганецкий, Радек и Воровский во время войны проживали в Стокгольме, составляя так называемое Заграничное бюро ЦК РКП (б). Они поддерживали контакты с немецкими агентами и пересылали получаемые от них денежные субсидии большевикам под прикрытием коммерческой деятельности. Главным посредником между сторонами и в значительной степени инициатором всего предприятия был известный левый теоретик марксизма и социал-демократ Александр Парвус (Израиль Гельфанд). В марте 1915 г. он представил германскому правительству план организации революционного движения в различных частях Российской империи, для осуществления которого нужны были деньги. Проект получил одобрение, и десятки миллионов марок затем были перечислены в организации пораженцев и сепаратистов, которые использовали их главным образом на издание своей пропагандистской литературы.

Интересно, что немецкие субсидии большевикам продолжались и после Октябрьского переворота. Так, в июне 1918 г. из немецкого

[212] Спиридович А. И. Указ. соч. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://moreandr.narod.ru/, свободный.

посольства в Москве в Берлин была послана телеграмма, согласно которой для удержания большевиков у власти им требовалась помощь в размере 3-х миллионов марок ежемесячно. Эти деньги поступили и были использованы на подкуп латышей и других сил. Также в архиве была найдена телеграмма Ленина послу России в Берне Якову Берзину, датированная августом 1918 г., в которой Ленин требовал не скупиться на траты для распространения коммунистической пропаганды на Западе. «Берлинцы вышлют еще денег. Если промедлят эти сволочи, жалуйтесь мне формально»[213], — писал председатель СНК.

При этом уже в январе 1921 года известный лидер правого крыла немецкой социал-демократии Эдуард Бернштейн опубликовал в берлинской газете “Vorverts” статью, в которой сообщал, что, как ему известно из достоверных источников, большевики получили от правительства кайзера огромную сумму — больше 50 миллионов золотых марок. В ответ на обвинения коммунистов в лжи Бернштейн предложил привлечь его за клевету или к германскому суду, или к суду Социалистического интернационала, но никто этого делать не стал и никакого расследования не состоялось. Однако в конце Второй мировой войны в Германии были найдены в пяти замках, расположенных в горах Гарца, архивы Министерства иностранных дел, в которых американцы и англичане обнаружили множество документов, касающихся немецко-большевистского союза в 1915–1918 гг. Некоторая часть из них (всего 136 номеров и 2 приложения) была издана в 1958 г. в Лондоне А. Б. Земаном под заглавием «Германия и революция в России 1915–1918 гг.». Хотя исчерпывающей картины эти публикации не давали, ибо напечатано было не все, а к тому же многое решалось личными контактами и без протоколов, однако характер большевистских контактов был уже совершенно ясен.

Так, например, 6 июля 1915 года статс-секретарь фон Ягов писал статс-секретарю Министерства финансов: «5 миллионов марок требуется для революционной пропаганды в России» (док. № 4). 21 декабря 1915 года посол в Копенгагене Брокдорф-Ранцау писал рейхсканцлеру, что, по утверждению д-ра Гельфанда, для полной организации революции в России требуется около 20 миллионов рублей (док. № 7). 23 января 1916 года он же доносил, что д-р Гельфанд возвратился из Стокгольма, где он провел три недели, совещаясь с русскими революционерами. Посол также сообщал, что переданная в его распоряжение сумма в миллион рублей немедленно переслана в Петербург и употреблена по назначению (док. № 11). 3 июля 1917 г. статс-секре-

[213] Цит. по: Пайпс Р. Россия при старом режиме. — М.: 2004. — С. 468.

тарь Циммерман телеграфировал послу в Берне, что дезорганизация русской армии увеличивается и «мирная пропаганда Ленина становится все сильнее и его газета «Правда» печатается уже в 300 тыс. экземпляров» (док. № 62). 28 ноября 1917 года помощник статс-секретаря Буше телеграфировал германскому послу в Берне: «По полученным нами сведениям, правительство в Петрограде испытывает большие финансовые затруднения. Поэтому весьма желательно, чтобы им были посланы деньги» (док. № 92). 3 декабря 1917 года статс-секретарь Кюльман писал офицеру для связи при «главной квартире»: «Лишь тогда, когда большевики стали получать от нас постоянный приток фондов через разные каналы и под разными ярлыками, они стали в состоянии поставить на ноги свой главный орган “Правду”, вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкий базис своей партии» (док. № 94). 15 декабря посол в Стокгольме Люциус телеграфировал Министерству иностранных дел: «Воровский допускает, что германский отказ [в помощи] может иметь результатом падение большевиков» (док. № 106). 13 мая 1918 г. германский посол в Советской России граф Мирбах доносил имперскому канцлеру: «Мне думается, что наши интересы требуют сохранения власти большевистского правительства <...> было бы в наших интересах продолжать снабжать большевиков минимумом необходимых средств, чтобы поддерживать их власть» (док. № 124) и т. д.[214]

[214] Пушкарев С. Г. Ленин и Россия: Сборник статей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lenin-rus.narod.ru/01.htm/, свободный. О финансировании германским правительством большевистской партии см. также: Кожевникова Е. Ленин и немецкие деньги (по архивным материалам 1917–1918 гг.). Посев. — 1977. — № 12. Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. — М.: 1999. Никитин Б. Роковые годы. — М.: 2007. Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. — Париж: 1940. Земан З. А. Германия и революция в России 1915–1918. Документы из архивов Министерства Иностранных дел. Сборник документов. — Лондон — Нью-Йорк: 1958. Фатрелл М. Северные подпольные организации. — Лондон. 1963. Россони С. Ленин: Неизбежность революции. — Чикаго: 1964. Скарлан В. Б., Земан З. А. Образ революционера: Жизнь Александра Халпханда. — Лондон — Нью-Йорк: 1965. Катков Г. Немецкая политическая интервенция в России во время мировой войны — Революционная Россия. Симпозиум. — Кембридж: 1968. Рабинович А. Большевики приходят к власти. — М.: 1989. Гаутчи В. Ленин в эмиграции в Швейцарии. — Цюрих: 1973. Персон М. Опломбированный поезд. — Нью-Йорк: 1975. Арутюнов А. Родимое пятно большевизма // Столица. — 1991. — № 4. Арутюнов А. Резидент разведки германского Генштаба. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). — М.: 1992. Соболев Г. Л. Русская революция и «немецкое золото». — СПб.: 2002.

Также известно, что в 1914 г. Ленин, проживая в Кракове, наладил отношения с австрийским правительственным агентством «Союз за освобождение Украины», которое в благодарность за поддержку украинских национальных настроений выдало ему денежную дотацию. В отчетном докладе Союза имелось следующее сообщение: «Союз предоставил помощь фракции большинства РСДРП в виде денег и содействия в установлении связей с Россией. Лидер этой фракции, Ленин, не враждебен к требованиям Украины, что следует из прочитанной им лекции, текст которой представлен в “Ukrainische Nachrichten”»[215].

В целом же можно вполне уверенно заключить, что в вопросе добывания средств большевики полностью основывались на своем принципе «цель оправдывает средства» и не гнушались ничем.

[215] Пайпс Р. Россия при старом режиме. — М.: 2004. — С. 468.

Глава 4

Люблю я, когда люди ругаются!

О чем люди — с самых пеленок —
молились, мечтали, мучились?
О том, чтобы кто-нибудь раз навсегда сказал им,
что такое счастье, — и потом приковал их
к этому счастью на цепь.

Евгений Замятин, «Мы»

1

Чтобы лучше понять суть большевистской государственной машины для идеологической обработки людей, целесообразно привести дополнительно некоторые лежащие в плоскости именно этой темы характеристики ее непосредственного автора — Ленина, полученные из свидетельств знавших его лично людей или же выводов объективных историков. При этом нужно отметить, что некоторые из цитируемых политиков были противниками Ленина, а потому их мнение носит, разумеется, субъективный характер. Однако нельзя не обратить внимания на одну особенность. Эти люди имеют право свидетельствовать хотя бы потому, что в историческом споре с Лениным все они оказались в той или иной степени правы, поскольку в современном гражданском обществе сегодня представлен очень широкий спектр политических течений от социал-демократов до монархистов и все они доказали свое право на существование, на выражение интересов определенных групп людей с признанием приоритета общечеловеческих ценностей. Поистине один Ленин оказался кругом неправ и полным банкротом. (Если не считать, конечно, что он благополучно пребывает пока еще в северокорейском чучхе и кубинском кастризме, а также будет жить вечно в менталитете определенного круга людей.) При этом мы, разумеется, не станем приводить выдержек из тех бесчисленных панегириков Ленину, которые издавались миллионными тиражами в СССР, поскольку этой литературе, как органической части коммунистической пропаганды, совершенно нельзя верить.

Н. Валентинов так характеризовал вождя большевизма: «Если бы заснять фильм из повседневной жизни эмигранта Ленина в пределах его правил, привычек, склонностей, — получилась бы картина трудолюбивого, уравновешенного, очень хитрого, осторожного, без большого мужества, трезвейшего, без малейших эксцессов мелкого буржуа. <...> Однако это только одна половина Ленина. Если бы параллельно с первым, “немым” фильмом, заснять другой, с записью звуковой, передающей то, что проповедует Ленин, то, что чистенько, аккуратно он заносит на бумагу (без писания, сводящегося к наставлениям, команде, приказам, директивам — он не мог бы жить), предстанет феномен, бьющий своей противоречивостью. Этот трезвый, расчётливый, осторожный, уравновешенный мелкий буржуа — далёк от уравновешенности. Он считает себя носителем абсолютной истины, он беспощаден, он хилиаст. Он способен доводить свои увлечения до ража, от одного ража переходить к другому, загораться испепеляющей его самого страстью, заражаться слепой ненавистью, заряжаться таким динамитом, что от взрыва его в октябре 1917 года будут сдвинуты с места все оси мира. Две души, два строя психики, два человека — в одной и той же фигуре. <...> Возвращаясь из эмиграции и подъезжая 16 апреля 1917 года к Петрограду, Ленин, волнуясь, спрашивал: “Арестуют ли нас по приезде?” Это — одна ипостась Ленина. Двадцать минут спустя, после торжественного его приёма на вокзале представителями Совета рабочих и солдатских депутатов, Ленин нёсся на броневике через весь Петроград к дворцу Кшесинской, ставшего помещением Центрального Комитета большевиков, бросая встречным толпам: “Да здравствует мировая социалистическая революция!” Это — другая ипостась Ленина. От одной души поёт НЭП и завещание Ленина — “надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперёд”. От другой — Октябрьская революция и хилиастические видения кровавой мировой коммунистической революции»[1].

Также интересно привести свидетельство бывшего товарища Ленина по «Искре» Александра Потресова: «Никто, как он не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личности, как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по-видимому, не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным. Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо-

[1] Валентинов Н. В. (Н. Вольский). Малознакомый Ленин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/UnnownLenin/index.htm, свободный.

таки гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, господства над ними. Плеханова — почитали, Мартова — любили. Но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным, бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатичную веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя»[2].

Другой меньшевик, автор известных «Записок о революции» Николай Суханов писал: «Ленин — вообще очень хороший оратор. Не оратор законченной, круглой фразы, или яркого образа, или захватывающего пафоса, или острого словца, но оратор огромного напора, силы, разлагающий тут же, на глазах слушателя, сложные системы на простейшие, общедоступные элементы и долбящий ими, долбящий, долбящий по головам слушателей — “до бесчувствия”, до приведения их к покорности, до взятия в плен»[3].

Большевик Александр Нагловский вспоминал: «Теперь о Ленине <...> обычно пишут, как о каком-то спокойном мудреце, вещавшем истины. Напротив <...> Ленин был крайне нервен, непоседлив, взвинчен»[4].

А вот пересказ разговора Ленина с меньшевиком, а впоследствии советским дипломатом Георгием Соломоном в декабре 1917 г. «“Мы забираем как можно левее!!” — заявил Ленин. “Все это очень хорошо, — стал осторожно возражать Соломон. — Допустим, что вы дойдете до самого, что называется, левейшего угла... Но вы забываете закон реакции. Ведь вы откатитесь по этому закону черт знает куда!” “И прекрасно! — воскликнул Ленин. — Прекрасно, пусть так, но в таком случае это говорит за то, что надо еще левее забирать. И не нам, старым революционерам, бояться и этого эксперимента, и закона реакции. Мы победим! Мы всколыхнем весь мир!” “Пока что не знаю, что будет дальше, вы только уничтожаете”, — заметил Соломон. Ленин ответил: “Верно, совершенно верно, вы правы. Мы уничтожаем, но помните ли вы, что говорит Писарев? “Ломай, бей все, бей и разрушай! Что сломается, то все хлам, не имеющий права на жизнь, что уцелеет, то благо”. Вот и мы, верные писаревским — а они истинно революционны — заветам, ломаем и бьем все, бьем и ломаем, ха-ха-ха, и вот результат, — все разлетается в дребезги, ничего не остается, то есть все оказывается

[2] Цит. по: Майсурян А. Указ. соч. — С. 59.

[3] Там же. — С. 201.

[4] Там же. — С. 104.

хламом, державшимся только по инерции! <...> Ха-ха-ха, и мы будем ломать и бить!”»[5]

Упоминавшаяся уже исследовательница деятельности Ленина Дора Штурман характеризовала его прежде всего как «экстремиста и демагога» и писала относительно его методов работы в области пропаганды следующее: «У Ленина были лозунги — броские, упрощенные до пределов, доступные каждому, воздействующие более на чувства, на личные и массовые инстинкты, чем на разум». Также она подмечала, что Ленин в своих массово-пропагандистских работах всегда обращался, с одной стороны, к посвященным, на которых была рассчитана его марксистская фразеология, а с другой — к массам, этой фразеологии не понимающим. «На массы рассчитана лесть и лапидарная демагогия обещаний, призывов и клеветы. Картину событий, образы их участников, макеты их целей Ленин лепит размашисто и произвольно. Его забота — не правдоподобие, а реакция зрителей на эти яркие муляжи. <...> Далее следуют обязательные инсинуации».

Делая в своей книге «О вождях российского коммунизма» текстологический анализ ленинских статей, Штурман подчас поясняла, что вынуждена привести сам текст в достаточно большом объеме, «ибо в нем нет ни одного слова, не несущего демагогической или тактической нагрузки».

Еще одно важное ее наблюдение заключалось в том, что Ленин никогда не упускал из виду главного условия эффективной пропаганды: хочешь быть понятым — говори на языке масс и говори то, что массы не только могут понять, но и хотят услышать. При этом его совершенно не волновало, что он сплошь и рядом заведомо обманывал своих адресатов, например, так называемых союзников пролетариата — крестьянство, служащих и другие мелкобуржуазные слои. «От Ленина крестьяне получили (в феврале-октябре 1917 г.) и доступный язык, и близкие идеи, и спасительное единообразие пропаганды», — считала Штурман и поясняла, что упрощенность ленинских формул достигалась и лексически, и через обеднение содержания. «Две-три плоские мысли внушаются слушателям посредством настойчивой тавтологии»[6], — констатировала исследовательница.

Также интересно привести еще одно свидетельство Виктора Чернова: «Его ничем непреоборимый, действенный оптимизм,

[5] Цит. по: Майсурян А. Указ. соч. — С. 317–318.

[6] Штурман Д. Указ. соч. — С. 65, 73, 78, 89, 147.

даже в такие моменты, когда все дело казалось погибшим и все готовы были потерять голову, не раз оправдывался просто потому, что Ленина вовремя спасали ошибки врагов. Это бывал просто слепой дар судьбы, удача, но удача венчает лишь тех, кто умеет держаться до конца даже в явно безнадежном положении. Большинство сдается, не дожидаясь этого конца, — не хочет даром тратить силы, не хочет явно ненужных и бесполезных жертв. И по-своему они правы и благоразумны, только именно их благоразумие часто и не позволяет случайной удаче их выручить. Вот почему есть некое высшее благоразумие в неблагоразумии человека, готового до конца истощить последнюю каплю сопротивляемости, вопреки всему: стихии, логике, судьбе, року. Такого благоразумного неблагоразумия природа отпустила Ленину необыкновенно много — быть может, чересчур много. Зато для окружающих, для друзей, для приверженцев, для массы — факт, что Ленин не раз выводил партию из самых отчаянных ситуаций, превращался в какое-то чудо и, разумеется, приписывался его гениальной прозорливости, то есть как раз тому качеству, которого у него в большом, историческом масштабе совершенно не было. Ленин был прежде всего фехтовальщик. А фехтовальщику не нужно провидений, не нужно слишком сложных идей, может быть вообще не следует чересчур задумываться; но надо уметь сосредоточить на одном все внимание и все силы, приковать свой взгляд ко всем движениям противника, обладать чисто инстинктивной находчивостью и приспособленностью всех рефлексов, чтобы в данный момент на каждое данное действие врага найти без малейшего промедления самый удачный ответ. Ум у Ленина был не широкий, но интенсивный, не творческий, но изворотливый и в этом смысле изобретательный. <...> Но с этим непосредственным тактическим здравомыслием в необычайно резком на первый взгляд противоречии стояла абсолютная беспочвенность и фантастичность всех его прогнозов более широкого исторического размаха и всех его программных идей и планов, рассчитанных не на сегодня и не завтра, а на целую переживаемую эпоху»[7].

А вот еще одно наблюдение уже упоминавшегося Потресова: «В пределах социал-демократии, или за ее пределами, в рядах всего общественного движения, направленного против режима самодержавия, Ленин знал лишь две категории людей: свои и чужие. Свои, так или иначе входящие в сферу влияния его организации, и чужие, в эту сферу не входящие и, стало быть, уже в силу этого одного

[7] Воля России. — 1924. — № 3.

трактуемые им как враги. Между этими полярными противоположностями, между товарищем-другом и инакомыслящим-врагом, для Ленина не существовало всей промежуточной гаммы общественных и индивидуально-человеческих взаимоотношений»[8].

Ленинские постоянные интриганство и диктаторство порой отвращали от него даже своих. Ушли было в 1909 г. в богостроительство и идеализм (философски несопоставимо более плодотворный по сравнению с примитивным материализмом Ленина) А.А. Богданов и А.В. Луначарский. А бывший столь близким Ленину обеспечивавший техническими средствами боевиков Красин, когда в 1916 г. его, работавшего в эмиграции инженером, попросили помочь безработному Ленину, вытащил из кармана пару банкнот и сказал: «Право, Ленин не стоит того, чтобы его поддерживать. Это вредный тип и никогда не знаешь, что, какая дикость взбредет ему в его татарскую башку, черт с ним!»[9] (Любопытно, что такое отношение не помешало после революции Красину стать наркомом торговли и промышленности.)

Интересные воспоминания о проявлении ленинского склада ума оставил Лев Троцкий. Рассказывая, как он навещал Ленина в Лондоне, Троцкий пишет, что когда Ленин показывал ему окрестности, то постоянно адресовался к ним как к «ихним», имея в виду «не английские», но — «вражеские»: «Этот оттенок, выражающийся больше в тембре голоса, был у Ленина всегда, когда он говорил о каких-либо либо ценностях культуры или новых достижениях <...> умеют или имеют, сделали или достигли — но какие враги!»[10]. То есть Ленина совершенно не волновали какие-то достижения западной цивилизации сами по себе. Он хотел уничтожить это общество несмотря ни на что.

Ленин всегда проявлял склонность к жестокости. Уже в молодости он восхищался не только всеми народниками-революционерами, но в особенности вождем «Народной расправы», автором «Катехизиса революционера» Сергеем Нечаевым — поистине исчадьем ада, а не человеком, к которому в конце XIX века с одинаковой неприязнью относились и монархисты, и либералы, и революционеры. «Нечаев должен быть весь издан, — неоднократно повторял Ленин, — необходимо изучить, дознаться, что он писал, расшифровать все его

[8] Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений. — Париж: 1937. — С. 294.

[9] Соломон Г. А. Ленин и его семья. — Париж: 1931. — С. 78.

[10] Троцкий Л. О Ленине. — М.: 1924. — С. 6–7.

псевдонимы, собрать воедино и все напечатать»[11]. Закономерно, что написанный по материалам нечаевщины роман Ф.М. Достоевского «Бесы» Ленин читать принципиально не стал, сказав про него: «Явно реакционная гадость, терять на нее время у меня абсолютно никакой охоты нет. Перелистал книгу и швырнул в сторону. Такая литература мне не нужна, — что она мне может дать? <...> На эту дрянь у меня нет свободного времени». Ленин вообще не мог терпеть произведения Достоевского, называл его «архискверным писателем», а дух его романов — «морализирующей блевотиной»[12].

Впоследствии издаваемые Лениным декреты и распоряжения обрекали на смерть огромную массу ни в чем не повинных людей, и при этом он не чувствовал ни малейшего раскаяния по поводу смертей, которые были целиком на его совести. В то же время Ленин, скорее всего, не извлекал удовольствия из страданий других, то есть не был садистом, а его жестокость происходила из полного безразличия к страданиям конкретных людей. Горький составил из разговоров с Лениным впечатление, что «ему почти неинтересно индивидуально-человеческое, он думает только о партиях, массах, государствах». В другом месте писатель отмечал, что «рабочий класс для Ленина это то, что для кузнеца руда», то есть сырой материал для социального эксперимента. Горький также вспоминал, что когда он просил Ленина в годы красного террора сохранить жизнь тому или иному из приговоренных к смертной казни, вождь большевиков каждый раз бывал неподдельно удивлен, почему его беспокоят по таким пустякам.

В этой связи следует отметить, что некая разрекламированная потом коммунистической пропагандой ленинская любовь «к простому человеку» была, по меньшей мере, сильно преувеличена, а если называть вещи своими именами, то попросту очередной неправдой. Объективный биограф Ленина Роберт Сервис специально обратил внимание на эту тему и привел в своей книге целый ряд свидетельств тому, что конкретные люди труда Ленина, как правило, не интересовали. Он, например, никогда не предлагал своей матери, владевшей землей в Самарской губернии, сдавать ее в аренду крестьянам деревни Алакаевка, сильно нуждавшимся в этом, а поддерживал сделку по сдачи ее предпринимателю Крушвицу, поскольку так было выгоднее. Из получаемых от этого средств Мария Александровна высылала Ленину регулярные переводы.

---

[11] Майсурян А. Указ. соч. — С. 68.

[12] Там же. — С. 69–70.

Еще более характерным примером была ситуация в 1891–1892 гг., когда Поволжье, где жили Ульяновы, поразил голод. При этом молодой Владимир выступил против какой-либо общественной помощи голодающим на том основании, что «голод играет роль прогрессивного фактора», потому что снимает крестьян с земли и гонит в город, где они формируют пролетариат[13]. Также характерным в этом смысле является то обстоятельство, что Ленину представлялась прямая возможность защищать конкретных людей в суде, поскольку он уже начал было работать помощником присяжного поверенного, то есть адвокатом. Однако вождя такая забота о людях абсолютно не прельщала и, по свидетельству Григория Зиновьева, он вспоминал о нескольких месяцах своей адвокатской практики исключительно с иронией. Не имел привычки Ленин заводить какие-то личные чисто человеческие отношения с рабочими и в период его революционной деятельности в России до ссылки, интересуясь исключительно теми людьми, которые втягивались в его пропагандистскую орбиту. Люди интересовали Ленина только как исторический материал для революции либо в роли его помощников-вождей, либо идущей за его партией массой.

Со временем нахождения у власти жестокость Ленина быстро нарастала и далеко превосходила очень многих его соратников (исключая, вероятно только Троцкого и Сталина). Например, в середине февраля 1918 г., когда никакой Гражданской войны еще не было, а наблюдалось, по определению самого Ленина «триумфальное шествие Советской власти», председатель СНК предложил на заседании Чрезвычайной комиссии по снабжению и транспорту принять декрет, согласно которому обязать всех крестьян сдавать продовольствие в обмен на квитанции, а в случае отказа или же простой задержки с поставками продуктов виновных расстреливать. Даже народный комиссар продовольствия Цюрупа впоследствии писал: «Мы были ошеломлены, прочитав этот проект. Принятие такого декрета привело бы к массовым казням. В конце концов проект Ленина был отклонен»[14]. Однако, как известно, это не помешало вождю в том же году и затем вплоть до своего ухода требовать расстрелов крестьян напрямую через распоряжения главы правительства. Вот типичная телеграмма в Пензенский губисполком от 10 августа 1918 г.: «Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей револю-

[13] Сервис Р. Ленин. — М.: 2002. — С. 104, 109.

[14] Цит. по: Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. — С. 87.

ции, ибо теперь взят «последний решительный бой» с кулачьем. Образец надо дать. 1) Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. 2) Опубликовать их имена. 3) Отнять у них весь хлеб. 4) Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков. Телеграфируйте получение и исполнение. Ваш Ленин. Найдите людей потверже».

Как это часто бывает, оборотной стороной жестокости Ленина был недостаток личного мужества или, точнее, умение всегда вовремя скрыться, когда начинает пахнуть жареным. Очень характерно, например, что в начале 1890-х годов Ленин не признался в авторстве одного из текстов, за что его товарищ П. К. Запорожец получил два дополнительных года ссылки, а Ленин избежал более жесткого наказания, нежели была его поистине курортная ссылка в Шушенское[15].

А вот что писал по поводу недостатка у Ленина мужества Н. Валентинов: «Гармонии слова и дела, приписываемой Ленину, у него как раз и не было. Он никогда бы не пошел на улицу “драться”, сражаться на баррикадах, быть под пулей. Это могли и должны были делать другие люди, попроще, отнюдь не он. В своих произведениях, призывах, воззваниях, он “колет, рубит, режет”, его перо дышит ненавистью и презрением к трусости. Можно подумать, что это храбрец, способный на деле показать, как не в “фигуральном”, а в “прямом, физическом смысле” нужно вступать в рукопашный бой за свои убеждения. Ничего подобного! Даже из эмигрантских собраний, где пахло начинающейся дракой, Ленин стремглав убегал. Его правилом было “уходить по добру, по здорову” — слова самого Ленина! — от всякой могущей грозить ему опасности. <...> Хотя Ленин давал самые детальные советы и даже директивы как драться с царской полицией, бить шпионов, поджигать полицейские участки (см. его письмо от 29 октября 1905 года в Боевой Комитет при Петербургском Комитете), никак нельзя себе представить, что лично он может всё это проделывать. Этого величайшего революционера нельзя себе представить идущим во главе демонстрантов на бой с полицией или стоящим в первых рядах на баррикаде. <...> Какие бы рационалистические, увесистые аргументы в защиту такой позиции не приводились — морально и эстетически она все же коробит». Описывая жизнь Ленина в 1917 г. в России между двумя революциями, Валентинов констатировал: «Доведённая до крайности

[15] Пайпс Р. Русская революция. — Кн. 2. — С. 25.

осторожность и боязнь быть арестованным (он несомненно считал, что с его арестом рушится и вся революция) порождали у него своего рода шпиономанию: ему всегда казалось, что около дома, где он поселился, появлялись шпионы»[16].

Действительно, неизменной реакцией Ленина на ситуацию физической опасности было бегство. Он обладал непревзойденной способностью исчезать при угрозе ареста или перестрелки, даже если для этого требовалось бросить своих. Так, Татьяна Алексинская, жена предводителя большевистской фракции во II Государственной думе, вспоминала: «Впервые я встретила Ленина летом 1906 г. Мне не хочется вспоминать об этой встрече. Ленин, которым восхищались все левые социал-демократы, казался мне до этого легендарным героем... Никогда его не видев, поскольку он до революции 1905 г. жил за границей, мы представляли его себе революционером без страха и упрека... Какое же острое разочарование постигло меня, когда я увидела его на митинге на петербургской окраине. Не одна только его внешность производила неблагоприятное впечатление: он был лыс, с рыжеватой бородой, монгольскими скулами и неприятным выражением лица. В основном это было его поведение во время последовавшей демонстрации. Когда кто-то, увидев, как кавалерия наехала на толпу, закричал: “Казаки!”, Ленин первым бросился бежать. Он перескочил через забор. Его котелок упал, открыв лысый череп, потный и блестевший на солнце. Он упал, поднялся и снова побежал... У меня было странное чувство... Я понимала, что нечего было делать, надо было спасаться. И все-таки...»[17]. При этом, как потом выяснилось, все другие участники митинга остались на месте и начали пререкаться и договариваться с казаками.

Характерно, что, приехав в ноябре 1905 г. в Россию, Ленин активно подстрекал рабочих на вооруженные выступления, прямо-таки учил тактике терроризма в условиях уличной войны, а когда действительно в декабре началось Московское восстание, он с Крупской быстро укрылся в Финляндии. Они возвратились только 17 декабря после подавления беспорядков.

После начала войны Ленин из Австрии перебрался в нейтральную безопасную Швейцарию, откуда обвинял находившихся в своих воюющих странах западных социал-демократов в том, что они

[16] Валентинов Н.В. (Н. Вольский). Малознакомый Ленин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/UnnownLenin/index.htm, свободный. Валентинов Н. О Ленине. — Нью-Йорк: 1991. — С. 97–98.

[17] Цит. по: Штурман Д. Указ соч. — С 87.

не выступили с лозунгами «за поражение своих правительств», хотя такие выступления были чреваты исключительно суровыми наказаниями по законам военного времени. А в 1917 г. после неудачного июльского путча Ленин моментально скрылся опять сначала в шалаше у озера Разлив, а затем в более безопасную Финляндию, отказавшись предстать перед вполне демократичным судом и использовать его в качестве трибуны, как это было принято у революционеров-народников.

Целый ряд случаев аналогичного поведения Ленина приводил Борис Никитин, руководивший с марта по июль 1917 г. контрразведкой Петроградского военного округа, в своей известной книге «Роковые годы». Например, он привел свидетельство большевика Алина (Рыжкова), который рассказывал, как однажды в Париже в 1910 г. группа большевиков сидели в одном из кафе, в том числе и Ленин. Тут вошли несколько членов оппозиционной большевистской группы «Вперед». Они держали себя демонстративно, слышались возгласы: «крепкоголовые демагоги». Ленин, побледнев, схватил шляпу и, взволнованный, быстро покинул зал. После этого его нигде не могли найти. Оказалось, что два часа под дождем, скрываясь, он бродил по городу, так как, по словам Алина, был сильно взволнован. «Свидетели приводят этот пример как образец его личной трусости», — констатировал полковник Никитин.

Также он передавал рассказанный ему надежным свидетелем личный разговор большевиков Иоффе и Троцкого, когда первый напомнил второму, что после провала июльского восстания 1917 г. несколько большевиков, в том числе Ленин, собрались на совещании на окраине Петрограда. «Вы помните, — сказал Иоффе, — каким выглядел Ленин: бледный, насмерть перепуганный. Он сидел и даже слова не мог произнести. Чем больше я думаю, тем больше прихожу к убеждению, что он был редкий трус».

После приведения еще ряда аргументов, воспитанный на традициях русского офицерства Никитин заключал: «Таков был вождь, который бежит, бросает своих в критическую минуту: но что особенно поразительно, — “слова не может выговорить” — “для великой цел”. Потом он начинает осторожно возвращаться. Когда? — Через три месяца — 7 октября, после того, как Троцкий, отбыв тюрьму, успел стать 25 сентября во главе Совета солд. и раб. депутатов и привести к присяге весь гарнизон. Как возвращается Ленин? После 7 октября по ночам, по квартирам у Каменева, у Суханова и у других на Выборгской стороне. В каком виде? — Загримированный: “седенький, под очками, — не то учитель, не то музыкант, а может быть,

букинист” — так описывает Ленина, изменившегося под гримом до неузнаваемости, один из его сотрудников того времени. Нужен ли был этот маскарад, когда опасно было показываться в офицерских погонах?

<...> В ночь с 23-го на 24 октября в Смольный Институт пробирается загримированный Ленин под защиту пушек, ружей и пулеметов. Там ему будет безопаснее, чем где-либо. Первый раз после июльского бегства он показывается широкой публике в Совдепе 26 октября, на другой день “после победы в гражданской войне”, как он сам сказал».

Никитин считал, что особенностью Ленина, отличавшей его от других революционеров, было отсутствие жертвенности. «Политического деятеля двигает на риск идеал, сознание необходимости жертвы для общего блага. Мы можем констатировать, что никаких чувств, превалирующих над животным инстинктом самосохранения, у Ленина не оказалось. В трудные минуты он прежде всего бежит, один бежит, молча бежит, бросает своих без указаний»[18].

Следует также отметить, что в период Гражданской войны, Ленин в отличие от Троцкого и ряда других большевиков, ни разу не выехал на фронты и вообще куда-либо далее подмосковных Горок. Не решился он и посетить какую-либо страну с дружественным визитом как глава государства или же международную конференцию (например, в Гааге в 1922 г.). Между тем, казалось бы, кто лучше него мог донести до иностранных лидеров позицию новой России? Кто мог бы лучше отстаивать ее интересы в различного рода дискуссиях? Но Ленин руководствовался прежде всего интересами личной безопасности.

Также уместно привести характеристику Ленина как политика, данную Петром Струве в апреле 1924 г.: «В истории есть два вида значительных людей. Одни таковы в силу своего личного содержания, которым они налагают на исторический процесс свою печать. Другие выражают лишь какую-то большую историческую, добрую или злую, стихию, являясь ее исполнителями и орудиями. Первые люди всегда лично значительны, ибо они сами содержательны, самобытны. Вторые представляют комбинацию каких-то личных свойств, которую можно в известном смысле назвать одаренностью, с силами исторической стихии. В Ленине перед нами второй случай. Его идейное содержание было неоригинально, и в своей существенной неоригинальности он, как ум, был лишен даже какой-либо

[18] Никитин Б. Роковые годы. — М.: 2007.

одаренности. Все его умственное содержание это — марксизм в его внутренне противоречивом, логически и объективно несостоятельном, варианте. Но этот скудный и плоский ум был наделен огромной и гибкой волей, не только безоглядной, но и совершенно бесстыжей. Всякой сильной воле присущ более или менее значительный гипнотизм, некая степень неотвратимой заразительности. Воля Ленина была заразительна, и она, вместе с его «революционным» содержанием, соединившись с волнами разбуженной и разнузданной темной исторической стихии, привела к торжеству коммунистической революции. <...> Комбинация революционера и тактика, вообще говоря, морально весьма трудная, осуществлялась в Ленине с полной, я бы сказал, артистической легкостью. Ленин был абсолютным аморалистом в политике и потому ему было легко быть таким превосходным и успешным тактиком».

Описывая личный психологический тип Ленина, Струве утверждал: «Это была смесь палача с лукавцем. То, что в Ленине всегда отталкивало тех людей, которые когда-то были его единомышленниками в главном и основном, была именно эта ужасная смесь. И Г. В. Плеханов, и В. И. Засулич, и М. И. Туган-Барановский, и пишущий эти строки, несмотря на все различие своих темпераментов и даже взглядов, испытывали некое общее глубочайшее органическое отталкивание от самой личности Ленина, от его палаческой жестокости и абсолютной неразборчивости в средствах борьбы. Душа прямой и нежно-тонкой Веры Ивановны Засулич прямо содрогалась и сжималась при соприкосновении с этим человеческим воплощением лукавой злобы. Но именно такой человек и мог напоить своим ядом и оседлать народную стихию. В стихии этой огромную силу с 1917 г. возымели всегда тлеющие в человеческой природе искры и семена злобы и ненависти, предательства и хамства. Как ловкий тактик, Ленин со своими «товарищами» разжигал эти искры, в то же время всю силу своей воли и все могущество своего подпольного гипнотизма направляя на организацию власти. Палач и лукавец, революционер и тактик в одном лице, Ленин был великим органическим властолюбцем. <...> Властолюбие было у Ленина подлинной стихией его существа. Вся его личность была объята этой похотью. В этом страшном властолюбии была его сила, как политического деятеля и организатора партии»[19].

[19] Струве П. Б. Подлинный смысл и необходимый конец большевистского коммунизма // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А.Ф. Киселева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm, свободный.

Наряду с этим Ричард Пайпс, например, находил, что культурный багаж Ленина был весьма скромен для русского интеллигента его поколения. По мнению историка, сочинения лидера большевизма выдают очень поверхностное знакомство с русской классической литературой (не считая Тургенева), по большей части относящееся, вероятно, ко времени обучения в гимназии. Российские эмигранты-революционеры отмечали, что Ленин и Крупская практически не ходили на концерты и в театр. Потресов свидетельствовал, что с двадцатипятилетним Лениным можно было обсуждать только один предмет: «движение». Ничто другое его не интересовало, и ни о чем другом он не мог сказать ничего интересного. «В общем, он не был тем, что принято называть многосторонней личностью»[20], — констатировал Ричард Пайпс.

2

Отдельным очень характерным вопросом в теме «Ленин и пропаганда» является поведение вождя в процессе публичной или частной полемики с представителями иных точек зрения. Как уже упоминалось, здесь он совершенно не стеснялся в выражениях, любил всячески задеть, обругать, третировать, оскорбить своего противника, вывести его из себя, спровоцировать на ответную резкость, попытаться вызвать излишнее волнение, чтобы оппонент допустил ошибку и т.д. Александр Майсурян в своей книге «Другой Ленин» (в которой он в целом относится к своему герою с явной симпатией) привел большой ряд слов и выражений Ленина, употребленных им в печатных работах или устных выступлениях по отношению как к политическим противникам, так и соратникам.

Вот что набрал Майсурян (приведем этот значительный кусок из его книги почти полностью). «Самая добродушная ленинская ругань: о, мудрецы! Бывают же такие комики! Чудаки! Шутники! Наивные люди! О, комедианты! Вы — просто слезоточивые дурачки, слюнтяи. Кисейные барышни да жеманные юноши, которые читали в книжке и вычитали одни жеманности. Кисляи поганые, мямли, нытики, слякоть, ученые дураки и старые бабы. Святенькие, но безрукие болваны. Милейшие поросята, болтуны, оболтусы, шуты гороховые, совсем безголовые люди, пустомели, хвастуны, слепцы, тупицы первого ранга, круглые дураки, не люди, а жалкие тряпки.

[20] Пайпс Р. Русская революция. — Кн. 2. — С. 21.

Пустозвонный болтун, болван, путаник первого ранга, пустолайка, поросеночек, милейший добряк, миляга, сладенький дурачок, дура петая, махровая. О, теленок! Дитя! Поистине образец растерянного, слезоточивого и импотентного филистера! О, какое убожество! О, лицемеры! Эти глупые, истерические существа, я так зол, так зол!..

Ругань покрепче: сами по себе вы — гробы повапленные. Душонка у вас насквозь хамская... Какая презренная холопская фигура! Негодяй! Сукин сын, подлец, архижулик, архимерзавец, паскудная гнида, грязная сволочь. Мазурики, подонки, канальи, лакейские души, прохвосты, хамы, архипройдохи. Сволочь и дурни! Дурачье и сволочь! Мерзавцы! Негодяи, которые плюют и блюют на нас.

Самый высокий градус брани: дать в морду... наплевать в харю... вдрызг уничтожить, смешать с грязью... втоптать в помойную яму... выпороть жестоко и публично... пороть всурьез... бить и драть... бить в три кнута... слизняки, шваль, гадины, вонючки, говно, говняки... не люди, а слизь и мерзость. Мы его высечем так, что до новых веников не забудет. Вас надо четыре раза расстрелять.

Столь же часто Ленин сравнивал своих противников с животными. Это дикие и бешеные собаки, сторожевые псы, тигры, ослы, шакалы, свиньи, акулы, пауки, клопы, блохи, пиявки, могильные черви, вонючие насекомые, гиены, стервятники, а также мастодонты и ихтиозавры, ибо зубры для них слишком почетное название. Среди такого зоопарка даже страус, комнатная собачка или нахохлившийся индюк выглядят почти как похвалы.

В поисках выразительных красок Ленин прибегал и к сочным выражениям, взятым из половой области: языкоблудствовать вовсю, пачкать языкоблудством, языком распутничать, кастрировать, публичный дом, общедоступная сводница, выкидыш, недоносок, ублюдок, труположство и т. д. Особое внимание уделено проституткам: здесь и просто проститутки, и проститутки либерализма, и публичные мужчины... Но знаменитого выражения «политическая проститутка», которое приписывается Ленину, в его сочинениях нет.

Нередко ленинская ругань обращается и на «своих»: арестовать паршивых чекистов... сажать коммунистическую сволочь... подвести под расстрел чекистскую сволочь. Мы будем достойны лишь того, чтобы нам все плевали в рожу. Нас всех... надо вешать на вонючих веревках. Однажды Ленин прочитал целую лекцию о ругани товарищу, который упрекнул его за резкие слова. «До сих пор я думал, что имею дело с взрослым человеком, а теперь смотрю на вас и не знаю: не дитя ли вы или по ряду соображений, ради моральности, хотите казаться дитятей. Вас, видите ли, тошнит, что в партии

не господствует тон, принятый в институте благородных девиц. Это старые песни тех, кто из борцов-революционеров желает сделать мокрых куриц. Боже упаси, не заденьте каким-нибудь словом Ивана Ивановича. Храни вас Бог — не вздумайте обидеть Петра Петровича. Спорьте друг с другом только с реверансами. Если бы социал-демократия <...> применяла бы беззубые, никого не задевающие слова, она была бы похожа на меланхолических пасторов, произносящих по воскресеньям никому не нужные проповеди».

Владимир Ильич с удовольствием вспомнил, как великолепно бранился Маркс и как другие революционеры умеют «так замазать морду противника, что он ее долго не может отмыть»... «Маркс и Энгельс в “хорошем тоне” смыслили мало, — замечал Ленин. — Не долго раздумывали, нанося удар, но и не хныкали по поводу каждого ими полученного удара». «Если вы думаете, — писал однажды Энгельс, — что ваши булавочные уколы могут пронзить мою старую, хорошо выдубленную, толстую кожу, — то вы ошибаетесь». «Говорят: боритесь, но только не отравленным оружием», — замечал Ленин по поводу ругани и возражал на это слегка измененной евангельской фразой: «Поднявшие отравленный меч от отравленного меча и погибают».

Резкости и обидные выпады, считал Ленин, — это своего рода прием борьбы. В. Адоратский вспоминал: «Владимир Ильич, смеясь, говорил, что он этот прием хорошо знает: цель этого приема состоит в том, чтобы заставить противника в злобе наговорить лишнего, написать в состоянии раздражения какие-нибудь глупости. После того как противник на такую удочку попался, — тут-то его и можно разделать». «Люблю я, когда люди ругаются, — писал Ленин, — значит, знают, что делают». Однажды он сказал товарищу, с которым спорил: «Меня раздражает ваш дипломатический или, вернее, парламентский тон! Говорите же, ругайтесь, возражайте!»

“Борьбы не бывает без увлечения, — писал Ленин. — Увлечения не бывает без крайностей; и, что до меня, я всего больше ненавижу людей, которые в борьбе... видят прежде всего “крайности”. Меня всегда подмывает — извините — крикнуть этим людям: «по мне уж лучше пей, да дело разумей”.

Была ли ругань Ленина совершенно лишена «личного чувства», как у Рахметова? Во всяком случае, нередко после обмена яростнейшей бранью он мирился со своими противниками. И тогда полностью восстанавливал с ними дружеские отношения. Никакой «тени прошлого» не оставалось: все сказанное мгновенно предавалось забвению. Предлагая в одном случае примирение своим противни-

кам, он замечал: «Все личное (неизбежно внесенное острой борьбой) пойдет в минуту насмарку». «Когда Ильича противник ругал, — писала Крупская, — Ильич кипел, огрызался вовсю, отстаивал свою точку зрения, но когда вставали новые задачи и выяснялось, что с противником можно работать вместе, тогда Ильич умел подойти ко вчерашнему противнику как к товарищу. И для этого ему не нужно было делать никаких усилий над собой».

Сколько резких слов Ленин потратил, например, на Троцкого. «С Троцким, — ядовито замечал он, — нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов». Он клеймил Троцкого как пустозвона, проходимца, негодяя, мерзавца, шельмеца, тушинского перелета, Ноздрева, Балалайкина, Тартарена из Тараскона, Иудушку... Но после всего этого в ноябре 1917 года невозмутимо назвал «лучшим большевиком». «У нас нет ни тени озлобления против лиц... У нас нет чувства мстительности», — замечал Ленин о большевиках. «Никому из нас не приходит в голову брать что-либо назад или хныкать по поводу “озлобления спора”».

Вообще, стиль Ленина очень эмоционален. Речь обильно уснащена восклицаниями. Даже его письменные тексты пестрят междометиями и эмоциональными возгласами: уф! Бррр!.. Фи, фи! Ха-ха!! Аминь! Тьфу-тьфу! Увы, увы! Ей-ей! Гм... гм... Вот! вот! Ура!! Какие страсти! Какие ужасы! Беда! Боюсь! Какой позор! Стыд и срам! Помилуйте! Это скандал, это зарез, это крах! Швах! Это смертоубийство! Это хаос! Это верх безобразия! Какая гнусная комедия! Картина! Прелесть! Премило! И смех и горе! Вот ахинея и глупость! Вздор и вздор! Это архиглупо! Да ведь это просто галиматья, сапоги всмятку! Это чистейшее ребячество!! Сумасшествие!! Святая истина! Святители! Какая благодать! Да и тысячу раз да! Нет и тысячу раз нет, товарищи!

Ленин и на бумажной странице постоянно кипит действием, ему не хватает одних слов, он вовсю помогает своим мыслям зубами, губами, руками, ногами, призывая то «плюнуть себе в харю», то «разжевывать и вбивать в башки всеми силами». Ремарка к одной из его речей 1919 года гласит: «Ленин делает красноречивый жест ногой. Смех» (жест изображал пинок под зад). «Воняйте!!» — яростно обращался Ленин к своим оппонентам. В его текстах вообще довольно много «физиологии»: здесь лязганье и скрежет зубов, ковыряние в носу, вонючие прыщи и нарывы, гной и отрыжка, слезы и текущие от удовольствия слюнки, дрожь бешенства и тошнота, пена на губах и бешеная слюна, жирные поцелуи, трупный яд, река помоев, моря вони и сто тысяч плевков... В одном месте Ленин замечает:

«Это рассуждение до того прелестно по своей наивности, что так и хочется расцеловать его автора».

Некоторые шутки Ленина отдают «черным юмором»: «Были бы трупы, а черви всегда найдутся»; «Карась, говорят, любит жариться в сметане»; «Вместе пойман, вместе повешен». Ленин шутит, что хотел бы поддержать одного противника «так же, как веревка поддерживает повешенного». Он старается воздействовать не только на зрение, но и на все чувства читателя: «Есть изречение: не тронь — не воняет»; «Его приходится сравнить с гнилым яйцом, которое лопается и шумно и с особенно... пикантным ароматом»; «Можно жить около отхожего места, привыкнуть, не замечать, обжиться, но стоит только приняться его чистить — и вонь непременно восчувствуют тогда все обитатели не только данной, но и соседних квартир»; «Чувствуешь себя так, как будто бы под носом у тебя начали разворачивать накопившуюся с незапамятных времен груду нечистот»»[21].

3

И напоследок несколько слов о кумире Ленина — Карле Марксе. Вот как его характеризовал, например, идеолог русского анархизма Михаил Бакунин: «Нервный <...> до трусости, он чрезвычайно честолюбив и тщеславен, сварлив, нетерпим и абсолютно <...> мстителен до безумия. Нет такой лжи, клеветы, которую бы он не был способен выдумать и распространить против того, кто имел несчастье возбудить его ревность или, что все равно, его ненависть. И нет такой гнусной интриги, перед которой он остановился бы, если только, по его мнению, впрочем, большею частью ошибочному, эта интрига может служить к усилению его положения, его влияния или к распространению его силы. В этом отношении он совершенно политический человек... По воспитанию и по натуре он якобинец и его любимая мечта — политическая диктатура»[22].

А вот характеристика Маркса, данная ему Сергеем Булгаковым в статье «Карл Маркс как религиозный тип». Говоря о личном характере основоположника коммунизма, философ описывал его как властолюбца и человека, в душе которого было больше ненависти, чем любви, отмечая его «бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности». Булгаков также указывал: «Для взоров Маркса

[21] Майсурян А. Указ. соч. — С. 108–112.

[22] Кудров В. М. Указ. соч. — С. 15.

люди складываются в социологические группы, а группы эти чинно и закономерно образуют правильные геометрические фигуры, так, как будто кроме этого мерного движения социологических элементов в истории ничего не происходит и это упразднение проблемы и заботы о личности, чрезмерная абстрактность есть основная черта марксизма». Булгаков подчеркивал полное равнодушие Маркса к судьбам отдельных конкретных людей и язвительно враждебное отношение к религии, особенно христианству. Это он объяснял тем, что «христианство пробуждает личность, заставляет человека ощущать в себе бессмертный дух, индивидуализирует человека, указывая для него путь и цель внутреннего роста, а социализм его обезличивает»[23].

И в заключение следует привести чрезвычайно точную характеристику, которую дал историк Владимир Хорос не какой-то конкретной личности, а типу социального утописта. Она полностью подходит к тем историческим личностям, которые и осчастливливали человечество в ходе так называемых пролетарских революций. «Утопист начинает с осознания социальной несправедливости, объективной потребности общества в революционной трансформации. Для него это осознание становится самодовлеющим, революция — самоцелью, восприятие окружающего мира — одномерным. Прошлое достойно сожаления, настоящее невыносимо, спасение только в будущем. “Там, за морями горя солнечный край непочатый”, — писал в начале XX в. русский поэт Владимир Маяковский. Чтобы попасть в будущее, надо пройти через очищение, революцию. Революция — это как бы сжигание за собою мостов, в ней не просто допустимо, но прямо необходимо насилие, и чем больше, тем лучше. Дело тут не в личной жестокости, а в убеждении: принципиально новый общественный порядок можно построить лишь в том случае, если старое общество будет разрушено “до основанья”. Максимализм цели приводит к максимализму средств. Для утописта на первом плане — субъективные факторы человеческой деятельности. Стремления, идеалы, воля к действию — вот его главные отправные точки. Конечно, утопист не может игнорировать реальной действительности. Но все в ней, что противоречит его планам и намерениям, рассматривается как “сопротивление материала”, которое можно и должно преодолеть. Отсюда постоянное “нетерпение”, готовность, как однажды выразился народник Андрей Желябов, “подталкивать” историю, которая “движется ужасно

[23] Цит. по: Лосский Н. Указ. соч. — С. 259–260.

тихо". Иначе говоря, революционность утописта элитарна. Она опирается главным образом на "критически мыслящих личностей", сплоченных в единую организацию, которая сплоченностью и мобильностью должна компенсировать узость революционных рядов. На первый взгляд, утопист предлагает грандиозный творческий план разрешения всех общественных проблем и противоречий. Но эта романтическая программа "светлого будущего" опирается на чрезвычайно бедное, механистическое понимание общественной жизни. Такое несоответствие лишь на первый взгляд неожиданно. Ведь утопист задумал — шутка сказать! — привести общество к идеальному состоянию, гармоническому равновесию. Он дорожит малейшей деталью своего проекта, стремится контролировать каждый шаг его выполнения. Но это означает отношение к обществу (часто неосознанное, имплицитное) как к некоему механическому агрегату, набору элементов, которыми можно манипулировать, заменять, останавливать, заводить и т.д. Поэтому революционер-утопист легко превращается в утописта-бюрократа. Отсюда и его стремление к регламентации всего и вся, нетерпимость к любому инакомыслию, несовпадению с его мнением. А как же: ведь только он знает, как привести человечество к социальному "хэппи-энду". Он "единоначальник" в мышлении, даже если не властолюбив от природы. Если же он еще и является таковым, то у него все шансы стать настоящим диктатором от революции. Наконец, программа утописта весьма сомнительна с точки зрения критериев гуманизма, человечности. Утопист, несомненно, искренно отвергает социальную несправедливость, постоянно говорит о любви к людям, к человечеству. Но это чувство абстрактно, оно обращено исключительно в будущее. Это любовь к "дальнему", как выражались в тогдашней русской публицистике. Что же касается "ближних", современников, то они вызывают у утописта в лучшем случае сожаление. "Ближние" — всего лишь материал, подлежащий обработке, выделке, подготовке к новому обществу. Попросту говоря, нынешнее поколение должно быть принесено в жертву поколению грядущему»[24].

В итоге же можно вполне логично констатировать: каковы были идеологи и вожди коммунизма, такова была и созданная ими система идеологической обработки населения.

[24] Хорос В. С. Русская история в сравнительном освещении. — М.: 1996. — С. 108–109.

Глава 5

Потому-то в красном пекле крепко любят Ильича

Путь к стопроцентному счастью — свободен.
Спешите же все — стар и млад —
спешите подвергнуться Великой Операции.
Спешите в аудиториумы,
где производится Великая Операция.
Да здравствует Великая Операция!
Да здравствует Единое Государство,
да здравствует Благодетель!

Евгений Замятин, «Мы»

1

Поскольку коммунистической партии удалось не только захватить власть в 1917 г., но и удержать ее в период Гражданской войны и последующие годы, перед всеми мыслящими людьми, имевшими отношение к России, всегда стоял сакраментальный вопрос: как могла горстка революционеров, исповедовавших явные утопии, подчинить себе все и вся? Ведь Россия была страной, хоть и в некотором роде отсталой, давно нуждавшейся в полноценной модернизации, но все-таки, формально христианской, а, следовательно — мало-мальски цивилизованной. И вдруг — такое варварство! Как это было возможно? Почему? «Русская революция есть великая историческая проблема, я бы сказал, почти загадка»[1], — говорил в 1919 г. Петр Струве. «Хотя мы только то и делали, что трудились над разгадкой большевистской революции, мы этой загадки все еще не разгадали»[2], — продолжал тему спустя почти три десятка лет в 1948 г. философ Федор Степун.

[1] Струве П. Б. Размышления о русской революции. // Струве П. Б. Избранные сочинения. — М.: 1999. — С. 273.

[2] Цит. по: Кара-Мурза А. Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре // Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. — СПб.: 1999. — С. 365.

Однако сегодня все уже представляется значительно более понятным. Разумеется, при захвате большевиками власти, как и во всякой ситуации, сложилось вместе много факторов, в том числе и в определенном смысле случайно совпавших. Это острота общественных противоречий и нерешенность целого ряда системных социальных вопросов в России, невменяемый царь, не более адекватное ситуации Временное правительство, убийственная упертость имущих классов, Первая мировая война, беспечность политических противников большевиков из демократического стана, социалистические иллюзии западной и российской интеллигенции и многое другое.

Но применительно к рассматриваемой нами теме нужно признать, что здесь был и мощный фактор из разряда долговременных и закономерных: большевистская пропаганда утопии, водворяемой насильственными методами, ложилась очень во многом на благоприятную общественно-психологическую и историко-культурную почву. И это была более чем существенная причина побед большевиков наряду с талантливо организованным ими административно-военным насилием. Нет сомнения в том, что люди, как правило, поддерживают ту или иную доктрину или политическую силу вовсе не потому, что они находят ее интеллектуальные аргументы более разработанными, убедительными и умными, а потому, что она им психологически и ментально наиболее близка.

Следует признать, что белое движение не смогло привлечь на свою сторону широкие массы. Оно изначально не выдвигало соблазнительных для народа популистских лозунгов, не обещало каких-то сказочных перемен к лучшему, не предлагало решений насущных вопросов в пользу низов, прочно ассоциировалось с чуждыми и ненавистными народу имущими слоями общества, а озлобленность и снобизм белых офицеров, которые нередко проявлялись в отвоеванных у красных районах страны, отталкивали и тех, кто большевикам вовсе не симпатизировал. К тому же это движение не имело и пропаганды сколько-нибудь сравнимого с большевистским размаха. Почему народ должен был поддержать белых в том варианте, в котором они выступали? Нет ответа. Эта альтернатива оказалась в тех исторических условиях обреченной. Пиночетовский вариант в России тех лет не состоялся, вероятно, прежде всего потому, что тогда мир еще совершенно не представлял самой возможности всех грядущих ужасов, абсурдов и парадоксов коммунистических режимов. Россия, по сути, не приняла этот вариант в виде спасительной политики Петра Столыпина еще за несколько лет до Октября, не поддержала сколько-нибудь активно и в ходе Гражданской войны.

Вместе с тем и либерально настроенные слои населения России были немногочисленны, и самая главная проблема здесь заключалась в том, что в это время антифеодальные чаяния уже не могли, как в Европе XVI–XVIII веков, побеждать под чисто буржуазно-демократическими лозунгами просто потому, что капитализм с успевшими за годы его развития назреть противоречиями, в начале XX века в России мало кого уже привлекал. И если выросшие в нем европейцы все-таки в конце концов после всяческих досужих рассуждений о «закате Европы» согласились с оздоровлением привычной им системы через ее демонополизацию, демократизацию, улучшение условий труда и использование рыночных механизмов вместо их уничтожения, то русские низы перспектива вхождения в тот капитализм, от которого Европа уже собиралась уходить, определенно не прельщала.

Большевики же обещали социализм, светлое будущее без эксплуататоров, без помещиков и капиталистов, без богатых и бедных, чтобы все было по справедливости — и это оказалось весьма привлекательным для безграмотной и в очень значительной степени люмпенизированной в ходе войны народной массы. А что касается «свобод», то разве большевики были на словах против? Они-то как раз больше всех и кричали «за свободу для трудового народа» и про «скачок из царства необходимости в царство свободы». Как здесь несчастному мужику было разобраться? И не только мужику, а и иному сострадательному к трудящемуся и эксплуатируемому народу интеллигенту.

2

То есть эффективную деятельность большевистской пропаганды во многом обуславливали такие предпосылки, как низкий общеобразовательный уровень населения, отсутствие устойчивых демократических традиций в развитии общества, некоторые существенные черты русского национального характера — коллективизм, государственный патернализм, покорность авторитарной власти, идея русского мессианства, тяготение к уравнительной справедливости, поиски высшего смысла жизни и др.

Московская Русь рождалась в условиях монгольского завоевания и это во многом определило на целые тысячелетия (если не навсегда) ряд особенностей как Российского государства, так и менталитета его населения. Монголы не только разорили страну и установили экономический гнет. Они также принесли обострение насилия,

ужесточение нравов, беззаконие, процветание угодничества, коварства и доносительства. Все это не могло не повлиять на национальную политическую культуру. Наряду с насаждением рабской и разбойничьей психологии Орда стимулировала ответные на национальный гнет тенденции гипертрофированного усиления государства с неограниченной деспотичной властью великого князя.

Историк Владимир Хорос справедливо отмечал: «В России преобладали связи вертикальные, идущие сверху. Если в средневековой Европе государство было относительно слабым и обществу приходилось самому решать многие проблемы, то в России, наоборот, государство с определенного времени превратилось в демиурга общественной жизни. Будучи единственной организованной силой и не встречая серьезного сопротивления в “жидкой” общественной среде, оно привыкло действовать посредством насилия, произвола. Оно не нуждалось в правовом обосновании общественных отношений и своих действий. Потому идея законности и правопорядка не превратилась в общезначимую ценность на Руси. В такой обстановке русский человек — будь он крестьянином, торговцем, чиновником или дворянином — постоянно чувствовал себя уязвимым, незащищенным. И это выработало у него холопскую психологию — привычку подчиняться, сгибать шею перед сильными»[3].

Московская Русь в силу исторических особенностей своего возникновения изначально развивалась как «страна рабов, страна господ» (М. Лермонтов). Например, посол австрийского императора Герберштейн, посетивший Московию при Василии III, свидетельствовал: «Неизвестно, народ ли по своей загрубелости жаждет государя-тирана или вследствие тирании Государя народ становится столь бесчувственным и жестким. ...Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, нежели в свободе»[4]. Возможно, это было и некоторое преувеличение, но подобных свидетельств можно привести достаточно много.

Рабскость значительной части населения России в ходе коммунистического правления проявилась сначала в диком кровавом разгуле во время революции и Гражданской войны, а затем в слепой покорности новой власти, несмотря на все ее чрезвычайки, концлагеря, заложничества, голодоморы, коллективизации, репрессии, дефициты, психушки и т. д. В книге «Бегство от свободы» Эрих Фромм

[3] Хорос В. Указ. соч. — С. 32–33.

[4] Цит. по: Люкс Л. Третий Рим? Третий рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. — М.: 2002. — С. 23–24.

утверждал, что для многих людей привлекательность тоталитарной системы проистекает прежде всего из боязни свободы и ответственности. Для населения России с вековыми традициями крепостничества и самодержавия это было вполне очевидно.

Также важнейшим фактором в истории России была неразвитость института частной собственности, в особенности, на землю. Московские князья оказались в своем первоначально совершенно дремучем и безлюдном уделе в такой ситуации, когда не они привлекали за какие-то блага дополнительное население, а наоборот спасавшийся от междоусобиц и монгольского нашествия народ приходил с юга в эту глушь и просил пристанища без всяких для себя условий, так как пустынная земля здесь принадлежала испокон веку только князю. Объединяя под своей властью другие уделы, Московские князья распространяли на них и своеобразное понимание о собственности. Даже узкий круг бояр — обладателей вотчин, то есть земельных владений и живущих в них крестьян — не имели никаких гарантий защиты имений. По крайней мере, до Указа о вольности дворянства в 1762 г. единственным собственником в России, смотревшим на всю страну как на свою «вотчину», был государь-самодержец. В значительной степени из-за практического отсутствия института частной собственности в России преобладал коллективистский, а не индивидуалистический менталитет и прежде всего именно это явилось благоприятной почвой для социалистической и коммунистической идеологии. «Отсутствие традиций глубокой легитимности собственности — вот что трагически отличало Россию от Европы. Отсутствовал по сути главный психологически-культурный стержень, на котором крепилось все здание европейского капитализма. Поэтому вполне естественно, что и учения, наспех переведенные с немецкого, но отрицавшие легитимность частной собственности уже во всем блеске новейшей «европейской рациональности», принимались в России как родные»[5], — справедливо утверждал Егор Гайдар.

Политический произвол самодержавия, экономическое безвластие общества, крепостничество, крестьянская община препятствовали возникновению предпринимательской этики и индивидуалистического начала в русских людях. В результате первый русский большевик — Петр I — вынужден был признать: «Известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут». А если нет экономической активности снизу, то неизбежно наступает

[5] Гайдар Е. Указ. соч. — С. 55.

отсталость страны, как бы периодически ее не вздыбливал тот или иной «прогрессивный» царь.

Но растущее национальное самосознание потребовало компенсации за то, что другие народы ушли вперед и живут богаче, чище, нравственнее, и таковая не замедлила явиться в виде упорных, на полном серьезе рассуждений о некоей великой миссии этого народа, его героической сущности, святости и духовности, даже о преимуществах отсталости в смысле более легкого в таком случае перехода к той прекрасной жизни, до которой другие народы еще не доросли. Такие идеологические предпосылки большевизма стали формулироваться в России еще с XVI века, а в XIX расцвели пышным цветом.

Как это ни парадоксально, но тезис о преимуществах нищеты и несвободы первым четко обозначил и первый западнический критик России — Петр Чаадаев. В 1835 г. в письме к А.И. Тургеневу (т.е. после написания «Философических писем») он утверждал: «Нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам. <...> Мы призваны <...> обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого... Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу”[6].Далее этот тезис был активно подхвачен, причем не только славянофилами, но и родоначальниками русского социализма Александром Герценом и Николаем Огаревым. «“Мы в некоторых вопросах потому дальше Европы и свободнее ее, что так отстали от нее”, — писал Герцен и, констатируя, что “мир оппозиции, мир парламентских драк, либеральных форм — тот же падающий мир”, восхвалял российское “природное тяготение к социалистическим установлениям”, прежде всего “незаметную скромную общину, то есть владение сообща землею, равенство всех без исключения членов общины, братский раздел полей по числу работников и собственное мирское управление своими делами”»[7].

Социализм Герцена, а позднее Чернышевского, дал жизнь народничеству, а через него и марксизму. Даже либеральные течения

[6] Хорос В. Указ. соч. — С. 65.

[7] Там же. — С. 70–72.

в России в той или иной степени испытывали на себе воздействие социалистических или же, по крайней мере, этатистских, государственнических идей. Страна упорно не хотела ни капитализма, ни рынка, а мечтала о своем собственном пути преимущественно через «по щучьему велению, по моему хотению». Хорос по этому поводу справедливо констатировал: «Социализм в России и стал по существу альтернативным проектом национального развития. Для многих образованных русских людей социалистическая идеология оказалась привлекательной по ряду причин. Социализм указывал вектор развития, совпадающий с мировым (ведь социалистическое движение родилось в развитой Европе); сокращалось расстояние между Россией и развитыми странами (принцип минования буржуазной стадии). Социалистические идеи опирались на национальные культурные традиции (изначальный коллективизм и общинность русского человека), отвечали антибуржуазной тенденции общественного сознания, столь характерной для стран запоздалой модернизации. <...> В результате сознание радикальной интеллигенции в России стало проникаться тем, что можно назвать социальным утопизмом»[8].

При этом социализм, как уже отмечалось, переплетался с мессианством. Так, в русской философской мысли практически центральное положение всегда занимала идея о некоей богоизбранности русского народа, о его особой мировой миссии, заключавшейся в установлении высшей справедливости, духовности, Царства Божия на земле. Ярким и наиболее полным примером такого подхода была философия Владимира Соловьева, который, в частности, писал: «Внешний образ раба, в котором находится наш народ, жалкое положение России в экономическом и других отношениях не только не может служить возражением против ее призвания, но скорее подтверждает его. Ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно ее не имеют никакого значения. Великое историческое призвание России, от которого только получает значение и ее ближайшая задача, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова»[9]. Взгляды западника и славянофила, индивидуалиста и коллективиста, ученого и теократа, моралиста и мистика в одном лице Соловьева без всякого преувеличения можно считать философско-религиозной предтечей большевистского

[8] Хорос В. Указ. соч. — С. 74–75, 108.

[9] Цит. по: Лосский Н. История русской философии. — М.: 2007. — С. 151.

коммунизма (подобно тому, как Ницше предшествовал германскому нацизму). В системе Соловьева все наполнено ожиданием и даже жаждой чего-то общественно нового, большого, очищающего, справедливого, высокого, соборного, народного.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что самым негативным образом на развитии России (в смысле ее своевременной модернизации) сказывалась монополия ортодоксальной, архаичной Православной церкви, закономерно приведшая данный совершенно необходимый для благополучного общества институт к очевидному загниванию и банкротству. Это неизбежно способствовало сильному падению нравственности в стране и неспособности российской нации в момент обострения социальных проблем отличить добро от зла. Ведь лишь адекватный уровень нравственности в обществе может не только предотвратить пагубное развитие конфликтов, но и вообще придать тому или иному общественному строю человеческое лицо. А нравственность генерируется и поддерживается главным образом религиозными системами. Но в казенной, полностью подчиненной самодержавию и погрязшей в грехах Русской православной церкви человек, ищущий справедливости, часто не мог отыскать никакой правды. Как метко выразился историк М. В. Дьяков: «Императорская Россия медленно, но верно убивала церковь, и, убив, скончалась сама»[10]. И тогда пришла новая религия — коммунизм.

Важнейшим фактором было, конечно, и то, что большевистский социализм стал продолжением и ужесточением имперской модели, столь свойственной для российского менталитета.

3

При этом очень важно отметить, что коллективистский, государственнический, имперский, утопический менталитет закономерно оказался восприимчив не только к уравнительно-утопическим проповедям, но и к казарменному общественному устройству с тотальной государственной властью и сильной харизматичной личностью во главе. Ну, а когда такая власть постоянно заявляет, что она «за народ», и реально пускает кровь народным обидчикам, то значит, это может быть всерьез и надолго.

[10] Цит. по: Рыбаков С. Православная трактовка русской истории // Обозреватель. — 1998. — № 5.

Ленин постоянно твердил об освобождении трудового народа, был абсолютно чужд нравственных колебаний, резал господ и буржуев так, что у всех сирых и убогих от мстительной радости просто дух захватывало, и обещал все, что только можно придумать хорошего для примитивно-уравнительного сознания. Эти качества делали его как вождя привлекательным, например, для определенного типа российских разночинцев-маргиналов, которые шли в партию большевиков, поскольку она им давала опору и определенность в эпоху социальных сдвигов и политических катаклизмов. Тем людям из этой когорты, которые не были обделены природой определенными амбициями и способностями, большевизм давал такие возможности проявить себя и самоутвердиться в жизни, от которых просто кружило голову. Вот что, например, ощущал в этой связи упоминаемый уже большевик Георгий Пятаков: «Ленин говорил: “диктатура пролетариата есть власть, осуществляющаяся партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами”. <...> Когда мысль держится за насилие, принципиально и психологически свободное, не связанное никакими законами, ограничениями, препонами, — тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, падает до нуля. Беспредельным расширением возможного, превращением того, что считается невозможным, в возможное, этим и характеризуется большевистская коммунистическая партия. В этом и есть настоящий дух большевизма»[11].

Также Ленин очень импонировал массе молодых полуграмотных крестьян, покидавших деревню в поисках работы и попадавших в совершенно чужой мир промышленного города, где их первобытный деревенский коллективизм часто не мог вынести городского индивидуализма среднего класса. Ленинская партия давала им чувство принадлежности: привлекали ее сплоченность, простота лозунгов, ясность цели. А вот более квалифицированные и образованные рабочие шли, как известно, первоначально, пока их не заставили каяться, за меньшевиками и даже кадетами.

Анализ социального состава большевистской партии показывает, что позиции ленинцев еще до Октябрьской революции сильнее всего были в тех районах страны, где в свое время было наиболее развито крепостное право. (Интересно, что тот же принцип продолжает действовать при выборах и в наши дни.)

[11] Цит. по: Штурман Д. Указ. соч. — С. 47.

Кто был никем, теперь получил приглашение стать всем и откликнулся на этот призыв со всей бесшабашной русской пьяной охотой. «Победа была обеспечена тому, кто посмеет дальше всех пойти в радикальном отрицании всех существующих форм, кто громче всех крикнет “все дозволено!”, кто шире всех распахнет клетку, из которой на волю рвутся все дикие, разбуженные войной инстинкты»[12]. Вот что чувствовал, например, в новой жизни один из пролетарских поэтов, говоря прежде всего о Ленине.

Кто он — гений, человек ли?
Создал «ад», похерил «рай»:
Хорошо нам в красном пекле —
Брызжет лава через край...

Мы — хозяева... Мы — боги...
Крушим, рушим, создаем...
Гей вы, нытики, с дороги!
Беспощаден бурелом.

Он помог нам, мы окрепли,
Кровь, как лава, горяча:
Потому-то в красном пекле
Крепко любят Ильича...[13]

Это психология маргинала, люмпена, который может хотеть чего угодно — социализма, коммунизма, бунта, резни, юродства, хозяина-деспота, доброго царя-батюшку, — все, что ни попадя, но только не капитализма, не рынка, не конкуренции, не общества, требующего трудолюбия, аккуратности, бережливости, старательности. А люмпенизированного, деклассированного люда накопилось в России к 1917 г. в результате прежде всего войны слишком много.

Также очень характерно, что, как оказалось, столь превозносимый в марксизме пролетариат вовсе не стал каким-то прогрессивным классом, который ведет общество к благополучию и наиболее рациональному устройству. Скорее, наоборот, оторванный от какой бы то ни было собственности, рабочий класс (за исключением наиболее квалифицированной, образованной и стремящееся к улуч-

[12] Гайдар Е. Указ. соч. — С. 71–72.

[13] Первые песни вождю. Сборник стихов. Сост. Е. Тубинская. Под ред. А. Безыменского и А. Жарова. — М.: 1924. — С. 39.

шению своего благосостояния в рамках рыночных отношений части), до сих пор является питательной почвой для левых, антирыночных политических сил и постоянно использует методы общественного шантажа для улучшения своего положения вне зависимости от экономических реалий и состояния рынка, отрасли, конкретного предприятия и т.д.

Не рвалось ни к какому капитализму и большинство крестьян, голосуя на выборах за эсеровский социализм, основную идею которого — социализацию земли — большевики столь коварно и украли у эсеров, фантастически облапошив и тех, и других. В еще большей степени помогли большевикам солдаты — те же крестьяне. Про них Верховный главнокомандующий русской армии генерал А. А. Брусилов писал: «Солдаты не имели ни малейшего представления о том, что такое коммунизм, пролетариат или конституция. Им хотелось только мира, земли да привольной жизни, чтоб не было ни офицеров, ни помещиков. Большевизм их был на деле всего лишь отчаянным стремлением к свободе без всяких ограничений, к анархии»[14].

В итоге, говоря о социально-психологической и историко-культурной почве для восприятия большевистских идей, следует констатировать: та часть России, которую можно назвать вечно рабская, холуйская, вечно ленивая, безалаберная и неряшливая, но и всегда что-то о себя мнящая, та часть России в начале XX века попросту испугалась капитализма с его свободой, рынком, трудом, старанием, трезвостью, рисками, протестантизмом и т. д. Она отпрянула от трудолюбивой европейской цивилизации, образно говоря, как привыкшая все делать кое-как да как-нибудь пьяница-распутница от перспективы идти в работницы. Дала с легкостью себя обмануть сказками о сладкой, непринужденной и коллективной жизни, чтобы потом хлебнуть настоящего горя в жизни колхозной, коммунальной и лагерной, да еще при этом и называть ее счастливой.

Безусловно, прав был последний советский ученый-диссидент Лев Тимофеев, утверждая: «Именно страх перед открытыми рыночными отношениями, страх проиграть на рынке <...> питает во всем мире социалистические идеи. У нас же этот победоносный страх обрел черты государственности»[15].

---

[14] Цит. по: Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. — С. 72.

[15] Тимофеев Л. Технология черного рынка, или крестьянское искусство голодать // Тимофеев Л. Черный рынок как политическая система. — М.: 1993. — С. 74.

Таким образом, в целом нужно констатировать, что рассматривать большевизм как идеологию и общественное устройство, исключительно силой и обманом навязанные российскому народу в 1917 г., было бы неправильно. Безусловно, значительная часть населения была обманута большевистской пропагандой, другая — репрессирована, третья — запугана. Это вне всякого сомнения. Но многие люди в силу своего менталитета воспринимали и поддерживали большевистские утопии и реальную политику вполне сознательно. Следует согласиться с философом Зиновьевым, когда он пишет: «В создаваемых коммунистических странах находят свое воплощение мечты миллионов людей о наилучшем для них устройстве жизни. Но с одним коррективом: осуществляясь реально, эти проекты и мечты несут с собой наряду с желаемым и проектируемым еще нечто такое, о чем прожектеры и мечтатели не подозревают, чего не допускают даже в мысли»[16]. При этом совершенно истинно и следующее заключение Зиновьева: «Массовые желания редко бывают разумными»[17].

Не следует забывать и том, что в условиях выхода России из Первой мировой войны, когда нормальная рыночная экономика уже значительный период времени не работала, а разрушалась, целый ряд черт политики большевиков по строительству социализма совпадал с некими пожарными мерами по спасению городского населения от голода, которые вынуждено было бы некоторое время проводить и любое либеральное правительство. Отбирая хлеб у его производителей и раздавая рабочим, служащим и красноармейцам ранжированные пайки, а также расстреливая спекулянтов, большевики производили впечатление власти, полной решимости навести элементарный порядок после многих месяцев форменного бардака. В том, что потом полные полки магазинов сами собой образуются, очень многие, разумеется, даже не сомневались. Что такое вечный коммунистический дефицит, человечество еще не могло и предполагать.

4

А что думали о предпосылках большевизма в России его идейные исторические противники? Вот несколько наиболее характерных цитат из русских философов, политиков и публицистов.

[16] Зиновьев А. Указ. соч. — С. 22.

[17] Там же. — С. 14.

Георгий Федотов: «В этом удушающем рабстве, в той легкости, с которой народ это рабство принял <...> сказывается московская привычка к рабству, культура рабства в московские и петербургские столетия истории»[18].

Николай Бердяев: «Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с московским православным царством. В нем то же удушье... В царстве этом делается опыт подчинения всего народа государственному катехизису»[19].

Петр Струве: «Легендарный Ленин есть порождение глубокой монархической потребности, живущей во всяких массах вообще и тем более в сырых, детски наивных русских народных массах, с их нарушенным душевным равновесием, с их повышенным до болезненности воображением. Легендарный Ленин, вырастающий в "Красного Царя", есть социально-психологическое явление, подобное «самозванцам» XVII и XVIII вв., столь же уродливое и столь же причудливое»[20]. «В порядке фактическом и эмпирическом было бы слепотой отрицать известную народность большевизма. Большевизм также непререкаемо народен, как народно похабное сквернословие, матерщина и тому подобные явления народной психологии»[21].

Федор Степун: «Было ясно, что большевизм — одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь и ее преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма»[22].

Петр Рысс: «Психология большевизма была психологией типично русской, с ее отталкиванием от Запада, с ее органическим отвращением к культуре... Большевизм, как нельзя более соответствовал времени и духу народа... Кто были они — большевики? Нет, это не злоумышленники, не удачливые преступники, совершившие великое зло, — это русские по психологии своей люди, дошедшие

[18] Федотов Г. П. Завтрашний день (Письма о русской культуре) // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. — СПб.: 1992. — Т. 2. — С. 193.

[19] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: 2006. — С. 117.

[20] Струве П. Б. Подлинный смысл и необходимый конец большевистского коммунизма // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm, свободный.

[21] Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее. // Русская мысль. — Кн. 1–2. — 1922. — С. 10.

[22] Степун Ф. Мысли о России / Современные записки. — 1923. — № 14. — С. 397.

до конца в отрицании им чуждого. Это дети России, разрушающие чуждую им культуру Запада, уверенные, что свет идет с Востока, что России суждено явить миру образец высшего разума и осуществить социальную справедливость. Это — психология русского крестьянства и поэтому большевики не были продуктом чужеземным; нет, это было русское, насквозь русское явление»[23].

Иван Бунаков: «Советская власть — не чуждая народу, и не одним насилием она правит страной. Сам русский народ в своем безумном порыве к новой жизни поставил ее над собою. Она увлекла его мечтою о мире, хлебе и свободе, и он поверил ей»[24].

Семен Португейс: «Взбаламученное море социальных отбросов, классовая окрошка и мешанина, больное в сущности поколение, страдающее припадками психических эпидемий — вот тот “рабочий класс”, который послужил большевикам материалом для построения своего царства»[25].

Также очень интересно привести наблюдение Василия Шульгина — активного политического деятеля Февральской революции, монархиста, патриота, являвшегося человеком глубоко русским и, несомненно, всем своим нутром чувствовавшим Россию. В изданной в 1928 году в эмиграции книге «Что нам в них не нравится» он писал: «В русском народе оказались огромные запасы злости и всякие скверны. Они дремали под спудом, но они были. „Грабь награбленное“ потому имело такой оглушительный успех, потому превратилось в такой мощный таран, — что бандитизм, „воризм“ сидит где-то совсем близко под шкурой русских. Это мы могли наблюдать и в Белом стане. Очень уж легко смотрели некоторые воины, боровшиеся за всяческие попранные права, — на право собственности. „Смерть буржуям“ потому так удалась в России, что запах крови пьянит, увы, слишком многих русских; и сатанеют они, как звери. Великое число садистов ходило между нами в мундирах и пиджаках, а мы-то этого и не подозревали... Большевизм — дитя азиатской бескрайности — сидит в каждом из нас, русских, в той или иной степени. <...> В тех случаях, когда большевизм проявляется в безоглядном транжирстве денег (преимущественно на выпивку или на женщин), сей большевизм носит название „широкой

[23] Рысс П. Я. Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. — Париж: 1921. — С. 113–116.

[24] Бунаков И. (Фондаминский). Два кризиса // Новый град. — 1932. — № 2. — С. 36–37.

[25] Иванович Ст. (С.О. Португейс). Пять лет большевизма. — Берлин: 1922. — С. 14–15, 18–19.

русской натуры“. Французы, немцы и чехи, которые откладывают на черный день (для того, чтобы не сидеть у кого-нибудь на шее в старости, или для того, чтобы купить себе свой собственный клочок земли), исторгают у нас презрительное название — „сантимники“! Мы не понимаем, как можно „считать каждый грош“. А вот большевики не понимают, как можно считать каждую каплю крови... С их точки зрения такая гуманность — пошлое, мелкобуржуазное сантимничанье. На первый взгляд тут нет ничего общего, а по существу эти явления совершенно того же характера. Ибо и здесь и там работает одна и та же особенность, именуемая „отсутствие задерживающих центров“»[26].

На известную ментальную предрасположенность России к первобытному коммунизму указывают и многие современные исследователи. Так, академик Александр Яковлев утверждал: «Большевизм психологический, ассоциируемый с нетерпимостью, поклонением авторитетам, мифологизацией власти, постоянным ожиданием спасителя, духовным и нравственным иждивенчеством <...> закрепил в нашей общественной психологии многие худшие черты и качества авторитарного сознания, мышления, типа личности. Но и сам сумел утвердиться во многом потому, что общественная почва для него была подготовлена предшествующими веками.

В условиях России в большевизме сплелись и вековые традиции беззакония и авторитаризма, и труднообъяснимая тяга к утопиям, и мерзость бытия, и смешение разных культурных эпох и экономических укладов на одном государственном пространстве, и зловещая череда кровавых «вождей», и многое иное. История наградила нас идеологией нетерпимости, большевики превратили ее в государственную»[27].

Известный политолог Александр Ципко писал по этому поводу: «Ни одна страна Европы, наверное, в то время не была так подготовлена к восприятию марксистского учения о диктатуре пролетариата, как Россия 1917 г. Ненависть значительной части населения к “белой кости”, к наглой русской буржуазии, люмпенизация значительной части рабочего класса, неразвитость гражданского общества, среднего класса и фатальный дефицит правовой культуры, уважения

[26] Цит. по: Зайдман И. От марксизма через народничество к ленинизму и большевизму [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rubezh.eu/Zeitung/2010/02/14.htm, свободный.

[27] Яковлев А. Большевизм — социальная болезнь XX века // Курутуэ С., Верт Н. и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. — М.: 2001. — С. 27–28.

к правам и свободам личности обусловили это». «Царистские настроения, привычка жить под железной рукой, патриархальщина, бескультурье и безграмотность бородатого мужика — все это способствовало в конечном счете утверждению диктатуры большевизма»[28].

Руководитель Центра международных социально-экономических сопоставлений Института Европы РАН Валентин Кудров также отмечал: «Чрезвычайно важным оказалось и воздействие на формирование большевизма внутренних конкретных российских источников, значение которых недооценивается и до сих пор. <...> Прежде всего следует сказать о российских исторических традициях, связанных с централизованным государственным управлением громадной территорией с разнообразной палитрой этнического, социального, экономического и политического разнообразия в региональном аспекте. Речь идет и о традициях дикого крепостничества, очень напоминающего рабство, об отсутствии Ренессанса и реформаторских движений, характерных еще для средневековой Европы. О неразвитости и слабости отношений частной собственности и восточном деспотизме (вспомним не только Ивана Грозного, но прежде всего Петра I). Все это формировало особый менталитет коммунальности, общинности, артельности, который в советское время стали называть коллективизмом». Говоря об идейном проявлении такого менталитета у российских революционеров-народников, Кудров констатировал, что они «боялись грядущего капитализма в России и верили в ее особый некапиталистический путь развития»[29]. Также исследователь подчеркивал, что марксизм, являясь самой большой утопией из всех, какие знало человечество, находил активный отклик у обездоленной, люмпенизированной части человечества, которая особенно податлива на политические манипуляции и популистскую демагогию.

Академик Яковлев наряду с этим обращал внимание и на своеобразную террористическую историю России, констатируя на сей счет: «Пренебрежение к конкретному человеку большевики полностью взяли из марксизма. Но не только. Были и свои, российские, традиции — нигилизм, нечаевщина, анархизм». При этом архитектор советской перестройки указывал и на одно чисто российское явление: «В сущности, вся освободительная борьба в прошлом шла под лозунгом “воли”, а не “свободы”. “Воля” — это свобода для меня,

[28] Ципко А.С. Насилие лжи или как заблудился призрак. — М.: 1990. — С. 45–46, 242.

29 Кудров В.М. Указ. соч. — С. 6.

а потом для другого, но и последнее зависит от меня, дающего волю. “Свобода” — это свобода прежде всего для другого, что и дает свободу всем. Традиции “воли” вдохновляли на Руси не только крестьянские бунты, но и революционеров конца XIX века. Она продолжает жить в психологии современников, совершающих Реформацию, что в значительной мере блокирует путь к подлинной свободе»[30].

5

Вместе с тем, безусловно, верно и то, что социалисты всех мастей ни за что не успокоились бы до тех пор, пока кто-то где-то не осуществил идеи уничтожения частной собственности на практике и не попытался построить свободное от капиталистического неравенства государство процветания и справедливости. При этом очень любопытно вспомнить Бисмарка, который говорил, что социализм надо бы опробовать на народе, которого не жалко[31]. К несчастью, эта незавидная историческая миссия впервые выпала на долю России.

В этой связи Петр Струве прозорливо писал: «Русская революция потому имеет всемирно-историческое значение, что она есть практическое опровержение социализма. <...> На русской революции оправдалась идея одного из величайших умов России, одинокого Чаадаева: «Мы как будто живем для того, чтобы дать какой-то великий урок человечеству»[32].

Такой взгляд разделяют сегодня весьма многие. Например, крупнейший исследователь роли института частной собственности в достижении общественного благополучия Том Бетелл писал: «Идея [коммунизма] оказалась несостоятельной. Задним числом можно смотреть на советский опыт как на широкомасштабный эксперимент, щедро оплаченный кровью, свободой и благосостоянием людей»[33].

Но самое важное, что одно время аналогичная позиция декларировалась и в самой официальной России. Так в сентябре 1991 г. президент РФ Борис Ельцин, отвечая на вопросы ABC News, сказал: «Я думаю, что этот эксперимент, проведенный на нашей земле, был трагедией для нашего народа и это чудовищно, что такое произошло

[30] Яковлев А. Указ. соч. — С. 8, 27.

[31] Кудров В. Указ. соч. — С. 23.

[32] Струве П. Б. Размышления о русской революции. — София: 1921. — С. 16–17.

[33] Бетелл Т. Собственность и процветание. — М.: 2008. — С. 167.

на нашей территории. Было бы лучше, если бы этот эксперимент провели пусть в какой-нибудь маленькой стране, чтобы люди убедились, что это утопическая идея, пусть и красивая. Я думаю, постепенно все это поймут и в других странах, где еще есть сторонники коммунизма»[34].

Также следует обратить внимание и на слова Председателя Правительства РФ Владимира Путина, который на памятной церемонии в мемориальном комплексе «Катынь» 7 апреля 2010 г., говоря о том, что российскому народу довелось пройти через «ужасы гражданской войны, насильственную коллективизацию и через массовые репрессии 1930-х годов», подчеркнул: «Репрессии крушили людей, не разбирая национальностей, убеждений, религий. Их жертвами становились целые сословия у нас в стране: казачество и священники, простые крестьяне, профессора и офицеры — офицеры, в том числе царской армии, которые пришли на службу советской власти в свое время и их не пощадили, — учителя и рабочие. Логика была одна — посеять страх, пробудить в человеке самые низменные инстинкты, направить людей друг на друга, заставить слепо и бездумно повиноваться. Этим преступлениям не может быть никаких оправданий. В нашей стране дана ясная политическая, правовая, нравственная оценка злодеяниям тоталитарного режима. И такая оценка не подлежит никаким ревизиям»[35].

При этом целый ряд авторов считают, что известная социально-психологическая предрасположенность России к коммунизму еще не говорит о заведомой неизбежности победы большевиков в 1917 г. или очень большой вероятности неких реставраций тоталитарно-казарменного общественного устройства в перспективе. Тот же Гайдар, с одной стороны признавал: «Ленинский социализм глубоко лежал в русле русской истории, был органичен для царства Малют, Иванов, Годуновых и империи Павлов, Аракчеевых, Петров. Он представлял собой развитие одной из линий державной истории. Конечно, в российский организм Лениным был занесен вирус, но и сам организм был готов его воспринять. Это был вирус патологического злокачественного усиления, разрастания государства. Вечный российский выбор — к саморазвивающемуся гражданскому обществу или самодержавно-восточной деспотии — был наконец сделан»[36].

---

[34] Бетелл Т. Собственность и процветание. — М.: 2008. — С. 168.

[35] Сайт Председателя Правительства РФ В.В. Путина. Режим доступа: http://premier.gov.ru/events/news/10122/, свободный.

[36] Гайдар Е. Указ. соч. — С. 84–85.

Но наряду с этим Гайдар полагал, что успехи сельского хозяйства России в период 1909–1913 гг., (производство зерна выросло с 1900 по 1913 гг. в полтора раза, экспорт — вдвое), то есть в ходе рыночной Столыпинской реформы, красноречиво говорят о том, что значительная часть крестьянства оказалась все-таки весьма восприимчивой к капитализму. «Никогда российское сельское хозяйство не развивалось так успешно, как в коротком интервале между общиной и колхозом. Так история дала экспериментальный ответ на спекуляции относительно "прирожденного коллективизма" русского крестьянина, его опять же "непреодолимого" неприятия частной собственности. По крайней мере для наиболее активной части дореволюционного крестьянства это было явно не так»[37], — писал автор российских либеральных реформ в 1994 г., мучаясь все той же головной болью всех российских реформаторов: насколько Россия способна воспринять основные принципы европейской цивилизации — в своей основе индивидуалистической.

И в этой связи нельзя не упомянуть об одном парадоксе. Как это ни удивительно в связи с вышеприведенными рассуждениями об азиатской (или, по крайней мере, специфически русской) почве, на которую успешно лег большевистский казарменный коммунизм, но изначально марксизм на рубеже XIX–XX веков представлялся в России как раз теорией западнической и даже «ультразападнической». Например, Валентинов (Вольский) свидетельствовал: «Нас привлекал в марксизме его европеизм. Он шел из Европы, от него веяло, пахло не домашней плесенью, самобытностью, а чем-то новым, свежим, заманчивым... Запад нас манил»[38].

И действительно, у Ленина можно найти немало негатива в адрес «азиатского варварства» и «проклятой язвы азиатчины, отравляющей Русь». «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы», — повторял Ленин слова Чернышевского, желая, как многие думали, вывести Россию из этого восточного сонного царства. Все оказалось иначе. То есть Ленину, по сути, удалось обмануть еще и многих российских западников, которые все-таки в России всегда были, есть и, надо надеяться, будут.

В заключение приведем еще одну весьма интересную мысль Алексея Кара-Мурзы: «Коммунизм противостоит не демократии, а хаосу. Коммунизм — это реакция не на демократию, а на неполучающуюся демократию; он — реакция традиции не на модернизацию,

[37] Гайдар Е. Указ. соч. — С. 61.

[38] Цит. по: Майсурян А. Указ. соч. — М.: 2006. — С. 85.

а на неполучающуюся модернизацию. Это — защитная реакция традиционалистского общества не перед угрозой реформации, а перед угрозой деградации и распада. Коммунизм оппонирует в Истории не Цивилизации, а, напротив, Варварству (реальному или воображаемому) от имени Цивилизации»[39].

В этой связи следует отметить, что рассмотрение коммунизма как альтернативного варианта модернизации стран второго и третьего эшелонов является одной из центральных задач в книге Владимира Хороса «Русская история в сравнительном освещении». При этом он приходит к выводу, что социализм в России принес «негативную модернизацию». В частности, автор исследования заключает: «Разрушалось и то, что успело пустить корни в недолгий период буржуазной модернизации (предпринимательство, демократические учреждения, научные традиции и пр.). На “очищенном” месте коммунизм в России попытался создать “новую социалистическую цивилизацию” — мир единой официальной идеологии, торжественных заседаний, парадов, принудительного или полупринудительного труда. Эта попытка не удалась и не могла удаться. Не только по причине тоталитарного, антигуманного характера “реального социализма” в России, но и потому, что ничего прочного в истории не может быть создано посредством разрушения. В этом смысле ситуация “негативной модернизации” создает немалые трудности и для дальнейшего развития России в посткоммунистический период»[40].

А можно ведь сказать и совсем просто, как это сделал российский политик Григорий Явлинский: «Коммунизм — как педикулез: появляется от бедности».

[39] Кара-Мурза А. Указ. соч. — С. 367.

[40] Хорос В. Указ. соч. — С. 150.

Глава 6

Партия все исправляет, назначает и строит

Мы идем — одно миллионноголовое тело,
и в каждом из нас — та смиренная радость, какою,
вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты.

Евгений Замятин «Мы»

1

Для выполнения задач массированного идеологического воздействия на население еще в донэповский период начал формироваться специальный партийно-государственный аппарат, или система органов, профессионально занимавшихся данной деятельностью. Однако это произошло не сразу. До революции вся партия являлась как бы одним большим и единым агитпропом. Активный представитель старой гвардии большевиков Григорий Зиновьев по этому поводу говорил: «Чем были мы до 1917 г.? Мы были агитотделом... Чем мы занимались? Агитировали, пропагандировали, организовывали стачки, в лучшем случае, когда нам очень везло, организовывали восстание». Однако с приходом большевиков к власти ситуация радикально изменилась, и тот же Зиновьев пояснял: «Можем ли мы теперь в этом смысле сказать: партия будет партией, будет заниматься только агитацией и пропагандой? Это невозможно. <...> Конечно, партия должна заниматься агитацией и пропагандой... [Однако] наша партия есть партия правящая... Наша партия должна направлять хозяйственную жизнь»[1]. То есть нужно было создать отдельные органы, которые бы специализировались непосредственно на идеологической обработке населения, поскольку партия, встав во главе коммунистического государства, стала заниматься практически всем, включая директивное управление огосударствленной экономикой.

Однако первоначально после Октябрьского переворота какого-то специально органа для ведения агитационно-пропагандистской

[1] Одиннадцатый съезд РКП (б). — С. 419.

работы не существовало, этими вопросами занимался непосредственно секретариат Центрального комитета. Не было сначала и никаких специальных подразделений по другим направлениям деятельности. VIII съезд РКП (б) (март 1919 г.) принял резолюцию «По организационному вопросу», в соответствии с которой предписывалось сформировать новые рабочие органы аппарата ЦК (политбюро, оргбюро и секретариат), в том числе и «ряд отделов»[2]. В апреле 1919 г. был создан информационный отдел, в числе функций которого значилась и агитационно-пропагандистская работа в форме указаний к очередным политическим кампаниям. В начале 1920 г. он был преобразован в информационно-статистический, а в конце того же года ликвидирован.

Наряду с этим в июле 1919 г. был образован отдел по работе в деревне, занимавшийся организацией почти полного спектра агитационно-пропагандистской деятельности в сельской местности. Кроме того, в сентябре 1919 г. сформировался отдел по работе среди женщин, который взял на себя массово-политическую работу среди соответствующей части населения.

Параллельно и даже опережающими темпами складывалась система политорганов в Рабоче-крестьянской Красной армии. В апреле 1918 года было создано Всероссийское бюро военных комиссаров, на основе которого через год сформировали Политический отдел Реввоенсовета республики, а в мае 1919 г. того же года его статус повысили до Политического управления РВС республики (ПУР). Политуправление РККА состояло из нескольких отделов: инспекторско-осведомительного, агитационно-просветительного, литературно-издательского и др. По положению, утвержденному 8 сентября 1920 г., в ведение ПУРа входила «вся политическо-просветительская и агитационная работа в Красной Армии и Флоте». В воинских подразделениях сверху донизу были сформированы соответствующие политорганы, которые играли в Красной армии исключительно важную роль.

К 1920 г. партийному руководству, и в том числе самому Ленину, стало очевидно, что революционная эйфория масс уже сильно спала и одними репрессиями власть не удержать, следовательно, необходимо системно организовать и усилить всю идейно-политическую работу, получив таким образом дополнительные рычаги управления. В декабре 1919 г. на VIII Всероссийской конференции РКП (б) было внесено предложение о создании агитационно-пропагандистского

[2] Восьмой съезд РКП (б). — С. 425.

отдела ЦК, которое было затем утверждено резолюцией IX съезда и реализовано в июне 1920 г.[3] В положении, утвержденном Оргбюро ЦК 27 ноября 1921 г., говорилось, что посредством агитпропотдела Центральный комитет партии «организует, объединяет и руководит всей устной и печатной агитационной и пропагандистской работой РКП»[4].

Стратегические и тактические директивы этот отдел получал от высших партийных органов или непосредственно от лидеров партии. В 1922–1923 гг. секретарем ЦК, курирующим в том числе агитпропотдел, был Валериан Куйбышев. Еще до своего назначения в 1922 г. генеральным секретарем ЦК РКП (б) большой интерес к работе агитпропотдела проявлял Иосиф Сталин[5]. Разумеется, высшим авторитетом в области идеологии и организации пропаганды был сам Ленин, являвшийся председателем Совета народных комиссаров и членом Политбюро ЦК. Также большое влияние в этой сфере имели представители старой партийной гвардии — Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, Л. Б. Каменев и др.

Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП (б) в 1920–1923 гг. возглавляли Р. П. Катонян, Л. С. Сосновский, А. С. Бубнов, С. И. Сырцов. В состав коллегии агитпропа входили представители отделов ЦК, Наркомпроса, Политуправления РККА, ЦК Коммунистического союза молодежи и др. Отдел имел подотделы: агитационный, пропагандистский, печати, издательский и нацменьшинств. Ему подчинялись агитпропотделы при губернских и уездных комитетах партии. Их оперативная деятельность включала в себя подбор идеологических кадров, составление и рассылку руководящих циркуляров партийным организациям, проведение съездов работников печати и культурно-просветительских учреждений, анализ деятельности редакций газет и др. Особенно важная роль отводилась подотделам пропаганды. Они занимались постановкой устной и печатной пропаганды, созданием сети партийных учебных заведений, осуществляли контроль за состоянием преподавания политграмоты во всех учебных заведениях.

При этом агитпропотделы комитетов РКП (б) руководили работой государственных и общественных органов: политико-просветительных комитетов при губернских и уездных отделах народного

[3] Доброхотов В. Я. Агитпропотдел ЦК в 1920–1921 гг. // Могучее оружие партии. — Горький: 1970. — С. 71.

[4] Известия ЦК РКП (б). — 1921. — № 36. — С. 27.

[5] Зеленов М. В. Становление аппарата ЦК и института секретаря ЦК РСДРП (б) — РКП (б) в 1917–1922 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/libraries/?id=3060, свободный.

образования (политпросветов), культотделов исполкомов советов, профсоюзов и др. Наиболее важную роль среди них играли политпросветы со своим центральным органом — Главным политико-просветительным комитетом республики при Народном комиссариате просвещения. Главполитпросвет был учрежден как особый главк Наркомпроса декретом Совнаркома, разработанным на основе указаний Ленина и подписанным им 12 ноября 1920 г.

Целью этого органа было ведение политико-воспитательной и культурно-просветительной работы среди населения. Система политпросветов имела свою сеть клубов, библиотек, изб-читален, советско-партийных школ, агитпунктов, школ политграмоты, пунктов по ликвидации безграмотности, красных уголков и т. д. Первоначально Главполитпросвету были подчинены также и политорганы армии и флота. Бессменным председателем Главного политико-просветительного комитета на всем протяжении его десятилетнего существования являлась супруга Ленина Надежда Крупская. На ответственные должности в политпросветах на всех уровнях назначались, как правило, члены РКП (б). В июне 1930 г. Главполитпросвет был реорганизован в сектор массовой работы Наркомпроса.

В Северо-Западном регионе работой всех партийных организаций руководило созданное в октябре 1921 г. Северо-Западное областное бюро ЦК РКП (б). Его секретарем в 1922–1923 гг. являлся Б. П. Позерн, в состав бюро входили Н. П. Комаров, Г. Е. Зиновьев, К. В. Гей, Э. А. Гюллинг, С. И. Филлер и др. Агитационно-пропагандистскую работу направлял С. И. Канатчиков. В качестве аппарата агитпропотдела Севзапбюро использовался аппарат агитпропотдела Петроградского губкома. Координационным органом управления агитотдела являлась большая коллегия, куда входили представители Губполитпросвета, профсоюзов, РКСМ, редакции «Петроградской правды», Политуправления военного округа и Балтфлота, некоторых отделов губкома и отдельных городских райкомов. Постоянное оперативное руководство органом осуществляла малая коллегия, состоявшая из заведующего агитотделом и 2–4 руководящих работников аппарата.

К началу 1921 г. Петроградская губернская организация РКП (б) насчитывала 27 166 человек, что составляло около 75% от всего состава коммунистов Северо-Запада[6]. Агитационно-пропагандистской работой было занято 2,9% от общего числа коммунистов, а исключительно данной работой — 0,2%.

[6] Ленинградская организация КПСС в цифрах. 1917–1973. — Л.: 1974. — С. 69.

Другие парторганизации региона в порядке убывания их численности располагались следующим образом: Новгородская — 3663 чел., Псковская — 3331, Корельско-Олонецкая — 2664, Череповецкая — 1692, Мурманская — 758. Во всех них, особенно в 1921 г. наблюдалась острая нехватка идеологических кадров. Так, в 1921 г. в агитотделе Псковского губкома работал всего лишь один человек вместо пяти по штату, а в агитотделах укомов — четырнадцать вместо двадцати четырех. Сеть партячеек в периферийных регионах была весьма малочисленной. Так, в Череповецкой губернии одна парторганизация приходилась на 100 сельских населенных пунктов[7].

Характерной особенностью Северо-Запада было проживание здесь значительного количества представителей нерусских национальностей. Так, в Петроградской губернии жили до 500 тыс. финнов, эстонцев, поляков, латышей, литовцев и др.[8] В Псковской парторганизации латыши составляли до 30% всего ее состава[9], в Новгородской губернии имелось около 35 тыс. латышей и эстонцев[10]. Такое положение влияло в некоторой степени на работу агиторганов. При подотделах национальных меньшинств существовали секции по некоторым национальностям, которые вели агитацию и пропаганду на местных языках.

2

Изначально в постановлении о Главполитпросвете, которое было написано Лениным и принято на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 28 октября 1920 г., устанавливалось его подчиненное отношение к агитпропотделу ЦК партии. В частности, там говорилось, что объединение всей политико-просветительной работы в единую вертикаль «возможно понимать только в смысле сохранения, укрепления и расширения не только самостоятельности парторганизации, но и ее руководящего, направляющего и главенствующего положения по отношению ко всем без изъятия областям работы НКПроса»[11].

---

[7] Климов Ю. Н. В суровые годы двадцатые. — М.: 1968. — С. 15, 25, 27.

[8] Сборник материалов... — Вып. 4. — С. 17–19.

[9] Очерки истории Псковской организации КПСС. — Л.: 1971. — С. 162.

[10] ЦГАИПД. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 2391. — Л. 2.

[11] Ленин В. И. Проект постановления Политбюро ЦК РКП (б) о Главполитпросвете // ПСС. — Т. 41. — С. 397.

В своем выступлении на Всероссийском совещании политпросветов в ноябре 1920 г. Ленин так разъяснял место Главполитпросвета: «Прежде всего в работе этого органа должно быть открыто признано главенство политики коммунистической партии. <...> Вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить. <...> Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство коммунистической партии»[12].

Важнейшим документом для становления всей большевистской системы идеологической обработки населения являлась резолюция X съезда РКП (б) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии». Она выстраивала основные контуры этой машины и принципиально определяла отношения внутри ее подразделений, то есть между партийными агитпропотделами и советскими политпросветами, а также идеологическими органами в профсоюзных, комсомольских, военных и иных организациях. Прежде всего здесь закреплялась руководящая и направляющая роль партии в сфере всей идейно-политической работы советского государства. Агитационно-пропагандистский отдел ЦК стоял на вершине этой пирамиды и управлял всей системой согласно директивам высших органов РКП (б). Главполитпросвет с его вертикалью объявлялся «прямым аппаратом партии в системе государственных органов». В свою очередь он объединял свою работу с комсомольской организацией, культурно-просветительными отделами профсоюзов, женотделами, политотделами РККА, другими организациями. Вся работа должна была осуществляться в соответствии с «общегосударственным планом».

Наряду с этим документ определял некоторые разграничения функций партийных и советских идеологических органов. В частности, в нем указывалось, что в основные функции агитотделов помимо работы внутри партии и вербовки новых ее членов входят руководство беспартийными конференциями, съездами, агитация на выборах в Советы и др. Политпросветам отводилась работа среди всей непартийной массы и всемерная помощь партийным органам в деле поднятия идейно-политического уровня коммунистов.

[12] Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования // ПСС. — Т. 41. — С. 402–403.

Также резолюция указывала: «Для успешного выполнения основной своей задачи — массовой коммунистической пропаганды и агитации — Главполитпросвет должен приобрести гибкость партийного аппарата, чуткость к запросам масс, подвижность, соединяя эти качества с систематичностью, точностью, быстротой и работой по известному плану. Кроме ударности снабжения работников Главполитпросвета и всех его аппаратов это может быть достигнуто лишь при переводе на политико-просветительную работу достаточного количества ответственных членов партии, имеющих достаточный опыт в агитационно-пропагандистской работе. Для достижения той же цели и во избежание создания кадра узких спецов политработы, оторванных от атмосферы общепартийной деятельности, необходим систематический перевод работников Главполитпросвета на общепартийную работу и возвращение их обратно при непременной замене выбывающих новыми кадрами из работников партийных организаций»[13].

Несколько позже было издано специальное Положение о взаимоотношениях агитпропотдела ЦК РКП (б) с Главполитпросветом, где детально прописывались данные вопросы и в частности указывалось, что руководство Главполитпросвета со стороны ЦК РКП (б) осуществляется непосредственно через члена ЦК, входящего в состав коллегии этой структуры, а также являвшегося ее членом заведующего агитпропотделом ЦК.

Партийному органу предписывалось намечать общий план агитационно-пропагандистских компаний, давать заключение после его детальной разработки в Главполитпросвете, участвовать во всех комиссиях по его реализации. Работа, имевшая чисто партийный характер, оставалась за агитпропом. В кадровой политике Положение допускало совмещение постов заведующего агитационным подотделом агитпропа ЦК и агитотделом Главполитпросвета, а также ряд других.

Крупская так поясняла общие взаимоотношения двух органов после получения уже некоторого практического опыта работы: «Главполитпросвет не является сам по себе политическим центром, вырабатывающим те или иные политические директивы. Он — простой исполнитель. Его дело — претворять данные партией директивы в жизнь, ориентируясь на широкие беспартийные массы, пропуская полученные директивы через горнило культурной работы. <...> Задача агитпропа — давать общие директивы, следить за

[13] Десятый съезд РКП (б). — С. 569–571.

работой политпросветов, учитывать и контролировать ее, устанавливать общий план ее, воздействовать в определенном направлении на партячейки»[14].

X съезд определил, что заведующий агитотделом губкома должен быть, как правило, членом губкома. При этом совместительство на постах главы агитотдела и политпросвета было «допустимо лишь при полном недостатке сил»[15]. Однако с ноября 1921 г. ЦК рекомендовал практику совмещения должностей на губернском и уездном уровнях заведующего агитпропотделом и политпросветом в одном лице уже как постоянную. Через полгода XI съезд партии подтвердил, что «находит целесообразной личную унию в руководящем составе агитпропов и политпросветов»[16].

Таким образом, в начале 1920-х годов в Советской России в целом была создана единая централизованная система партийных и подчиненных им государственных агитационно-пропагандистских органов, охватывающих все уровни управления. При этом X съезд предписал в течение года создать агитационно-пропагандистские отделы везде, где они еще не созданы — при всех губкомах, областкомах и крупных парткомах «с освобождением заведующих отделов от всех других регулярных работ». Женотделы и отделы по работе в деревне должны были включаться в общую систему агитотдела данной организации[17].

Главной организационной чертой советского агитпропа была четкая централизация всей системы агитационно-пропагандистских органов. Соответственно была строго централизована и вся методическая работа. Резолюция XII съезда РКП (б) предписывала: «Необходимо согласовать под единым партийным руководством программно-методическую работу всех руководящих коммунистическим просвещением органов партии, Наркомпроса, Красной Армии, профсоюзов и РКСМ, в центре и на местах, образовав для этого специальную научно-методическую комиссию при агитпропе ЦК»[18].

---

[14] Крупская. Н. К. Политико-просветительная работа. Сб. ст. (1920–1923). — М.: 1924. — С. 7.

[15] Десятый съезд РКП (б). — С. 573.

[16] Одиннадцатый съезд РКП (б). — С. 603.

[17] Десятый съезд РКП (б). — С. 572.

[18] Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. — М.: 1968. — С. 709.

3

Для стиля работы аппарата данной системы был характерен ряд специфических черт. Прежде всего к ним следует отнести стремление вышестоящих органов максимально регламентировать работу нижестоящих. Результатом этого было появление в недрах канцелярий огромного количества циркуляров, инструкций, предписаний и других подобных документов. Вот один показательный пример. 28 ноября 1921 г. Главполитпросветом при согласовании с агитпропотделом ЦК РКП (б) были утверждены «Положение о единой сети и типах клубов в РСФСР» и «Устав местного клуба». Помимо того, что в них были подробнейшим образом расписаны цели и формы работы, состав и обязанности членов клуба, система отчетности, структура управления, типы клубов и т.д. — к этим двум документам прилагалось еще 7. Их названия говорят сами за себя: «Положение о клубном совете», «Положение о согласовании работ клубных и библиотечных отделений», «Положение о клубных отделениях пропагандистского отдела Губполитпросвета», «Положение о губернских и уездных комиссиях по проведению клубной сети», «Положение о клубах национальных меньшинств», «Устав районного клуба»[19].

Подобная картина наблюдалась и в других областях агитационно-пропагандистской работы. По любому вопросу, от формы записи получаемой литературы до организации вечеров воспоминаний, составлялась специальная инструкция, памятка, примерный образец и т.д. Количество руководящих циркуляров постоянно росло. В 1920 г. ЦК разослал 17 циркулярных писем по агитработе, в 1921 г. — 50[20], а лишь за ноябрь–декабрь 1923 г. — 28[21]. При прохождении сверху вниз они обрастали соответствующими разъяснениями и дополнениями, а бывало, что и искажались[22].

Другой чертой (или, скорее, продолжением первой) стиля работы аппарата агиторганов было все большее усложнение системы отчетности. В письме ЦК от 19 февраля 1921 г. губкомам предписывалось помимо копий протоколов и отчетов ежемесячно представлять сведения о проделанной агитпропработе в виде писем подробно разработанной формы[23]. Первое Всероссийское совещание заведующих

[19] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 54. — Л. 1–15.

[20] Известия ЦК РКП (б). — 1922. — № 3. — С. 18.

[21] Известия РКП (б). — 1924. — № 1. — С. 55.

[22] Микоян А. И. Указ. соч. — С. 255.

[23] Известия ЦК РКП (б). — 1921. — № 27. — С. 5.

агитпропотделами губкомов, прошедшее в июле 1921 г., постановило ежемесячное письмо-доклад обязательно дополнять устными сообщениями. При приезде в губернский город каждому члену укома и в Москву каждому члену губкома предписывалось прибыть к заведующему агитпропотделом с докладом по вопросам агитации и пропаганды[24]. В августе 1921 г. в ЦК была разработана специальная форма ежемесячного доклада. Опросный лист включал в себя 4 раздела, в каждом из которых было по несколько (до девяти) пунктов[25].

Совещание секретарей областных бюро, обкомов и губкомов РКП (б) (декабрь 1921 г.) приняло постановление «Об организации постоянной связи и информации ЦК РКП (б) с губкомами» и подробную «Схему информационной работы»[26]. В апреле–мае 1922 г. только подотделом агитации агитпропотдела ЦК было получено с мест около 60 писем с отчетами[27]. С 15 июля по 15 сентября 1922 г. Агитпропотдел ЦК посетили с информационной целью около 50 ответственных работников[28].

Помимо растущего бюрократизма еще одной чертой, характерной для деятельности большевистской агитационно-пропагандистской системы, было использование армейских методов работы: дисциплина, плановость, ударность, приказ, не подлежащий обсуждению, унификация и т.п. Председатель Главполитпросвета Крупская писала по этому поводу: «Когда Гражданская война стала подходить к концу, в политпросвет вошли громадные кадры военных работников, перенесшие в политпросветработу все методы работы на фронте. Самодеятельность населения, все формы углубленной работы были сведены на нет»[29]. Однако и сама Крупская была совершенно не чужда военного влияния. Например, на XIII съезде партии она указывала: «Изба-читальня — это ни какая-нибудь культурная организация, это боевая организация»[30].

Вообще в большевистской литературе того времени идеологическую работу было широко принято называть «третьим фронтом» вслед за первым — военным и вторым — хозяйственным, что явля-

[24] Вестник агитации и пропаганды. — 1921. — № 16–17. — С. 44.

[25] Правда. — 1921. — 10 сентября.

[26] Правда. — 1921. — 31 декабря.

[27] Известия ЦК РКП (б). — 1922. — № 6. — С.20.

[28] Известия РКП (б). — 1922. — № 9. — С. 25.

[29] РЦХИДНИ. — Ф. 12. — Оп.1. — Д. 458. — Л. 22.

[30] Цит. по: Андреева М.С. Коммунистическая партия — организатор культурно-просветительной работы в СССР. 1917–1933. — М.: 1963. — С. 51.

лось, безусловно, очень симптоматичной чертой. В выступлениях идеологических работников той поры постоянно использовалась военная фразеология. Например, Бубнов на совещании агитпропов и политпросветов Северо-Западной области в апреле 1923 г. провозглашал: «Мы должны видеть перед собой перспективу грядущих столкновений на идеологическом фронте. И победа будет за нами, если мы отточим наше оружие — коммунистическое просвещение!»[31].

Таким образом, в целом стиль работы аппарата большевистской агитационно-пропагандистской системы в начале НЭПа можно охарактеризовать как военно-бюрократический. При этом следует еще раз подчеркнуть, что в Советской России и затем в СССР коммунистическая партия полностью подчинила себе аппарат государства. В другом типично тоталитарном режиме — Германии 1933–1945 гг. — ситуация была иной. После прихода Гитлера к власти Национал-социалистическая немецкая рабочая партия играла в государстве хоть и весомую, но все-таки подчиненную общей системе органов власти роль. Например, что касается агитационно-пропагандистской сферы, то здесь нацистами было создано специальное Министерство пропаганды с 32 местными отделениями, которое возглавил шеф бюро пропаганды НСДАП Йозеф Геббельс, совмещая эти посты. При этом именно Министерство стало центром всей идейно-политической работы нацистов, широко прославив самого Геббельса и методы его деятельности, очень схожие с теми, которые применяли и большевики.

Партийное бюро у нацистов тоже сохраняло некоторое значение, но поле его деятельности было более узким, именно партийным и к тому же оно не находилось на виду и не приковывало к себе столько внимания, сколько Министерство пропаганды. Как констатировали авторы одного из исследований, «центральное бюро пропаганды было всего лишь мелкой рыбешкой по сравнению с тем китом, которым стало Министерство пропаганды. И хотя оба учреждения существовали и работали бок о бок, именно Министерство стало всеохватывающим и общенациональным институтом в своей области»[32]. Также в Германии было создано государственное Управление культуры, которое контролировало сферу литературы и искусства, диктуя здесь свою волю. При этом данное ведомство подчинялось Министерству пропаганды, а не партийным учреждениям.

---

[31] Бубнов А. Итоги и перспективы компросвещения. — М.: 1923. — С. 25.

[32] Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Йозеф Геббельс — Мефистофель усмехается из прошлого. — Ростов-на-Дону: 2000. — С. 94.

Кроме того, некоторые идеологические функции выполняли и другие министерства и ведомства, например, Министерство иностранных дел в части работы с общественным мнением в других странах, Министерство по науке, образованию и воспитанию в вопросах идейного воспитания молодежи и т. д. В этом плане фашистское государство оставалось, как это ни противоестественно звучит, но все-таки формально, с позиций общественного устройства более цивилизованным, чем коммунистическое.

Итак, в начале 1920-х годов в Советской России был создан специальный партийно-государственный аппарат идеологической обработки населения. Его миссией была забота о том, чтобы провозглашенная Лениным новая русская национальная идея — строительство коммунизма — стала делом каждого россиянина вне зависимости от того, нравится это ему или нет.

Глава 7

Контрреволюционеры, шпионы и растлители молодежи

Торжество омрачено было некоторым замешательством, вызванным врагами счастья, которые тем самым, естественно, лишили себя права стать кирпичами обновленного вчера фундамента Единого Государства.

Евгений Замятин, «Мы»

1

Спектр идейно-политических антибольшевистских сил, действовавших в России[1] и за рубежом[2] в исследуемый период, был

[1] Политические партии России: История и современность (под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева). — М.: 2000. Думова Н. Г., Ерофеев Н. Д., Тютюкин С. В. и др. История политических партий России. — М.: 1994. Политические партии России (конец XIX — первая треть XX века.). — М.: 1996. Политическая история России в партиях и лицах. — М.: 1994. Политические партии России в контексте ее истории. — Ростов-на-Дону: 1998. Программы политических партий России (конец XIX — начало XX века.). — М.: 1995. Революционеры и либералы России. — М.: 1990. Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте. — М.: 2001. Шелохаев В. В., Боханов А. Н., Думова Н. Г., Ерофеев Н. Д. и др. Политическая история в партиях и лицах. — М.: 1993. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. — М.: 1996. Сивохина Т. А. Политические партии в послеоктябрьский период России: сотрудничество и борьба. — М.: 1995.

[2] Окороков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. — М.: 2003. Костиков В. В. Не будем проклинать изгнанье... — М.: 2004. Тимонин Е.И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945 гг.). — Омск: 2000. Бочарова З.С. Судьбы российской эмиграции: 1917–1930-е годы. — Уфа: 1998. Омельченко Н.А. В поисках России: Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). — СПб.: 1996. Назаров М. Миссия русской эмиграции. — М.: 1994.

представлен всеми своими нишами. При этом политика Советского правительства после Октябрьской революции вызвала гигантскую эмиграционную волну. В первые годы Россию покинуло более двух миллионов человек. К концу 1924 г. в Германии оказалось около 600 тыс. русских эмигрантов, во Франции — около 400 тыс., в Манчжурии — более 100 тыс., в США — около 30 тыс. Беженцы из России обосновались в более чем 25 странах[3]. Это была в большинстве своем образованная публика, состоявшая, в том числе, из многих политических активистов, сохранивших за границей свои организации и издававших газеты и журналы. Всего в эмиграции выходило в это время свыше 3 тыс. наименований русскоязычных периодических изданий[4].

Правый фланг антибольшевистских политических сил занимали монархисты, центры которых находились исключительно за рубежом. Это крыло можно охарактеризовать в целом как реставраторское с некоторыми вариациями и смягченными публичными резолюциями по сравнению с более реакционной личной позицией многих ориентированных на монархию эмигрантов. Их общее отношение к поражению в Гражданской войне можно было бы выразить словами близкого по духу к консервативному лагерю Ивана Бунина: «Народ не принял белых... Что же если это так, то это только лишнее доказательство глубокого падения народа. <...> Пусть не всегда были подобны горнему снегу одежды белого ратника, — да святится вовеки его память!»[5].

Также эпитеты Бунина, характеризующие его отношение к Советской власти, подходили и для всей монархической диаспоры эмиграции: «душегубство и разрушительство», «враг столь подлый и свирепый, что нет имени его подлости и свирепству», «грабеж и убийство», «мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы», «разнузданная власть черни», «разгул дикаря», «Содом и Гоморра», «великая ложь» и т.п. [6]

Но при этом надо иметь ввиду, что монархисты, в отличие от остальной части эмиграции, не признали не только Октябрьскую ре-

[3] Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. — М.: 1986. — С. 25–26.

[4] Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000). — М.: 2001. — С. 46.

[5] Бунин И. А. Миссия русской эмиграции. 16 февраля 1924 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2142.shtml, свободный.

[6] Там же.

волюцию, но и Февральскую — детище, по словам одного из главных идеологов консервативного монархического крыла эмиграции, церковного историка Н. Д. Тальберга, «Родзянок, Милюковых, Львовых и Керенских <...> возводивших свою Родину на Голгофу революционных мучений <...> поддельно-демократических, беспочвенных и бессильных политиканов, которые и довели Россию до захвата ее коммунистами». Сторонники монархии мучительно ностальгировали по «России настоящей, той, которая была сильна и могуча до позорного действа 1917 г., той, которая мудрым правлением ее Царей и Императоров дала рассвет промышленности», и по тому «благодетельному историческому строю <...> с которым в мире только и связано все красивое, могучее и величественное»[7]. Монархисты неизменно оценивали довоенную Россию как вполне благополучную державу, находившуюся на подъеме. Лидер Русского народно-монархического союза конституционных монархистов, историк С. С. Ольденбург в своем капитальном исследовании «Царствование императора Николая II» впоследствии констатировал, что «на двадцатом году царствования императора Николая II Россия достигла еще невиданного в ней уровня материального преуспеяния».

Несмотря на общее принципиальное положительное отношение к монархической идее, этот лагерь все-таки не был однороден. Здесь имелись как, в полном смысле известного выражения Талейрана, «ничего не забывшие, ничему не научившиеся», так и более умеренные деятели, симпатизировавшие реформаторскому курсу П.А.Столыпина, хотя зачастую лишь задним числом. Также существовали «антантофилы» и германофилы — в зависимости от того, с какой страной связывались надежды на помощь. Кроме того, выделялись непредрешенцы, не считавшие себя вправе определять в своих политических программах государственное устройство страны из заграницы, и легитимисты, считавшие необходимым провозглашение Царя уже в эмиграции.

Следует отметить, что к монархической парадигме к началу 1920-х годов в эмиграции стали тяготеть отнюдь не только черносотенцы, но частично и бывшие сторонники консервативно-либеральных течений — октябристы, прогрессисты и даже некоторые кадеты. Ярким примером такой эволюции являлся увлекавшийся в 1890-х годах марксизмом, а затем один из основателей и лидеров Партии конституционных демократов Петр Струве. Еще в начале XX века он выступал за «гармоническое сочетание в одном лице идейных

[7] Двуглавый орел. — 1921. — 1 (14) июня. — С. 2–3.

мотивов либерализма и консерватизма» и, являя собой сторонника некоего либерального национализма, призывал «соединить здоровое патриотическое чувство с гражданскими освободительными стремлениями»[8]. Не чуждый идей великодержавности России, Струве все больше эволюционировал к государственничеству и в 1915 году по идейным соображениям вышел из состава кадетского ЦК, а после Октябрьской революции и окончания Первой мировой войны был уже ближе к монархистам, чем либералам. Объясняя свое поправение, он, в частности, писал: «Поскольку крушение монархии для русских означало и крушение самой России, многие образованные русские, не бывшие монархистами, стали монархистами из русского патриотизма»[9]. Кроме того, он отмечал: «На того, кто посмотрел в глаза русскому опыту <...> социалистические увещания не могут производить ни малейшего впечатления. Мы, проделавшие этот опыт, хорошо понимаем, что с грозной духовной и социальной опасностью коммунизма может бороться не социалистическая маниловщина, а только самое напряженное сосредоточение охранительных сил». То есть, по мнению Струве, победить коммунистическую диктатуру можно было только централизованным напряжением всех имеющихся ресурсов.

При этом он, как и многие монархисты, обращал в начале 1920-х годов внимание и на опыт развития в Европе фашизма, который его интересовал как метод борьбы с большевиками. Струве рассуждал: «Как бы критически не относиться к фашизму, к его отдельным проявлениям и приемам, он есть спасительная, даже для демократии, реакция против коммунизма, он есть великое охранительное движение, сильное и замечательное тем, что консервативные соки и силы оно ищет и извлекает из народных глубин»[10]. Аналогично и такой цивилизованный, умеренный монархист как С. С. Ольденбург писал в письме к П. Б. Струве 15 июля 1922 г.: «Деятельность фашис-

[8] Цит. по: Российский либерализм: идеи и люди. — М.: 2007. — С. 452, 454.

[9] Струве П. Б. Размышления о русской революции. — София: 1921. — С. 7.

[10] Возрождение. — 1925. — 25 декабря. На склоне лет П. Б. Струве пережил достаточно забавный эпизод. «Струве, этот очень кратковременный соратник Ленина по социал-демократии, а с конца 1890-х годов и до конца жизни один из его самых резких политических противников, был в 1941 г. арестован в Белграде фашистским гестапо и заключен в тюрьму в качестве... “друга Ленина”. Рассказывают, что Струве был выпущен на свободу сразу после того, как он случайно обнаружил в тюремной библиотеке и предъявил тамошнему начальству немецкое издание то ли сочинений самого Ленина, то ли “Истории ВКП (б)”». (Российский либерализм: идеи и люди. — С. 455).

тов является огромным благотворным фактором — каковы бы ни были отдельные проявления. Это «революция» только по приемам, — вроде того, как Вы писали, что и русское белое движение должно было стать революционным по методам; — так вот фашисты сумели! <...> Меня, может быть, фашисты не вполне удовлетворяют [лишь] своей амонархичностью»[11]. Очевидно, что это были поиски некоего, впоследствии известного как пиночетовский, варианта борьбы цивилизации с раковой опухолью коммунизма за свое выживание. Той цивилизации, которая в свое время не сумела реформироваться, модернизироваться и снять в себе накопившиеся антагонизмы.

С 29 мая по 7 июня 1921 г. прошел монархический Съезд хозяйственного восстановления России в г. Бад-Рейхенгалле (Бавария) с участием 106 делегатов из 30-ти стран. Его почетным председателем был митрополит Антоний (Храповицкий), председателем — один из лидеров партии «Союз русского народа», депутат IV Думы А. Н. Крупенский. Форум приветствовала телеграммой вдовствующая императрица Мария Федоровна, жившая в Копенгагене[12].

На Съезде проявилось три течения: «парламентаристы» во главе с Е. А. Ефимовским, «конституционалисты», возглавляемые А. М. Масленниковым (оба — бывшие кадеты) и «абсолютисты» (порядка 40% участников) со своим лидером — одним из наиболее одиозных черносотенцев Н. Е. Марковым (Вторым), до революции главой партии «Союз русского народа». Некоторые их программные различия не помешали принятию ряда общих резолюций. В частности, в «Обращении съезда ко всем русским» говорилось: «Хозяйственное восстановление России немыслимо без возвращения к коренным заветам ее прошлого и восстановления монархии». В документе также содержались следующие программные установки: «Кормилец земли — русский хлебопашец должен быть обеспечен достаточным количеством земли, принадлежащей ему на праве собственности, чтобы не только кормить свою семью и богатеть самому, но, как всегда оно и было, давать источники существования всему государству Русскому. Право свободного труда, охраняемого законом от всякой эксплуатации, должно стать верным источником

[11] Из письма С. С. Ольденбурга П. Б. Струве // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm, свободный.

[12] Емельянов Ю. Н. Монархическое движение и монархические организации русской эмиграции (1920-е — середина 1930-х годов) // История и историки: Историографический вестник. — М.: 2003. — С. 116.

благосостояния рабочих. Свободное право промыслов и торговли будет принадлежать каждому желающему. Свобода гражданская и политическая при твердой охране законом нерушимости права собственности, равенство всех перед законом станут основой отношений как между отдельными лицами, так и между различными народностями в государстве. Вероисповедная свобода вернет душевный мир всему населению России. И построенная на этих началах Россия, крепкая внутри, страшная всем нарушителям ее национальных интересов, вновь восстанет во всей своей прежней славе, охраняемая собственной своей народной армией — не красной и не белой, а Императорской русской армией. И в армии этой воскреснет старый боевой завет "За Веру, Царя и Отечество", и безвозвратно минует то время, когда, захваченная демагогами, она стала безопасной для внешнего врага и несла опустошение и гибель собственной Родине»[13].

При этом в «Основных положениях», принятых Съездом, наряду с общим тезисом о необходимости «восстановления монархии, возглавляемой законным Государем из Дома Романовых», было отмечено, что делегаты сочли преждевременным более конкретно официально сформулировать свои требования по будущему государственному устройству, а также и земельному вопросу. А вот намерения в области пропаганды и агитации были выражены следующим образом: «Съезд считает необходимым немедленное создание за границей большого серьезного органа периодической печати для всестороннего развития монархической идеи, для изучения и развития русского монархического движения, для правильного и полного освещения происходящего в широких массах русского народа процесса возвращения к путям русского национального идеала, для раскрытия перед иностранным общественным мнением правды об истинных чаяниях русского народа и для воспитания среди русской эмиграции людей в духе родных национальных начал и подготовления их к предстоящему государственному строительству»[14]. В вопросах тактики монархисты продолжали делать ставку на остатки Белой армии и участие иностранных держав, а также внутреннее разложение большевистского режима. Какие-либо союзы, хотя бы и временные, с партиями республиканского и социалистического направления объявлялись невозможными и бесцельными. А вот помощь от различных религиозных, антимасонских или антисемитских организаций признавалась вполне желательной.

[13] Двуглавый орел. — 1921. — 1 (14) июня. — С. 5, 6.

[14] Там же. — С. 9.

Также в документах Съезда промелькнула любопытная общая фигуральная формула идейно-политической позиции монархистов: «Восстановление России без старых недостатков, но на старых устоях»[15]. Однако для людей, искушенных в политике, было отчетливо видно, что крайне правые проявляют достаточно много лукавства, чтобы казаться как можно менее реакционными в глазах и Европы, и эмиграции, и самой России. Либеральная газета П. Н. Милюкова «Последние новости» квалифицировала главные установки монархистов как восстановление монархии и династии Романовых, признание православия государственной религией, решение земельного вопроса с максимальным учетом интересов помещиков, а в итоге, на самом деле, стремление к «полной реставрации, полному возвращению даже не 1916 году, а к 1904-му»[16].

На Рейхенгальском съезде был создан Высший монархический совет (ВМС) во главе с Марковым, которого духовно тяготевший к правому лагерю философ Иван Ильин объективно характеризовал так: «Человек умный, волевой и патриотичный. Не необразованный, прямолинейный и очень властный. <...> У него <...> нет ни духовной ширины, ни научно-воспитанной совести, ни чуткости, ни такта духовного. Помимо этого — Марков одержим (искренне, страстно, “тенеброзно”) маниею антисемитизма: в основе этого у него мания преследования, с которой он не справляется или справляется редко и с трудом»[17].

Помимо Маркова основными членами первого состава ВМС стали А. М. Масленников и А. А. Ширинский-Шихматов, почетными членами — митрополит Антоний и архиепископ Евлогий. Позже были кооптированы А. Ф. Трепов, А. Н. Крупенский, С. С. Ольденбург, Н. Д. Тальберг, Е. А. Ефимовский и др. ВМС признали за руководящую монархистскую инстанцию большинство монархических организаций в разных странах. Он издавал свой печатный орган «Высший монархический совет». Монархисты выступали с докладами, устраивали различные собрания. Высший монархический совет хотел подчинить себе и остатки Белой армии, однако верховный главнокомандующий П.Н. Врангель ответил отказом в духе «армия вне политики». В качестве претендента на Императорский

[15] Двуглавый орел. — 1921. — 1 (14) июня. — С. 5.

[16] Последние новости. — 1921. — 22 июня.

[17] Ильин И. А. Из письма Струве П. Б. // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm, свободный.

престол ВМС поддерживал Великого князя Николая Николаевича, который, однако, сам никаких активных действий к этому не предпринимал.

Совет располагался сначала в Берлине, а с 1922 г. — в Париже. 16–22 ноября здесь прошел II монархический съезд, однако он столь большого значения как первый не получил. Районом наибольшего сосредоточения монархических сил являлись Балканы, западная часть Турции, Германия (Бавария). Наиболее значительными изданиями монархистов были «Двуглавый орел» (1920–1922, 1926–1931 гг.), «Новое время» (1921–1930 гг.), «Грядущая Россия» (1921–1922 гг.), «Возрождение» (1925–1940 гг.), «Луч света» (1919–1926 гг.), «Русь объединенная, самодержавная и православная», «Державная Русь», «Вестник Русского монархического объединения в Баварии» и др.

Как уже упоминалось, политические настроения сторонников монархии нередко отличались откровенной реакционностью. Например, наиболее активный защитник самодержавия Марков в одном из своих выступлений на Рейхенгальском съезде вспомнил, как еще в III Государственной Думе он дал отпор адвокату Ф. Н. Плевако по поводу предложения демократических реформ. В ответ на его заявление, что «русскому народу пора одеть тогу гражданина», Марков гневно заявил: «Не римская простыня нужна русскому народу, а теплый романовский полушубок». И добавил: «Нужна тугая трехцветная опояска и хорошие ежовые рукавицы»[18].

В.В. Шульгин публично выступал за предоставление населению России «без различий классов и национальностей <...> равенства гражданских прав, устанавливаемых на началах частной собственности, личной инициативы и хозяйственной свободы»[19], но по поводу того, должна ли монархия быть конституционной и дополняться парламентом, признавался: «Да... Десять лет Государственной Думы — меня испортили... Пожалуй, мне хотелось бы, чтобы была конституционная монархия. Но надо различать <...> желание от возможного... Мне кажется, что желанное невозможно... После всего, что произошло, конституционная монархия вряд ли мыслима... По крайней

[18] Антоненко Н. В. Идеология и программатика русской монархической эмиграции. — Мичуринск — Наукоград: 2008. — С. 67.

[19] Шульгин В. В. Основные положения для объединения и согласованных действий в деле свержения большевистской власти в России // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm, свободный.

мере, в течение ряда лет, и главным образом вследствие причин экономических... Чтобы выйти из положения, придется в каждые полчаса подписывать героические решения... А ведь вы знаете, что русский парламент героических, ответственных <...> безумно смелых решений принимать не может... В русской действительности героические решения может принимать только один человек»[20].

Монархическая газета «Новое время» писала, что в России нужна такая власть, при которой не только социалисту Керенскому, но и либералу Милюкову пришлось бы скрываться в подполье. По воспоминаниям Б. Александровского, работавшего врачом в расквартированной на Балканах армии Врангеля, большинство офицеров были настроены по возвращению в Россию «перевешать всех, от взбунтовавшегося мужика до слюнявого интеллигента Милюкова»[21]. В армии по мере возможности поддерживался дух реванша и непримиримости к противнику. Даже за чтение кадетской газеты «Последние новости» офицеров сажали на гауптвахту[22]. При этом редакторы монархического альманаха «Луч света» белогвардейские офицеры С. В. Таборицкий и П. Н. Шабельский-Борк устроили 28 марта 1922 г. на Милюкова покушение, во время которого тот не пострадал, но был убит бросившийся на его защиту известный правый кадет В. Д. Набоков.

Насколько велико было в среде монархистов неприятие любых демократических идей показывает также следующий факт. На Рейхенгальском съезде серьезно высказывались мнения, что необходимо в той или иной форме временно поддерживать большевиков, поскольку они «дискредитируют демократию, чем вызывается в настроении народа ориентация вправо». Проводилась также мысль, что надо «дать большевикам выполнить грязную работу по покорению окраинных государств». Для этого предлагалось монархически настроенным элементам в России вступать в Красную армию и советские учреждения для того, чтобы бороться против всех преждевременных попыток к восстанию и быть готовыми взять власть, когда народ окончательно устанет от большевиков[23].

Монархисты действовали исключительно в эмиграции, и в России их влияние в рассматриваемое время было очень слабым. Наиболее восприимчивые к данной идеологии слои населения — помещики,

[20] Шульгин В. В. Дни. 1920. — М.: 1990. — С. 517–518.

[21] Мухачев Ю. В. Указ. соч. — С. 25.

[22] Последние новости. — 1921. — 9 августа.

[23] Последние новости. — 1921. — 2 июля.

крупное чиновничество, высшее духовенство, часть офицерства — в ходе Гражданской войны либо погибли, либо эмигрировали, либо уже служили большевикам, так как в противном случае их семьи не имели бы средств к существованию или же были бы расстреляны в рамках активно применяемого Троцким в Красной армии института заложничества. Среди сколько-нибудь широких слоев населения перспектива реставрация самодержавной монархии, или «старого режима» со всей его упертостью никакой популярностью не пользовалась. Дискредитации монархической идеи во многом способствовала реакционная аграрная, социальная и национальная политика белых правительств в 1918–1920 гг. О непопулярности царизма говорит такой конкретный факт. Некто Л. Неманов, сотрудничавший позднее в «Последних новостях», в конце Гражданской войны находился в расположении Белых войск. Желая собрать материал о Красной армии, он провел беседы с 400 пленными красноармейцами, почти все из которых были крестьянами. На один из его вопросов, а именно: не жаль ли им дофевральской России, почти все опрошенные отвечали одинаково отрицательно в уклончивых выражениях типа «не наша тут вина», «видно судьба такова» и т. п. Никакого существенного сожаления выражено не было, хотя разговор велся в белом плену[24].

Видный идеолог монархизма Василий Шульгин признавал, что в деле завоевания популярности среди народа России «императорский титул сейчас не помощь, а препятствие для эмиграции»[25]. Генерал Врангель и другие монархически настроенные политики-военные вынуждены были стараться вуалировать свои взгляды, чтобы не дискредитировать остатки Белой армии.

Монархическое крыло во многом ослаблялось и тем, что среди оставшихся членов Дома Романовых не было единства, а, наоборот, прогрессировал раскол. Он вполне оформился после того, как 31 августа 1924 г. Великий князь Кирилл Владимирович обнародовал Манифест, в котором провозгласил себя Императором Всероссийским. При этом он писал: «Пусть Русская Армия, хотя и называемая красной, но в составе коей большинством являются насильно призванные честные сыны России, скажет решающее слово, встанет на защиту попранных прав Русского народа и, воскресив исторический Завет за Веру, Царя и Отечество, восстановит на Руси былой Закон и Порядок. Заодно с Армиею пусть всколыхнется грома-

[24] Последние новости. — 1921. — 22 апреля.

[25] Шкаренков Л. К. Указ. соч. — С. 36.

да народная и призовет своего Законного Народного Царя, который будет любящим, всепрощающим, заботливым Отцом, Державным хозяином Великой Русской Земли, грозным лишь для врагов и для сознательных губителей и растлителей Народа». Манифест почти не содержал программных политических статей, за исключением того, что новый «Царь восстановит Храмы, простит заблудших, законно закрепит за крестьянами землю»[26].

Однако вдовствующая Императрица Мария Федоровна и Великий князь Николай Николаевич не замедлили выступить с публичными заявлениями о непризнании Кирилла Императором. При этом Николай Николаевич писал: «Я уже неоднократно высказывал неизменное мое убеждение, что будущее устройство Государства российского может быть решено только на русской земле, в соответствии с чаяниями русского народа»[27]. Несколько позже, в 1925 г. в одном из интервью Великий князь, в частности, говорил: «Русский народ умирает с голода, и этот всеобщий голод неизбежный результат советского режима. <...> Меньшинство угнетателей ненавидимо населением. Они держатся только жестокостью и полицейским режимом, жестокость которого излишне клеймить. Когда кончится это рабство? Я не пророк, но моя вера непоколебима». Однако Николай Николаевич не делал ставку на вооруженную борьбу с помощью иностранного вмешательства, поскольку, по его мнению, таким способом не удалось бы завоевать доверия населения. Он подчеркивал: «Главные русские вопросы могут обсуждаться и разрешаться только на русской земле и в соответствии с желаниями русского народа. Сам русский народ должен разрешить свою судьбу и выбрать режим. Будущая организация России должна быть основана на законности, порядке и личной свободе»[28].

---

[26] Манифест Великого Князя Кирилла Владимировича // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm, свободный.

[27] Заявления Великого Князя Николая Николаевича и вдовствующей Императрицы Марии Федоровны // Политическая история русской эмиграции. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm, свободный.

[28] Беседа Великого Князя Николая Николаевича с бельгийским журналистом (газета «Ла Насьон Бельж»). 17 сентября 1925 г. // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm, свободный.

Следует отметить, что в рассматриваемый период большевистская контрпропаганда почти не занималась критикой монархической идеологии и ее носителей, ибо не видела в этом никакой особой нужды[29].

2

Левее монархического располагалось консервативно-либеральное, или правоцентристское направление[30]. При этом граница между данными политическими течениями была весьма размытой вплоть до того, что одни и те же лица могли быть причислены и туда и сюда (П.Б. Струве, С.С. Ольденбург). В Берлине сформировалась группа правых кадетов, выпускавшая с 1920 по 1931 г. ежедневную газету «Руль», редактируемую В. Д. Набоковым и И. В. Гессеном. Их единомышленниками были А. И. Каминка, А. В. Карташов, Ф. И. Родичев, С. В. Панина, А. А. Кизеветтер и почти вся старая элита российского кадетизма за исключением П. Н. Милюкова.

Напомним, что кадеты сразу же разошлись с большевистской властью после ее установления, призвав в обращении своего ЦК к населению России от 27 октября 1917 г. не подчиняться Совету народных комиссаров. Также было принято решение и о недопустимости для членов партии работать в структурах Советской власти, за исключением профессоров. На выборах в Учредительное собрание кадеты набрали в целом по стране лишь 4,7 % голосов, хотя в 13 губернских городах они вышли на первое место, а в 30 с лишним других городах, в том числе в Москве и Петрограде, заняли второе место после большевиков[31]. 28 ноября 1917 г., в день предполагаемого

[29] О правых партиях см. также: Правые партии. Документы и материалы. Т. 1, 2. — М.: 1998. Степанов С.А. Черная сотня в России. — М.: 1992.

[30] См. Российские либералы, кадеты и октябристы. Документы, воспоминания, публикации. — М.: 1996. Степанов С. А. Кадеты (Конституционно-демократическая партия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 8. — С. 75–84. Сикиринский С. С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. Очерки истории. М.: 1995. Протоколы ЦК партии кадетов: Документы и материалы. — Т. 1. — М.: 1996. Шелохаев В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии. 1907–1917 гг. — М.: 1991.

[31] Можаева Л.А. Антибольшевистские партии и организации в гражданской войне: политический спектр Белого движения // Антибольшевистская Россия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.antibr.ru/textbook/au_lpp1_k.html, свободный.

открытия Учредительного собрания, Ленин подписал декрет СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции», в котором говорилось, что «члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов». Некоторые руководители КД сразу же были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость, а двое из них — Андрей Шингарев и Федор Кокошкин — 7 января 1918 г. после перевода их Мариинскую больницу убиты матросами. Власти закрыли Центральный партийный клуб, районные отделения партии и некоторые кадетские газеты. В период Гражданской войны кадеты активно боролись с большевиками, поддерживая белогвардейские правительства и, как правило, входя в них[32].

В первом номере газеты «Руль» редакция декларировала: «Восстановление России немыслимо при существовании советской власти. Каждый месяц, каждый день хозяйничанье этой власти продолжает и довершает дело разрушения России, ее культурных и хозяйственных ценностей. Наша основная политическая задача — освещать неприглядную русскую действительность»[33].

Правые кадеты хранили верность довоенной Программе конституционно-демократической партии — оплоту русского либерализма начала XX века — где первым пунктом значилось: «Все российские граждане, без различия пола, вероисповедания и национальности, равны перед законом. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав <...> должны быть отменены». Программа также предусматривала создание в России конституционной парламентарной монархии с полным набором гражданских свобод, разделением властей, выборной системой на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, отделением церкви от государства, культурным самоопределением наций, восьмичасовым рабочим днем и т. д.[34]

Образцом политического устройства для России кадетам виделась Англия, а оптимальным путем экономического развития представлялся американский вариант. Набоковцы, как правило, отрицали

[32] Думова Н. Г., Ерофеев Н. Д. и др. История политических партий России. — М.: 1994. — С. 111–142.

[33] Руль. — 1920. — 16 ноября.

[34] Программа Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) // Законодательные проекты и предположения партии народной свободы. 1905–1907 гг. / Под ред. Н. И. Астрова, Ф. Ф. Кокошкина, С. А. Муромцева, П. И. Новгородцева, кн. Д. И. Шаховского. — СПб.: 1907. — С. XI–XIX.

какое-либо стремление к поддержке монархически-реставраторских планов, однако на практике, как и в период Гражданской войны, они явно тяготели к союзу с монархистами и категорически избегали блокирования с социалистами всех мастей. Владимир Набоков заявлял в 1921 г.: «Ориентация на с.-р. была испробована в прошлом и оказалась несостоятельной... Объединение с ними в один общий фронт есть задача недостижимая, если допустить, что она желательна, и нежелательна, если считать ее достижимой»[35]. Планы свержения большевиков правые кадеты связывали как с социальными процессами внутри России, так и с возможностью новой Белой и иностранной интервенции[36].

Одной из главных рубрик в газете «Руль» была «В Советской России». О характере публиковавшихся там материалов можно судить по заголовкам статей: «Голод в Петербурге», «Война с деревней», «Струве о борьбе с большевизмом», «Черчилль о большевизме» и т.д. В конце 1920 г. газета опубликовала «Декларацию генерала Врангеля», в которой утверждалось: «Армия и Флот не допускают мысли о возможности прекращения борьбы. Наша задача — сохранить ядро русской армии и флота для того часа, когда Европа учтет необходимость борьбы с мировой тиранией»[37].

В «Руле» активно сотрудничали М. Волошин, К. Бальмонт, И. Шмелев, печатались мемуары С. Ю. Витте. Сотрудничал с газетой и классик русской литературы, ее первый нобелевский лауреат Иван Бунин. В частности, в «Руле» была опубликована произнесенная им в Париже речь «Миссия русской эмиграции», имевшая программное значение для всех, оказавшихся в изгнании. Бунин призывал: «Не поддаваться ни соблазнам, ни окрикам, не соглашаться на похабный мир с большевистской ордой. Знаю, многие уже сдались, многие пали, а сдадутся и падут еще тысячи и тысячи. Но все равно останутся и такие, что не сдадутся никогда»[38].

Аналогичную позицию занимал журнал «Русская мысль» (София, Прага, Берлин, 1921–1924 гг.), редактируемый П. Струве, сдвигавшемся в другом своем издании — газете «Возрождение» (которую он редактировал в 1925–1927 гг.) все более к монархизму. Журнал расценивал русскую революцию как разрушение и деградацию нации и призывал бороться с большевиками всеми способами и прежде всего вооруженным путем.

35 Цит. по: Думова Н. Г. Кончилось наше время... — М.: 1990. — С. 195.

36 Непролетарские партии России. Урок истории. — М.: 1984. — С. 541.

37 Руль. — 1920. — 28 ноября.

38 Руль. — 1924. — 3 апреля.

Также в данной идейно-политической нише значительную роль в жизни эмиграции играл «Российский торгово-промышленный и финансовый союз» (Торгпром). В его исполнительный комитет, находившийся в Париже, входили А. И. Гучков, Н. П. Рябушинский, С. Г. Лианозов и др. В мае 1921 г. в Париже состоялся Торгово-промышленный съезд. Его резолюции определяли будущий строй России как «правовое, демократическое государство», провозглашали «полный разрыв с политикой социалистических экспериментов и последовательное утверждение начал частной собственности и экономической свободы». В области аграрных отношений предполагалось утратившим свои земли владельцам выплатить компенсацию[39]. При этом резолюция съезда категорически отвергала возможность вмешательства государственной власти в деятельность промышленных частных объектов.

Вопросам тактики на съезде внимания почти не уделялось. Многим представителям торгово-промышленных кругов казалось, что долго большевики продержаться не смогут в силу полной абсурдности их планов. Так, почетный председатель съезда П. П. Рябушинский говорил: «Конец неизбежен, ибо не может существовать страна, в которой нет производства... Итак, наступит конец, и мы будем призваны в Россию»[40].

Позицию, близкую в идейно-политическом отношении к правым кадетам и Торгпрому, занимала парижская газета «Общее дело» под редакцией В.Д. Бурцева, которую издавала группа литераторов. Газета стремилась максимально способствовать консолидации антибольшевистских сил и свержению Советской власти. Она отличалась значительной эмоциональностью в подаче материалов и не затруднялась подбором политкорректных выражений, когда речь шла о большевиках. «Общее дело» называло их «величайшими в истории предателями, убийцами, государственными преступниками, людьми крови, ворами и уголовными преступниками в прямом смысле этого слова»[41].

Редакция придерживалась мнения, что невозможно «никакое соглашение с Советской властью, борьба с ней должна вестись не на жизнь, а на смерть»[42]. Следует признать, что газета достаточно односторонне освещала положение дел в большевистской России.

---

[39] Последние новости. — 1921. — 24 мая.

[40] Последние известия. 1921. — 18 мая.

[41] Общее дело. — 1922. — 7 апреля.

[42] Общее дело. — 1922. — 5 января.

Читателю представлялась картина непрерывных бунтов и восстаний со стороны народа и зверского насилия со стороны большевистского правительства, «которого вся страна проклинает, которого страна ни на одну минуту не признала»[43]. Из номера в номер повторялся призыв как можно скорее покончить с большевизмом и печатались гневные филиппики. Стремясь создать единый антибольшевистский фронт, «Общее дело» в то же время непрерывно ссорилось и перебранивалось с другими эмигрантскими газетами. Издание давало богатую пищу большевистской пропаганде для перепечаток из нее в своей прессе материалов, явно дискредитирующих эмигрантскую печать.

По инициативе «Общего дела» в Париже 5–12 июня 1921 г. прошел Русский национальный съезд, основными участниками которого были бывшие октябристы и правые кадеты. В частности, присутствовали П. Б. Струве, А. В. Карташов, П. Д. Долгоруков, А. И. Гучков, В. Д. Набоков, Л. В. Бурцев, Н. В. Тесленко и другие видные политики и публицисты. Председателем и основным докладчиком являлся Ф. И. Родичев. Несмотря на объединительный характер Съезда, приглашения крайним монархистам, эсерам и социал-демократам посланы не были.

Стремления лидеров форума повернуть его на путь умеренных либерально-демократических взглядов в целом успеха не имели. Делегаты и гости, заполнившие зал, были настроены более консервативно. Неоднократно раздавались промонархические и антисемитские реплики, а всякие упоминания о Белой армии, наоборот, встречались овацией. Делегат С. Ольденбург выразил уверенность, что после свержения большевиков у русского народа будет меньше свободы, чем при Николае II[44]. Участники съезда решительно высказались за экономический бойкот Советской России со стороны Запада. И хотя организаторам удалось провести резолюцию в духе демократических положений октябристского оттенка, было ясно, что на практике основная масса делегатов действовала бы значительно консервативнее.

Внутри России в 1921 г. небольшие кадетские организации легально действовали лишь в некоторых городах Сибири и Дальнего Востока[45]. Следует признать, что октябристско-кадетская (либерально-консервативная) идеология имела в исследуемый период весьма

[43] Общее дело. — 1922. — 11 января.

[44] Последние новости. — 1921. — 16 июня.

[45] Непролетарские партии... — С. 491–492.

слабое влияние на рабочие и крестьянские слои населения в России. Во-первых, буржуазные партии слишком тесно связали свою судьбу с монархическим движением во время Гражданской войны, а поэтому красивые фразы о народной свободе звучали в их устах для российских низов неискренне.

Во-вторых, и это главное, как уже говорилось, для большинства крестьянства России, веками жившего в условиях общинного землепользования, не была свойственна психология буржуазного индивидуализма, собственничества, приоритета экономической свободы над социальными гарантиями, которая только и могла вызвать в них симпатию к ценностям капиталистического демократического государства. Доказательством тому был опыт столыпинской реформы, преследовавшей цель фермеризации российской деревни и окончившейся в целом неудачно из-за значительного неприятия крестьянами, в основном малоимущими, такого пути. Показательными были и выборы в Учредительное собрание, продемонстрировавшие симпатии большинства населения к социалистическим партиям, а не буржуазным. В их ходе за социалистические (некоммунистические) партии голосовало 59 %, за большевиков — 24 %, за буржуазные и монархические — лишь 17 %[46].

Милюков в мае 1921 г. отмечал: «Несоциалистические элементы сильно дискредитировали себя в глазах русских масс... Внутри России эти элементы сильно дезорганизованы, чтобы среди них можно было искать деятельных союзников»[47]. Гораздо большей популярностью пользовалась право-кадетская идеология у интеллигенции, особенно высококвалифицированной. Анализируя положение в вузах, авторы одного из отчетов о работе Петроградского губкома РКП (б) писали, что настроения профессорско-преподавательского состава иначе как белогвардейским назвать нельзя[48]. Если же говорить о российской эмиграции, то здесь, по мнению Милюкова, к монархическому, октябристскому и правокадетскому направлениям тяготело примерно 85 %[49].

---

[46] Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. — Л.: 1976. — С. 271.

[47] Последние новости. — 1921. — 3 мая.

[48] Сборник материалов... — Вып. 4. — С. 4.

[49] Трифонов И. Я. Из истории борьбы с буржуазной идеологией в СССР в первые годы НЭПа // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. — Л.: 1967. — С. 179.

3

Следующим в спектре российских идейно-политических сил являлось либеральное левоцентристское направление, представленное левыми кадетами во главе с бессменным в 1907–1917 гг. председателем партии Конституционных демократов Павлом Милюковым, который редактировал парижскую газету «Последние новости» (27 апреля 1920 — 13 июня 1940 гг.)[50]. В данную группу входили также М. М. Винавер, А. И. Коновалов, П. П. Гронский, Н. И. Астров, Н. П. Демидов и др. В мае 1920 г. Милюков выдвинул идею о «новой тактике», которая получила свое дальнейшее развитие в его известном в эмигрантских кругах докладе «Что делать после крымской катастрофы?», представленном на обсуждение парижского комитета Кадетской партии 21 декабря 1920 г., и в проекте резолюции, составленном им для рассмотрения ЦК кадетов 2 июня 1921 г. «Новая тактика» предусматривала изменения не только тактического, но и программного характера в сторону их полевения.

Основные ее положения сводились к следующему. 1. Перенос центра тяжести борьбы с большевиками от методов вооруженного давления извне к методам, основанным на использовании внутренних социально-политических процессов в России. 2. Коалиция с левыми, социалистическими элементами эмиграции. 3. Преодоление монархического характера борьбы и выдвижение в качестве программных лозунгов республики, федерации, радикального решения аграрного вопроса.

Планы Милюкова предусматривали создание в России «правового демократического строя, покоящегося на основах частной собственности», причем идея государственного вмешательства в экономику признавалась вполне приемлемой[51]. Милюковцы соглашались даже на такую форму власти как советы, но, разумеется, избранные на основе всенародных свободных выборов. Своей социальной опорой левые кадеты хотели видеть не крупную буржуазию, а демократические слои города, включая рабочих и, главным образом, крепкое и среднее крестьянство. Милюков пояснял, что «новая тактика не меняет принципиального отношения к большевикам, а только заменяет одни тактические приемы, оказавшиеся безжизненными, другими»[52].

---

[50] См. Милюков П.Н. Воспоминания. — М.: 1991.

[51] Последние новости. — 1920. — 27 мая, 17 июня, 10 июля. 1921. 24 мая, 10 мая, 14 мая, 16 июля, 21 июля.

[52] Последние новости. — 1921. — 17 июня.

Соответственно, и газета Милюкова «Последние новости» проводила политическую линию значительно более левую, чем «Руль», «Русская мысль» и «Общее дело». С монархистами на ее страницах велась настоящая война. Критически отзывалась она и о силах, принявших участие в Национальном съезде. Редакция газеты невысоко оценивала политический и моральный потенциал российской эмиграции. В одной из статей «Последних новостей» говорилось: «Горечь переживаний оставило в ней силу озлобления ко всему, что ей хоть немного чуждо. Психология деклассированной и без Родины толпы эмигрантов несомненно упрощает людей и понижает их духовную сопротивляемость. И со всех сторон — кляузы, сплетни, подсиживание, скверного рода полемика, обвинения в тяжких преступлениях»[53].

В «Последних новостях» печатались рассказы И. Бунина, М. Зощенко, главы из трилогии А. Толстого «Хождение по мукам». В газете опубликовала свои «Письма из Берлина» и известная российская общественная деятельница Екатерина Кускова, всю жизнь колебавшаяся между левыми и левоцентристскими политическими силами и в результате все-таки не принявшая Октябрьскую революцию. Примечательно, что оклеветанная советским правительством во время помощи голодающим в 1921 г. и сосланная сначала на Север, а потом в 1922 г. за границу, Кускова, тем не менее, в своих письмах выступала против вооруженной борьбы с большевиками. Она писала, что на стороне революции остается большая правда и нравственная сила и призывающие топить всех, кто сотрудничает с Лениным, проявляют тот же «звериный русский большевизм, только наизнанку». «“Струве настойчиво твердит: мне все равно, кто их свергнет — Марков Второй или Керенский”. Ну а мне не все равно, так как такое свержение приведет к еще более страшной гражданской войне»[54], — заявляла Кускова.

С 23 по 30 января 1924 г. газета «Последние новости» в каждом номере под рубрикой «После смерти Ленина» печатала отклики на кончину вождя большевизма. Главная мысль всех публикаций в эти дни сводилась к тому, что теперь «быть может недалек день перерождения всей русской жизни».

«Последние новости» претендовали на достоверное и объективное освещение событий и в этом отношении, а также по уровню публицистики стояли явно выше других эмигрантских газет. Однако, не имея корреспондентской сети в России и часто принимая желаемое за действительное, газета в целом не могла не искажать общую

[53] Последние новости. — 1921. — 17 апреля.

[54] Последние новости. — 1923. — 28 апреля.

картину положения дел в стране. Материалы носили, как правило, негативный характер. Это создавало впечатление, что обстановка в Совдепии постоянно ухудшается, позиции большевиков достаточно шатки и т. д. Читательскую аудиторию газеты составляли почти исключительно эмигранты и внутри России она практически не распространялась.

Влияние левоцентристской, либерально-демократической идеологии на широкие российские народные массы было в начале 1920-х годов уже незначительным. Причем также и в эмиграции за Милюковым пошла весьма небольшая часть политически активных людей. В июле 1921 г. число его сторонников, образовавших «Демократическую группу партии Народной свободы», составляло 20 человек. Через год группа стала называться «Республиканско-демократическое объединение»[55].

4

Далее за левыми кадетами располагались социалистические немарксистские движения. К ним относились Трудовая народно-социалистическая партия (энесы)[56], Партия социалистов-революционеров (эсеры)[57], ряд левонароднических организаций. Председателем заграничного комитета энесов был Николай Чайковский. Народные социалисты (Ленин их называл эсеровскими меньшевиками) придерживались право-народнических взглядов. Влияние их было незначительным. Энесы в тактическом отношении тяготели к блокированию с левыми кадетами. В 1921–1923 гг. существовал созданный этими движениями Центр действия, возглавляемый Чайковским.

[55] Непролетарские партии... — С. 496–497.

[56] См. Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы / Сост. А. В. Сыпченко, К. Н. Морозов. — М.: 2003. Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. — М.: 1999.

[57] См. Ишин В. В. Социалисты-революционеры в России конца XIX — начала XX века. — Астрахань, 1995. Ерофеев Н. Д. Уход с политической сцены эсеров // Политические партии России: история и современность. — М.: 2000. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. — Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917–1925 г. — М.: 2000. Гусев К. В. Рыцари террора. — М.: 1992. Чубыкин И. В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М.: 1996. Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. — М.: 1999. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. — Пг.: 1918.

Он пытался наладить выпуск журнала «Новь» для распространения в России, но вышло всего 2 номера осенью 1922 г.

Более сильным было влияние Партии социалистов-революционеров, с осени 1917 г. называемой часто правыми эсерами. После Гражданской войны ПСР уже не существовала как единая политическая организация, но эсеровские лидеры продолжали пытаться руководить борьбой и вести работу по идейной и организационной консолидации своих сторонников. В начале 1920-х годов у эсеров существовало два основных партийных центра. В эмиграции действовала «Заграничная делегация партии социалистов-революционеров» в составе В. М. Чернова, Н. С. Русанова, В. В. Сухомлина, В. М. Зензинова, И. А. Рубановича. В России после ареста в 1920 г. большинства членов ЦК ПСР было создано Центральное организационное бюро, подготовившее созыв X Съезда партии (июль-август 1921 г., Самара), который избрал Центральное бюро в составе 5 человек[58].

Эсеры издавали целый ряд газет, журналов и другой пропагандистской литературы. Официальным органом Заграничной делегации ПСР являлась газета «Голос России», выходившая в течение 1922 г. в Берлине. Чернов редактировал журнал «Революционная Россия», выпускавшийся с 1920 по 1931 г. в Праге и Берлине. Также в Праге издавалась газета «Воля России» под редакцией В. Л. Лебедева и М. А. Слонима. С 1922 г. А. Ф. Керенский начал выпускать в Берлине газету «Дни». В Париже печатался формально беспартийный журнал «Современные записки», в круг постоянных авторов которого входили Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков, В. В. Руднев, М. В. Вишняк, В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский и др. В 1921 г. в Ревеле специально для распространения в России издавалась газета «За народное дело» и журнал «За народ».

Большинство эсеров оставалось по своим взглядам социалистами левого толка и сотрудничество с консервативными либералами и тем более с монархистами полностью отвергало. Так, журнал Чернова «Революционная Россия» после введения НЭПа в июле 1921 г. в статье «Изгои» указывал: «Монархисты мечтают силой оружия вернуть себе власть в России, готовятся к победоносному возвращению на Родину, чтобы по-своему расправиться с взбунтовавшимися мужичками». К диктатуре меньшинства, отмечал далее журнал, постоянно призывает и «неисправимый идеолог белых генералов» Струве. «Нужна сила, нужна энергия, — восклицает он. — Должно создаться

[58] Непролетарские партии... — С. 494.

мощное своим сознанием меньшинство, которое пошло бы напролом». «Напролом идут только те, — отвечал журнал, — кому нечего терять. Именно напролом шли уже и Деникин и Врангель и подобные им могут еще пойти напролом, чтобы захватить власть в государстве. Но это им не удастся, ибо не насилием меньшинства, как думает г. Струве, а организованной волей большинства создаются великие государства».

Для части эсеро-эмигрантов было характерно стремление блокироваться с левыми кадетами. Так, в июле 1920 г. было создано эсеро-кадетское «Внепартийное объединение» с исполнительным органом «Административный центр», при котором существовал информационный отдел с пресс-бюро[59]. В январе 1921 г. состоялось совещание 33-х бывших членов Учредительного собрания, образовавшее исполнительную комиссию, в которую входили левые кадеты П. Н. Милюков, М. М. Винавер, А. И. Коновалов, В. А. Харламов, эсеры Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский и др.[60] В совещании принял участие член редакции «Воля России» М. А. Слоним, а с конца 1922 г. к сотрудничеству с левыми кадетами стала склоняться и группа В. М. Чернова[61].

Внутри страны Центральное бюро выпускало «Листок “Дела народа”», подпольно печатавшийся почти ежемесячно в Москве в 1921–1922 гг. В Петрограде таким же образом выходил журнал «Революционное дело», на Урале — «Власть народа». Кроме того, эсеровские группы издавали по мере надобности и возможности листовки, воззвания, обращения и другую пропагандистскую литературу. В циркуляре Центрального бюро ПСР от 28 ноября 1921 г. подчеркивалось, что в новых условиях «печатный станок, гектограф или шапирограф должен стать неотъемлемой частью партийной работы»[62].

В годы Гражданской войны руководителями эсеров был выдвинут лозунг «третьего пути» с борьбой на два фронта — как против монархической реакции, так и коммунистической диктатуры. Ввиду гипотетической угрозы монархической реставрации Московская конференция ПСР в феврале 1919 г. и IX Совет партии в июне 1919 г.

---

[59] Барихновский Г. Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. 1921–1924. — Л.: 1978. — С. 32.

[60] Шкаренков Л. К. Указ. соч. — С. 42–43.

[61] Гусев К. В., Ерицян Х. А. От соглашательства к контрреволюции. — М.: 1968. — С. 418.

[62] Революционная Россия. — 1921. — № 14–15. — С. 91.

выступили за временное прекращение вооруженной борьбы против большевиков и недопустимость блокирования с буржуазными партиями. В связи с этим в феврале 1919 г. ВЦИК легализовал деятельность партии, отменив свое решение от 14 июля 1918 г. об исключении эсеров из Советов[63]. На практике местные организации ПСР на протяжении Гражданской войны порой оказывались по разные стороны баррикад, сотрудничая как с красными, так и с белыми. С февраля 1920 г. ЦК ПСР объявил о начале нового периода в деятельности партии, когда действие решений IX Совета подходит к концу. X Совет эсеров записал в своей резолюции, что «вопрос о низвержении диктатуры коммунистической партии со всей силой железной необходимости ставится в порядок дня». В то же время было признано необходимым «отказаться от какой-либо, хотя бы и временной, хотя бы тактической коалиции с буржуазией»[64].

Программные политические требования эсеров заключались в установлении «трудовой демократии». Согласно обращению ЦК ПСР от 26 апреля 1921 г. это означало: «В городе и деревне установление политического строя, гарантирующего от порабощения; гарантии свободной политической и экономической организации; <...> установление полного народовластия <...> восстановление всех гражданских свобод». В будущем предполагался созыв нового Учредительного собрания, а на ближайший этап выдвигался лозунг свободных выборов в Советы.

Концентрированным выражением эсеровских взглядов на экономический строй будущей России можно считать проект экономической программы ПСР, разработанный Черновым и опубликованный в феврале 1921 г. газетой «Воля России». В ней огосударствливание собственности, свойственное коммунизму, расценивалось как неэффективный, совершенно бесперспективный путь. Эсеровская программа выдвигала идею социализации народного хозяйства. В промышленности распорядителями социализированных отраслей объявлялись коллегии из представителей трудового коллектива, государства и потребителей продукции, которые имели право назначать руководителей, регулировать производственные мощности, калькулировать цены. Они же из своих представителей образовывали Высший совет народного хозяйства, который являлся законодательным и исполнительным органом для экономики и составлял общие производственные планы.

---

[63] Правда. — 1919. — 28 февраля.

[64] Революционная Россия. — 1921. — № 11. — С. 3.

Предусматривались также: выборность всех производственных должностей снизу доверху, участие рабочих в прибылях, разрешение трудовых споров путем переговоров независимых профсоюзов с правлениями предприятий или в третейском суде, недопустимость забастовок, принудительные мобилизации для общественно-полезных работ. Старую дисциплину должна была заменить «демократически-трудовая самодисциплина рабочих».

В основе аграрной политики лежал принцип уравнительного землепользования. Земля не подлежала товарному обороту. Ее распорядителями являлись государственные и муниципальные органы власти. В торговле, банковском деле, жилищном вопросе базовым принципом объявлялась кооперация под контролем государства[65].

В целом программу эсеров можно охарактеризовать как один из вариантов немарксистского утопического социализма, однако социализация должна была, по мысли эсеровских идеологов, реализовываться постепенно, с длительным сосуществованием различных форм собственности, в том числе, и частной. В конкретных же условиях начала 1920-х годов Центральное бюро ПСР выступало за «прекращение бесшабашной национализации, предоставление поля деятельности под демократическим государственным контролем частной и общественной инициативе <...> свободное распоряжение со стороны земледельца результатами труда, восстановление независимой кооперации»[66].

Каналы распространения эсеровской пропаганды и агитации были различны: рассылка литературы, выступления на собраниях и митингах, работа в исполнительных органах профсоюзных, культурно-просветительских, кооперативных и других организациях, индивидуальное общение с гражданами. В то же время деятельность такого рода была в России крайне затруднена. Несмотря на то, что официально ПСР не была запрещена, согласно Декрету ВЦИК от 23 июня 1921 г. принадлежность к антисоветским политическим партиям каралась сроком лишения свободы до двух лет по приговорам чрезвычайных комиссий без направления дел в суды. А с введением в действие с 1 июня 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР преступниками автоматически становились все некоммунистические партии по статьям, связанным с контрреволюционной агитацией.

Из пропагандистской эсеровской литературы в стране имели хождение главным образом местные издания, но частота их появления на каких-либо объектах была в целом невелика. Время от вре-

[65] Воля России. — 1921. — 9, 10, 11 февраля.

[66] Обращение ЦБ ПСР «Ко всем членам партии» от 26 апреля 1921 г.

мени распространялись листовки на предприятиях. В основном это было связано с выборными компаниями, праздничными датами, какими-либо политическими событиями. О сколько-нибудь широкой систематической доставке периодических изданий эсеровского направления в начале 1920-х гг. в Советской России говорить не приходится. Наладить завоз и распространение материалов из-за рубежа эсерам не удалось. Не имея разветвленной сети партийных агентов, эсеровские эмигрантские группы временами ввозили литературу в приграничные районы и разбрасывали в больших пачках вблизи населенных пунктов в надежде, что антисоветски настроенные элементы будут распространять их среди населения[67].

Наибольшее влияние эсеры имели в регионах с высоким процентом зажиточного крестьянства: в Тамбовской и Екатеринославской губерниях, на Кубани, в Сибири. На Северо-Западе РСФСР оно было довольно слабым. Здесь работали 3 небольшие организации правых эсеров в губернских городах[68].

Свой некогда высокий престиж среди широких слоев населения, подтвержденный на выборах в Учредительное собрание, эсеры во многом растеряли во время Гражданской войны. Та часть населения, которая твердо симпатизировала социализму, а это были в основном малоимущие слои, видела в большевиках партию действия, способную практически воплощать социализм в жизнь и защищать свои завоевания. Эсеры же часто выглядели лишь способными на красивые фразы о свободе и демократии, которые в условиях послевоенной разрухи во многом потеряли свою привлекательность. Следует учитывать и то, что большевики в октябре 1917 г. пришли к власти под лозунгом эсеровского требования уравнительного землепользования, а это во многом дезориентировало крестьянство.

Если же говорить о мелкой и средней интеллигенции, поддерживавшей ранее эсеров, то для этих слоев населения в период перехода к НЭПу была теперь характерна, скорее, политическая апатия и стремление просто выжить в условиях лютовавших чрезвычаек.

Радикальный фланг социалистического движения составляли левонароднические революционные группы, к котором относились Партия левых эсеров[69] во главе с И. З. Штейнбергом, легально

---

[67] Барихновский Г. Ф. Указ. соч. — С. 32.

[68] Непролетарские партии России. — С. 493.

[69] См. Литвин А.В., Овруцкий Л.М. Левые эсеры: программа и тактика. — Казань: 1992. Партия левых эсеров: документы и материалы. 1917–1925 гг. В 3-х т. — М.: 2000. Гусев КВ. Крах партии левых эсеров. — М.: 1963.

издававшая в России журнал «Знамя»; Союз эсеров-максималистов во главе с Г. А. Нестроевым, выпускавший журнал «Максималист»; группа «Народ» под руководством К. С. Буревского с одноименным изданием. Всем им был свойственен отказ от вооруженной борьбы с большевиками. Проект программы Левых эсеров представлял собой соединение народнических идей с синдикалистскими установками децентрализации народного хозяйства, передачи управления производством профсоюзам, а функции распределения — кооперации[70]. Подобные идеи содержал и проект Программы эсеров-максималистов, составленный на основе антимарксистской работы Нестроева «Максимализм и большевизм»[71].

В Северо-Западном регионе левонароднические партии имели около десятка губернских, уездных и иных организаций. Самые непримиримо настроенные к большевизму левые эсеры — спиридоновцы — ушли в подполье и в начале 1920-х годов издавали газету «Знамя труда». Часть из них эмигрировала, создав в Париже «Заграничную делегацию левых эсеров» во главе с А. Шредером, издававшую журнал «Знамя борьбы», просуществовавший до начала 1930-х годов. В период перехода к НЭПу для всех левонароднических организаций был свойственен процесс поляризации. Часть их сторонников вливалась в РКП (б), другая, напротив, отдалялась от нее, третья — вообще отходила от политики.

На левом фланге идейно-политических противников большевиков находились анархисты. За границей существовало несколько анархистских групп, объединенных вокруг парижского журнала «Анархический вестник», выходившего с июля 1921 г. по май 1924. В России действовал ряд организаций, издававших до десяти периодических изданий. Видным теоретиком анархизма помимо умершего в 1921 г. П. А. Кропоткина был А. А. Боровой. Единым для представителей данного направления было положение о государственной власти как главном виновнике социального угнетения. В остальном анархисты придерживались весьма различавшихся платформ и тактик, в основе которых лежали как крайний индивидуализм так и, напротив, коллективизм[72].

---

[70] Знамя. — 1921. — № 7. — С. 81–86.

[71] См.: Жуков А.Ф. Крах эсеровского максимализма. — Л.: 1978.

[72] См. Пирумова Н.М. Социальная доктрина анархизма. — М.: 1991. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1916. — М.: 1998. Маркин В. А. П. А. Кропоткин. 1842–1921. — М.: 1985. Мамут Л. С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания (домарксисткий период). — М.: 1989. Комин В. В. Анархизм в России. — М.: 1969.

5

Активными участниками идейно-политической борьбы в России в исследуемый период были и социал-демократы, называемые в большевистской риторике меньшевиками. В первые годы НЭПа в Берлине находилась «Заграничная организация РСДРП», выпускавшая журнал «Социалистический вестник». В России действовало Центральное бюро РСДРП (или Российское бюро РСДРП). Редакторами «Социалистического вестника» являлись Ю. О. Мартов, Р. А. Абрамович и Ф. И. Дан. Он начал издаваться с февраля 1921 г. и выходил дважды в месяц. Журнал почти совсем не освещал жизни российской эмиграции и был ориентирован преимущественно на российского читателя, заполняя свои страницы теоретико-аналитическими статьями, информацией о жизни российского и международного марксистского движения.

Изредка вступая в полемику с либералами, «Социалистический вестник», в частности, писал, что редактор «Руля» Иосиф Гессен стремится «пригвоздить к позорному столбу в назидание потомству и истории» социал-демократов — меньшевиков за их отказ от свержения большевиков путем вооруженного восстания. На это редакция «Вестника» отвечала: «Кадетские писатели из “Руля” со своей точки зрения правы, упрекая нас в том, что мы хотим бороться с большевиками не пушками, а давлением рабочего класса, организованного нами на почве создавшегося в России порядка. При этом нашей партией руководит, конечно, не своеобразное политическое толстовство и непротивление злу, а помимо ради других мотивов еще и ясное сознание <...> что при социальном родстве тех слоев населения, на которые опираются большевики и меньшевики, вооруженная борьба между ними неминуемо превратится в братоубийственную войну внутри рабочего класса и, подорвав мощь последнего, может доставить легкую победу господам из “Руля” и их друзьям справа и чрезвычайно усилит позицию международной реакции в борьбе с революционным пролетариатом»[73].

«Социалистический вестник» полностью оставался в плену марксистской идеологии и призывал «вернуться к социализму классовой борьбы, к социализму Маркса и Энгельса», борясь как с правым крылом социал-демократии, так и с большевизмом, который, по словам журнала, «загадил и оплевал все лозунги революционного марксизма»[74]. Однако, характерно, что, несмотря на неприятие

[73] Социалистический вестник. — 1921. — 18 марта.

[74] Социалистический вестник. — 1923. — 1 января.

в целом политики Советской власти, «Социалистический вестник» с чувством прямо-таки душевной скорби откликнулся на смерть Ленина (ненавидевшего меньшевиков едва ли не больше, чем самих помещиков и капиталистов и полушутя говорившего Чернову, что когда большевики придут к власти, то первого эсера они повесят лишь после последнего меньшевика). В передовой статье «Смерть В. И. Ленина» говорилось: «Номер уже верстался, когда телеграф принес это скорбное сообщение... Перед только что разверзшейся могилой мы вспоминаем прежде всего не политического противника, не главу государства, где наша партия находится на нелегальном положении, где во всей силе свирепствует террористическая диктатура, а крупного деятеля рабочего движения, который вместе с незабвенным Ю.О. Мартовым закладывал фундамент классовой организации пролетариата в России». «Не прошло и года, — подчеркивалось в статье, — как пламя крематория испепелило тело Мартова. Теперь и Ленин покончил счеты с жизнью. И такая близкая последовательность их смерти как бы снова символически напоминает о том, насколько неразрывно были связаны в истории целой полосы русского рабочего движения их имена при всем различии и даже резкой противоположности их политического и морального облика»[75].

Связь этого издания с Россией была, несомненно, прочнее, чем у других эмигрантских газет и журналов. Н. Валентинов свидетельствовал: «Осведомленность “Социалистического вестника” с тем, что делается в самых высоких советских сферах, была замечательной. В него попадали такие секретные материалы, которых не знали даже имеющие большой чин члены коммунистической партии»[76].

«Социалистический вестник» чаще других заграничных изданий появлялся на советских предприятиях, преимущественно в крупных городах. Журнал регулярно публиковал письма находившихся в России меньшевистских активистов, в том числе и посланные из тюрем. Относительные распространенность и осведомленность издания объяснялось тем, что значительное количество бывших меньшевиков работало в качестве советских служащих и рабочих. «Социалистический вестник» просуществовал до 1965 г., то есть являлся одним из наибольших эмигрантских изданий-долгожителей.

Также в Берлине издавался журнал «Заря». Его выпускала обособившаяся от РСДРП группа правых социал-демократов во главе с С. Ивановичем, влияние которой было слабым.

---

75 Социалистический вестник. — 1924. — 25 января.

[76] Валентинов Н. Новая экономическая политика... — С. 297.

Внутри России РСДРП издавала нелегально ряд листков и бюллетеней, время от времени печатала листовки. В Москве выходил листок «Из партии», в Петрограде — «Рабочий листок», в Харькове — «Социал-демократ» и др. В начале 1923 г. в Москве была создана подпольная типография, где стал печататься орган Центрального бюро РСДРП «Социал-демократ». Возникшая весной 1921 г. небольшая левоменьшевистская организация «Рабочая правда», имевшая свои секции в Москве, Петрограде, Киеве и ряде других городов, некоторое время издавала свою газету под тем же названием. Делал попытки выпуска своей литературы и меньшевистский Российский социал-демократический союз рабочей молодежи (РСДСРМ).

В августе 1922 г. в статье «Наша платформа» Юлий Мартов сформулировал свой взгляд на ближайший период развития России следующим образом: «Партия должна отправляться от того положения, что восстановление разрушенного народного хозяйства в России будет совершаться преимущественно на капиталистических началах, и что при данных исторических условиях это более рациональный путь»[77]. В октябре 1922 г. на совещании местных организаций РСДРП была принята новая платформа партии, составленная Мартовым и Даном. В ней обозримое будущее оставлялось за капиталистическим способом производства, а в политической сфере ставилась задача борьбы за демократию.

В своей тактике меньшевики отвергали блокирование с буржуазными партиями. 3 января 1921 г. ЦБ РСДРП приняло резолюцию, в которой было отмечено, что «партия не только не будет поддерживать никакой коалиции социалистов с партиями имущих классов, но, несмотря на свое отрицательное отношение к политике большевистской власти, будет бок о бок бороться с этой новой формой контрреволюции и империалистического интервенционализма»[78]. Меньшевики осудили создание Исполнительной комиссии бывших членов Учредительного собрания.

Главными лозунгами в текущей агитационно-пропагандистской деятельности местных меньшевистских организаций были требования демократических свобод. Так, листовка петроградского комитета РСДРП, выпущенная к 1 мая 1921 г., содержала призывы: «За рабочую демократию!», «Долой диктатуру над пролетариатом!», «Да здравствует свобода мысли и организации трудящихся!»[79]. В обраще-

[77] Цит. по: Бубнов А. С. На идеологическом фронте // Под знаменем коммунизма. — 1922. — № 2. — С. 11.

[78] Социалистический вестник. — 1921. — 1 февраля.

[79] ЦГАОР. — Ф. 9550. — Оп. 9. — Д.109. — Л. 1.

нии ЦК РСДРП к членам партии, опубликованном 1 января 1922 г. в «Социалистическом вестнике», ставилась задача «добиться от власти полной свободы организации и демократизации страны, свободы слова, собраний, печати, неприкосновенности личности»[80].

Основной ареной деятельности меньшевиков были крупные промышленные центры. Социал-демократической идеологии симпатизировала некоторая часть рабочего класса и интеллигенции. Всего в России в начале 1920-х годов имелось по неполным данным 17 меньшевистских организаций в губернских городах и 11 в других населенных пунктах[81]. В 1920 — начале 1921 гг. влияние меньшевиков стало несколько усиливаться в связи с недовольством населения политикой военного коммунизма. Так, в Петрограде в феврале 1921 г. меньшевистские резолюции приняли собрания рабочих на заводах «Новый Лесснер», «Нобель», «Арсенал», 24 февраля произошли организованные меньшевиками забастовки на Балтийском и Кабельном заводах. Однако после введения НЭПа общественная поддержка меньшевистских организаций стала снижаться, чему свидетельствовали выборы в Советы и другие органы управления.

В большой степени деятельности меньшевиков препятствовали репрессивные меры Советской власти, которые Ленин неоднократно давал указание усилить. Так, например, 21 ноября 1922 г. он давал прямое распоряжение Троцкому: «Я не сомневаюсь, что меньшевики усиливают теперь и будут усиливать свою самую злостную агитацию. Думаю поэтому, что необходимо усиление и надзора и репрессий против них»[82]. «Если вчера мы говорили о легализации мелкобуржуазных партий, а сегодня арестовываем меньшевиков и эсеров, то в этих колебаниях мы проводим совершенно определенную систему. <...> Меньшевики есть худшие враги социализма, ибо они одеваются в пролетарскую шкуру, но меньшевики — слой непролетарский», — указывал Ленин[83]. «Социалистический вестник» регулярно сообщал о фактах арестов, административного давления, засылки в меньшевистские рабочие организации осведомителей и т. п.

В то же время, как и в отношении эсеров, на меньшевиках сказывался общий менталитет российского населения. Коллективистская психология низов, их низкий общеобразовательный и политичес-

[80] Социалистический вестник. — 1922. — 1 января.

[81] Непролетарские партии... — С. 493.

[82] Ленин В. И. Троцкому // ПСС. — Т. 54. — С. 130.

[83] Ленин В. И. VIII Съезд РКП (б). Доклад о партийной программе // ПСС. — Т. 38. — С. 168.

кий уровень, отсутствие демократических традиций, наконец, обстановка общего национального кризиса — все это сказывалось на невостребованности социал-демократической идеологии. «На основе моих наблюдений над русским характером и над оппозиционными партиями я пришел к убеждению, что Россия не готова для какой-либо формы демократии и нуждается в сильном правительстве», — писал Бертран Рассел[84]. А корреспондент берлинской газеты «Берлинер тагеблатт» в декабре 1921 г. констатировал: «Влияние меньшевиков и эсеров на рабочих ничтожно и широкие слои населения отнюдь не привержены идеалам манчестерства, свободного рынка, политических свобод»[85].

Разумеется, и массированная большевистская агитационно-пропагандистская обработка делала свое дело, но еще раз важно подчеркнуть: почва для нее была в сложившихся условиях благоприятнее, чем для других идеологий. Екатерина Кускова писала в письме Павлу Милюкову в 1923 г.: «Еще и еще раз убеждаюсь, что против массовой психологии средств нет. А эта массовая психология ориентируется не на нас, а на Россию в том виде, как она есть»[86]. Сами лидеры меньшевизма также не считали, что социал-демократизм побежден большевиками лишь с помощью репрессий. В марте 1923 г. «Социалистический вестник» писал: «Пролетариат, марксизм, социал-демократия оказали сильнейшее воздействие на ход русской общественной жизни. Но русская жизнь сумела по-своему переработать и марксизм, и социал-демократию, и поставить на место русский пролетариат». В большевизме, отмечала газета, нашли свое выражение «русский бакунизм и якобинство»[87].

6

Особо следует сказать о таком характерном для 1920-х годов явлении как сменовеховство[88]. Оно получило свое название от сборника «Смена вех», изданного в Праге в июне 1921 г. Его авторами были Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Лукьянов, С. С. Чахотин и Ю. П. Потехин — видные профессора

[84] Рассел Б. Практика и теория большевизма. — С. 6.

[85] Цит. по: Петроградская правда. — 1922. — 3 февраля.

[86] Цит. по: Шкаренков Л.К. Указ. соч. — С. 70.

[87] Социалистический вестник. — 1923. — 16 марта.

[88] См. Агурский М. Идеология национал-большевизма. — Париж: 1980.

и публицисты октябристско-кадетского направления, активные деятели белогвардейских правительств. Предтечей «Смены вех» являлась книга Николая Устрялова «В борьбе за Россию», изданная в конце 1920 г. в Харбине.

Центральной идеей сборника была идея отказа от борьбы с большевиками и переходу к сотрудничеству с ними. «С того момента как определилось, что Советская власть сохранила Россию, Советская власть оправдана», — писал Бобрищев-Пушкин. Развивая эту мысль, он пояснял, что народ данную власть принял, поддержал, большевики защитили державу от иностранного вмешательства, закабаления и развала. Эмиграция же оказалась банкротом и ее вооруженная борьба, во-первых, невозможна, во-вторых, если бы и началась, то не имела бы шансов на успех, в-третьих, если бы такой успех состоялся, то это было бы величайшим бедствием для России. Сменовеховец заключал, что современный буржуазный мир прогнил и «совершенно независимо от своей концепции будущего социального строя коммунисты являются знаменосцами будущей жизни, трубачами объявленной социальной борьбы», а «русский порядок <...> в муках неисчислимых страданий несет своим измученным братьям всемирные идеалы»[89].

Чахотин видел оптимальный выход из создавшегося для эмигрантов положения в покаянии и возвращении на Родину. «Итак, — писал он, — мы идем в Каноссу, то есть признаем, что проиграли игру, что шли неверным путем»[90]. В то же время относительно будущего общественного устройства сменовеховцы сначала высказывались не за коммунизм, а в пользу эволюции советского строя к народовластию и рыночной экономике. «Все образуется — в России будет и собственность, и частная инициатива, и торговля, и кооперация»[91], — с таким прогнозом были согласны все авторы сборника. В целом статьи были написаны с позиций великодержавности, национал-патриотизма. Для их авторов высшая ценность заключалась в величии России. Не случайно, сам Устрялов называл свои взгляды «национал-большевизмом», а газета «Последние новости» идеологию сменовеховства — «славянофильствующим большевизмом и большевизантствующим славянофильством»[92].

Проводниками данных взглядов в начале 1920-х годов являлись еженедельник «Смена вех» (Париж, 1921–1922 гг.), газета «Новости

[89] Смена вех. Сборник статей. — Прага: 1921. — С. 109, 111.

[90] Там же. — С. 135.

[91] Там же. — С. 111.

[92] Последние новости. — 1921. — 21 сентября.

жизни» (Харбин, 1921–1923 гг.), газета «Накануне» (Берлин, 1922–1924 гг.). В Петрограде с марта 1922 по 1926 г. выходил журнал «Новая Россия». Кроме того сменовеховцев поддерживал ряд мелких изданий, в частности, газеты советских зарубежных посольств. Самым ярким и распространенным сменовеховским изданием была газета «Накануне», выходившая под редакцией Ю. В. Ключникова и Г. Л. Кирдецова при участии всех авторов сборника «Смена вех». Ни для кого не была секретом прямая связь газеты с советскими органами власти. В Москве имелось представительство издания, действовавшее в контакте с Наркоминделом. Заведующий отделом печати этого ведомства И. М. Майский давал прямые указания редакции о тематике и характере необходимых публикаций[93]. Газета свободно продавалась в России. Ключников входил в качестве эксперта в состав советской делегации на Генуэзской конференции. В то же время «Накануне» сохраняла за собой и некоторую самостоятельность суждений, преимущественно показную для поддержания большего престижа среди эмигрантов.

Сменовеховское издание ставило себе целью решить «проблему массового возвращения в Россию интеллигенции», первым этапом которого будет «идеологическое примирение с Новой Россией и ее властью»[94]. «Накануне» активно выступала в поддержку внутренней и особенно внешней политики советского правительства, рассказывала о позитивных переменах в жизни России, критиковала деятельность эмигрантских политических движений. При этом ее авторы очень быстро отказались от планов восстановления капиталистических отношений. Уже 5 мая 1922 г. в статье Кирдецова отвергались обвинения сменовеховцев в реставраторстве, содержащиеся в речи Ленина на XI Съезде РКП (б). Наряду с льстивыми реверансами в адрес большевистского вождя редактор газеты выразил решимость ее коллектива «свято хранить идеалы Октября»[95].

«Накануне» ясно заявляла, что она «твердо и решительно отвергает всякие реставраторские, посвященные капитализму помыслы и вожделения» и считает, что «Россия строится сейчас именно социалистическая»[96]. В том числе и Устрялов, считавшийся в большевистской литературе наиболее правым сменовеховцем, все больше

[93] Федюкин А. С. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. — М.: 1977. — С. 180.

[94] Накануне. — 1922. — 20 апреля.

[95] Накануне. — 1922. — 5 мая.

[96] Накануне. — 1923. — 17 марта.

левел, заявляя о своей поддержке большевистского режима вне зависимости от перспектив экономического строя России[97].

Наряду с этим интересно отметить, что в отношении технического оформления и публицистического мастерства газета «Накануне» была на голову выше советско-партийных газет. В выгодную сторону по ряду моментов отличалась она и от многих эмигрантских изданий, например, своим неизменно спокойным, корректным стилем, стремлением к аргументированности мнений и др.

Отношение большей части эмигрантов к сменовеховству было враждебным. Струве назвал его «самым чудовищным явлением в истории духовного развития России»[98]. Однозначно отмежевался от сменовеховцев и Милюков. «Последние новости» называли их «большевистскими наймитами», а газету «Накануне» — «наемной газеткой, плохо маскирующей своих хозяев»[99].

В то же время некоторая часть эмигрантов, неудовлетворенная положением изгоев, испытывала ностальгию по Родине. Среди них идеология сменовеховства находила живой отклик. Всего за период с 1921 по 1931 гг. в страну вернулось 181,5 тыс. эмигрантов, причем большая часть из них в 1921–1923 гг.[100]

Развитие сменовеховских идей активно шло и внутри России. Здесь среди сменивших вехи также первоначально были сильны надежды на эволюцию советского режима к демократическим порядкам и рыночным отношениям. «Не растворение в большевизме, а самоопределение в революции — вот наш лозунг»[101], — писал редактор издававшегося сменовеховского журнала «Новая Россия» И. Г. Лежнев. Там же в статье «Третья Россия» С. Адрианов предрекал, что «идет Россия не коммунистическая и не белогвардейская, а подлинная Россия».

Мотивы перехода на сменовеховские позиции среднего интеллигента хорошо отражают строки из воспоминаний Н. Валентинова: «Власть, уйдя от идей 1917–1920 гг., принуждалась, по нашему убеждению, стать иной. Это значило, что отныне интеллигенция могла бы работать по совести, а не из-за страха и не под палкой, как было до этого. Конечно, существующая советская власть совсем не была таковой, о которой мечтала всегда демократическая интеллигенция,

[97] Накануне. — 1922. — 17 мая.

[98] Цит. по: Федюкин С.А. Указ. соч. — С. 122.

[99] Последние новости. — 1922. — 3 июня.

[100] Федюкин С.А. Указ. соч. — С. 124.

[101] Новая Россия. — № 1. — 1922. — С. 65.

но только она одна существовала и с этим фактом нужно было считаться». Многие, пишет далее Валентинов, шли на сотрудничество с Советской властью под лозунгом: «Мы заразим их, большевиков, нашей культурностью»[102]. То есть следует иметь в виду, что среди сменовеховства было не только национал-патриотическое, но и демократическое крыло.

Появление сменовеховства вызвало у большевиков самую живую реакцию. В 1921–1922 гг. эта тема активно комментировалась в печати, обсуждалась в партклубах, на собраниях, конференциях и съездах. В целом большевики восприняли поворот части своих бывших противников с нескрываемым удовлетворением победителей. Так, Зиновьев, выступая на заседании Петросовета по случаю 4-й годовщины Октябрьской революции, назвал появление сборника «Смена вех» «символическим событием перед праздником, значение которого трудно переоценить»[103]. В нем он увидел подтверждение правильности исторического пути РКП (б) и залог ее дальнейших побед. «Правда», приветствуя сменовеховцев, посвятила сборнику передовую статью «Знамение времени». Сборник перепечатывался советскими типографиями. Троцкий в октябре 1921 года на Втором съезде политпросветов указывал: «Нужно, чтобы в каждой губернии был хоть один экземпляр этой книжки “Смена вех”».

В то же время большевики постоянно подчеркивали, что первоначальные буржуазно-реставраторские надежды сменовеховцев тщетны. Ленин называл Устрялова и его единомышленников «классовыми врагами», выражавшими настроения «тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики»[104]. А вот Устрялов в Ленине и Муссолини увидел уже в то время «две фигуры», которые «при всей их политической полярности, одинаково знаменательны, они фиксируют новейшую ступень эволюции современной Европы»[105].

Достаточно емкая характеристика сменовеховству была дана большевиками на XII партконференция (август 1922 г.), где, в честности, говорилось: «Так называемое сменовеховское течение до сих пор играло и еще может играть объективно-прогрессивную роль. Оно сплачивало и сплачивает те группы эмиграции и русской

[102] Валентинов Н. Указ. соч. — С. 56–57.

[103] Справочник Петроградского агитатора. — 1921. — № 6. — С. 12.

[104] Ленин В. И. XI съезд РКП (б). Политический отчет ЦК // ПСС. — Т. 45. — С. 94.

[105] Цит. по: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. — С. 201.

интеллигенции, которые “примирились” с Советской властью и готовы работать с ней для возрождения страны. Постольку сменовеховское направление заслуживало и заслуживает положительного отношения. Но вместе с тем нельзя ни одну минуту забывать, что и в сменовеховском течении сильны буржуазно-реставраторские тенденции, что сменовеховцам обща с меньшевиками и эсерами та надежда, что после экономических уступок придут политические в сторону буржуазной демократии и т.п.». Отсюда резолюция ставила задачу «лишить антисоветские группы всякого влияния и тем в корне уничтожить возможную опору их существования»[106]. Еще более враждебная установка по отношению к сменовеховцам была принята на XIII партконференции в январе 1924 г.: «Борьба за идеологическую чистоту партии против мелкобуржуазного и сменовеховского обволакивания является <...> одной из очередных задач партии»[107].

В целом же сменовеховцы всегда оставались для большевиков, несмотря на все их прислужничество, чужаками, временными попутчиками, если только они целиком и полностью не переходили на позиции РКП (б). Материалы советской прессы о сменовеховстве носили часто либо настороженный, либо прямо враждебный характер. Например, «Справочник петроградского агитатора» писал: «Между ними и нами — глубокая пропасть. Для них Россия прежде всего, для нас — революция. Для них страна, для нас — класс. Мы прежде всего революционеры, они прежде всего — русские. Их мечта о державной России не только органически чужда нам, но и определенно вредна и объективно контрреволюционна»[108]. В конце 1920-х — 1930-е годы очень многие сменовеховцы были репрессированы[109].

7

Наряду с вышесказанным следует признать, что наибольшую роль в идейно-политической борьбе 1921–1923 гг. в Советской России сыграла формально независимая, непартийная печать, издававшаяся очень непродолжительное время легально внутри

[106] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 671.

[107] Там же. — С. 773.

[108] Справочник петроградского агитатора. — 1921. — № 12–13. — С. 94.

[109] Суворов Л. Н. Борьба В. И. Ленина против буржуазной идеологии в послеоктябрьский период и ее современное значение. — М.: 1960. — С. 48.

страны[110]. Декретом СНК от 12 декабря 1921 г. была разрешена деятельность частных издательств. Такое решение большевиков было продиктовано катастрофическим положением в издательском деле и абсолютным книжным голодом, особенно на учебную, художественную, техническую и иную литературу. В результате в 1922 г. в стране появился целый ряд беспартийных негосударственных периодических изданий — журналов и альманахов. Наиболее видными из них были: «Экономист», «Экономическое возрождение», «Мысль», «Артельное дело», «Утренники», «Литературные записки», «Вестник литературы» и др. Из наиболее значимых непериодических изданий на общественно-политические темы в 1922 г. увидели свет следующие книги: Бердяев Н. А, Степун Ф. А. и др. «Освальд Шпенглер и закат Европы», Перцов В. «Эпоха замыслов», Виппер Р. «Кризис исторической науки», Франк С. «Очерк методологии общественных наук» и «Введение в философию в самом кратком изложении», Карсавин Л. «Восток, Запад и русская идея», Леонтьев К. «Страницы воспоминаний» и др.

Независимая печать существовала в условиях жесткой цензуры. Для ее преодоления авторам часто приходилось прибегать к эзоповому языку, недомолвкам, намекам. Периодическим изданиям постоянно грозило быть закрытыми за контрреволюционную пропаганду и в этом случае некоторые начинали выходить под другими названиями. В то же время цензор цензору был рознь, некоторые большевики, не разобравшись сразу с новой политикой партии, вспоминали о зафиксированной в первой Программе РСДРП свободе слова и т.д., словом, кое-какие явно антикоммунистические работы в 1921–1922 гг. смогли увидеть свет.

Непартийная литература выпускалась с неоднократными заявлениями, что она является свободной от навязываемых ей ярлыков «буржуазный», «мелкобуржуазный» или «пролетарский». Однако объективно по своей идеологической направленности это была в целом совершенно «нормальная» — либеральная, демократическая литература. В области философии и этики большинство авторов стояли на идеалистических позициях. Так, например, профессор П. А. Сорокин призывал молодежь взять с собой в жизненный путь «религиозное отношение к жизни», «моральное богатство» и в качестве духовных руководителей — Нила Сорского и Сергия Радонежского, Толстого

[110] Варецкий Б. И. использовал термин «нэповская пресса» (У истоков советской печати. — М.: 1985. — С. 84), Федюкин С. А. — «несоветское направление печати» (Указ. соч. — С. 66).

и Достоевского[111]. Авторы сборника «Освальд Шпенглер и закат Европы» считали несовместимыми социализм с гуманностью, духовностью, свободой личности.

Непартийная публицистика выступала за идеологический и политический плюрализм. Так, А.С. Изгоев писал: «Более дальновидные деятели всегда понимают опасность искусственного и насильственного единомыслия. Должно быть ересям». Также типичны были выступления за деполитизацию науки и народного образования, департизацию суда, армии, прессы и т.д.

Большевистская Россия оценивалась независимыми авторами однозначно негативно. Так, в 1921 г. публицист Ю. Айхенвальд писал в петербургском журнале «Вестник литературы», что чествование столетия Достоевского является в данной обстановке неуместным и незаконным: «Создатель “бесов” — живой, одушевленный эпиграф к теперешней кровавой летописи; мы ныне как бы перечитываем, действенно и страдальчески перечитываем этот роман, претворившийся в действительность, мы его сызнова, вместе с автором, сочиняем; мы видим сон, исполнившийся наяву, и удивляемся ясновидению и предчувствиям болезненного сновидца»[112].

Преимущественно экономическим и социологическим вопросам были посвящены журналы «Экономист» и «Экономическое возрождение». Их авторский коллектив составляли известные ученые Б. Д. Бруцкус, А. И. Буковецкий, Е. Л. Зубашев, И. М. Кулишер, А. Л. Рафалович и др. Эти и другие авторы ратовали за развитие частного предпринимательства, отмену государственной монополии внешней торговли, демонтаж централизованной плановой экономики и создание многоукладного рыночного хозяйства. Важной предпосылкой хозяйственного оздоровления считался приток иностранного капитала в определенных формах. В отношении сельского хозяйства типичными были призывы убрать препоны для фермерского пути и делать ставку не на кооперацию, а на крепкого и сильного крестьянина.

Примером блестящей экономической работы мирового уровня может служить написанная на основе докладов, сделанных в 1920 г. в Петрограде, и опубликованная в 1922 г. в первых трех номерах «Экономиста» серия статей Бориса Бруцкуса «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе». На ее основных положениях следует остановиться поподробнее, потому что, во-первых,

[111] Сорокин П. Отправляясь в дорогу // Утренники. — 1922. — Кн. 1. — С. 12.

[112] Цит. по: Майсурян А. Указ. соч. — С. 72.

это исследование позволяет увидеть, по какому плодотворному направлению, весьма близкому к великой «австрийской» школе, могла бы далее развиваться российская экономическая мысль, если бы не была запрещена, во-вторых, работа ясно показывает всю непробиваемость большевистских теоретиков, так как и Ленин, и многие его соратники ее читали и все же оставались совершенно глухи к изложенным аргументам и выводам.

В предисловии к этому труду, изданному годом позже отдельной книжкой в Германии[113], Бруцкус писал: «Я в своем докладе в момент величайшего торжества коммунистических настроений позволил себе утверждать, что экономическая проблема марксистского социализма неразрешима, что гибель нашего социализма неизбежна. ...

В этой статье с громадными усилиями закован в научные формулы жгучий протест против эксперимента, произведенного над живым телом многомиллионного народа».

Обобщив опыт большевиков по строительству социализма в России в 1917–1921 гг., автор убедительно показал, что данный строй нежизнеспособен не только практически, но и теоретически, подробно разобрав такие проблемные вопросы, как трудовой учет, цена, планирование, распределение, хозяйственная свобода, стимулы и др.

Центральной неразрешимой проблемой социалистического хозяйства ученый считал ценностный учет. Он писал, что в рынке все понятно. Там существует свободная цена продукта, которая есть результат договора между продавцом и покупателем и зависит главным образом от субъективных предпочтений покупателя, а именно, от величины спроса, качества продукта, его заменяемости и др. Свободная цена в рынке самым естественным и замечательным образом определяет ценность продукта и регулирует его потребность в производстве, приток инвестиций и т. д. А как сосчитать — сколько стоит тот или иной продукт при социализме? Ведь рынка тут нет и ничего не продается, а все распределяется. Например, «данный совхоз предоставил в общий котел столько-то ведер молока, столько-то пудов мяса, столько-то пудов зерна. Сколько же он за это вправе получить пудов улучшенных семян, минеральных удобрений, концентрированных кормов, голов улучшенного скота, прозодежды, топлива и т.п.? Попытка решить эту задачу, сделанная нашим авторитетным специалистом в области экономики сельского хозяйства

[113] Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. — Берлин: 1923.

А. В. Чаяновым, несостоятельна — таково не только наше мнение, но и марксистов. Она несостоятельна, ибо в пределах безрыночного хозяйства эта задача неразрешимая». Бруцкус разъяснял, что, по Марксу, ценность (стоимость) продуктов определяется общественно необходимым временем для их производства. Но, во-первых, как его найти — совершенно неясно. А во-вторых, получается абсурд: продукты, над которыми рабочий трудится дольше, должны стоить дороже. Но этак любой будет стремиться затратить на производство чего бы то ни было как можно больше времени. Как же тогда быть с производительностью труда? «Где же в социалистическом хозяйстве найти мерило выгодности производства?», — спрашивал Бруцкус и утверждал, что найти его в принципе невозможно. Так, практически одновременно, в одном и том же году, российский экономист Борис Бруцкус и великий «австриец» Людвиг Мизес[114] (за которым потом все-таки закрепился приоритет этого открытия) обосновали теоретическую невозможность построения социалистического общества по марксистским схемам в силу невозможности ведения в нем сколько-нибудь адекватного экономического учета производства и обмена продуктов.

Бруцкус доказывал ошибочность взглядов Давида Риккардо и Карла Маркса о том, что цена может быть определена путем некоего подсчета издержек производства. Он вполне солидаризировался с «великими достижениями Менгера, Джевонса и Вальраса», согласно которым «в основе явлений ценности лежат субъективные оценки, они суммируются и объективируются в рыночной цене, которая и выявляет напряженность социальной потребности в товаре».

Также он подверг основательной критике другую центральную идею марксизма — ведение социалистического хозяйства по единому плану. Капиталистический строй есть строй свободной конкуренции, находящей свое проявление и на рынке предметов потребления и на рынке средств производства, констатировал Бруцкус и добавлял: «В результате свободной конкуренции между собой потребителей, стремящихся к наилучшему удовлетворению своих потребностей, и в результате свободной конкуренции производителей, нуждающихся в реализации на рынке определенного количества товаров, цена на отдельные потребительные блага устанавливается на совершенно определенном уровне, уравновешивающем спрос в предложение. Эта цена соответствует предельной полезности пред-

[114] Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. — Челябинск: 2005. — С. 654–669.

метов для данного общества как целого; ее высота устанавливается в зависимости от субъективных оценок и покупательных сил всех его членов. <...> Цены чутко реагируют на всякое изменение спроса и предложения, подобно тому, как стрелка точных весов реагирует на каждое изменение нагрузки их чашек». Ученый признавал, что этот механизм действует весьма совершенно. «Несмотря на отсутствие субъекта народного хозяйства, и плана его, потребности капиталистического общества удовлетворяются с величайшей регулярностью; мало того, рынок спешит удовлетворить даже самым изысканным потребностям, самым капризным пожеланиям потребителей».

Совсем другая картина наблюдается при централизованном планировании. Как планирующий орган может знать постоянно меняющиеся потребности миллионов людей, да еще и заранее на определенную перспективу, спрашивал ученый? Например, как узнать потребность населения в дровах или теплой одежде, если неизвестно, холодная ли в этом году будет зима? Можно ли заранее знать, что в какой-то стране случится неурожай и заранее предусмотреть связанные с этим изменения в потреблении продуктов? Возможно ли запрограммировать технические усовершенствования в промышленности? А как предусмотреть, например, веяния женской моды? «Даже во всеоружии теоретической науки и громадного статистического аппарата социалистическое государство не в силах измерить, не в силах взвесить потребностей своих граждан, а в связи с этим оно не может дать надлежащих директив производству», — констатировал Бруцкус.

Он предположил, что обратиться к системе централизованного планирования Маркса, возможно, побудили кризисы рыночного хозяйства, которые с развитием капитализма будут все острее, пока «анархия капиталистического производства» не приведет его к окончательному крушению. Бруцкус возражал: «Действительность не оправдала грозного прогноза Маркса. Кризисы не препятствуют капиталистическому производству по их миновании периодически вступать в полосы рассвета, во время коих производство поднимается на высшую ступень против той, которой оно достигло накануне кризиса». Бруцкус хоть и не углубился в данной работе в природу рыночных циклов (Мизес же ясно вывел их причину из государственного вмешательства в экономику), но четко предположил, что некоторая пульсация экономики при капиталистическом развитии ни в коем случае не может служить основанием для замены рынка социализмом.

Также громадной важности вопрос — стимулы производителя к тому, чтобы работать с наибольшей производительностью, наименьшими издержками и лучшим качеством. «Развитие каждого

капиталистического предприятия стоит в точном соответствии с его производительностью. <...> В социалистическом хозяйстве мы имеем принципиально отличное положение: между производительностью предприятия и его питанием прямой связи здесь нет», — утверждал ученый. При этом он пояснял, что если бы даже служащие Госплана твердо хотели стимулировать производителей согласно их производительности и имели возможность взять на себя гигантский труд изучения каждого из бесчисленных предприятий, то все равно они не могли бы дать объективного критерия для оценки этих предприятий. «Все будет зависеть, и не может не зависеть, от их усмотрения. А вместе с тем большой простор открывается для различных политических влияний на экономическую жизнь, которые в социалистическом государстве, где политическая власть окончательно слита с экономической, должны и без того проявляться сильнее, чем в каком бы то ни было другом обществе. Поэтому даже в социалистическом государстве, находящемся в очень трудном экономическом положении, остатки средств могут растрачиваться на такие предприятия, которые совсем не являются целесообразными, а вызываются иными соображениями власти», — писал Бруцкус.

То есть, стремясь преодолеть «анархию капиталистического производства», социализм, по его мнению, был бы способен лишь повергнуть народное хозяйство в «суперанархию», по сравнению с которой капиталистическое государство являет собой картину величайшей гармонии.

Подробно рассмотрев, насколько социализм совместим с принципом хозяйственной свободы, Бруцкус пришел к следующим выводам. «Свобода хозяйственной инициативы имеет ценность для личности, но едва ли не большую ценность она имеет для общества. Исключительно широкое развитие производительных сил капиталистического общества стоит в теснейшей связи с принципом свободной конкуренции. В условиях свободного менового хозяйства никакая производственная организация не имеет монополии на исполнение в пользу общества тех или других хозяйственных функций. Каждая организация может быть вытеснена другой, исполняющей соответствующие функции совершеннее, дешевле. И на этом строится прогресс народного хозяйства». Нетрудно видеть, что условий для проявления свободной инициативы в социалистическом обществе практически нет. Прежде всего, при более или менее уравнительном вознаграждении за труд отпадает значительная часть тех стимулов, которые возбуждают в капиталистическом мире дух предприимчивости. При социализме никто не заинтересован и даже не имеет возможности искать самую

удачную комбинацию факторов производства для создания того или другого продукта с наименьшими затратами, а также открывать новые, более дешевые или совершенные средства для удовлетворения потребностей. «Этот интерес в социалистическом обществе отпадает — он противоречит его эгалитарному духу. Но если бы даже предприимчивость в социалистическом обществе все-таки не заглохла, ей все же трудно было бы добиться каких-нибудь результатов ввиду полной бюрократизации хозяйственной жизни», — писал Бруцкус. К тому же отсутствие ценностного учета при социализме до крайности затрудняет оценку делаемых предложений высшими должностными лицами.

«Социалистическая организация хозяйства, если бы ей наконец удалось отлиться в устойчивые формы, отличалась бы громадным консерватизмом и инерцией. Ничего, подобного вечно изменчивой хозяйственной жизни капиталистического общества социалистическое общество не представляло бы», — утверждал ученый. Он был убежден, что здесь царствовал бы дефицит нужных товаров и избыток невостребованных, потому что «раз цены устанавливаются независимо от рыночных запросов, то между спросом и предложением не может быть равновесия». При социализме возможно только авторитарное распределение хозяйственных благ, которое по определению отрицает право на свободное удовлетворение потребностей граждан. К тому же «авторитарное распределение хозяйственных благ отрицает свободное удовлетворение не только наших материальных потребностей, но и наших высших духовных потребностей, ибо и они нуждаются в материальном субстрате», — делал вывод Бруцкус. При этом он приводил пример, что если все печатное дело находится в руках государства, то довольно трудно себе представить, чтобы оно стало печатать интересующие гражданина произведения метафизической философии, когда оно их в лучшем случае считает бесполезными, или чтобы оно стало строить церкви, когда государственная власть относится к религии отрицательно. «“Лопай, что дают!” — такое изречение должно было бы красоваться в качестве заголовка на увлекательных статьях г. Ларина в защиту натурализации заработной платы и отмены денежного обращения — двух основ системы распределения», — иронизировал Бруцкус.

Также он обращал внимание, что связь социализма и коммунизма с принудительной организацией труда есть необходимая мера, а вовсе не случайная.

«Надо ли в XX столетии доказывать, что принудительный труд является менее производительным, чем свободный труд?», — спрашивал ученый.

Несостоятельным Бруцкус считал и обещание марксистов того, что социалистическое общество будет выплачивать рабочему полноценный продукт производства, ликвидируя таким образом эксплуатацию в виде изъятия капиталистом прибавочной стоимости. Он указывал, что теперь владельцем предприятия становится государство и оно неизбежно будет забирать себе столько дохода, сколько считает нужным, а в условиях неизбежной авторитарности коммунистического хозяйства последствия для рабочих здесь могут быть весьма тяжелые.

Затронул Бруцкус и тему социализма в сельском хозяйстве, придя к заключению, что здесь вообще никакой целесообразности в социалистических преобразованиях нет и «наши опыты искусственного создания колхозов, конечно, не могли дать ничего положительного».

Подробно разобрано в статье и утверждение Энгельса, что социализм есть «скачок из царства необходимости в царство свободы». Проанализировав тезис об отмирании государства, он нашел, что «вся эта конструкция безгосударственного состояния при ближайшем рассмотрении возбуждает глубокое недоумение. <...> Именно в социализме государство является во всемогуществе и политической и экономической власти. Не прежнее монархическое государство Запада, не современное демократическое государство, а социалистическое есть тот левиафан Гоббса, который без остатка поглощает личность».

Что же касается каких бы то ни было свобод граждан, включая экономическую, то Бруцкус отмечал: «Научный социализм утверждает, и, по нашему мнению, с полным основанием, что публично-правовые институты не могут висеть в безвоздушном пространстве, что у них должен быть экономический фундамент. Капиталистическое общество декларировало права человека и гражданина, и эта декларация прочно связана с его экономическими устоями: с свободной конкуренцией, с свободным потреблением, свободой труда и, больше всего, с принципом частной собственности. Пока указанные экономические устои будут стоять прочно, до тех пор будет сохранять свое значение и декларация прав человека и гражданина. За отсутствием экономических предпосылок индивидуальной свободы в социалистическом обществе в нем не может быть речи о политической свободе, и наши коммунисты с полной последовательностью ее отрицают как институт буржуазного общества». Ученый делал вывод: «Очевидно, что социалистическое общество не есть царство свободной личности. Наоборот, эта личность лишается всякой сво-

боды во имя того, чтобы общество за то свободно располагало своей судьбой».

Между тем Бруцкус констатировал, что источником вековечного движения вперед человечества является творческая человеческая личность и великим преимуществом современной европейской цивилизации перед всеми предшествовавшими цивилизациями является то, что она это осознала. «Принцип свободной человеческой личности есть верховная ценность; это наш последний критерий. Этого нашего первородства мы не продадим за утопию земного рая, ибо в нем святой талисман европейской цивилизации», — констатировал ученый. В итоге Бруцкус делал такое заключение: «Русский опыт является яркой иллюстрацией нашего теоретического вывода, что принцип социализма не есть творческий, не к расцвету, а к разложению ведет он экономическую жизнь общества».

При этом он утверждал: «Строй частной собственности и частной инициативы можно преобразовывать, но его нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация, его нельзя разрушать, ибо среди развалин ничего построить нельзя, его нельзя разрушать, ибо неизвестно, что, собственно придется строить, ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти»[115].

Как уже упоминалось, Ленин неоднократно откликался на деятельность «Экономиста» прямо-таки потоками брани. Так, например, в марте 1922 г. он писал: «Недавно мне принесли журнал «Экономист» № 1. <...> Приславший мне этот журнал молодой коммунист (вероятно, не имевший времени ознакомиться с содержанием журнала) неосторожно отозвался о журнале чрезвычайно сочувственно. На самом деле журнал является, не знаю насколько сознательно, органов современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.п.». Ленин также назвал авторов журнала «реакционерами» и «дипломированными лакеями поповщины»[116]. В другом месте он окрестил членов редакции «Экономиста», как уже упоминалось, контрреволюционерами, шпионами Антанты и растлителями молодежи[117]. В 1922–1923 гг. все независимые издания, сколько-нибудь оппозиционные советской власти, были закрыты.

---

[115] Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. — 1922. — № 1, 2, 3.

[116] Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // ПСС. — Т. 45. — С. 31–32.

[117] Ленин В. И. Ф. Э. Дзержинскому // ПСС. — Т. 54. — С. 265–266.

Помимо печатных изданий центрами по выработке и распространению политической мысли были различные интеллигентские объединения: в Петрограде — «Петербургское философское общество» во главе с Н. О. Лосским и Э. Л. Радловым, «Вольная философская ассоциация» во главе с Л. И. Шестовым и А. Н. Белым, Философский кружок при Петроградском университете, в Москве — «Вольная философско-религиозная академия», возглавляемая Н. А. Лопатиным, «Психологическое общество» при Московском университете и др. Средоточием антибольшевистских настроений являлись Дом литераторов, Дом искусств, многие кафедры высших учебных заведений. В 1921–1922 гг. трибуной для выразителей некоммунистических взглядов были съезды специалистов по разным отраслям — врачей, геологов, агрономов, кооператоров и др., проходившие в Москве с участием представителей правительства и вызывавшие значительный резонанс в общественной жизни.

Непартийная печать и выступления интеллектуалов оказывали влияние в основном на интеллигенцию, служащих. Опасаясь его усиления, большевики уже в 1921–1922 гг. закрыли целый ряд журналов. В марте 1922 г. в статье «О значении воинствующего материализма» Ленин открыто сформулировал идею высылки представителей интеллектуальной элиты страны за границу. 19 мая он направил секретное письмо Ф.Э. Дзержинскому с изложением своих инструкций по «высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции»[118]. 17 июля Ленин возвратился к этому вопросу, направив секретное письмо в ГПУ, где неудовлетворенно констатировал, что «эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас». Перечислив целый ряд имен публицистов и изданий («Экономист», «Дом литераторов», «Питерская мысль»), Ленин указал: «Всех их вон из России. Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа. <...> Чистить надо быстро. <...> Обратите внимание на литераторов в Питере. (Адреса «Новая Русская книга», № 4, 1922, с. 37 и на список частных издательств)»[119].

После составления списков претендентов и соответствующей подготовки 10 августа 1922 г. был принят декрет, по которому разрешалось без суда применять высылку за границу лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям. Летом и осенью того же года за рубеж и в северные губернии были высланы порядка

[118] Ленин В. И. Ф. Э. Дзержинскому // ПСС. — Т. 54. — С. 265–266.

[119] РЦХИДНИ. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 1338. Цит. по: Розин Э. Ленинская мифология государства. — С. 270.

двухсот видных ученых, публицистов и специалистов в разных отраслях, среди которых находились П. А. Сорокин, Н. А. Бердяяв, С. Л. Франк, Б. Д. Бруцкус, А. С. Изгоев, Н. О. Лосский, Ф. А. Степун, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, С. Н. Булгаков и др., — то есть практически весь цвет российской гуманитарной науки. Назвав тех, кто «будет выброшен с территории РСФСР», «идеологическими врангелевцами и колчаковцами», газета «Правда» подчеркивала, что высылка «является первым предостережением советской власти» по отношению к интеллигенции[120]. Для страны такая операция означала, как будто некоему подопытному организму удалили мозг.

Любопытна реакция на эту большевистскую акцию из правого лагеря русской эмиграции. Вот что писал 30 января 1923 г. в одном из частных писем упоминавшийся уже Сергей Ольденбург: «Видел некоторых высланных. Франка увижу сегодня. Одно из основных впечатлений — какая-то забитость и запуганность. При самом искреннем антибольшевизме — большая путаница представлений. Да оно иначе и быть не могло: самое крепкое зрение не может вполне сохраниться, если целыми годами видеть все сквозь кривые стекла! Какая цель большевиков? Если они только хотели устранить неудобных людей, — они имеют вообще столько других к тому путей... Может быть, они выслали за границу главным образом тех, кто, будучи заведомым противником большевизма, держится на тактику борьбы таких взглядов, которые большевикам кажутся не опасными? Распространению которых в зарубежных кругах они только рады? Конечно, для этого нужно предположить с их стороны большую тонкость психологического расчета — насколько это правильно, судить трудно»[121].

Наряду с репрессивными мерами советский агитпроп развернул в 1922–1923 годах беспрецедентную идеологическую войну протии «буржуазного реставраторства». Советская власть быстро и решительно показала, что никакого плюрализма мнений по любому из общественных вопросов она не допустит.

---

[120] Правда. — 1922. — 31 августа. См. «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. — 2003. — № 1. Христофоров В. С. «Философский пароход»: Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. // Новая и новейшая история. — 2002. — № 5. Макаров В. Г. «Власть ваша, а правда наша» (к 80-летию высылки интеллигенции из Советской России в 1922 г.) // Вопросы философии. — 2002. — № 10.

[121] Из письма С. С. Ольденбурга П. Б. Струве // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm, свободный.

Глава 8

От подпольного листка — до монополии печати

На первой странице Государственной Газеты сияло:
«Радуйтесь, ибо отныне вы — совершенны!»

Евгений Замятин, «Мы»

1

Важнейшее значение в работе по формированию массового политического сознания большевики придавали организации печати. Практически и сама большевистская партия в соответствии с планом Ленина первоначально создавалась на основе деятельности именно газеты «Искра», которая была призвана стать «не только коллективным пропагандистом и коллективным агитатором, но также и коллективным организатором»[1]. «Одним из самых могущественных орудий в борьбе партии за влияние на массы, за их коммунистическое просвещение и организацию является печать»[2], — говорилось в резолюции XI съезда РКП (б).

Печатной большевистской пропаганде и агитации были в значительной мере свойственны те же принципы, на которых основывалась и большевистская агитационно-пропагандистская работа в целом. Центральным из них являлся принцип партийности. Еще в 1905 г. Ленин разъяснял, что «литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, “колесиком и винтиком” одного-единого, великого социал-демократического механизма <...> составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы”[3].

Следует отметить, что в Программе РСДРП, принятой в 1903 г. и вполне признаваемой большевиками вплоть до 1917 г., значилось

[1] Ленин В. И. С чего начать? // ПСС. — Т. 5. — С. 11.

[2] Одиннадцатый съезд РКП (б). — С. 598.

[3] Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // ПСС. — Т. 12. — С. 100–101.

требование «неограниченной свободы печати»[4]. Оно было вполне осуществлено не самими большевиками, а другими партиями в ходе и развитии Февральской революции. 27 апреля 1917 г. Временное правительство в своем постановлении «О печати» провозгласило: «Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается»[5]. Впервые в России была установлена свобода печати, которую восторженно приветствовали все демократические силы — от анархистов до либералов. (Строго говоря, впервые свобода слова была объявлена в Манифесте Николая II от 17 октября 1905 г., где говорилось: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Но эта декларация не была вполне воплощена в жизнь.) Большевики также, разумеется, в полной мере воспользовались свободой печати и развернули совершенно беспрецедентный по масштабу выпуск политической литературы, превосходя своей печатной пропагандой все остальные партии вместе взятые[6].

Издательская деятельность большевиков началась с возрождения «Правды». 2 марта Русское бюро ЦК приняло решение о ее возобновлении, а 5 марта вышел первый номер издания как центрального органа партии. В открывавшей его статье отмечалось: «Газета была задушена за неделю до войны, 8 июля закрыта «Правда» — 14 июля объявлена война. Во время войны мрачный террор давил все живое в стране. Но не замирала рабочая мысль. Идея создания рабочей прессы пробивалась в резолюциях, в отдельных попытках. Нужны были только условия, чтобы ее восстановить. Революция создала эти условия»[7].

С первых же номеров «Правда» начала компанию политической травли Временного правительства. Так, 7 марта видный большевик М.С. Ольминский в статье «Настороже» откровенно лживо писал: «Временное правительство сходно со старым правительством в том, что оно — правительство капиталистов и помещиков... Оно стоит не за революцию, а против революции... Члены правительства,

---

[4] Программа Российской социал-демократической рабочей партии // Полный сборник платформ всех русских политических партий. — М.: 2001. — С. 12.

[5] О печати. Постановление Временного правительства. 27 апреля 1917 г. // Кузнецов В. И. История отечественной журналистики (1917–2000). — М.: 2002.

[6] Штурман Д. Указ. соч. — С. 83.

[7] Правда. — 1917. — 5 марта.

кроме Керенского, все монархисты. Нужно идти против них, требуя республики. Временное правительство хочет захвата чужих стран, порабощения других народов. А мы говорим, что каждый народ должен сам свободно решать свою судьбу, и хотим скорее кончить войну»[8]. В последующих статьях, разъясняя, что дороги Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов неизбежно разойдутся, газета призывала быть бдительными, потому что, якобы, нападение на демократию со стороны Временного правительства «идет быстрым шагом».

Еще более агрессивной «Правда» стала после возвращения 3 апреля 1917 г. в Петроград Ленина. Меньшевистский «День» написал по этому поводу в статье с характерным и политически точным заголовком «Контрреволюция слева»: «Со вступлением в редакцию «Правды» Ленина мы имеем теперь орган, открыто и определенно берущийся защищать и проводить идеи гражданской войны»[9].

Вслед за «Правдой» большевистские издания стали возникать в Москве и в других крупных городах и промышленных районах России. 7 марта начала издаваться газета «Социал-демократ» — орган московских большевиков, с того же дня стала выходить в Петрограде «Циня» («Борьба») — руководящий орган социал-демократии Латышского края, 10 марта харьковские большевики приступили к выпуску газеты «Пролетарий», 11 марта в Тифлисе возобновился выход «Кавказского рабочего», 14 марта в Киеве начал издаваться «Голос социал-демократа», 18 марта в Якутске — «Социал-демократ», в Нарве — «Кийр» («Луч»). Возникла и целая сеть военных газет: «Солдатская правда» (Петроград), «Солдатская жизнь» (Екатеринослав), «Голос правды» (Кронштадт), «Окопная правда» (Рига), «Волна» (Свеаборг). Как уже говорилось, для развертывания сети большевистских газет были напрямую использованы деньги, получаемые от германского правительства с подрывными целями.

Провозглашенный Лениным в «Апрельских тезисах», напечатанных в «Правде» 7 апреля и перепечатанных большевистской прессой по всей стране, курс на перерастание демократической революции в социалистическую имел самые негативные последствия для ситуации в стране. Постоянное провоцирование беспорядков и большевистский путч 3–5 июля вынудили Временное правительство принять контрмеры, в частности, закрыть «Правду» и ряд других большевистских газет. Такие действия были одобрены не толь-

[8] Правда. — 1917. — 7 марта.

[9] День. — 1917. — 7 апреля.

ко либеральными, но и социалистическими партиями. Эсеровская «Воля народа» заявляла: «Большевики открыто идут против воли революционной демократии. Революционная демократия обладает достаточной силой, чтобы заставить всех подчиниться своей воле. Она должна это сделать... В наши горячие дни всякое промедление смерти подобно»[10]. Не менее гневными в адрес большевиков были и обвинения Г. В. Плеханова. «Беспорядки на улицах столицы, — писал он 9 июля в «Единстве», — очевидно, были составной частью плана, выработанного внешним врагом России в целях ее разгрома. Энергичное подавление этих беспорядков должно поэтому с своей стороны явиться составной частью плана русской национальной самозащиты... Революция должна решительно, немедленно и беспощадно давить все, что загораживает дорогу»[11].

7 июля Временное правительство приняло решение об аресте Ленина, требуя его явки на суд в связи с многочисленными публикациями в буржуазных газетах о германских деньгах. После этого лидер большевиков скрылся в подполье, а политическая ситуация между тем продолжала не в последнюю очередь ввиду деструктивной политики его партии накаляться. Временному правительству пришлось даже в целях национальной безопасности в условиях войны пойти на некоторое ужесточение условий издательской деятельности. 22 августа «Вестник Временного правительства» опубликовал новые «Временные правила о специальной военной цензуре» и утвержденное правительством положение «О военной цензуре печати». В них устанавливалось, что «за непредоставление экземпляров периодических или непериодических изданий военно-цензурным комиссиям, издатели подвергаются заключению в тюрьме на время от восьми до одного года и четырех месяцев или аресту от трех недель до трех месяцев, или денежному взысканию от трехсот до десяти тысяч рублей»[12].

Накануне Октябрьского переворота демократическая пресса активно предупреждала о готовящемся захвате власти большевиками и реальной перспективе установления их диктатуры. Газеты «Биржевые ведомости», «Русская воля», «Дело народа», «Новое время» и др. называли Ленина и его сторонников «заговорщиками», «слепыми фанатиками», «преступниками» и требовали от Временного правительства решительных действий. Так, эсеровская

[10] Воля народа. — 1917. — 5 июля.

[11] Единство. — 1917. — 9 июля.

[12] Цит. по: Кузнецов И. В. Указ. соч. — С. 21.

газета «Дело народа» писала: «Против объявленного похода большевиков революция должна собрать все свои силы. Пусть грозный и дружный отпор будет ответом к преступному выступлению в эту тяжелую для страны минуту»[13]. Газета «День» 22 октября открывалась призывом: «Граждане, будьте настороже... Сегодня может быть темные силы попытаются ввергнуть столицу России в ужасы гражданской войны. От вас зависит не дать разгореться пожару»[14]. 26 октября после большевистского переворота демократическая пресса вышла с заголовками «Преступление совершилось», «Тем, кто у власти», «Пролог или эпилог». Такие газеты как «Речь», «Народное дело», «Воля народа», «Утро России» и др. называли захват власти одной партией плодом «политического безумия и авантюризма», а большевиков — «насильниками».

В ответ 26 октября новая власть через постановления Петроградского и Московского Военно-революционных комитетов закрыла 10 наиболее крупных газет, в том числе «Речь», «День», «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Утро России». А на следующий день, 27 октября, Ленин подписал Декрет о печати, в котором объявлялось, что «за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов захватить в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс». Далее Декрет провозглашал: «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. <...> Вот почему и были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса». Согласно документу отныне подлежали закрытию издания: «1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера».

При этом, учитывая, что, уничтожив свободу печати, большевики нарушили один из центральных пунктов своей же собственной Программы, Декрет лукаво уточнял: «Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни»[15]. Из преамбулы же можно было ясно понять, что нормальные (по понятиям Ленина)

[13] Дело народа. — 1917. — 15 октября.

[14] День. — 1917. — 22 октября.

[15] Декреты Советской власти. — Т. I. — М.: 1957. — С. 25.

условия наступят только после того, как будет уничтожена буржуазия вместе с буржуазной прессой. Впоследствии сами же большевики откровенно признавали, что под Декрет о печати подходили все без исключения либеральные и даже социалистические газеты разных оттенков[16].

Пресса реагировала резким неприятием возврата к худшим временам самодержавия. Максим Горький так комментировал ситуацию: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. <...> Не так же ли ленинская власть хватает и тащит в тюрьму всех несогласномыслящих, как это делала власть Романовых?»[17] Автор антиутопии «Мы» Евгений Замятин, уже в то время ясно видевший в благих намерениях большевиков грядущий тоталитаризм, писал в статье «Они правы»: «Свободное слово страшней пулеметов. И это знают теперешние исполняющие обязанности. Ночная нечисть права, что боится петушиного крика. Они правы, что боятся свободного слова»[18].

Однако Ленин на заседании ВЦИК 4 ноября 1917 г. откровенно признавал: «Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом»[19]. Несколько позже глава СНК так разъяснял свою позицию: «Капитализм делал из газет капиталистические предприятия, орудия наживы для богачей, информации и забавы для них, орудия обмана и одурачения для массы трудящихся. Мы сломали орудия наживы и обмана. Мы начали делать из газеты орудие просвещения масс и обучения их жить и строить свое хозяйство без помещиков и без капиталистов»[20].

7 ноября 1917 г. свободе прессы был нанесен еще один удар — экономический. СНК издал Декрет о введении государственной монополии на объявления, что лишало газеты доходов от частных объявлений. Пресса пыталась сначала бороться. Закрытые газеты выходили под другими названиями, продолжали публиковаться и объявления. Однако репрессии большевиков день ото дня нарастали. В ноябре—

[16] Вардин Ил. Октябрьская революция и печать // О газете. Сб. ст. — 1923. — С. 15.

[17] Новая жизнь. — 1917. — 20 ноября.

[18] Дело народа. — 1918. — 18 июня.

[19] Ленин В. И. Речь по вопросу о печати // ПСС. — Т. 35. — С. 54.

[20] Ленин В. И. О работе Наркомпроса // ПСС. — Т. 42. — С. 329.

декабре 1917 г. было закрыто более 120 изданий, а 28 января 1918 г. был создан Революционный трибунал печати, поставивший дело расправы с неугодной прессой на поток.

В начале 1918 года комиссаром по делам печати, пропаганды и агитации был назначен не имевший даже законченного гимназического образования двадцатисемилетний Моисей Володарский, являвшийся по совместительству редактором петроградской «Красной газеты». За короткое время он установил жесткую политическую цензуру, закрыв около 150 газет, общий тираж которых составлял более двух миллионов экземпляров. Основанием неизменно объявлялась буржуазная, контрреволюционная направленность издания. Насколько справедливым был этот безапелляционный вердикт, можно судить на примере газеты «Новый вечерний час». Обосновывая необходимость прекращения ее выпуска, Володарский приводил такой аргумент: «Окопавшиеся в этой газете люди под видом опечаток распространяли лживые, провокационные слухи, готовили удар в спину Октябрьской революции»[21]. Как можно под видом опечаток распространять ложь, для профессиональных журналистов оставалось большой загадкой. Всего с октября 1917 по август 1918 г. большевики ликвидировали свыше 460 газет: 226 либеральных, 235 эсеровских и меньшевистских[22]. К осени 1918 г. с некоммунистической печатью было полностью покончено.

При этом большевики самым энергичным образом разворачивали выпуск своей партийной прессы. Если к моменту Октябрьской революции под контролем большевиков выходило около ста газет и журналов, то к середине 1918 г. они издавались более чем в 120 губернских центрах и 280 уездах и волостях в количестве 884 наименований[23]. При этом для всех средств массовой информации главной задачей выдвигалась пропаганда большевизма в государственном масштабе. На первом Съезде журналистов, организованном большевиками 13–16 ноября 1918 г., открывший форум председатель Исполкома Московского горсовета, видный большевик Лев Каменев заявил: «Нам решительно нужно отделаться от того, что было так характерно для буржуазной печати. История ждет от вас, чтобы вы явили миру пример, как нужно вести пропаганду социа-

[21] Володарский В. (1891–1918) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://funeral-spb.narod.ru/necropols/marsovo/tombs/volodarsky/volodarsky.html, свободный.

[22] Окороков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. — М.: 1970. — С. 310.

[23] Кузнецов В. И. Указ. соч. — С. 45.

лизма»[24]. А избранный в президиум съезда редактор газеты «Беднота» Лев Сосновский (несколько позднее глава агитпропотдела ЦК) утверждал: «Редактора должны помнить, что ответ за все в первую очередь они несут перед партией и они должны заставлять партийные организации взять на себя руководство печатью»[25].

Однако форум журналистов не принял какой-либо резолюции о прямом и обязательном подчинении прессы партийным организациям. А вот в резолюции VIII Съезда РКП (б) (март 1919 г.) «О партийной и советской печати» уже четко указывалось: «Пресса является могучим орудием пропаганды, агитации и организации, незаменимым средством воздействия на самые широкие массы». При этом признавалось необходимым «редакторами партийных и советских газет назначать наиболее ответственных, наиболее опытных партийных работников», и констатировалось, что «партийные комитеты должны давать редакциям общие политические директивы и указания и следить за выполнением директив». Съезд также предписал «всем партийным организациям выделить для обслуживания печати наиболее стойких, энергичных и преданных работников»[26].

То есть решения VIII партийного съезда превращали советскую журналистику исключительно в орудие коммунистической партии. Ничем иным ей быть отныне не позволялось. На всех последующих съездах и в специальных решениях ЦК о печати первостепенное внимание неизменно обращалось на идейно-политическую выдержанность газет и журналов, превращение их в боевые центры борьбы за марксистскую идеологию и максимальное влияние партии в массах.

2

К началу 1920-х годов средства массовой информации были в России уже практически монополизированы, и всякая печатная деятельность была возможна лишь под жестким контролем РКП (б)[27]. В Циркуляре ЦК РКП (б), принятом в апреле 1922 г. ко Дню печати, в частности, говорилось: «В руках наших врагов печать

[24] Правда. — 1918. — 15 ноября.

[25] Первый Всероссийский съезд советских журналистов. Из стенографического отчета. — М.: 1918. — С. 32.

[26] Восьмой съезд РКП (б). — С 436–437.

[27] См. Окороков А.З. Великий Октябрь и крах буржуазной прессы. — М.: 1970. — С. 312, 376.

является орудием затемнения сознания трудящихся, их закабаления и угнетения. Поэтому задача заключается в том, чтобы лишить врагов народа мощного оружия <...> и усилить и укрепить это оружие в руках рабочего класса»[28].

Редактор журнала агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП (б) «Красная печать» Илларион Вардин писал: «Капиталистической свободы печати, буржуазных фабрик лжи, обмана и прославления рабства не будет более в России никогда. Это величайшее завоевание революции останется за нами и послужит образцом для борющегося пролетариата всех стран. От подпольного листка — до монополии печати. Таков путь, пройденный Российской коммунистической партией»[29].

Сам Ленин всегда, до самого последнего своего дня оставался категорическим, непримиримым противником разрешения свободы печати в Советской России. Он заявлял: «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров... Мы самоубийством кончать не желаем и поэтому этого не сделаем»[30].

Совершенно нетерпим он был и к фактам проявления в партийной и советской печати мнений, расходившихся с официальной точкой зрения. Так, когда в мае 1922 г. газета «Сельскохозяйственная жизнь» (орган Наркомзема и ЦК профсоюза работников земли и леса) опубликовала ряд статей, конструктивно критикующих декрет ВЦИК и СНК «О едином натуральном налоге», Ленин потребовал за это уволить редактора, а авторов статей взять под особый надзор[31]. Следуя этому указанию, Политбюро ЦК РКП (б) 11 мая 1922 г. выразило порицание коллегии Наркомзема и поручило Оргбюро ЦК рассмотреть вопрос о составе редакции газеты, а также принять меры к недопустимости впредь подобных случаев. На выпуск в августе 1921 г. Госиздатом книги С. Маслова «Крестьянское хозяйство» Ленин откликнулся так: «Из просмотра видно, что — насквозь буржуазная пакостная книжонка, одурманивающая мужичка показной буржуазной «ученой» ложью. Почти 400 страниц и ничего о советском строе и его политике — о наших законах и мерах пе-

[28] Справочник петроградского агитатора. — 1922. — № 6–7. — С. 93.

[29] Вардин Ил. Октябрьская революция и печать // О газете. Сб. ст. — 1923. — С. 18.

[30] Ленин В. И. Письмо Г. Мясникову // ПСС. — Т. 44. — С. 79.

[31] Ленин В. И. Н. Осинскому // ПСС. — Т. 54. — С. 262.

рехода к социализму и т.д. Либо дурак, либо злостный саботажник мог только пропустить эту книгу. Прошу расследовать и назвать мне всех ответственных за редактирование и выпуск этой книги лиц»[32].

При всей своей занятости Ленин старался лично направлять и контролировать деятельность партийной прессы. По словам Марии Ульяновой, не проходило дня, чтобы он не поинтересовался, как идет работа в редакции «Правды», сколько статей и на какие темы заказано, сколько уже получено, какие письма поступают с мест[33]. Ленин неоднократно лично давал указания в редакции центральных газет для развертывания той или иной пропагандистской кампании.

6 июня 1922 г. «в целях объединения всех видов цензуры печатных произведений» декретом Совнаркома были создано Главное управление по делам литературы и издательств при Наркомате просвещения и местные органы — при губернских отделах народного образования. В обязанности Главлита, говорилось в Декрете, входят «предварительный просмотр всех предназначаемых для печатания и распространения литературных произведений, периодических и непериодических изданий, карт и т. д. Кроме того Главлит выдает разрешение на издание всех родов печатных произведений, составляет списки запрещенных книг, вырабатывает постановления касательно типографий, библиотек, книжной торговли»[34].

Общее руководство советско-партийной печатью осуществлял созданный в ноябре 1921 г. подотдел печати агитпропотдела ЦК РКП (б). Согласно решению совещания секретарей обкомов и губкомов (декабрь 1921 г.), редакторы местных газет должны были входить в партийный комитет соответствующего уровня[35].

Выпуск непереодических изданий в 1921–1923 гг. осуществлял Госиздат со своими местными отделениями и дочерними издательствами, возглавляемый Н. Л. Мещеряковым. В состав редколлегии Петроградского государственного издательства входили А. Т. Арский, В. А. Быстрянский, В. И. Невский, К. И. Николаева и другие видные политработники. Нередко по заказам Госиздата работали частные издательства. Общественно-политическая литература как поступала на книжный советский рынок (преимущественно с 1922 г.), так и рассылалась целевыми назначениями агитпроп-

[32] Ленин В. И. В Наркомзем и в Госиздат // ПСС. — Т. 53. — С. 104.

[33] Варецкий Б. И. У истоков советской печати. — С. 38.

[34] Известия. — 1922. — 14 августа.

[35] Мамай Н. Коммунистическая партия в борьбе за идейно-политическое воспитание масс в первые годы НЭПа. — М.: 1954. — С. 108.

отделами на места. Например, в 1921 г. агитотдел Петроградского губкома распорядился разослать по губерниям Северо-Запада 285 тыс. экземпляров литературы пропагандистского характера[36].

3

В рамках политики военного коммунизма газеты и журналы печатались на бюджетные деньги и бесплатно рассылались в различные партийные и советские учреждения и организации по разнарядке. «Мы отменили подписку. Это шаг вперед от капитализма к коммунизму»[37], — комментировал данное явление Ленин.

Однако введение НЭПа сопровождалось переводом печатного дела на рельсы хозрасчетных отношений и меняло ситуацию с производством и распространением политической литературы. При этом в условиях дефицита бумаги, слабой материальной базы, неналаженности в вопросах подписки, низкого уровня профессиональной подготовки большевистских журналистов периодические издания стали испытывать серьезные финансовые затруднения. В течение первой половины 1922 г. неуклонно падали тиражи газет и сокращалась их сеть. Так, если в конце 1921 г. в стране насчитывалось 803 газеты общим тиражом 2,7 млн. экз., то в июле 1922 г. выходило 299 газет тиражом 993 тыс. экз.[38] Тираж газеты «Правда» в первые месяцы 1922 г. уменьшился с 267 тыс. экз. до 75 тыс., «Известий» — с 282 тыс. до 154 тыс.[39] Зимой 1922 г. отдельные номера «Правды» печатались лишь на одном листе.

В первой половине 1922 г. сокращалась и сеть Госиздата. Из шестидесяти его местных отделений было оставлено всего шесть[40]. К этому добавлялась слабая организация доставки изданий читателям, вялое техническое оформление газет, малочисленные штаты редакций[41].

Кроме того, что было самым ужасным для большевиков, пресса с началом НЭПа стала поворачиваться лицом к потребителю и, соответственно, задом к идеологической выдержанности. Заведующий

---

[36] Сборник материалов... — Вып. 3. — С. 11.

[37] Ленин В. И. О работе Наркомпроса // ПСС. — Т. 42. — С. 330.

[38] Бубнов А. Итоги и перспективы компросвещения. — М.: 1923. — С. 6.

[39] Козлов В. Н. КПСС — организатор и руководитель массовой партийно-советской печатью. — Л.: 1978. — С. 58.

[40] Там же. — С. 61.

[41] Полярная правда. — 1921. — 31 марта. Звезда. — 1921. — 4 мая.

агитпропотделом ЦК РКП (б) в 1922–1923 гг. Андрей Бубнов впоследствии отмечал: «Печать, переводимая на хозяйственный расчет, начинала было стихийно ориентироваться на НЭП, на обывательскую улицу и приспособляться к требованиям фланирующего по тротуарам обывателя. <...> Мы имели знаменитую “Бонзу” — это бульварная уличная газета, вклеенная в нашу партийную газету. Мы имели ряд понедельничных газет подозрительного качества. Мы имели целый поток бульварных объявлений на страницах наших изданий. <...> В 1922 г. имело место так называемое возрождение буржуазной идеологии, которое было ничем иным как выступлением контрреволюционных кругов буржуазной российской интеллигенции, подхлестываемой волной нэпмановских настроений»[42].

Такое положение дел с прессой вызывало крайнее беспокойство высших партийных органов, что нашло свое отражение в работе XI съезда партии (март 1922 г.). В резолюции «О печати о пропаганде» констатировалось, что «партийно-советская печать находится в состоянии тягчайшего кризиса. Наиболее характерные черты кризиса: а) резкое сокращение количества газет и уменьшение тиража оставшихся, вследствие отсутствия денежных средств, недостатка и дороговизны бумаги, чрезмерности типографских расходов, б) слабая связь с массами, недостаточно полное отражение текущих нужд и запросов трудящихся, слабое отражение вопросов местного строительства и в) недостаточная выдержанность газет в партийно-политическом отношении». Съезд, в частности, постановил, что центральный и местный комитеты партии должны уделять печати впредь неизмеримо больше внимания, чем это было до сих пор, и «партийно-политическое руководство всей печатью должно быть усилено». Во главе партийных изданий обязательно должны стоять руководящие элементы данного партийного комитета. Также было принято решение об усилении государственного финансирования издательского дела. 5 мая 1922 г., в десятилетие газеты «Правда», было решено отметить День печати. Показательна была и такая мера в решениях съезда как объявление обязательным для каждого члена партии стать подписчиком одной из партийных газет[43].

Также в этой резолюции содержались прямые указания о том, какими должны быть советские СМИ. В частности, по поводу провинциальной печати съезд указывал: «Основным содержанием местных газет должны служить вопросы о местном строительстве, о жизни,

[42] Бубнов А. Итоги и перспективы компросвещения. — С. 6–7.

[43] Одиннадцатый съезд РКП (б). — С. 597–599.

работе и борьбе трудящихся, причем эти вопросы должны рассматриваться на страницах газеты в форме живого непосредственного отклика на запросы и нужды читателей». По поводу журналов губернских партийных комитетов говорилось, что «они должны заключать в себе: во-первых, руководящие политические статьи, во-вторых, материал для агитаторов и пропагандистов в виде тезисов и т.п., в-третьих, циркулярный и информационный материал о деятельности губкома, в-четвертых, дискуссионный материал». Особо подчеркивалось значение органа ЦК «Вестник агитации и пропаганды», который должен выходить раз в две недели и «быть журналом, рассчитанным на членов партии и дающим основной руководящий материал по вопросам политики, экономики, агитации и пропаганды». В целом же резолюция съезда предписывала: «Партийные издательства должны быть впереди частных во всех органах»[44].

В 1922–1923 гг. был принят ряд решений, направленных на дальнейшее упорядочение системы советской печати. В резолюции XII партконференции (август 1922 г.) указывалось: «Поскольку громадную роль в деле борьбы с буржуазными влияниями должна сыграть советско-партийная журналистика, нужно организовать это дело в известной степени по единому плану, дав туда силы и средства»[45]. Также был взят курс на строгую унификацию советской прессы. XII съезда РКП (б) постановил: «В интересах правильного обслуживания всей разнообразной читательской массы необходимо провести дифференциацию газет (центральные и областные руководящие, центральные массовые, областные, губернские и уездные массовые и т.д.)». Кроме того проводилась линия на разделение функций различных газет, то есть их специализацию. «Для каждого основного слоя читателя необходимо создать особый тип газеты. Имея целую систему газет, партия должна более или менее точно распределить между ними сферу деятельности, чтобы каждая газета ориентировалась по преимуществу на определенный слой массы читателей»[46], — говорилось в резолюции съезда. При этом давалось разъяснение, что обычная губернская газета не может быть одновременно изданием и для городского и для сельского населения. Для обслуживания крестьянства в крупных губернских центрах предписывалось выпускать специальные еженедельные крестьянские газеты. Уездная печать должна была преобладающую часть своего

44 Там же. — С. 599–600.

45 КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 673–674.

46 Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 711.

объема отдавать крестьянским вопросам. Подобное разделение труда между изданиями способствовало более эффективному идеологическому воздействию на различные категории населения.

С августа 1922 г. количество периодических партийно-советских изданий, их тираж стали возрастать. К середине 1923 г. в стране выходило уже 590 газет тиражом 2,1 млн. экз.[47] При редакциях или партийных комитетах в 1922–1923 гг. стали формироваться объединения рабочих, сельских и военных корреспондентов. Например, к концу 1923 г. общее число рабкоров Петрограда составляло около 1 тыс. человек[48].

4

Из центральных изданий наиболее крупными газетами являлись «Правда», «Известия», «Экономическая жизнь», «Беднота», «Труд», «Рабочий», «Гудок» и др. Основными журналами в области агитационно-пропагандистской работы были «Коммунистическое просвещение», «Коммунистическая революция», «Под знаменем марксизма», «Пролетарская революция», «Коммунистический интернационал», «Красная печать», «Журналист», «Работница», «Крестьянка» и др.

Количество местных газет и журналов Северо-Запада на протяжении 1921–1923 гг. менялось. По имеющимся данным, к началу 1923 г. выпускалось 24 областных, губернских и уездных газет, 5 областных и губернских журналов[49]. Наиболее крупными из газет являлись: «Петроградская правда» (орган Петроградского губкома РКП (б)), «Красная газета» (орган Петроградского губисполкома), «Смена» (орган Петроградского губкома РКСМ), «Деревенская правда» (орган Петроградского губкома РКП (б)), «Маховик» (орган Петроградского губернского совета профсоюзов), «Псковский набат» (орган Псковского губкома РКП (б)), «Звезда» (орган Новгородского губисполкома), «Коммунист» (орган Череповецкого губисполкома), «Полярная правда» (орган Мурманского губкома РКП (б)), «Трудовая жизнь» (орган Олонецкого губкома РКП (б)), «Карельская коммуна» (орган Карельского областкома РКП (б)),

[47] Федюкин С. А. Указ. соч. — С. 185.

[48] Измозик В. С. Рост общественно-политической активности рабочего класса в первые годы НЭПа // Рабочие Северо-Запада РСФСР в период строительства социализма. — Л.: 1979. — С. 60.

[49] Климов Ю. Н. Указ. соч. — С. 91.

«Плуг и молот» (орган Кингисеппского укома РКП (б)), «Лужский вестник» (орган Лужского укома РКП (б) и др. Тираж этих газет на протяжении исследуемого периода сильно колебался. «Петроградская правда» увеличила его с 35 тыс. в 1922 г. до 90 тыс. в апреле 1923 г.[50] Губернские газеты выпускались в количестве от 1—2 тыс. до 9—10 тыс. экземпляров.

Из журналов следует выделить «Справочник петроградского агитатора», «Красный журнал для всех», «Красная деревня», издаваемые в Петрограде, псковский журнал «Новая жизнь». Их тиражи составляли по нескольку тысяч экземпляров.

Все периодические издания отличались предельной степенью идеологизированности, то есть большая часть их материалов была предназначена для формирования массового коммунистического сознания. Основными направлениями печатной агитации и пропаганды были такие как создание положительного общественного мнения по вопросам текущей политики Советской власти, критика деятельности небольшевистских партий и течений, пропаганда марксистских обществоведческих знаний и др. Охарактеризуем каждое из этих направлений.

Задачей номер один пропагандисткой машины большевиков являлось массированное и активное формирование положительного общественного мнения по отношению к внутренней и внешней политике Советской власти. Именно данному направлению советская пресса уделяла более всего внимания. В его рамках следует выделить ряд более узких аспектов.

Прежде всего нужно выделить работу по разъяснению сути и смысла проводимых большевистским правительством мероприятий. В первые месяцы после X съезда партии основным предметом пропаганды и агитации являлась новая экономическая политика. 25 марта 1921 г. в печати были опубликованы основные материалы съезда. С этого времени газеты почти ежедневно печатали статьи, комментарии на темы НЭПа, а также отклики (как правило, положительные) населения. 5 апреля «Правда» опубликовала тезисы для агитаторов «О продналоге», перепечатанные затем в других газетах. Весной 1921 г. массовым тиражом была издана брошюра Ленина «О продовольственном налоге». В середине 1921 г. вышел сборник статей «Новая экономическая политика и задачи партии», куда вошли работы В. И. Ленина, Н. И. Бухарина, В.П. Милютина, П. А. Богданова и др. Кроме этого увидела свет брошюра Е. М. Ярославского «О про-

[50] Козлов В. Н. Указ. соч. — С. 72.

дналоге», сборник статей «Новый курс хозяйственной политики Советской власти», ряд листовок. Местная периодическая печать помещала не только перепечатки из центральной, но давала и свои комментарии. Так, «Деревенская правда» уже в конце марта поместила серию статей под названием «Беседы о налоге»[51]. «Полярная правда» 5 апреля опубликовала статью «Почему налог, а не разверстка?».

29 апреля 1921 г. Оргбюро ЦК РКП (б) предложило всем губкомам информировать ЦК о проделанной работе по разъяснению и проведению в жизнь решений съезда о продналоге[52]. В мае 1921 г. состоялась внеочередная X партконференция, основной причиной созыва которой являлись слабые результаты данной работы. После ее проведения ЦК по-прежнему требовал от агитаторов усиления их деятельности по разъяснению нового курса, о чем свидетельствует, например, августовский 1921 г. циркуляр ЦК РКП (б) «О необходимости усвоения основ новой экономической политики».

С развитием НЭПа широко пропагандировались все основные декреты правительства. Так, летом и осенью 1922 г. наибольшее внимание пресса уделяла разъяснению двух декретов ВЦИК: «Об едином натуральном налоге» (март 1922 г.) и «О трудовом землепользовании» (май 1922 г.). Важно подчеркнуть: большевистская пропаганда неуклонно выделяла мысль о том, что все мероприятия советской власти осуществляются в интересах трудящихся масс. Например, «Псковский набат» комментируя решения X съезда партии, писал: «Российская коммунистическая партия еще раз доказала, как чутко она относится к нуждам крестьянства»[53].

Не лишне еще раз подчеркнуть, что советская пресса ни единым намеком не подвергала сомнению верность партии своему курсу построения коммунистического общества согласно Программе РКП (б). Например, «Красная газета» неоднократно напоминала слова Ленина о том, что НЭП принят «не навсегда»[54]. 4 января 1922 г. газета опубликовала подборку под заголовком «Степ и НЭП. Современные мысли», где в частности говорилось: «Не старая экономическая политика была плоха, плохо было то, что мы были вынуждены проводить ее раньше, чем мы для нее

[51] Деревенская правда. — 1921. — 23, 30, 31 марта.

[52] Сабуров Н. Н. Борьба партии за установление экономической смычки рабочего класса с трудящимся крестьянством. — Л.: 1975. — С. 25.

[53] Псковский набат. — 1921. — 24 марта.

[54] Красная газета. — 1922. — 4 января, 25 мая.

созрели». Или: «Не всегда буржую масленица, будет ему и 18-ый год»[55].

Помимо экономической политики подробно разъяснялись и большевистские мероприятия в других сферах, например, во внешней политике. Газеты комментировали подготовку и ход Генуэзской, Гаагской и Лозаннской конференций, организовывали мощную кампанию в связи с нотой Керзона и т. д. (Подробнее см. ниже). Содержание подобных комментариев обычно сводилось к попыткам показать правоту советского правительства и неправоту, коварство его противников. Так, в рамках освещения хода Гаагской конференции газета «Коммунист» писала, что если бы осуществились замыслы Франции, то Россия стала бы «чем-то вроде ее африканских колоний» и лишь позиция большевистской партии служит надежным препятствием для такой перспективы[56].

Подобные материалы часто сопровождались язвительными карикатурами. Например, в «Петроградской правде» от 27 мая 1922 г. был помещен такой рисунок: рядом стоят маленький уродливый капиталист, олицетворяющий Антанту, и рабочий с крестьянином, символизирующие Советскую Россию. Капиталист кричит: «Эй, вы, нагните шеи, иначе я не могу накинуть веревку».

Абсолютно никакой критики поведения советского правительства или хотя бы объективных комментариев в российских газетах найти было невозможно. Принцип партийности прессы (то есть ее необъективности) проводился большевиками неукоснительно.

Для того чтобы сделать газетный материал более доступным малограмотным рабочим и крестьянам, советская печать нередко использовала специфические формы его подачи. Так, статья публициста Тридэ «К моменту» в газете «Коммунист» за 11 марта 1922 г. была написана намеренно ерническим языком, для которого характерны короткие фразы, упрощенная стилистика, однозначные оценки. В статье, в частности, говорилось: «Много недочетов в продналоге. Но без налога не обойтись. Нет товаров, чтобы весь хлеб за наличные выкупить. Облегчить же налог можно. Можно, значит, сделано»[57]. Подобные материалы могли быть использованы при коллективной читке в избе-читальне, на сельском сходе и т. п.

Другая форма, также упрощавшая процесс усвоения материала, была использована в статье той же газеты, названной «На митинге:

[55] Красная газета. — 1922. — 4 января.

[56] Коммунист. — 1922. — 15 июля.

[57] Коммунист. — 1922. — 11 марта.

подслушанный разговор». Автор описывал спор между сторонником политики большевиков и сомневающимся (о сознательном противнике речь идти уже не могла), в котором они обмениваются доводами за и против. Аргументы в пользу большевиков представляются сомневающемуся в конце концов более убедительными, и он вместе со всеми подхватывает «Интернационал»[58].

Явно упрощенным стилем писались, как правило, передовицы «Деревенской правды» и «Маховика». В этих же газетах нередко помещались серии рисунков и подписей к ним на политические темы.

Также в газетах постоянно присутствовало обоснование исторической обреченности капиталистического мира и правомерности коммунистического курса на конкретном материале из повседневной жизни. Для большевистской пропаганды чрезвычайно важно было убедить население России, что курс компартии является исторически закономерным, что он есть, говоря марксистским языком, познанная необходимость и никакой альтернативы просто нет и быть не может. Большая часть материалов печати в той или иной мере пыталась представить читателю какие-то доказательства этому. Прежде всего следует обратить внимание на проходящий через все материалы тезис о противоборстве старого и нового миров, о непримиримом расколе на «мы» и «они». Ленин утверждал в 1921 г.: «Мир разделился на два лагеря: капиталистическая заграница и коммунистическая Россия».[59] Используя эту максиму, коммунистическая пропаганда всячески стремилась доказать обреченность старого мира и непрерывное усиление новой цивилизации, создающейся в России. «Старый мир расползается по всем швам, — растет и крепнет сила Республики Советов», — писала «Петроградская правда»[60].

Уже сами заголовки статей постоянно внушали эту мысль читателям. Вот некоторые из них: «Наши победы», «Симптомы краха», «Бессилие старого мира», «Победим и теперь», «Накануне конца», «В Англии: разруха». В статьях скорая кончина капиталистического мира не подвергалась ни малейшему сомнению. «Все социальные силы старого мира соскочили со своих привычных рельс... Куда не взглянешь, везде грохочет <...> везде капиталистическое общество трещит по всем направлениям от внутренней перестановки»[61], —

[58] Коммунист. — 1922. — 8 марта.

[59] Ленин В.И. О Кронштадтском восстании // ПСС. — Т. 43. — С. 129.

[60] Петроградская правда. — 1922. — 27 апреля.

[61] Псковский набат. — 1921. — 7 апреля.

писал «Псковский набат», явно сгущая краски и создавая у читателей искаженное представление о положении дел за рубежом.

При этом советская пресса ясно говорила, что время всемирной пролетарской революции близко, и надо быть готовым «к последнему часу капиталистического мира, который неуклонно приближается»[62]. Газета «Правда», поздравляя читателей с новым 1922 годом, в числе прочих пожеланий называла и приход мировой революции[63]. Мысль о ее неизбежности проводилась в большевистской прессе с неуклонной последовательностью изо дня в день, из номера в номер. «Раньше или позже пролетариат должен победить. Раньше или позже коммунистическая революция одержит верх»[64], — писал «Маховик».

Положение трудящихся в других странах большевистская пресса рисовала, как правило, в мрачных тонах. Так, «Коммунист» писал, что материальное положение рабочих в Советской России «гораздо лучше, чем в капиталистических странах»[65], не подкрепляя, однако, это заявление никаким фактическим материалом. Все советские газеты были полны сообщениями из-за рубежа о непрерывных забастовках, манифестациях и других формах борьбы рабочих за улучшение своего положения. При этом пресса умалчивала, что в большинстве случаев забастовщики выдвигали сугубо экономические требования или политические в рамках социал-демократических программ. Напротив, советская пропаганда нередко представляла дело таким образом, что «рабочие всего мира борются за установление советского строя»[66], «за переустройство мира на коммунистических началах»[67]. Это была явная дезинформация.

Также большевики старались создать видимость силы западного коммунистического движения и слабости социал-демократического. Например, Л. Сосновский писал в «Правде»: «Из социал-предательских партий <...> уходят массами рабочие и уходят к коммунистам. Обратно же от коммунистов к социал-предателям ни в России, ни в Европе движения не замечается»[68]. Такой комментарий создавал у российского читателя совершенно превратное представление

[62] Коммунист. — 1922. — 6 сентября.

[63] Правда. — 1922. — 1 января.

[64] Маховик. — 1921. — 7 апреля.

[65] Коммунист. — 1922. — 12 июля.

[66] Маховик. — 1921. — 5 ноября.

[67] Маховик. — 1921. — 3 апреля.

[68] Правда. — 1922. — 23 марта.

о соотношении сил коммунистов и социал-демократов в мировом рабочем движении.

Характерным для большевистских публицистов было истолкование любых действий представителей западных буржуазных кругов в нужном для них свете. При освещении стачки углекопов в Англии в апреле 1921 г. в передовой статье «Полярной правды» говорилось, что поскольку шахтовладельцы идут шахтерам на уступки, значит, капитализм проявляет свою слабость и «чувствуя свою близкую гибель, старается оттянуть ее на некоторое время»[69].

Даже когда Запад протягивал голодавшей в 1921–1922 гг. России руку помощи, советская пресса видела в этом коварный и злобный замысел. В августе 1921 г. она писала: «Они с дьявольской хитростью вновь расставляют сети, пытаясь врасплох захватить в них их злейшего врага — республику Советов»[70]. Это была уже типично советская политическая паранойя, еще более развившаяся впоследствии в СССР.

Очень характерны для большевистской печати были также попытки нахождения и показа малейших положительных перемен в жизни трудящихся в России и популяризация первого опыта социалистического строительства. Нередко отправным моментом здесь служило сравнение ростков нового с тем, что было в царской России. При этом старое оценивалось всегда отрицательно. Так, по поводу открытия в Мурманске советской типографии губернская газета писала: «Вспоминается старый барак типографии, отжиток прошлых времен, когда труд печатника считался самым забытым, самым неблагодарным. Всеобщими усилиями, упорным трудом удалось выстроить новое, светлое здание, светочь которого будет распространять знания по всему Мурманскому краю»[71].

Газеты старались отмечать каждый факт загрузки производственных мощностей того или иного предприятия, положительные результаты в сельском хозяйстве, улучшение материального положения трудящихся, положительные сдвиги в работе транспорта и т. д. Советская пресса убеждала читателя, что «положение рабочих неуклонно улучшается»[72], и что Советская власть спасла Россию от разорения и катастрофы[73].

---

[69] Полярная правда. — 1921. — 21 апреля.

[70] Полярная правда. — 1921. — 13 августа. Деревенская правда. — 1921. — 3 августа.

[71] Полярная правда. — 1921. — 9 апреля.

[72] Коммунист. — 1922. — 12 июля.

[73] Коммунист. — 1922. — 8 сентября.

Главный вывод, который проводился в печати, гласил, что большевики заслужили право стать «теми учителями, теми спасителями, которые позволят крестьянину и рабочему освободиться от экономического гнета и духовного невежества»[74]. Новгородская «Звезда» говорила о большевиках и тех, кто вместе с ними строит новую жизнь, как о «титанах, о которых мировая история вспомнит с коленоприклонением»[75].

5

Другим важнейшим направлением в агитационно-пропагандистской деятельности советской печати была критика теории и практики политических противников большевиков, то есть контрпропаганда. Выше уже отмечалось, что основным объектом нападок большевистской печати являлись меньшевики и эсеры. Сам Ленин выступал против них в течение 1921–1922 гг. более 70 раз[76]. В этой связи Госполитиздатом был выпущен целый ряд брошюр: Быстрянский В. А. «Меньшевики и эсеры в русской революции», он же «Из опыта русской революции» (1921), Вардин Ил. «Политическая партия и русская революция», он же «Партия меньшевиков и русская революция», он же «Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты» (1922), «Партия капиталистической реставрации (меньшевики)» (1923), «Партия меньшевиков и деникинщина» (1923), Луначарский А. В. «Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров» (1922) и др.

В «Вестнике агитации и пропаганды» существовал специальный раздел «РКП и мелкобуржуазные партии», где публиковались как циркуляры ЦК, так и разоблачительные статьи. В начале 20-х годов издавалась и некоторая мемуарная белогвардейская литература с целью дискредитации ее авторов и их партий. Вышли воспоминания А. И. Деникина, П. Н. Краснова, П. Н. Врангеля, В. В. Шульгина, Б. В. Савинкова и др.

Газеты уделяли вопросам контрпропаганды также большое внимание. В них были в эти годы регулярными рубрики «Из белой прессы», «Обзор желтой прессы», «За границей» и др. Здесь помещались отобранные выдержки из эмигрантской партийной печати и ком-

[74] Звезда. — 1922. — 22 марта.

[75] Звезда. — 1922. — 24 марта.

[76] Лейкин А. Я. Против ложных друзей молодежи. — М.: 1980. — С. 148.

ментарии к ним. Как правило, подборки содержали такие цитаты, где были или самокритика эмигрантов, или их лестные для большевиков оценки каких-либо действий советского правительства. Активно использовались и нередкие в антибольшевистских изданиях «газетные утки». «Коммунист» иронически писал по этому поводу, что эмигрантские «сенсационные известия о сногсшибательных советских ужасах так же правдоподобны, как и регулярные ежедневные сообщения белогвардейских газет в течение пяти лет о разгроме Красной армии, гибели Советской власти»[77].

Большевистские газеты в целом старались затушевать различия между антисоветскими партиями, обвиняя их всех в одном общем страшном смертном грехе — антибольшевизме и защите капиталистического строя. Такую позицию вполне разделял Ленин, который писал о других партиях: «Оттенков среди этой публики очень много, но они никакого серьезного значения с политической точки зрения не имеют, ибо сводятся к тому, насколько лицемерно или искренне, грубо или тонко, аляповато или искусно исполняют они свои лакейские обязанности по отношению к буржуазии»[78].

Анализ контрпропагандистских материалов большевистских газет показывает — их главной задачей всегда было доказать то, что данная партия вольно или невольно проводит линию на реставрацию капитализма. После этого критика считалась исчерпанной, а ее предмет полностью терял моральное право на существование и становился в глазах большевистской пропаганды попросту отбросом истории. Логика такого подхода также шла, несомненно, от Ленина, который, в частности, писал: «Меньшевики и эсеры — это люди, которые сознательно или бессознательно восстанавливают капитализм... Мы должны с ними воевать»[79].

Для создания неприглядного образа представителей антибольшевистского лагеря пресса использовала ряд характерных приемов. Прежде всего следует отметить сознательное допущение искажений, упрощений или умолчаний в изображении позиций тех или иных политических сил. Так, например, статья в «Петроградской правде» от 11 апреля 1922 г. деятельность П. Н. Милюкова показывала вполне карикатурно, в расчете на политическое невежество читателей. Передовая статья «Коммуниста» сообщала череповецкому обывателю,

[77] Коммунист. — 1922. — 20 июля.

[78] Ленин В. И. В лакейской // ПСС. — Т. 39. — С. 139.

[79] Ленин В. И. X Съезд РКП (б). Доклад о замене разверстки натуральным налогом // ПСС. — Т. 43. — С. 64.

что «в течение ряда месяцев эсеры служили Колчаку»[80], что являлось неправдой, если иметь в виду позицию эсеровского ЦК. Ответственность за действия отдельных членов партий обычно возлагались на всю партию в целом и ее руководящий орган, хотя в условиях Гражданской войны или начала 20-х годов такой подход был явно неправомерен.

Одна из статей Е. Ярославского в «Правде» безапелляционно называлась «Меньшевики за развал хозяйства»[81], что создавало у читателя соответственный, неадекватный действительности стереотип. «Петроградская правда» допускала выпады типа: «Ослепленные ненавистью к народу и его вождям — партии коммунистов, эсеры попрежнему мечтают о том, как бы задушить русский народ мертвой петлей блокады и бойкота»[82]. Такую трактовку выступлений эсеров против заключения Европой торговых договоров с большевиками следует расценивать как искажение позиции противника с целью его очернения. В одной из статей «Красной газеты» Н. Кузьмин изображал руководство РСДРП заботящимся главным образом о поступлении денег в партийную кассу и формирующим свои политические лозунги в зависимости от данного фактора. Сколько-нибудь обстоятельной критики меньшевизма в статье не было, но содержался вывод о том, что для меньшевиков характерны «удивительная уверенность в человеческой глупости и упорство в своих заблуждениях»[83].

Типичным для советской прессы был крайне оскорбительный, грубый, безапелляционный тон по отношению к противникам, что порождало у неискушенного читателя наибольшую уверенность в их порочности. Сплошь и рядом допускались такие выражения как «полканы и барбосы империализма», «ублюдочный интернационал», «буржуазные писаки каркали во все свое воронье горло», «лакейские головы» и т.п. «Правда» не погнушалась напечатать низкопробные стихи Демьяна Бедного о старейшем российском марксисте Ю.О. Мартове, которые начинались так:

Буржуйский прихвостень и верный подголосок,
Друг шейдемановцев, марксистский недоносок,
Зломеньшевистская кликуша-плачея,
Мартушка в горести льет слезы в три ручья[84].

[80] Коммунист. — 1922. — 20 мая.

[81] Правда. — 1923. — 6 января.

[82] Петроградская правда. — 1922. — 29 января.

[83] Красная газета. — 1922. — 21 января.

[84] Правда. — 1922. — 29 января.

То есть в целом позиция большевистской прессы по отношению к другим партиям была крайне тенденциозной и уничижительной. Она не содержала ни малейшего стремления к объективной подаче и оценке фактов, а являлась проведением заведомо выработанной в руководящих структурах партии политики, направленной на подавление противника любыми средствами.

Также бескомпромиссно вела большевистская пресса борьбу и с так называемой непартийной печатью. Как уже упоминалось, в 1921–1922 гг. стали было выходить издания либерального толка, не связывавшие себя ни с какими партиями. Особенно раздражал большевиков журнал «Экономист», поскольку он, что называется, зрил в корень и, профессионально разбирая вопросы экономической политики Советской власти, приходил к выводам, что вся коммунистическая затея с огосударствлением народного хозяйства есть самая настоящая нелепость и разумной альтернативы частному предпринимательству, рынку, конкуренции просто не существует.

Против авторов данных изданий были брошены самые крупные силы. Так, например, в июне 1922 г. свою статью в «Правде» под заголовком «Возрождение буржуазной идеологии» опубликовал сам Бубнов, продемонстрировав образец стиля и уровня полемики большевиков против своих соперников. В центре внимания Бубнова оказалась уже изложенная нами в первой главе статья А.Л. Рафаловича «Новая экономическая политика», опубликованная в 1922 г. в № 2 журнала «Экономист». Напомним, что это была в высшей степени обстоятельная профессиональная работа, оценивавшая НЭП. Как же полемизировал с Рафаловичем Бубнов? Парировал ли он его доводы против НЭПа по существу?

Ничуть не бывало. Сначала Бубнов привел такую цитату Рафаловича: «Для серьезного промышленника вообще едва ли возможно работать в более крупном масштабе при наличии регулирующих труд и трудящихся правил, связывающих руководителя предприятия в отношении найма и расчета служащих и рабочих». На это большевистский лидер давал такой комментарий: «То есть, говоря более кратко, нам нужна свобода капиталистической эксплуатации — вот смысл приведенного пункта. Не правда ли, недурно? И как превосходно сидит на этих господах костюм современного крепостника, как будто бы они в нем и родились!»

Далее следовала опять цитата Рафаловича: «Без доверия и правосознания не может иметь место никакая здоровая, планомерная, целесообразная и разумная хозяйственная работа». И пояснение Бубнова:

«Опять, говоря ясными словами, нам нужен буржуазный правопорядок, освящающий и прикрывающий свободу эксплуатации».

Третий приводимый фрагмент из Рафаловича: «Пора отказаться от принципа национализации в области внешнего товарообмена». Бубнов отвечает: «То есть нам нужна полная гарантия незыблемости буржуазного порядка и его развития, а поэтому необходима свобода внешней торговли и связь с нашими доблестными союзниками».

Вывод Бубнов делал следующий: «Фронту возрождающейся буржуазной идеологии мы должны противопоставить могучий организованный натиск революционной идеологии коммунизма». И все. Никаких контраргументов против экономических доводов либерала Рафаловича большевик Бубнов приводить не собирался и в силу своей необразованности просто не мог.

Напротив, в конце 1922 г. в «Правде» появилась очередная его статья под заголовком «Политические иллюзии НЭПа на ущербе». В ней Бубнов опять упоминал журналы «Экономист» и «Экономическое возрождение» (причем, уже закрытые) и подчеркивал: «Прежде всего мы здесь имеем проповедь экономического либерализма. <...> Одним из характернейших моментов всех этих писаний было то, что они очень резко нападали на вмешательство государства в область народного хозяйства»[85].

А основным аргументом против журнала Петербургского философского общества «Мысль» Бубнов выдвинул то, что он проводит идеологию идеализма и поповщины, назвав издание «поповско-мракобесовский журнальчик» и «журнал разнузданной поповщины». Никаких других аргументов, чтобы закрыть издание, большевикам не требовалось.

6

Третьим важным направлением в агитационно-пропагандистской работе прессы являлась пропаганда марксистских политических знаний, или, как тогда говорили, политграмоты. Главным образом оно реализовывалось через брошюры, книги, а также общественно-политические журналы, в которых помещались популярные статьи по тем или иным вопросам большевизма, теоретический и программно-методический материал для различного рода политических учебных заведений.

[85] Бубнов А. Политические иллюзии НЭПа на ущербе // Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. Сб. ст. — 1923. — С. 39.

В 1921–1923 гг. массовыми тиражами вышли работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест коммунистической партии», «Капитал», «К критике политической экономии», «Анти-Дюринг», сборник избранных писем. Созданный в январе 1921 г. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса начал издавать архив основоположников марксизма. В 1923 г. вышли первые два тома из их собрания сочинений. С 1920 по 1926 г. издавалось первое Собрание сочинений В. И. Ленина. Широко публиковались брошюры с отдельными ленинскими работами. Общий тираж всех произведений Ленина, изданных в 1922 г., составил 222 900 экз., в 1923 г. — 424 900 экз.[86] С 1922 г. стали выходить первые тома Собрания сочинений Г. В. Плеханова, работы А. Бебеля, К. Либкнехта, Ф. Меринга, К. Цеткин и других марксистов.

Большое внимание уделялось написанию и пропаганде истории большевистской партии. Следует отметить, что к истории России и мира как к общеобразовательному предмету у большевиков в первые послереволюционные годы было очень неоднозначное отношение. Например, нарком просвещения Анатолий Луначарский писал в 1918 г.:

«Далеко не является бесспорным, надо ли вообще преподавать историю в правильно поставленной школе. <...> Все старое заражено пороками, все старое есть ночь человеческого существования»[87]. Тем не менее, когда первый советский историк-марксист М. Н. Покровский издал в 1920 г. свою «Русскую историю в самом сжатом очерке», с которой началось советское переписывание отечественной истории с коммунистических позиций, Ленин написал ему: «Чрезвычайно понравилась мне ваша книга»[88].

В то же время у большевиков не было сомнения, что необходимо писать и широко преподавать историю партии. В начале 1920-х годов стали выходить первые историко-партийные работы, написанные представителями старой партийной гвардии[89]. Особенно этот вопрос стал актуальным в связи с празднованием в марте 1923 г.

---

[86] Ключева З. И. Идейное и организационное укрепление Коммунистической партии в условиях борьбы за построение социализма в СССР. — М.: 1970. — С. 37.

[87] Луначарский А. В. О преподавании истории в коммунистической школе. — 1918. — С. 3–4.

[88] Ленин В. И. Тов. М. Н. Покровскому // ПСС. — Т. 52. — С. 24.

[89] Зиновьев Г. История РКП (б). Популярный очерк. — М.: 1920. Невский В. И. Очерки по истории РКП (б). — М.: 1920. Бубнов А. С. Основные моменты в развитии коммунистической партии в России. — 1920. Зиновьев Г. Е. История Российской Коммунистической партии (большевиков). — 1923. Бубнов А. С. Основные вопросы истории РКП. — М.: 1924.

25-летия Российской коммунистической партии. Интересно, что сами же большевики признавали: повод для юбилея — I Съезд РСДРП (1898 г.) — весьма условный. Ведь если говорить именно о большевиках, то они образовались не ранее II Съезда РСДРП, то есть в 1903 г. А если речь шла о появлении в России социал-демократического движения вообще, то его нужно было вести от первых марксистских кружков 1880-х гг. или же от образования плехановской организации «Освобождение труда», то есть с 1883 г. Однако большевикам чрезвычайно пригодилась бы в непростое нэповское время широкая юбилейная компания по чествованию партии, и они не преминули воспользоваться представившимся поводом. К тому же этот юбилей оспаривали и меньшевики, а уж позволить им обратить его в свою пользу большевики никак не могли. В 1923 г. Агитпропотдел ЦК РКП (б) опубликовал тезисы «25 лет РКП (б)». Целый ряд брошюр и статей популярного характера по различным вопросам истории, теории и практики большевизма написали Л. Троцкий, Н. Бухарин, Г. Зиновьев, В. Невский, Н. Крупская, С. Зорин, К. Радек, З. Лилина, Я. Новомирский, В. Быстрянский, Е. Ярославский и др. (Подробнее о кампании по 25-летию партии см. далее).

Выше уже говорилось о стремлении большевиков воздействовать через печать на различные слои населения, применяя при этом как бы разделение труда между изданиями. В Северо-Западном регионе на городские слои населения были в основном рассчитаны «Красная газета», в значительной степени «Петроградская правда», «Смена», а также такая специфическая форма печати как стенные и многотиражные газеты на предприятиях, инициаторами создания которых обычно являлись партийные организации[90].

Фабрично-заводские стенгазеты и многотиражки поднимали как общеполитические проблемы, так и вопросы, касавшиеся работы предприятий. Подвергая публичной критике тех, кто шел не в ногу, такая печать действовала весьма эффективно. К началу 1924 г. в Петрограде издавалось 344 стенные газеты. Из них 121 выпускалась силами комсомольских ячеек, остальные — парткомов и фабзавкомов, 238 газет писали на пишущих машинках, 34 — от руки, 18 печатали типографским способом. Тираж последних колебался от 50 до 500 экз., остальных — 1—3 экз. Стенгазета выходила 1—2 раза в месяц или к праздничным датам[91].

[90] Купайгородская А. П. Многотиражные фабрично-заводские газеты как источник по истории рабочего класса // История рабочего класса Ленинграда. — Вып. 1. — Л.: 1962. — С. 193.

[91] Сборник материалов... — Вып. 7. — С. 132.

XII съезд РКП (б) отметил важную роль фабрично-заводских газет в области агитации и пропаганды, определив их главное назначение в том, что они «вовлекают в общественную жизнь и в интересы производства наиболее отсталые слои пролетариата»[92].

Проблемам сельского хозяйства отдавала свои страницы «Деревенская правда» (с февраля 1922 г. была слита с «Красной газетой»), им значительное место уделяли все губернские газеты и еще более уездные.

Важное значение придавалось работе с молодежью. «Правда» писала: «Организованное массовое влияние на психологию подрастающего поколения во что бы то ни стало должно исходить от пролетарского государства»[93]. В исследуемый период издавались центральные молодежные журналы «Юный коммунист», «Молодая гвардия», «Юные товарищи». В Петрограде выходили журнал «Юный пролетарий» и молодежная газета «Смена», в Новгороде — журнал «Первая молодежь», в Петрозаводске — «Комсомолец». Большинство губернских газет имели молодежные странички[94].

8

Наряду с прессой значительную роль в большевистской пропаганде исследуемого периода начинал играть и документальный кинематограф. Ленин придавал ему огромное значение, считал сильнейшим средством пропаганды. В своих «Директивах по киноделу» лидер большевизма, в частности, указывал, что Наркомпрос должен организовать наблюдение за всеми кинопоказами и систематизировать это дело. Все ленты, которые демонстрируются в РСФСР, должны быть зарегистрированы, пройти цензуру Наркомпроса и для проката необходимо установить определенные пропорции для увеселительных картин и фильмов специального пропагандистского содержания из жизни народов всех стран, как-то: колониальная политика Англии в Индии, голодающие Берлина, работа Лиги наций и т.д. При этом Ленин предписывал «картины пропагандистского и воспитательного характера давать на проверку старым марксистам». Также он рекомендовал «специально обратить внимание

[92] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 711.

[93] Правда. — 25 января. — 1922.

[94] Блатова Л. А. Роль периодической печати комсомола в идейно-политическом воспитании молодежи (1921–1925). — М.: 1971. Ганичев В. Н. Молодежная печать: история, теория, практика. — М.: 1976.

на организацию кинотеатров в деревнях и на Востоке, где они являются новинками и где поэтому наша пропаганда будет особенно успешна»[95].

В апреле 1918 г. была учреждена первая советская киноорганизация — Петроградский областной кинематографический комитет. В 1922 г. возникла хозрасчетная организация Госкино, а также Кинокомиссия при ЦК РКП (б), решения которой были обязательны для всех киноучреждений страны. Комиссия контролировала идеологическую направленность прокатываемых кинолент. Разработкой планов выпуска фильмов, утверждением сценариев, руководством постановками занимался Художественный совет при Главполитпросвете.

В резолюции VIII съезда РКП (б) (1919 г.) прямо указывалось, что «кинематограф <...> необходимо использовать для коммунистической пропаганды»[96]. Еще в годы Гражданской войны большевики стали делать съемки специальных агитационно-пропагандистских фильмов, основу которых составляла хроника с соответствующими комментариями-титрами. Петроградскими кинематографистами всего к концу 1923 г. был снят 271 документальный фильм, в том числе: 19 — о съездах и конференциях РКП (б) и конгрессах Коминтерна, 22 — о Красной армии и флоте, остальные — по поводу различных событий политической жизни[97]. Тематика съемок и выбор сюжетов определялись партийными органами. Показательный эпизод: чтобы снять киноальбом советских государственных деятелей в канун празднования 25-летия РКП (б) в марте 1923 г., Севзапкино запросило секретаря ЦК В. М. Молотова, кого именно следует снимать.

В 1921–1923 гг. в Петрограде были выпущены фильмы «Кронштадтский мятеж», «Процесс эсеров», «XII съезд РКП (б)», «1 мая в Петрограде», «Манифестация на ноту Керзона» и др. К 25-летию партии широко демонстрировалась юбилейная лента, прославлявшая исторический путь большевиков. В этот фильм были включены кадры с Лениным. К концу исследуемого периода оперативность работы петроградских кинодокументалистов достигла весьма высокого уровня. В одном из отчетов конца 1923 г. Севзапкино говорилось: «Социально-политические засъемки свои Севзапкино довело

[95] Ленин В. И. Директивы по киноделу // ПСС. — Т. 44. — С. 360–361.

[96] Восьмой съезд РКП (б). — С. 433.

[97] Степанов З. В. Культурная жизнь Ленинграда в 1920-х — начале 30-х годов. — Л.: 1976. — С. 138.

до американской быстроты, снимая события днем и показывая их вечером на экране»[98].

Чрезвычайно идеологизированными были и первые советские художественные фильмы, которые представляли собой скорее произведения политической пропаганды, а не искусства. К ним можно отнести «Красные дьяволята», «Красные партизаны», «На крыльях ввысь», «Мишка против Юденича», «Красный тыл», «Чудотворец» и др. В этих лентах противники советской власти всегда рисовались либо черным цветом, либо вообще издевательски-карикатурно, а большевики — идеализированно, приукрашено. Особенно сильное влияние оказывали такие фильмы на молодежь.

Кинопродукция дореволюционного и западного производства по идеологическим соображениям не устраивала советские органы власти. В 1922 г. кинокомиссия при ЦК 73% картин, показываемых в прокате, признала неудовлетворительными[99]. Тем не менее, ввиду нехватки советских кинолент, Ленин дал указание пускать старые фильмы в прокат при условии, если они «без похабщины и контрреволюции»[100]. Доля фильмов несоветского производства в исследуемый период оставалась высокой. К началу 1925 г. она составляла 85%[101].

Демонстрировались агитационно-пропагандистские фильмы часто бесплатно. В частности, организацией таких показов на предприятиях, в клубах, на улицах и т. д. занимался образованный в апреле 1923 г. при Севзапбюро научно-агитационный отдел. За первый квартал 1923 г. в различных учреждениях Петрограда было показано около 300 политико-документальных агиток[102]. Всего в 1923 г. в Петрограде на различных фильмах побывало 2,7 млн. чел.[103] В это же время начали создаваться и сельские киноточки и кинопередвижки, для чего закупались за границей новейшие кинопроекторы фирмы Пата. Первая сельская киноустановка на Северо-Западе была оборудована в поселке Островки Петроградской губернии в 1923 г.[104]

XII съезд РКП (б) в резолюции «По вопросам пропаганды, печати и агитации» уделил кинематографу значительное место, в частности,

---

[98] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 529. — Л. 4.

[99] Федюкин С.А. Указ. соч. — С. 11.

[100] Ленин В.И. Директивы по киноделу // ПСС. — Т. 44. — С. 360.

[101] Федюкин С.А. Указ соч. — С. 239.

[102] Степанов Э.В. Указ. соч. — С. 140.

[103] Идеи партии — в массы: из опыта организации партийно-политической пропаганды в Ленинграде и области. 1917–1982. — Л.: 1984. — С. 85.

[104] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 529. — Л. 4.

указав: «Необходимо развивать кинематографическое производство в России как при помощи специальных ассигнований правительства, так и путем привлечения частного капитала, при условии полного обеспечения идейного руководства и контроля со стороны государства и партии. Ввиду огромного воспитательного, агитационного значения кино необходимо дать кинематографическому делу как коммунистов, работавших по кинематографии до революции, так и хозяйственников, могущих поставить дело на основах хозяйственного расчета с одной стороны и возможно полного обслуживания трудящихся масс с другой. Особое внимание ЦК съезд обращает на усиление руководящего состава Госкино»[105].

В целом в 1921–1923 гг. кинопропаганда охватывала еще лишь население крупных городов, но ее потенциальная роль в идеологической обработке масс была большевиками уже вполне оценена. Весной 1923 г., выступая на совещании агитпропов и политпросветов Северо-Западной области, Бубнов подчеркивал: «Относительно кино. Это вопрос крупный. В кинотеатрах фигурируют на 80 % самые поганые буржуазные фильмы. Как нам завоевать кино — вопрос серьезный. Надо начать постановку своего собственного советского производства фильмов. Надо удержать монополию проката. Надо дать киноделу новых работников. Об этом мы много говорили и говорим. Надо начать делать»[106].

Так началась работа по созданию мощной индустрии тотальной кинематографической политпропаганды.

9

К рассматриваемому периоду относится и начало использования в целях политической пропаганды радио. Это средство связи и информации было изобретено, как известно, еще до революции. Большевики сразу же начали им пользоваться. Уже 25 октября в эфир было передано ленинское обращение «К гражданам России», возвестившее о победе пролетарской революции. После этого последовали другие радиопередачи, начинавшиеся с обращения: «Всем, всем, всем!». 19 июля 1918 г. был принят Декрет СНК «О централизации радиотехнического дела РСФСР», в соответствии с которым в ведение Народного комиссариата почт и телеграфа перешли ра-

[105] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 714.

[106] Бубнов А. Итоги и перспективы компросвещения. — С. 30.

диостанции Детскосельская, Ходынская, Тверская, Ташкентская, Хабаровская и др. Всего к середине 1918 г. в стране действовало около ста радиотелеграфных станций.

Ленин сразу же оценил перспективы использования радио для политической пропаганды и агитации. В январе 1921 г. он писал управделами СНК Н.П. Горбунову по поводу опытов Нижегородской лаборатории по радиовещанию: «Дело гигантски важное (газета без бумаги и без проволоки, ибо при рупоре и при приемнике, усовершенствованным Б.-Бруевичем так, что приемников легко получим сотни, вся Россия будет слышать газету, читаемую в Москве)»[107]. Ленин дал поручение ускоренно провести проект декрета об организации развернутого радиотелефонного строительства, который был принят Совнаркомом 27 января 1921 г.

В мае 1922 г. лидер РКП (б) возвратился к данному вопросу и написал письмо в Политбюро, где указал: «Я думаю, что осуществление этого плана представляет для нас безусловную необходимость как с точки зрения пропаганды и агитации, особенно для тех масс населения, которые неграмотны, так и для передачи лекций. При полной негодности и даже вредности большинства допускаемых нами буржуазных профессоров по общественным наукам у нас нет иного выхода, как добиться того, чтобы наши немногие коммунистические профессора, способные читать лекции по общественным наукам, читали эти лекции для сотен мест во всех концах федерации». Ленин убеждал не жалеть на создание радиосети средств и предлагал направить на этот проект сверх имевшейся сметы до 100 тысяч рублей золотом из золотого фонда на постановку работ Нижегородской радиолаборатории[108].

8 декабря 1922 г. глава Советского правительства впервые выступил по московскому радио, которое начало свои передачи с 17 сентября 1922 г. Ленинградская радиостудия приступила к работе несколько позже — с декабря 1924 г., причем два первых репродуктора были установлены на Невском проспекте[109]. В радиопередачах сразу же ведущее место заняли политические материалы. В дальнейшем, как известно, радио заняло одно из ведущих мест в советской системе пропаганды, и хотя в рассматриваемый период эта форма была еще в зачаточном состоянии, затрагивая лишь в эпизодической мере

[107] Ленин В. И. Н. П. Горбунову // ПСС. — Т. 52. — С. 54.

[108] Ленин В. И. Письмо И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП (б) о развитии радиотехники // ПСС. — Т. 45. — С. 194–195.

[109] Очерки истории ленинградской организации КПСС. — Т. 2. — С. 179.

столичное население, курс на политизацию и идеологизацию радиовещания был взят с самого начала.

Из других звуковых средств большевики использовали граммофонную запись. Такая форма была пригодна для работы среди неграмотных, в частности, в сельской местности. Ленин поставил задачу перед руководством Центропечати сделать граммофон агитатором за Советскую власть[110]. При Центропечати был создан отдел граммофонной пропаганды. В его редколлегию вошли сам Ленин, М. И. Калинин, А. М. Коллонтай и др.

В апреле 1921 г. было записано 5 речей Ленина: «О продовольственном налоге», «О концессиях и о развитии капитализма», «Беспартийные и Советская власть» и др.[111] Всего с 1919 по 1922 г. записали 16 речей Ленина тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров. На пластинки записывались также выступления М. И. Калинина, А. В. Луначарского, А. М. Коллонтай и др. За период с 1919 по 1922 г. было сделано около 40 записей общим тиражом свыше полумиллиона экземпляров[112].

10

В целом следует констатировать, что любую форму массовой информации большевики неизменно ставили под свой тотальный контроль и превращали в мощное средство для идеологической обработки населения. Поскольку в начале 1920-х годов наиболее массовым пропагандистским инструментом являлась периодическая печать, то первым делом большевики организовали именно этот канал агитационно-пропагандистского воздействия, и значение прессы в работе РКП (б) по формированию массового политического сознания было чрезвычайно велико.

Конечно, было бы неправильным считать, что печать доходила до каждого человека. Непосредственное, прямое влияние она оказывала преимущественно на более образованную часть членов партии, служащую интеллигенцию и на некоторую часть рабочего класса и крестьянства. Однако опосредованно пресса мощно влияла прак-

[110] Белкин А. М. Слушаем Владимира Ильича. — С. 9.

[111] Шарапов Ю. П. Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу. — М.: 1990. — С. 54.

[112] Коган А. Как это было: любителям грампластинки. — М.: 1974. — Вып. 1. — С. 19.

тически на все слои населения. Партийно-советская печать несла на своих страницах ту официальную идеологическую позицию, которая служила базой для всех других форм передачи политической информации в обществе. Политучеба, диспут в клубе, выступление на митинге или собрании, просто частный разговор на политические темы — все эти формы пропаганды непременно опирались на материалы печати. Подобно кругам от брошенного в воду камня, точка зрения прессы расходилась далеко вширь, достигая и безграмотного и аполитичного.

Нет сомнения, что успехи большевиков в области пропаганды и агитации были связаны в первую очередь именно с организацией системы монопольной партийной печати. В этой связи интересно заметить, что, в отличие от Советской России, в гитлеровской Германии на первом месте всегда стояла устная пропаганда с ее грандиозными митингами, театрализованными речами вождей, шествиями, парадами, радиотрансляциями и кинохроникой. Печать германские нацисты использовали в меньшей степени, чем российские коммунисты.

Глава 9

«Азбука коммунизма»: самая неприятная из партийных обязанностей

Вы обязаны быть счастливыми, и уже недолго вам ждать.

Евгений Замятин, «Мы»

1

Важнейшим средством перевода общественного сознания населения России на основы большевистского мировоззрения являлась организация различных форм политической учебы. Преподавание марксистских политических знаний (политграмоты) осуществлялось как в специальных партийных учебных заведениях, так и через систему народного образования.

Уровень общеобразовательных и политических знаний членов РКП (б) был очень низок. Согласно переписи 1922 г., коммунисты в целом по стране имели образование: высшее — 0,6 %, среднее — 6,3 %, низшее — 75 %, самодеятельное — 13 %, неграмотных насчитывалось 4,7 %[1]. Даже среди партработников губернского уровня лишь начальное образование имели 59,9 % коммунистов, а районного — 73,6 %[2]. После Октябрьской революции вопреки известному советскому мифу о самом образованном правительстве в мире страной управляли сплошь и рядом совершенные недоучки и вообще неграмотные люди на местах и сугубо ограниченные своими идеологическими схемами фанатики наверху.

В том же году в большинстве губерний прошла проверка и политических знаний в РКП (б), показавшая, что основы марксистского

[1] Всероссийская перепись членов РКП (б). — М.: 1923. — Вып. 4. — С. 28–29.

[2] Леонова Л. С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах. 1921–1925. — М.: 1972. — С. 17.

учения, в целом, в ней не усвоены. «Компания по проверке личного состава партии обнаружила значительные недостатки почти во всех областях партийной жизни и работы». В частности, «недостатки, зависящие от слабости идейного воспитания»[3], — констатировала XI партконференция. Наряду с этим большевики имели острую проблему нехватки подготовленных кадров, которые могли бы повести работу по организации идеологического всеобуча. В Москве потребность в пропагандистах, способных руководить школой элементарной политграмоты, даже уже в 1924 г. удовлетворялась лишь на 66 %[4].

В годы Гражданской войны в стране возникли различного рода курсы подготовки работников партийного и советского аппарата, первые советско-партийные школы, пропагандистские кружки. Впервые значительное место вопросам политграмоты было уделено на VIII партконференции (декабрь 1919 г.). В своем докладе, посвященном данной проблеме, Бухарин, в частности, заявил, что прежде всего на данном этапе следует выдвинуть лозунг: «Не должно быть неграмотного коммуниста!» Однако, это — «самая примитивная задача» и далее необходимо наладить политучебу, изучение пока хотя бы краткого курса политической грамоты. При этом Бухарин подчеркнул, что рабочим совершенно не надо «проходить историю культуры по Липперту», «и все академические изыскания нужно исключить самым решительным образом из этого элементарного курса преподавания», а необходимо «в первую голову объяснить нашу программу, объяснить, что такое коммунизм»[5].

Принятая по докладу Бухарина резолюция партконференции давала четкие директивы по вопросам политического обучения. В частности, в ней указывалось: «Члены партии должны прослушать несколько основных и элементарных лекций, доступных широким массам. Темы этих лекций должны быть примерно таковыми: а) Что такое коммунизм? б) Путь к коммунизму, в) Почему у нас тяжело жить? г) Наша партия». Также в резолюции предписывалось организовать школы и курсы политической грамоты, для чего мобилизовать квалифицированных партийных публицистов с целью написания учебных пособий, приступить к выпуску специального журнала, использовать институт разъездных лекторов и др. Кроме

---

[3] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 595.

[4] Ярош Д. В. Исторический опыт идейной закалки коммунистов. 1921—1937. — М.: 1987. — С. 138.

[5] Восьмая Всероссийская конференция РКП (б). — С. 157.

того, в резолюции говорилось: «Члены партии должны сами приучаться к массовой работе по агитации: сюда относится мобилизация грамотных коммунистов для чтения газет и брошюр в лазаретах, клубах, обход квартир, распространение газет, плакатов, устройство на фабриках витрин и литературных столов, книгоношество по деревням и пр.»[6].

При этом Бухарин разъяснял, что не только на каждой фабрике должен быть оборудован «уголок, который является рассадником пропаганды и агитации», но и в квартирах граждан также следует создавать подобные «домовые клубы». В частности, он приводил пример, как в Петрограде парторганизация постановила, что в условиях нехватки топлива, «в каждом доме должна быть одна тепло нагретая комната, [которая] будет домовым клубом и будет опорным пунктом коммунистической пропаганды и агитации»[7].

X съезд РКП (б) поставил задачу «усиления и улучшения качества агитационно-пропагандистской работы партии»[8], высказавшись в том числе и за немедленное дальнейшее развитие системы партийного просвещения. В 1921 г. при Главполитпросвете была создана Центральная методическая комиссия, занимавшаяся организацией партийного образования. В декабре 1921 г. в ЦК РКП (б) состоялось совещание секретарей губкомов и обкомов партии по вопросам политпросвещения. На нем была отмечена необходимость «перехода к длительному, систематическому и углубленному поднятию уровня марксистского образования всей массы членов партии»[9]. Вопросы организации системы партийной учебы рассматривались на Всероссийской конференции работников совпартшкол и политпросветкурсов (декабрь 1921 г.), на XI съезде РКП (б), XI и XII всероссийских партконференциях, руководящие указания содержались в целом ряде циркуляров и других документов.

В частности, XI съезд (март 1922 г.) указал на «чрезвычайно низкий, в среднем, уровень политической подготовки членов партии», поставив задачу «систематического поднятия уровня политически-марксистского образования массы членов партии», которая «осуществляется главным образом системой партийных и советско-партийных школ — от школ политграмоты до высшей партийной шко-

[6] Восьмая Всероссийская конференция РКП (б). — С. 196–197.

[7] Там же. — С. 158.

[8] Десятый съезд РКП (б). — С. 571.

[9] Известия ЦК РКП (б). — 1922. — № 1. — С.43.

лы включительно»[10]. XII партконференция (август 1922 г.) отметила: «Ускоренная и усиленная подготовка свежих кадров работников для всех отраслей государственного строительства из среды РКП и РКСМ, систематическое развитие и улучшение просветительно-воспитательной работы партии над своими собственными членами является самыми насущными партийными задачами». Предписывалось «напрячь все силы на повышение политического уровня рядовых членов партии»[11]. XII съезд РКП (б) (апрель 1923 г.) принял решение о необходимости «завершения начатого объединения в единую согласованную систему всех отраслей компросвещения»[12].

В 1921—1923 гг. сформировалась трехзвенная система политической учебы. Начальное звено — учеба на партсобрании, школа политграмоты; среднее — марксистко-ленинские кружки, совпартшкола I и II ступени; высшее — коммунистический вуз.

2

Низшему звену политучебы большевики придавали очень большое значение. Резолюция XII съезда по этому поводу разъясняла: «Во всей системе компросвещения центральное место <...> должно занимать массовое начальное политическое просвещение в партийных школах и курсах политграмоты, в школах грамоты и политчасти Красной Армии, на делегатских собраниях работниц и крестьянок, на ликпунктах и школах малограмотных в городе и деревне. Начальное политическое просвещение внутри партии должно проводиться на основах результатов проверки политической грамотности членов партии, причем самой этой проверке следует придавать характер планомерно поставленной систематической работы по учету политических знаний и марксистской подготовки всех партийцев»[13].

Наиболее простой коллективной формой политучебы для членов партии были занятия на партсобраниях. С 1920 г. основным пособием для подобных занятий являлась «Азбука коммунизма» Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского[14], книга, которую Ленин назвал

[10] Одиннадцатый съезд РКП (б). — С. 600.

[11] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 673, 674.

[12] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 706.

[13] Там же.

14 Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы РКП (б). — 1921.

«в высшей степени ценной»[15]. Обычно ее просто читал пропагандист, хотя специальная инструкция по чтению «Азбуки коммунизма», выпущенная агитотделом Петроградского губкома в конце 1920 г., предписывала не ограничиваться этим, а требовать от слушателей ответов на вопросы, изложения материала и т.п.[16] Следует признать, что политучеба в форме зачитывания коммунистических истин приживалась в новой России достаточно непросто. Марксистские абстракции, имевшие мало общего с реальной действительностью, навевали на слушателей исключительную скуку, и они, как правило, не могли дождаться окончания такой учебы. «Справочник петроградского агитатора» писал в середине 1921 г., что она «превратилась в явление, которое не только не заинтересовало слушателей, но, наоборот, они считали чтение «Азбуки коммунизма» самой неприятной из партийных обязанностей»[17].

XI Всероссийская партконференция рекомендовала использовать для политической пропаганды на предприятиях так называемые партийные дни. Резолюция предлагала заполнять их «докладами и беседами на тему о текущих задачах партии, а равно о ее истории, победах, поражениях, о героях и мучениках и т. д. с тем, чтобы в этот день каждый член партии чувствовал себя борцом за великую идею и членом великой партии»[18].

В рамках борьбы за всеобщую партийную политграмоту большевистские лидеры стремились ввести в практику идеологическую опеку старыми членами партии молодых. Резолюция X съезда РКП (б) предписывала: «Все вновь поступившие члены должны быть разбиты на небольшие кружки и распределены для обработки между всеми ответственными работниками. Каждый старый коммунист должен нести личную ответственность перед партией за воспитание порученной ему группы молодых коммунистов»[19]. Соответственно, агитпропотдел Петроградского губкома принял решение к каждому партийцу с дооктябрьским стажем прикреплять 10 человек, вступивших в РКП (б) в 1920 г. и позже. В решении указывалось, что «главное внимание руководителей десятками должно быть обращено на личное сближение с товарищами его группы, на влияние на их образ жизни и воспитание их в коммунистическом духе»[20].

---

[15] Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов. Доклад ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике // ПСС. — Т. 42. — С. 157.

[16] ЦГАОР. — Ф. 9550. — Оп. 3. — Д. 831. — Л. 1.

[17] Справочник Петроградского агитатора. — 1921. — № 1. — С. 23.

[18] КПСС в резолюциях... — Т. 2. — С. 475.

[19] Десятый съезд РКП (б). — С. 572.

[20] Справочник Петроградского агитатора. — 1921. — № 1. — С. 24.

Для пропагандистской работы в сельской местности партийные комитеты посылали агитаторов из города. Еще VIII съезд в 1919 г. принял специальную резолюцию «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне», наметив самую широкую программу идеологической обработки населения, где, в частности, указывалось, что «в план просветительной деятельности в деревне должны входить в глубокой согласованности между собой: 1) коммунистическая пропаганда, 2) общее образование, 3) агрикультурное образование»[21]. X съезд с началом НЭПа предписывал активизировать эту работу, записав: «Партия должна усилить мобилизацию лучших агитационных сил в центре и на местах для выезда их в волости, деревни»[22]. XII съезд в 1923 г. в своей развернутой резолюции «По вопросам пропаганды, печати и агитации» уделил данному вопросу самое пристальное внимание, по сути дела, не оставив российской деревне никакой иной участи, кроме как подвергнуться самому массированному и неотвратимому коммунистическому перевоспитанию: «Выработка наиболее рациональных форм ликвидации [политнеграмотности], широкое развитие и использование в этих целях культурно-политического шефства над деревней партячеек крупных фабрично-заводских предприятий, совпартшкол, рабфаков и вузов, подготовка и использование для политического просвещения деревни наиболее близких к партии элементов сельского учительства, работников деревенской кооперации, агрономов и т. п. должны занять одно из виднейших мест в работе парторганизаций прежде всего земледельческих районов»[23].

Для обеспечения пропагандистской работы в провинции большевики проводили регулярные мобилизации соответствующих кадров. XII съезд предписывал: «Необходимо систематически развивать уже практикующиеся командировки квалифицированных лекторов из Москвы в провинцию, а также из областных и губернских центров в уезды и волости с целью обслуживания потребностей массовой пропаганды»[24]. На местах эти установки мало-помалу действительно претворялись в жизнь. Так, например, 8 августа 1923 г. Севзапбюро приняло решение посылать лекторов-коммунистов не реже 1 раза в месяц на 7—10 дней в каждую губернию региона для ведения в деревенских коммунистических ячейках и среди непартийного населения

[21] Восьмой съезд РКП (б). — С. 432.

[22] Десятый съезд РКП (б). — С. 571.

[23] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 707.

[24] Там же. — С. 709 —710.

идеологической работы[25]. Кроме того, обязательно вести в деревне агитпропработу предписывалось любому коммунисту, попавшему по той или иной надобности в сельскую местность. Существовали специальные методические указания, каким образом это успешнее можно делать. В одном из них говорилось: «Коммунист должен свои взгляды проповедовать среди беспартийных тружеников при всяком удобном случае. Огородные работы можно также использовать для агитации». Далее инструкция предупреждала, что беспартийные первым делом начинают говорить о нужде, дороговизне, неустроенности жизни и т.д. «Это не исключает, — гласила агитка, — а, наоборот, обязывает нас говорить и на общеполитические вопросы, пояснять общеклассовые задачи рабочих в данный момент <...> пытаться наболевшие нужды связать с общими вопросами экономического возрождения страны, укрепления Советского государства... усиления Коммунистической партии, профсоюзов и т. п.». Если же собеседник будет продолжать критиковать партию, то инструкция советовала «не горячиться, а спокойно разбивать все доводы, проводимые против нас. Стараться логикой, простотой, сердечностью, порой и шуткой переломить настроение»[26].

Сельским коммунистам рекомендовалось активно заниматься самообразованием. В Циркуляре ЦК РКП (б) от 17 августа 1923 г. им предлагалось организовываться в небольшие кружки при избах-читальнях, вовлекая в эту работу беспартийных. Кружки должны были держать письменную связь с губернскими консультационными бюро и следовать их указаниям[27].

Более высокой ступенькой в системе политучебы являлись партийные школы и школы политграмоты, основной задачей которых было обучение рабочих и крестьян элементарным марксистским политическим знаниям. В них обучались как члены РКП (б), так и беспартийные. Агитпроп ЦК в «Положении о городских вечерних школах политграмоты» определил, что главная задача таких учреждений — помочь курсантам осознать сущность и закономерность политического и хозяйственного строя Советской России, во-вторых, получить представление о путях развития от советского строя к коммунизму[28]. Школы

[25] РЦХИДНИ. — Ф.17. — Оп. 60. — Д. 634. — Л. 21.

[26] Петроградская правда. — 1922. — 12 мая.

[27] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 634. — Л. 29.

[28] Невельсон С. Итоги работы в области ликвидации политической неграмотности // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923. — С. 96.

политграмоты стали открываться в массовом количестве с осени 1921 г. Например, Петроградский губком постановил открыть школы политграмоты на всех крупных промышленных предприятиях.

В августе 1921 г. ЦК РКП (б) утвердил единый учебный план и программу для школ подобного типа. Циркуляр ЦК от 31 января 1922 г. предписывал «для прохождения курса школ политграмоты принудительно, в порядке партийной дисциплины привлечь через ячейки основные массы членов партии»[29]. Таким же мобилизационным порядком предлагалось привлекать и лекторов из числа партийных работников.

Низшая партшкола имела обычно продолжительность курса 44–48 часов, то есть два-три месяца. Занятия проходили в нерабочее время от 1 до 3 раз в неделю. Программа предусматривала 2 вводные лекции о происхождении Земли и человека, курс по политической экономии, истории РКП (б), коммунистической теории, Конституции РСФСР, материал по Новой экономической политике. Для партшкол была разработана подробная система ведения документации и отчетности. В частности, анкета ежемесячного отчета включала 15 вопросов относительно всех сторон жизни школы[30].

К сентябрю 1922 г. политшколы открылись на 43 предприятиях Петрограда, где занимались 908 человек[31]. После XI съезда РКП (б) на средних и мелких предприятиях стали организовываться кружки политграмоты с сокращенной программой. К концу 1922–1923 учебного года в Петрограде всего действовало 257 школ и кружков политграмоты, в которых числилось 9784 человека[32]. В губерниях Северо-Запада в августе 1923 г. партшколы и школы политграмоты распределялись следующим образом: Псковская — 19, Новгородская — 12, Череповецкая — 8, Каркоммуна — 8, Мурманская — 3[33].

Существовали аналогичные учебные заведения и в системе Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ). В целом по стране в системе политобразования к концу 1923 г. занималось более 80 % комсомольцев города и 53 % — деревни[34]. В Петрограде в марте 1922 г. работало 3 дневные школы (160 человек) и 6 вечерних (140 человек)[35].

---

[29] Правда. — 1922. — 31 января.

[30] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 634. — Л. 10.

[31] Сборник материалов... — Вып. 5. — С. 17.

[32] Сборник материалов... — Вып. 6. — С.7–8.

[33] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 634. — Л. 32.

34 Лейкин А.Н. Указ. соч. — С. 149.

[35] Юный пролетарий. — 1922. — № 1–2.

Кроме того, еще 19 школ действовали при комсомольских организациях. В них обучалось 348 комсомольцев. В уездах Петроградской губернии было открыто 9 молодежных секций при совпартшколах с числом слушателей 164 человека. Для сельских комсомольцев устраивались двух- и трехнедельные курсы-съезды. Весной 1922 г. здесь действовало 5 таких курсов с охватом 59 человек[36]. Программа молодежных школ была по тематике близка программе партийной школы.

В Петрограде теми или иными формами политучебы низшего звена к концу 1923 г. было охвачено, по официальным данным, до 30 % всех коммунистов, в губернии — до 10 %[37]. Однако следует учитывать, что списочный состав учащихся не отражал истинной величины охвата. В действительности она была меньше, так как привлеченные в порядке партийной дисциплины коммунисты занятия посещали нередко с перерывами или вообще прогуливали. К концу учебного года курса отсев учащихся обычно составлял третью часть от первоначального количества[38]. В одном из отчетов Василеостровского района Петрограда за 1922 г. говорилось: «Необходимо отметить определенное пассивное отношение широкой массы членов партии, не желающих посещать школы, ссылаясь на материальные затруднения, недостаток времени, дальность жительства, семейное положение и т. п.»[39].

Работник Главполитпросвета С. Невельсон, занимавшийся непосредственно политшколами, писал: «В школу политграмоты рабочая масса, как партийная, так и беспартийная, жаждущая получить знания, запишется, а после 3–4 занятий и глаз не кажет»[40].

Такую ситуацию связывали с целым рядом причин, в частности, с отсутствием в программе политшкол общеобразовательных предметов, которые действительно хотели бы, как правило, изучать учащиеся вместо большевистской схоластики в виде противоречий капитализма, прелестей коммунизма и формулировок Программы РКП (б). Невельсон по этому поводу писал: «Слушатели политшкол, не имеющие общеобразовательной подготовки, обречены на механическое заучивание положений, развиваемых программой. <...> Школы политграмоты не удовлетворяют членов партии и беспартийных слушателей своей оторванностью от общего образования»[41].

---

[36] Идеи партии — в массы. — С. 80.

[37] Справочник партийного работника. — Вып. 4. — М.: 1924. — С. 163.

[38] ЦГАИД. — Ф. 16. — Оп. 9. — Д. 9397. — Л. 14.

[39] Сборник материалов... — Вып. 5. — С. 82.

[40] Невельсон С. Указ. соч. — С. 97.

[41] Там же. — С. 103.

Нередко на уроках раздавались требования учащихся к преподавателю: учите нас тому, чему господа в гимназиях обучались! Однако это расходилось с позицией официальной большевистской пропаганды. Кроме «Азбуки коммунизма» в политшколах чаще всего использовались «Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах» А. А. Богданова, его же «Краткий курс экономической науки», ряд брошюр Ленина, в частности, «О продналоге», «Книга по политграмоте» Коваленко, «Основные моменты истории нашей партии» Бубнова и др.

Также проблематичным был подбор преподавательских кадров в политшколах. Специальных лекторов здесь не было, практически все привлекались в порядке партийной дисциплины по совместительству с управленческими партийными и советскими должностями. Подготовка таких кадров была слабая, и не случайно, что часто они были способны лишь читать или пересказывать большевистский официоз.

Проблему слабой посещаемости политзанятий партийные комитеты пытались решать несколькими путями: во-первых, руководителям политшкол ставилась задача находить действительно интересовавшихся политикой людей, а не записывать всех подряд; во-вторых, за счет улучшения преподавательского состава школ; в-третьих, партячейкам предписывалось усилить требовательность к своим членам в вопросах политучебы[42].

В апреле 1923 г. всего в стране работало порядка 2 тыс. школ и кружков политграмоты, где обучалось 53 тыс. учащихся[43]. Однако руководство агитпропа считало, что этого явно недостаточно и за неимением возможности создать в те годы более разветвленную сеть политучебы записало в резолюции XII съезда следующие констатации: «Глубокая тяга к знанию как среди членов партии, так и среди беспартийных рабочих и крестьян не укладывается, особенно в деревне, в современные рамки работы школ, клубов и кружков при них. Это выдвигает перед партией новую, до сих пор не обслуженную задачу: во-первых, постановки компросвещения членов партии на дому и, во-вторых, объединения и руководства работой органов Наркомпроса, профсоюзов и РКСМ над коммунистическим самообразованием трудящихся»[44].

---

[42] ЦГАИД. — Ф. 16. — Оп. 9. — Д. 9397. — Л. 14. Сборник материалов... — Вып. 5. — С. 82. Петроградская правда. — 1922. — 7 апреля.

[43] Бубнов А. Итоги и перспективы компросвещения. — С. 13.

[44] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 709.

3

Чему же конкретно учили на уроках политграмоты? Выше упоминалась «Азбука коммунизма» и говорилось о том, что ее чтение было одной из неприятных обязанностей обучающихся. Однако, учитывая ленинскую высокую оценку этой книги, а также то обстоятельство, что в 1920-х годах она оставалась одним из самых общеупотребительных учебных пособий в системе политучебы всех уровней, да и все другие учебники содержали практически те же самые положения, уместным будет привести ряд основных тезисов из этой работы. После этого станет хорошо видно, чему же обучали большевики народ, а также выявится убедительное доказательство того, что никакой НЭП ни на йоту не поколебал их основные взгляды на пути развития человеческого общества. Кроме того, «Азбука коммунизма» представляет интерес еще и потому, что фактически это был первый учебник по так называемому впоследствии научному коммунизму, и самое интересное заключается в том, что далее в советских вузовских учебных пособиях по марксизму-ленинизму все основные положения этого их предшественника остались практически неизменными, несмотря на то, что его авторы были объявлены изменниками и расстреляны в 1937 и 1938 гг.

В предисловии книги указывалось, что «Азбука коммунизма» должна быть первоначальным учебником коммунистической грамоты. «На нашу “Азбуку” мы смотрим как на элементарный курс, который нужно проходить в партийных школах»[45], — писали авторы учебника.

В главе «Капиталистический строй» обосновывалась его полная обреченность и неизбежность замены социализмом. Вот ряд приведенных там аргументов и выводов: «Простое товарное хозяйство таит в себе зародыш разорения одних и обогащение других». Основные противоречия капитализма таковы: здесь нет организованного производства и распределения продукта, а есть анархия производства, что проявляется в кризисах, конкуренции, войнах. Классы находятся постоянной, непримиримой, непрекращающейся вражде, или классовой войне. «Бедствия рабочего класса растут и растут вместе с развитием техники, которая при капитализме приносит вместо пользы для всех увеличение прибыли для капитала, безработицу и разорение для многих рабочих». Капиталистов становится все меньше, крупные пожирают мелких. Конкуренция с развитием ка-

[45] Бухарин Н., Преображенский Е. Указ. соч. — С. 5.

питализма по числу соперников уменьшается, но становится все жестче и разрушительнее. Налицо все большая концентрация капитала и производства, обострение классовых противоречий. Всему виной — частная собственность на средства производства и отсутствие плановой экономики. Противоречия нарастают и разрешаются пролетарской революцией. «Развитие капитализма не только создает врагов капитализма и не только ведет к коммунистической революции, но и создает еще экономическую основу для осуществления коммунистического строя»[46], — делали вывод авторы учебника.

А что это такое — коммунистический строй? Давался ответ: «Отличительными чертами коммунистического способа производства должны быть следующие признаки: 1. Это должно быть общество организованное: оно не должно иметь анархии производства, конкуренции частных предпринимателей, войн, кризисов. 2. Это должно быть общество бесклассовое, оно не должно состоять из вечно враждующих друг с другом половин, оно не должно быть обществом, где один класс эксплуатируется другим классом».

Как этого добиться? Авторы излагали центральное экономическое положение коммунистической доктрины следующим образом: «В основе коммунистического общества должна лежать общественная собственность на средства производства и обращения. Это значит, что машины, аппараты, паровозы, пароходы, фабричные здания, склады, элеваторы, рудники, телеграф и телефон, земля и рабочий скот — все это находится в распоряжении общества. Не отдельный капиталист, не союз отдельных богатых лиц владеет этими средствами, а все общество целиком... Даже не один класс является владельцем, а все люди, которые составляют общество... При таком условии общество превращается в громадную трудовую товарищескую артель»[47].

В книге также подчеркивалось, что в коммунистическом обществе нет конкуренции, нет рынка, а все народное хозяйство является одной громадной мастерской, которая работает по общему единому плану. «Коммунистический способ производства предполагает не производство на рынок, а производство для собственного потребления. Только здесь производит на самого себя не отдельный хозяин, не отдельный крестьянин, а вся эта громадная артель. Значит, здесь нет товаров, а есть только продукты. Эти производственные продукты не обмениваются друг на друга, их не покупают и не продают.

[46] Бухарин Н., Преображенский Е. Указ. соч. — С. 47.

[47] Там же. — С. 49.

Они просто поступают на общественные склады, а потом их берут те, кому они нужны. Стало быть, и денег здесь не нужно будет»[48].

Но не станут ли тогда многие злоупотреблять и работать мало, а брать продуктов много? Бухарин и Преображенский этим не смущались, а писали, что на первых порах, может быть, в течение нескольких десятков лет придется применять определенные правила распределения, например, когда «продукты получаются только теми, у кого есть отметки в трудовой книжке или кто предъявил трудовой талон». Впоследствии же, по мнению большевиков, этого не понадобится, так как «всякого продукта будет очень много <...> и можно будет каждому предоставить брать, сколько ему будет нужно»[49]. То есть сначала будет действовать принцип «от каждого по способностям, каждому по труду», а затем — «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

А если кто-то все-таки захочет взять побольше и продать подороже тому, у кого этого продукта не оказалось? «Азбука коммунизма» отвечает: «Продать излишек тоже нет интереса: ведь каждый и так может взять, да и деньги тогда не будут цениться. <...> Всего будет в изобилии»[50].

А как же тогда быть с тем, что все люди имеют очень разные способности, образование, квалификацию и, соответственно, будут занимать не одинаковое положение в этой единой фабрике, а, следовательно, неравенство будет сохраняться и развиваться? Вот как отвечала на этот вопрос «Азбука коммунизма»: «Товарищеский характер коммунистического производства появляется и во всех подробностях организации этого производства. При коммунизме, например, не будет постоянных управляющих заводами или лиц, всю свою жизнь занимающихся одним и тем же трудом. <...> Тут все люди получили разностороннее образование и знакомы с разными производствами: сегодня я управляю, подсчитывая, сколько нужно произвести на следующий месяц валяных сапог или французских булок; завтра я работаю на мыловаренном заводе, через неделю — может быть на общественных парниках, а еще через три дня — на электрической станции»[51].

Соответственно, с ликвидацией частной собственности и капиталистов уничтожается и эксплуатация человека человеком, деле-

[48] Бухарин Н., Преображенский Е. Указ. соч. — С. 50.

[49] Там же. — С. 51.

[50] Там же. — С. 51.

[51] Там же. — С. 49–50.

ние общества на классы. «Но если не будет классов, — писали авторы первого учебника по научному коммунизму, — то это значит, что в нем не будет также никакого государства. <...> Оно не нужно здесь, так как нет классовой борьбы, некого держать в узде и некому это делать»[52].

Однако кто же тогда здесь следит за порядком, да и вообще — планирует производство и распределение, управляет, одним словом? «Азбука коммунизма» указывала: «Главное руководство будет лежать в разного рода счетных конторах или статистических бюро. Там будет изо дня в день вестись учет всему производству и его потребностям, будет указываться также, куда нужно добавить рабочие руки, откуда убавить, сколько работать. И так как все будут с детства привычны к общему труду и понимать, что он нужен и что жить всего легче, когда все идет по рассчитанному плану, как по маслу, то все и работают, смотря по указаниям этих вычислительных бюро. Тут не нужно особых министров, полиции, тюрем, законов, декретов — ничего. Как в оркестре все смотрят на дирижерскую палочку и действуют, так и тут будут смотреть на расчетные таблицы и соответственно этому вести работу. Значит, тут никакого государства и нет. <...> К тому же в этих счетных бюро будут сегодня одни, а завтра — другие лица. Бюрократия, постоянное чиновничество исчезнут. Государство отомрет»[53].

Неужели можно серьезно верить в то, что люди так сильно изменятся, хотя бы даже в отдаленном будущем? Ответ был весьма оптимистичным: «Разумеется, так будет в развитом, окрепшем коммунистическом обществе, после полной и окончательной победы пролетариата. <...> Рабочему классу придется долго бороться со своими врагами, потом со всеми остатками прошлого: лодырничаньем, расхлябанностью, преступностью, барством, которые долго придется выколачивать. Поэтому пройдет смена двух-трех поколений, выросших при совсем новых условиях, пока исчезнет необходимость в законах и наказаниях, в подавлении рабочим государством всяких остатков капиталистической старины. <...> Через десяток-другой лет будет совсем иная земля, иные люди, иные нравы».[54]

Но все-таки вследствие чего же так увеличится производительность труда, что наступит изобилие продуктов? За счет чего разовьются производительные силы, если не будет ни материальной

[52] Бухарин Н., Преображенский Е. Указ. соч. — С. 51–52.

[53] Там же. — С. 52.

[54] Там же. — С. 52.

заинтересованности, ни эксплуатации, ни нужды, ни каких-то других реальных стимулов работать, а не прохлаждаться? «Во-первых, освободится громадное количество человеческой энергии, которое идет на классовую борьбу. <...> Во-вторых, сохраняются силы и средства, которые разрушаются или тратятся при конкуренции, кризисах, войнах. <...> В-третьих, организованность и целесообразный план не только предохраняют от лишних трат (тут сказывается то, что крупное производство всегда сберегает), но и позволяют улучшить всю постановку дела с технической стороны: производство будет вестись на самых крупных заводах, при помощи самых лучших технических средств. <...> Технические изобретения при коммунизме тоже двинутся вперед: ведь у всех будет хорошее образование и те, кто при капитализме гибнет от нужды, будут иметь полную возможность развернуть свои способности. В коммунистическом обществе исчезнет также паразитизм, то есть существование людей-паразитов, которые ничего не делают и живут за счет других. То, что в капиталистическом обществе прокучивалось, проедалось, пропивалось капиталистами, будет идти в коммунистическом обществе на производительные нужды. Капиталисты, их лакеи и дворяне, попы, проститутки и т.д. исчезнут и все члены общества будут заняты производительным трудом. Человечество начнет здесь впервые вести действительно разумную, а не зверскую жизнь»[55].

Таковы были основные положения «Азбуки» по поводу капитализма и коммунизма. Далее в течение почти 70-ти лет они служили незыблемой базой для гуманитарного образования советского человека. Можно ли было называть такое образование лучшим в мире, как это делали все время в СССР? Вопрос риторический. Но весь цивилизованный мир никак не мог воспринимать его всерьез.

4

Среднее звено системы партийного образования представляло собой советско-партийные школы I и II ступени и, в меньшей мере, приближавшиеся к ним по программе марксистские кружки углубленного типа. В первые послереволюционные годы сеть данных школ строилась достаточно стихийно, без единого учета и руководства. Если к концу 1920 г. совпартшколы существовали лишь в немногих городах, то к марту 1921 г. насчитывалось 36 губернских школ

[55] Бухарин Н., Преображенский Е. Указ. соч. — С. 53–54.

с 6 тыс. курсантами и 29 уездных с 4,5 тыс. человек. Как писал один из работников Главполитпросвета, в тот период «работа кипела. Это был период первоначальной организационной горячки. Почти каждый губком стремился открыть возможно больше партшкол»[56].

X Съезд РКП (б) дал директиву упорядочить этот процесс и «в каждом губернском городе иметь хорошо поставленную совпартшколу с двумя-тремя выпусками в год и не менее чем в половине уездов республики организовать уездные совпартшколы по сокращенной программе»[57]. При этом выпускникам совпартшкол придавалось действительно важнейшее значение. По сути, это создавался новый дворянский корпус: гвардия, бюрократия и опора большевистского режима. Резолюция I Всероссийского съезда совпартшкол (декабрь 1921 г.) определяла, что «советско-партийная школа имеет целью создание кадра совпартработников, могущих руководить важнейшими отраслями управления советского государства и партийного строительства»[58]. Председатель Главполитпросвета Крупская, в ведении которой находились совпартшколы, указывала, что они «должны давать сознательных, умеющих ориентироваться в окружающих условиях и текущих событиях коммунистов-практиков <...> офицеров коммунизма»[59]. Один из руководителей Главполитпросвета писал: «Едва ли нужно говорить о том значении, которые имеют совпартшколы для партии и советских органов на местах. Здесь их роль совершенно ясна — она та же, что роль школ командного состава для Красной Армии. <...> Та же задача — дать новые кадры красных командиров из рядов рабочих и крестьян. <...> Та же цель — подготовка и воспитание твердого бойца, способного вести за собой в бой то меньший, то больший отряд революционной армии»[60].

Наряду с этим из недр Главполитпросвета вышел и важнейший для всей системы советского образования тезис об универсальном значении опыта совпартшколы, которая призвана «выковывать в себе

[56] Рындич А. Наша сеть // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923. — С. 80.

[57] Десятый съезд РКП (б). — С. 572.

[58] Резолюция 1-го съезда совпартшкол // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923. — С. 133.

[59] Крупская Н. Методы преподавания в совпартшколах. // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923. — С. 9.

[60] Попов К. Совпартшкола в системе коммунистического просвещения // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923. — С. 3.

методы наипростейшего, приспособленного к взрослой рабоче-крестьянской аудитории усвоения людьми производственного труда основ марксизма», и что она «становится лабораторией по выработке наилучших методов марксистского просвещения трудящихся»[61]. Эта идея была узаконена в резолюции XII съезда РКП (б), которая указывала: «Все ценнейшие достижения совпартшкол, комуниверситетов и военно-политических школ в области методов учебной работы со взрослой рабоче-крестьянской аудиторией должны стать общим достоянием всех школ для взрослых»[62].

Совпартшколы I ступени являлись учебными заведениями для партийных и советских работников уездного уровня. Они имели обычно срок очного обучения от 3-х до 6-ти месяцев с отрывом от производства. Сюда принимались лица преимущественно физического труда или имеющие опыт советской, партийной либо профсоюзной работы, не моложе 18 лет[63]. Набор проходил по разверстке. Если после этого оставались свободные места, была возможна принудительная мобилизация членов партии или РКСМ. Курсанты получали обмундирование и паек, но их семьи никак не обеспечивались[64]. Школы имели два уклона — промышленно-рабочий и земледельческо-крестьянский. Для выпускников совпартшкол I ступени необходимо было уметь писать и читать, а также ориентироваться в вопросах пролетарской революции[65]. В Северо-Западном регионе в 1922 г. действовало 6 губернских, 20 уездных и 6 районных совпартшкол[66].

Совпартшколы II ступени готовили партийных работников уездного и частично губернского уровня и имели срок обучения 1 год. На Северо-Западе действовала одна такая школа в Петрограде. В совпартшколу II ступени принимались, как правило, лица пролетарского происхождения, не моложе 20 лет. Здесь 6 месяцев изучали теорию и 3 месяца специализировались на одном из отделений: экономическом, административно-правовом, политико-просветитель-

[61] Попов К. Совпартшкола в системе коммунистического просвещения // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923. — С. 5.

[62] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 708.

[63] Коммунистическое просвещение. — 1923. — № 2. — С. 156.

[64] Шарапов Ю. П. Указ. соч. — С. 55.

[65] Материалы к съезду совпартшкол // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923. — С. 123–124.

[66] Климов Ю. В. Указ. соч. — С. 88. Сборник материалов... — Вып. 3. — С. 10.

ном, партийном, лекторском. Для выпускника необходимо было уметь писать, бегло читать, излагать устно прочитанное, производить арифметические действия над целыми числами в пределах трехзначных[67].

Относительно методов построения программы в совпартшколах некоторое время велась дискуссия, главным образом по поводу общеобразовательных предметов. Одним из стойких противников насыщения ими программ совпартшкол была Крупская. Как основное требование к методике партийной учебы она выдвигала принцип «отсутствия перегрузки». Крупская иронизировала, что есть много интересного, чем можно было бы занять курсантов — от пчеловодства до изучения этики Канта и в буржуазных странах так и делается в народных университетах, чтобы отвлечь рабочих от политической борьбы. Однако, с ее точки зрения, важнее всего для советского работника было «заложить фундамент коммунистического миросозерцания». «Под этим углом надо пересмотреть не только состав предметов, но и содержание каждого предмета, каждой дисциплины, выбрасывая все то, что имеет чисто академический характер», — указывала председатель Главполитпросвета. — То же надо сделать и в отношении так называемых общеобразовательных предметов. Введение их необходимо лишь в той мере, поскольку это необходимо для [партийной и советской] работы... Нецелесообразно раздувать общеобразовательную часть, введя курс литературы, увеличивая до громадных размеров курс математики и т. д.»[68].

Особенно Крупская протестовала против литературы, истории, философии и других гуманитарных общеобразовательных предметов. В одной из своих статей она вспоминала, что в 1917–1919 годах существовали неконтролируемые большевиками частные народные университеты, привлекавшие многочисленных слушателей. Далее Крупская возмущалась: «Курс этих заведений был весьма неопределенным. Помнится, например, в витебском «народном университете» одному Пушкину было посвящено 12 лекций... Там обычно преподавали профессора или учителя средней школы, лекторы — люди весьма чуждые и прямо враждебные Советской власти. <...> Программы пестрили “историями общественной мысли”, “общими теориями права”, “философскими пропедевтиками” и т. д.».

[67] Материалы к съезду совпартшкол // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923. — С. 124.

[68] Крупская Н. Методы преподавания в совпартшколах // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923. — С. 12.

Крупская с удовлетворением заключала, что по мере обострения Гражданской войны эти народные университеты отмирали и на смену им пришли в 1920 г. совпартшколы[69]. В целом она предписывала в своих указаниях «ограничиться необходимым минимумом, дабы не упустить из виду основной задачи совпартшкол <...> и помнить всегда о вспомогательной роли общеобразовательных курсов в совпартшколах»[70]. (Также по инициативе Крупской в резолюции XI партконференции (декабрь 1921 г.) было записано: «Расширить сеть партийных школ за счет сокращения учебных заведений, не имеющих непосредственного воспитательного значения для рабочего класса, как например, театральные школы, школы изобразительных искусств и т.п. Для этой цели ЦК партии пересмотреть бюджет Главполитпросвета»[71].)

Вторая задача, согласно указаниям Крупской, заключалась в том, чтобы обнажить перед курсантами нити, связывающие сообщаемые знания с современностью. «Революционные переживания курсантов повышают чрезвычайно их интерес к занятиям, их внимание, укрепляют их волю. <...> Надо брать эмоцию за исходный пункт, показывать как, в какой мере предлагаемый курсанту материал связан с современностью, с практической деятельностью»[72], — писала Крупская.

И третья задача состояла в том, что изучаемый материал должен даваться в организованном виде. «Это значит, что мы должны давать факты в известной перспективе, расклассифицированными по известной системе», то есть в соответствии с диалектическим и историческим материализмом. «Такой метод подхода должен усваивать себе всякий марксист и это во сто раз важнее, чем схоластические споры о том, как точнее определить, что такое стоимость», — указывала Крупская[73]. При этом она специально оговаривала, что нецелесообразно использовать такую методику, когда даются несколько

[69] Крупская Н. Политико-просветительная работа. Сб. ст. (1920–1923). — М.: 1924. — С. 31.

[70] Крупская Н. Методы преподавания в совпартшколах. — С. 12.

[71] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 597.

[72] Крупская Н. Методы преподавания в совпартшколах. — С. 13.

[73] Любопытно, что здесь Крупская отмахивалась как раз от центрального вопроса всей истории экономической теории XIX и XX веков — как формируется ценность, или стоимость, товаров. Именно от понимания правильного ответа на этот вопрос и создания в обществе адекватных институтов зависит благополучие и здоровье той или иной экономической системы. (См. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. — Челябинск: 2005).

точек зрения и предлагается оценить их в сравнении. Крупская также отмечала, что поскольку «у рабочего человека преобладают конкретные формы мышления», то и метод диалектического материализма, который предполагает любое явление рассматривать в конкретной обстановке и в развитии, им усваивается весьма хорошо[74].

Что же касается лекционного метода, то его глава Главполитпросвета считала старопрофессорским, который следует дополнить семинарским. Крупская предлагала заимствовать американский опыт, в частности, «Долтоновский план», который предполагал четкую систему задач и учет их выполнения буквально посуточно.

В результате такого подхода программа совпартшколы включала в себя очень непродолжительный по времени блок общеобразовательных предметов (русский язык, арифметика, естествознание, география) и целый ряд обществоведческих марксистских курсов: история России от 1861 до 1917 г., история РКП (б), ход борьбы с контрреволюцией, диктатура пролетариата, коммунистическое общество, политика Советской власти, Программа и Устав РКП (б) и др.[75] В качестве учебных пособий использовались «Азбука коммунизма», История РКП (б) Г. Зиновьева, двухтомный «Курс политграмоты» А. Бердникова и Ф. Светлова и др. Также в той или иной мере привлекались популярные брошюры большевистских идеологов.

Относительно преподавательского состава совпартшкол «Вестник агитации и пропаганды» писал, что «для работы в партийно-советских школах не было, нет и быть не может иных лекторов и преподавателей, кроме вышедших из рядов партии, из ряда революционных рабочих и крестьян»[76]. На практике так было не всегда. Например, из шести преподавателей Лужской совпартшколы четыре имели университетское образование и лишь двое — партийное[77]. В декабре 1921 г. XI партконференция предписала «прикрепить к партийным школам постоянных лекторов»[78]. Циркуляр ЦК РКП (б) и Главполитпросвета от 12 февраля 1922 г. предписывал «прикрепить ответственных и достаточно подготовленных к теоретическим занятиям товарищей» с освобождением от всякой иной работы в губернские школы — по 3 человека, в уездные — по 2. Однако на практике ситуация с освобожденными преподавателями оставалась неудовлетворительной,

[74] Крупская Н. Методы преподавания в совпартшколах. — С. 14.

[75] Вестник агитации и пропаганды. — 1921. — № 11–12. — С. 66.

[76] Вестник агитации и пропаганды. — 1921. — № 22–23. — С. 33.

[77] Сборник материалов... — Вып. 4. — С. 91.

[78] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 596.

а поэтому вскоре вышел новый циркуляр, в котором говорилось, что «с занимаемых должностей работников совпартшкол снимать разрешается лишь в самых исключительных случаях и при условии замены их другими не менее равноценными»[79].

Проблему с кадрами удалось решить не сразу. В 1923 г. в материалах Главполитпросвета указывалось: «Недостаток преподавателей-коммунистов — одна из основных причин многочисленных недугов совпартшкол. <...> Лектора и кружковые руководители, мобилизованные для этой цели и работающие по совместительству, урывками, без подготовки за недостатком времени не могут вести надлежащую работу — таковы жалобы всех политпросветов». В материалах говорилось, что преподавателей просто нет, а есть налетчики, отбывающие повинность. Это приводит к тому, что курсант или бежит из школы (в 1922 г. утечка составила 50–60 %) или же пассивно отбывает повинность. И это в то время как «совпартшкола должна готовить революционера-профессионала, командный состав революции»[80].

В целом по стране партийный состав преподавателей на конец 1922 г. был таким. Среди обществоведов коммунисты — 60 %, из них с дореволюционным стажем — 8 %. Среди групповодов коммунистов 81 %, с дореволюционным стажем — 1 %. А из преподавателей общеобразовательных предметов в партии состояло только 7 %.

По социальному положению данные были таковы. Групповоды — 25 % из рабочих, 16 % — из крестьян, 7 % — из мелких служащих и 52 % — из прочих. У обществоведов эти показатели были соответственно 7,5 %; 7,5 %; 5 % и 80 %. А общеобразовательные предметы находились в руках исключительно учителей бывших гимназий[81]. При этом показательно было то, что преподаватели-коммунисты учились в свое время в основном на красноармейских курсах.

Однако проблемой было не только комплектование совпартшкол учителями, но и курсантами. Работник Главполитпросвета отмечал: «Нередко случалось, что организации присылали в принудительном порядке совершенно случайный элемент, лишь бы выполнить разверстку. Бывало, что в число командированных попадали сокращенные, оказавшиеся безработными по случаю сокращения штатов совучреждений, интересовавшиеся совпартшколой постольку, поскольку она давала им приют»[82].

---

[79] Рындич А. Указ. соч. — С. 82.

[80] Там же.

[81] Там же. — С. 83.

[82] Там же. — С. 85.

В 1923 г. созыву курсантов стали предшествовать газетные агитационные компании, отбор, выезды на места. И тем не менее, в начале 1920-х годов дисциплина среди курсантов совпартшкол была еще слабой. В целом, к концу курса отсев обычно составлял половину первоначального состава и более. Так, в Псковской совпартшколе в 1922 г. из принятых 237 человек к концу курса осталось лишь 94. Остальные либо сами забрали документы, либо были отчислены за непосещаемость[83]. Работники агитотдела Петроградского губкома считали, что «это объясняется по всей вероятности перегруженностью работой коммунистов, их некоторой усталостью, а частью и отсутствием стремления к знанию, а также не совсем удачным подбором пропагандистских лекторских сил»[84].

Ниже приводятся возрастной, социальный и партийный состав курсантов в целом по России[85].

Возрастной состав курсантов (в процентах)

	I ступени	II ступени
До 18 лет	45,5	30
19–21	33	38
22–24	13	17
25–30	6,5	11
31–35	1,2	3
Свыше 35	0,8	1

Социальный состав курсантов (в процентах)

	I ступени	II ступени
Рабочие	44	37
Крестьяне	44	46
Служащие, интеллигенция	12	17

[83] Кротов Ф. Г. Указ. соч. — С. 85.

[84] Сборник материалов... — Вып. 4. — С. 12.

[85] Рындич А. Указ. соч. — С. 86.

Партийный состав курсантов (в процентах)

	I ступени	II ступени
РКП	20	32
Кандидат в РКП	6	11
РКСМ	42	36
Беспартийный	32	21

В апреле 1923 г. всего в стране действовало 275 совпартшкол I и II ступени, где обучалось 20 тыс. курсантов[86].

5

Высшим звеном партийного образования являлись коммунистические университеты. В 1922 г. их было всего в стране 10, а в Петрограде — 2: Коммунистический университет им. Г. Е. Зиновьева и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. Зиновьевский университет был открыт в ноябре 1921 г. В вузе имелось два вида обучения: трехгодичный курс, готовивший кадры для высшего эшелона власти, и краткосрочный годовой курс. В марте 1922 г. в университете обучалось 926 человек, из которых около 800 проходили краткосрочный курс. Среди трехгодичников имелась лекторская группа, начавшая занятия еще летом 1921 г. и принимавшая активное участие в проведении учебного процесса на годичном потоке[87].

По условиям приема на трехгодичный курс должны были приниматься исключительно рабочие и крестьяне, не моложе 20 лет, имеющие 2 года партстажа в РКП (б) и владеющие элементарными знаниями в области коммунистической теории[88]. На годичный курс — преимущественно рабочие и крестьяне, не моложе 18 лет, грамотные. Все курсанты должны были иметь рекомендации уездных парткомов. Набор осуществлялся по разверстке[89].

На практике данные по социальному происхождению и уровню образования принятых в 1922 г. курсантов в целом по университету выглядели следующим образом. Социальное происхождение: рабо-

[86] Бубнов А. Итоги и перспективы компросвещения. — С. 13.

[87] ЦГАИД. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 2391. — Л. 19.

[88] РЦХИДНИ. — Ф.17. — Оп. 60. — Д. 70. — Л. 1.

[89] Там же. — Л. 3.

чие — 47,7 %, крестьяне — 24,1 %, служащие (полуфизического труда) — 20,5 %, интеллигенты — 7,7 %. Образование: среднее (законченное и незаконченное) — 29,4 %, начальное (в том числе незаконченное) — 67,3 %, никакого — 3,3 %. Состояли в рядах РКП (б) — 17,5 %. По национальности превалировали русские — 80,2 % и евреи — 8 %[90].

Программы комвузов включали в себя небольшой курс естествознания и общественные науки. Две трети учебного времени было отведено для теоретических занятий и одна треть — для практической подготовки по избранной специальности. Выпускники комуниверситетов должны были уметь писать, бегло читать, письменно излагать свои мысли, производить арифметические действия над целыми числами и дробями, а также было «желательно знакомство с зачатками физической географии»[91]. Общественным наукам курсанты учились по следующей литературе: «Краткий курс экономических наук» А. А. Богданова, «История в самом сжатом очерке» М. П. Покровского, «Основные моменты в истории нашей партии» А. С. Бубнова, «Государство и революция» Ленина, «Конституция РСФСР» П. И. Стучки, «Очерк истории социал-демократии в России» Н. Н. Батурина и др.

В декабре 1922 г. состоялась I Всероссийская конференция комуниверситетов, на которой были приняты основные принципы типового учебного плана, методов занятий и др. В апреле 1923 г. всего в стране действовало 12 комвузов с 6,5 тыс. студентами[92].

В 1923 г. с развитием внутрипартийной борьбы часть курсантов комвузов увлеклась ультралевыми (троцкистскими) политическими настроениями. XIII съезд РКП (б) отразил это в своих материалах, подчеркнув, что в высших партийных учебных заведениях имеются условия, порождающие «чуждые пролетарской идеологии настроения и уклоны и податливость влиянию мелкобуржуазной стихии»[93]. В августе 1923 г. агитколлегия Севзапбюро постановила пересмотреть преподавательский состав университета им. Зиновьева, учитывая прежде всего политические позиции преподавателей[94].

Для подготовки научно-пропагандистских кадров в начале 20-х годов был создан ряд специальных учебных заведений. В феврале

---

[90] ЦГАИД. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 2391. — Л. 18.

[91] Материалы к съезду совпартшкол // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923. — С. 124.

[92] Бубнов А. Итоги и перспективы компросвещения. — С. 13.

[93] КПСС в резолюциях... — Т. 3. — С. 268.

[94] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 634. — Л. 25.

1921 г. в Москве и Петрограде были образованы Институты красной профессуры. При Зиновьевском комуниверситете с июня 1922 г. стал действовать Научно-исследовательский институт с тремя отделениями: исторический материализм, история РКП (б) и политэкономия.

В целом, как видно из приведенных сведений о совпартшколах и комуниверситетов, это было даже не эрзац-образование, а полное отсутствие какого-либо образования вообще. Курсантов совпартшкол едва обучали письму, чтению и арифметическому счету. На этом общеобразовательная часть заканчивалась, остальное время шло простое начетническое натаскивание на схоластические марксистские схемы. Далее получивший такие знания человек отправлялся руководить, вершить суд и дело, решать вопросы, властвовать, делать советскую карьеру. Естественно, что эти недоучки строили затем страну по своему образу и подобию.

В последующие годы советского периода формы партийной учебы менялись, но оставались заложенные Лениным принципы: монопольное положение одной идеологии, подчинение учебных учреждений системы политучебы парткомам, унификация программ и обязательное санкционирование их центральными партийными органами, размещение школ политграмоты низшего звена по предприятиям, стремление к обязательности посещения занятий каждым коммунистом и допустимость применения методов принуждения в этом, классовый подход в подборе учащихся. Такая система политучебы являлась одним из ярких проявлений складывавшегося коммунистического тоталитаризма и в то же время его важнейшей опорой.

6

Однако одной системе партийной учебы было бы не решить задачу массового перевода общественного сознания на основы марксизма-ленинизма. Большевики прекрасно понимали, что им необходимо превратить в надежного проводника своей идеологии всю систему народного образования. Старую дореволюционную школу, гимназию Ленин ненавидел какой-то просто непостижимой лютой ненавистью, несмотря на то, что сам он в свое время был очень успешным гимназистом, круглым отличником и более того, сыном инспектора и директора народных училищ, который беззаветно любил свою работу.

В 1908 г. в царской России был принят закон о введении обязательного начального образования. С 1902 по 1912 гг. финансирование системы народного просвещения выросло на 216 %. В 1915 г. 51 % всех детей в возрасте 8–11 лет получили начальное образование, а 68 % рекрутов умели читать и писать. Один из английских наблюдателей отмечал важную особенность русской школы — высокие моральные и профессиональные качества учителя: «Наиболее распространенный тип среди русских преподавателей — тип идеалиста. Преданный своему делу и неутомимый, когда нужно помочь ученикам, это подлинный учитель молодежи»[95].

Однако Ленин считал, что при капитализме школа вся пропитана классовым духом и здесь все поставлено так, чтобы «дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих»[96], «покорных и расторопных слуг»[97]. Дореволюционные и зарубежные учебники он называл «старым буржуазным хламом»[98]. Про школьных преподавателей Ленин до революции любил писать жалостливые сентенции, вроде того, что в стране наблюдается «самый бесшабашный, самый бесстыдный, самый отвратительный произвол правительства в обращении с учителями»[99]. Но когда после Октября и принятия в сентябре 1918 г. нового закона о школе подавляющая масса учителей не поддержала программу подчинения школы партийному государству, его возмущению не было конца, и он разогнал созданный еще в 1905 г. Всероссийский учительский союз, охарактеризовав учительство как «организацию, в громадном большинстве, если не целиком стоящую на платформе, враждебной Советской власти»[100].

При этом Ленин поставил задачу «воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом

[95] Цит. по: Геллер М., Некрич А. История России. — Т. 1. — С. 11–12.

[96] Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению // ПСС. — Т. 37. — С. 77.

[97] Ленин В. И. Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов // ПСС. — Т. 37. — С. 431.

[98] Ленин В. И. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП (б) на XI Съезде РКП (б) // ПСС. — Т. 45. — С. 119.

[99] Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения // ПСС. — Т. 23. — С. 129.

[100] Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения // ПСС. — Т. 39. — С. 132.

коммунизма»[101]. Резолюция VIII съезда РКП (б) (1919 г.) прямо предписывала: «Учителя обязаны рассматривать себя как агентов не только общего, но и коммунистического просвещения. В этом отношении они должны быть подчинены не только контролю своих непосредственных центров, но и местных партийных организаций»[102].

Ленин указывал, что «школа должна быть <...> проводником принципов коммунизма»[103]. «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали», которая «подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата <...> выводится из интересов классовой борьбы пролетариата», — учил лидер большевиков[104].

Нарком просвещения А.В.Луначарский увлеченно выводил новые диалектические образовательные формулы: «Только коммунистическая школа дает настоящее не классовое, общечеловеческое воспитание, и чем она более коммунистичная, более партийная, тем более она становится объективной, подлинно человеческой»[105].

На уровне начальной и средней общеобразовательной школы большевикам многое удалось сделать в рамках своих целей уже в донэповский период. Декретом от 9 ноября 1917 года была организована Государственная комиссия по просвещению, которая занялась разработкой основ строительства новой системы народного образования. Началось разрушение старой школы. Управление начальными и средними учебными заведениями на местах передавалось Советам. В январе 1918 года были ликвидированы учебные округа, упразднены должности директоров и инспекторов народных училищ. 5 июня 1918 г. был принят декрет СНК о передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению всех без исключения учебных и общеобразовательных учреждений и заведений.

30 сентября 1918 года был подписан декрет ВЦИК «Положение об единой трудовой школе РСФСР». Ликвидировались все атрибуты старой школы: экзамены, уроки, задания на дом, латынь, ученическая форма. Само слово «учитель» отменялось, он становился

---

[101] Ленин В. И. Речь на всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // ПСС. — Т. 41. — С. 405.

[102] Восьмой съезд РКП (б). — С. 433.

[103] Ленин В. И. Проект Программы РКП (б) // ПСС. — Т. 38. — С. 95.

[104] Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // ПСС. — Т. 41. — С. 309.

[105] Луначарский А. В. Основы просветительной политики Советской власти. — М.: 1924. — С. 6.

«школьным работником» — шкрабом. Руководство школой осуществлялось теперь школьным советом, включающим всех «шкрабов», представителей учеников (с двенадцатилетнего возраста), трудового населения и отдела народного образования.

В 1918 г. на Съезде работников народного просвещения заведующая отделом социального обеспечения Петроградского совета Злата Лилина (супруга Зиновьева) заявила: «Мы должны создать из молодого поколения поколение коммунистов. Мы должны из детей — ибо они подобно воску поддаются влиянию — сделать настоящих, хороших коммунистов... Мы должны изъять детей из-под грубого влияния семьи. Мы должны их взять на учет, скажем прямо — национализировать. С первых же дней их жизни они будут находиться под благотворным влиянием коммунистических детских садов и школ. Здесь они воспримут азбуку коммунизма. Здесь они вырастут настоящими коммунистами»[106].

Принятая в марте 1919 г. Программа партии гласила: «В области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 года дело превращения школы <...> в орудие коммунистического перерождения общества»[107].

В период Гражданской войны старая система школьного образования была окончательно развалена. Вместо нее в начале 1920-х годов возник некий конгломерат разнородных учебных заведений, как то: школа первой ступени (по сути начальная), школа второй ступени, концентры первой и второй ступени, школа рабочих подростков, фабзавуч, профтехшкола, рабфак. В 1921 г., по данным Луначарского, школу первой ступени посещали 70 % всех детей, а второй — лишь 10 %, «и только потому, что нет оборудованных школ»[108].

В начале 20-х годов большевики активизировали идейно-политическое завоевание школы. В 1921 г. ЦК РКП (б) принял постановление «О работе среди работников просвещения». Всем коммунистам из системы народного образования было предписано войти в Союз работников просвещения и всемерно содействовать органам пропаганды и агитации[109]. В Петрограде и губернии при отделах наробраза были организованы марксистские кружки.

---

[106] Цит. по: Геллер М. Указ. соч. — С. 64.

[107] Восьмой съезд РКП (б). — С. 400.

[108] Луначарский А. В. Основы просветительной политики Советской власти. — С. 6.

[109] Известия ЦК РКП (б). — 1921. — № 34. — С. 10.

В провинции учителя были во всем зависимы от местных властей. «Новые члены волисполкомов, — писал «Псковский набат», — признает необходимым держать под строгим контролем волисполкомов учительство, а также влить в него побольше людей из пролетарской и крестьянской среды»[110].

Школьные программы полностью переводились на коммунистическую платформу, а с 1922 г. в общеобразовательных школах 2-й ступени и в 7-х классах других школ и ФЗУ были введены и специальные уроки политграмоты. В первой половине 1923 г. Петроградский губком организовал курсы переподготовки преподавателей, на которых получили уроки марксистских политических знаний около 13 тыс. учителей города и губернии[111]. В школах, по мере вступления преподавателей в партию, образовывались ячейки РКП (б), которые во всех школьных делах стали играть решающую роль. В январе 1925 г. в Петрограде по инициативе и под контролем губкома состоялась общегородская конференция учителей, продемонстрировавшая свою полную солидарность с большевистской партией и проводимой ею политикой в сфере народного образования[112].

Практически уже к середине 1920-х годов начальная и средняя школы были в Советской России большевизированы и превращены в фабрики по производству марксистов, ленинцев и сталинцев. Школа стала важнейшим звеном коммунистической системы идеологической обработки населения. Закачивая вместе с букварем в человека коммунистические ценности и установки, тоталитаристское государство начинало писать свои очерки истории уже практически на чистом листе общественного сознания.

7

Сложнее шел процесс большевизации высшей школы. В 1921 г. в вузах были еще сильны оппозиционные настроения. На совещании заведующих агитотделами губкомов и отделов Северо-Запада (декабрь 1921 г.) отмечалось, что «в настоящее время именно высшие учебные заведения стали вроде контрреволюционных гнезд»[113]. В начале 20-х годов большевики провели большую и многоплано-

[110] Псковский набат. — 1921. — 25 сентября.

[111] ЦГАИД. — Ф. 16. — Оп. 9. — Д. 9397. — Л. 12.

[112] Петроградская правда. — 1925. — 21 января.

[113] ЦГАИД. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 2380.

вую работу по организационному и идейному подчинению высшей школы. Ее законодательной базой явилось постановление СНК от 2 сентября 1921 г. «О высших учебных заведениях РСФСР», подписанное Лениным, и выработанный на его основе новый Устав высшей школы, метко названный делегатом XI съезда РКП (б) С. С. Иоффе «Октябрем высших учебных заведений»[114]. Согласно этим документам, автономия вузов отменялась. В основу приема абитуриентов был положен классовый принцип. В первую очередь принимались лица рабоче-крестьянского происхождения по направлению партийных, комсомольских и профсоюзных организаций (вступительные экзамены были отменены еще декретом СНК от 2 августа 1918 г.). «На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии»[115], — написал сам Ленин в проекте одного из документов.

Введение в действие новых правил вызвало протест в вузах, кульминацией которого стала забастовка профессоров Москвы, Петрограда, Казани и ряда других городов в январе–феврале 1922 г. Это побудило большевиков ужесточить кадровую политику в высшей школе. Еще в январе 1921 г. первое партийное совещание по вопросам народного образования постановило немедленно начать замену в вузах представителей буржуазной идеологии подготовленной партийной молодежью. От старых профессоров требовались лояльность к Советской власти и переход на марксистские позиции. Ленин, рассматривая перевоспитание буржуазных специалистов как одну из форм классовой борьбы, неоднократно давал указание Наркомпроссу требовать от профессоров сдачи экзамена по марксистскому минимуму[116]. В начале 1922 г. он негодовал по поводу того, что в «государственных школах и университетах учат (вернее развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу»[117]. В том же году большая группа профессоров была отстранена от преподавательской работы. Среди них были профессора Петроградского университета Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин,

[114] Одиннадцатый съезд РКП (б). — С. 94.

[115] Ленин В. И. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР. Проект постановления СНК // ПСС. — Т. 37. — С. 34.

[116] Очерки истории идеологической деятельности КПСС. — С. 202.

[117] Ленин В. И. Предисловие к книге И.И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» // ПСС. — Т. 45. — С. 52.

П. А. Сорокин, С. А. Аскольдов, С. Л. Франк и др. — то есть самый цвет русской философской мысли XX века.

В борьбе с оппозиционными преподавателями большевики активно использовали тех работников вузов, которые согласились сотрудничать с Советской властью. В мае 1921 г. 24 преподавателя Петроградского университета, назвав себя группой «красных профессоров», стали пропагандировать необходимость преподавания общественных наук на основе марксизма[118]. В начале 1922 г. там же образовалась группа «левой профессуры», в которую вошли и «красные профессора». По предложению уполномоченного Наркомпроса И. И. Невского, она распространила свою деятельность на все вузы Петрограда. С момента образования по февраль 1923 г. численность группы «левой профессуры» возросла с двух десятков до 131 человека[119]. Ее представителем являлся ректор ПГУ Н. С. Державин, активное участие в работе принимали М. В. Серебряков, Н. А. Градескул, С. И. Канатчиков, И. В. Егоров, И. И. Невский и др.[120]

«Левая профессура» издавала некоторое время журнал «Красный студент», выступала с публичными пропагандистскими лекциями. 30 сентября 1922 г. группа организовала большой митинг революционного студенчества в Народном доме с участием 5 тыс. человек. 29 января 1923 г. прошел еще один митинг, посвященный событиям в Руре (Германия). Группа левой профессуры учредила 3 стипендии лучшим студентам Петрограда[121].

В целом, влияние «левых профессоров» на преподавательскую и студенческую среду в начале 20-х годов было еще невелико. В марте 1923 г. организатор большевистской ячейки Петроградского университета в своем отчете писал: «Левая коммунистическая профессура <...> не блещет талантами, но тем не менее все-таки с белыми борьбу ведет, иногда довольно успешно, но большого влияния на студенческие массы она не производит. <...> Нет крупных теоретических сил»[122]. В то же время левые профессора были той опорой большевиков среди преподавательского состава, благодаря которой им удавалось все более расширять свое влияние в вузах.

---

[118] Шилов Л. А. Группа петроградской левой профессуры (1921–1923) // Вестник ЛГУ. — 1967. — № 4. — С. 31.

[119] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 220. — Л. 30.

[120] Клушин В. И. Первые ученые марксисты Петрограда. — Л.: 1971. — С. 79.

[121] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 220. — Л. 37.

[122] Там же. — Л. 17.

В студенческой среде большевики опирались прежде всего на рабфаковцев. Рабочие факультеты при вузах стали создаваться с 1919 г. в качестве двухгодичных подготовительных учебных подразделений для рабочих и крестьян. В 1922–1923 учебном году на 87 рабфаках страны обучалось более 27 тыс. человек[123]. В Петрограде количество рабфаков возросло с 4 в 1920 г. до 12 в 1923, где обучалось 4,5 тыс. человек[124]. В 1922–1923 годах рабфаковцы стали занимать все более ведущее положение в жизни вузов. Это было возможно как вследствие прямой их поддержки партийными и государственными руководящими органами, так и ввиду того, что студенты рабочих факультетов составляли значительную часть в вузовских партячейках.

П. Н. Милюков писал в «Последних новостях»: «Огромное большинство слушателей рабфаков — зарекомендованные коммунисты, люди, не приспособленные ни к каким занятиям, влекомые в рабфаки лишь ради привилегии и пайка или же специально посланные РКП. И вот все эти подчас полуграмотные, почти всегда грубые люди призваны властью играть роль жандармов в стенах высшей школы»[125].

Благодаря рабфакам социальный состав вузов постепенно менялся. В 1924 г. 48,5 % ленинградских студентов составляли уже рабочие и крестьяне. Среди принятых в 1924–1925 учебном году 49,7% были коммунисты и комсомольцы[126]. Классовый подход не мог не вести к ухудшению качества выпускаемых специалистов. На совещании вузовских ячеек при ЦК РКП (б), прошедшем в начале 1925 г., отмечалось: «Мы должны справедливо сказать, что наши студенты коммунисты действительно не учатся и отстают, а потом ссылаются, что беспартийная профессура не любит студентов-коммунистов»[127].

По отношению к неугодным для партийных органов студентам применялись в том числе репрессивные меры. В 1921–1922 учебном году бюро по работе со студенчеством при Петроградском губкоме дало с его согласия инструкцию вузовским комячейкам снять с продовольственного пайка антибольшевистски настроенных студентов, придав «этому снятию характер политической чистки студенчества»[128]. В письме предписывалось формировать новые органы

[123] Лейкин А. Н. Указ. соч. — С. 163.

[124] Сборник материалов... — Вып. 4. — С. 23.

[125] Последние новости. — 1922. — 22 января.

[126] Сборник материалов... — Вып. 8. — Л.: 1925. — С. 112.

[127] Цит. по: Шарапов Ю. П. Указ. соч. — С. 100.

[128] Сборник материалов... — Вып. 4. — С. 24.

студенческого самоуправления по принципу обязательного большинства в них коммунистов.

В марте 1923 г. партийный организатор Петроградского университета сообщал в ЦК, что в университете в руках большевиков уже касса взаимопомощи, землячества, профсоюз и в значительной степени академические секции[129].

В исследуемый период претерпели кардинальные изменения и вузовские программы обучения. В марте 1921 г. СНК РСФСР ввел в вузах изучение обязательного минимума общественных дисциплин, в который вошли исторический материализм, история пролетарской революции, политический строй РСФСР, организация производства и распределения в РСФСР, план ГОЭРЛО. Осенью следующего года в этот список были включены основы диалектического материализма, Конституция РСФСР, а с 1924 г. — история большевистской партии.

В апреле 1921 г. постановлением СНК в российских университетах были упразднены историко-филологические факультеты и образованы факультеты общественных наук с отделениями: экономическое, правовое, общественно-педагогическое. В резолюции XII съезда РКП (б) говорилось: «Каковы бы ни были основные задачи каждого типа школы, в частности, вузов и техникумов, она, вырабатывая специалиста в той или иной отрасли строительства, в то же время должна готовить в его лице общественно-политического работника, вооруженного теорией марксизма»[130].

В целом было бы неправильно заключить, что уже в первые годы НЭПа высшая школа была полностью большевизирована. Однако в 1921–1923 гг. большевики приняли уже необходимые для ее подчинения законодательные акты, устранили наиболее влиятельных оппозиционных профессоров и студентов, захватили в свои руки органы самоуправления, стремительно пролетаризировали социальный состав студенчества через рабфаки. Старая российская высшая школа была уже полностью обречена на уничтожение. Важнейшей функцией новой системы высшего образования становилась идейно-политическая обработка студентов.

[129] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 220. — Л. 17.

[130] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 708.

Глава 10

Ты не сыта, но ты не раба, ты рада

Но ведь чувствуют себя, сознают свою индивидуальность — только засоренный глаз, нарывающий палец, больной зуб: здоровый глаз, палец, зуб — их будто и нет. Разве не ясно, что личное сознание — это только болезнь.

Евгений Замятин, «Мы»

1

Важное значение в большевистской системе идеологической обработки населения играла деятельность различного рода культурно-просветительных учреждений: клубов, библиотек, изб-читален, пунктов по ликвидации безграмотности и т.п. «Мы по всей линии просветительской работы не можем стоять на старой точке аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой»[1], — указывал Ленин. Разумеется, называть клуб или библиотеку, распространяющие тоталитарную, отрицающую общечеловеческие ценности идеологию, культурно-просветительным учреждением вряд ли правильно. И тем не менее не будем менять привычную сложившуюся терминологию.

Значительную роль в культурно-массовой работе играли различного рода клубы и народные дома, существовавшие при партийных комитетах, на предприятиях, по месту жительства и т.д. Все они, согласно «Положению о единой сети и типах клубов РСФСР», принятому Главполитпросветом 28 сентября 1921 г., в оперативном плане подчинялись клубным отделам политико-просветительных комитетов при исполкомах. Основной задачей клубов являлась массовая коммунистическая пропаганда, и в этом смысле поднятие культурного уровня трудящихся масс. В резолюции XII съезда РКП (б),

[1] Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // ПСС. — Т. 41. — С. 399.

в частности, указывалось: «Клубы должны быть превращены в действительные центры массовой пропаганды. <...> Парткомы должны объединить под своим руководством клубную работу политпросветов отделов народного образования, культотделов профсоюзов, политпросветов РКСМ и политотделов Красной Армии»[2].

В связи с переводом в 1921 г. большей части культпросветучреждений на местный бюджет у клубных работников возникли большие финансовые затруднения. Из-за этого сеть быстро сокращалась. Так, по 29 губерниям страны в 1920 г. насчитывалось 4 тыс. клубов и народных домов, в конце 1921 г. — 6,7, а в конце 1922 г. — 1,5 тыс.[3] Поиски средств часто приводили к практике платных мероприятий, направленных, говоря словами одного из циркуляров РКП (б), «к запросам и требованиям мелкобуржуазной, мещанской массы»[4]. В качестве примера такой тенденции можно рассматривать деятельность клуба «Отдых пролетариата», работавшего при железнодорожной типографии в здании бывшей церкви Министерства путей сообщения на Фонтанке, д. 115.

Организатор работы клуба А. Шонин вспоминал, что различного рода лекции посещались рабочими неохотно, а вот постановка спектаклей их интересовала. Но где взять денег для артистов? Их давала работа буфета, но если в нем не было пива, многие рабочие, естественно, не желали смотреть спектакль. «И вот, — писал в мемуарах А. Шонин, — по-первости, пока не привыкли к клубу рабочие, нам приходилось вышибать клин клином — борясь с пьянством, продавать в буфете пиво. Эта мера, хотя и некрасивая, все же многих удерживала, и они вместо того, чтобы просидеть в пивной, приходили с женами в клуб»[5].

Кроме продажи спиртных напитков в клубах стали устраивать танцы, лотереи, фривольные представления, показы бульварных зарубежных фильмов и другие, по большевистским понятиям, буржуазные мероприятия. Эти кафешантанные тенденции вызвали крайнее беспокойство партийного руководства. Крупская позднее так оценивала ситуацию с клубными учреждениями в первый год НЭПа: «В клубах махровым цветком распустилась халтура. <...> Некоторая часть из них превратилась в рестораны, трактиры, биллиардные,

[2] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 707.

[3] Агитационно-пропагандистская работа Главполитпросвета. Материалы к XII Съезду партии. — М.: 1923. — С. 6.

[4] Цит. по: Очерки истории идеологической... — С. 179.

[5] ЦГАИД. — Ф. 4000. — Оп. 5. — Д. 3079. — Л. 4.

другая часть — в концертные и театральные залы с танцами»[6]. В январе 1922 г. ЦК РКП (б) ввиду «потери клубами их положительного значения в рабочей массе» постановил в своем циркуляре «взяться за регулирование коммерческих тенденций в работе всех клубных учреждений»[7]. Местным органам власти и парткомам ставилась задача проявлять больше внимания к работе культпросветучреждений, помогая им в финансовых, кадровых и идеологических вопросах. В дальнейшем временная либерализация в деятельности клубов, имевшая место в 1921–1922 гг., быстро сменилась все нараставшей советской официозностью.

В целом в исследуемый период в работе клубных учреждений использовались такие формы агитации и пропаганды, как лекция, диспут, вечера вопросов и ответов, политические театрализованные представления, политические суды, устные газеты, вечера воспоминаний и др. Весьма интересной и характерной для начала 20-х годов формой пропаганды были политсуды. В 1921–1923 гг. в петроградских клубах прошли подобные мероприятия на темы: «Суд над деятелями 9 января 1905 г.», «Суд над Чичериным за признание долгов», «Современная женщина под судом», «Суд над коммунистом, венчавшимся в церкви», «Любовь и верность», «Суд над коммунистом, жена которого торгует на рынке», «Суд над предпринимателем, нарушающим советское законодательство» и др.[8]

В Мурманске в 1921 г. прошло несколько политико-литературных судов, где разбирались произведения некоторых авторов и делался вывод относительно того, буржуазный это писатель или пролетарский[9]. 3 июля 1921 г. в кинотеатре г. Новгорода «Заря» прошла инсценировка «Общественный суд над отделом по отделению церкви от государства». Газета сообщала, что публики в зале было довольно много и якобы даже имелись просьбы о повторении спектакля[10]. В г. Луге 1 января 1922 г. прошел даже инсценированный процесс над Советской властью за голод в Поволжье[11]. Источник не сообщал результаты суда, но, судя по тогдашней пропагандистской компании в печати по поводу голода, можно смело предположить, что Советская власть получила на данном «процессе» полное оправдание

[6] Агитационно-пропагандистская работа Главполитпросвета. — С. 30.

[7] Там же. Мамай Н. Указ. соч. — С. 102.

[8] Петроградская правда. — 1922. — 6 апреля, 9 мая.

[9] Полярная правда. — 1921. — 23 апреля.

[10] Звезда. — 1921. — 7 июля.

[11] Сборник материалов... — Вып. 4. — С. 111.

и удовлетворение. Собственно, только для этого и мог быть организован такой балаган.

Режиссура политических театрализованных судов предусматривала обычно участие в представлении действующих лиц, присущих настоящему уголовному суду, и свойственную ему форму. Сценарий, как правило, писался заранее и выучивался профессиональными или самодеятельными актерами. Публика активно и эмоционально реагировала на сценическое действие своими репликами. Политсуды носили явно популистский характер и поэтому привлекали достаточно большое количество зрителей. Понятно, что людей из социальных низов заинтересовывала необычность подобного рода зрелищ и возможность почувствовать идейно-комфортную психологическую ситуацию, ибо сценарий и писался как раз в расчете на это. По всей видимости, пропагандистский эффект политсудов на низкообразованные слои населения был весьма высок, так как политические установки имели здесь образную и привлекательную форму. Впрочем, периодичность таких мероприятий была невелика, они проводились от случая к случаю, несколько раз в год. Как известно, впоследствии все эти наработки были использованы Сталиным для проведения показательных и уже совершенно нешутейных судов над своими бывшими политическими соратниками и другими неугодными коммунистическому режиму людьми.

Близкой к политсуду формой пропаганды была постановка политического театрализованного спектакля. Этим, например, активно занималась Петроградская театрально-драмматическая мастерская Красной армии. Ею были поставлены такие представления как «Свержение самодержавия», «Кровавое воскресенье», «Красный год», пантомимы «Гимн освобожденному труду», «Взятие Зимнего дворца» и др.[12] Секретарь Б. Рассела Д. Блек, специалист в области народного образования, посмотрев пантомиму «Гимн освобожденному труду», которая игралась на ступенях Петроградской биржи, писала: «Спектакль в целом производил почти опьяняющее действие... Зрелище продолжалось 5 часов и приводило к эмоциональному истощению». Воздавая должное размаху, величию и эффективности подобных мероприятий, Блек, тем не менее, заключала: «Такое коммунистическое просвещение представляется мне злом, потому что все делается эмоционально и фанатично, с опорой скорее на ненависть и милитаристский

[12] Виноградов-Мамонт Н.Г. Красноармейское чудо. — Л.: 1972. — С. 36.

угар, чем на разумные начала. Оно сковывает свободный ум и разрушает инициативу»[13].

Из других наиболее влиятельных форм клубной пропагандистской работы надо отметить лекции и деятельность кружков. Лекции и доклады собирали, как правило, несколько более образованную часть населения. Наиболее многолюдными в это время были выступления на тему сменовеховства, роли религии и церкви в жизни общества, о международном положении и др. Марксистский дискуссионный клуб при Псковском губкоме РКП (б) проводил в среднем по одной лекции в неделю[14]. Летом 1921 г. в том же городе по воскресеньям в городском саду устраивалась устная газета. «Псковский набат» писал, что такая форма пропаганды «должна в значительной степени заменить наши митинги, многим порядком приевшиеся»[15].

Вот, например, один из рекомендованных для устных газет памфлетов в стихах «Как рабочие и крестьяне с НЭПом управляются». В нем рассказывалось, как поднялся, разжирел на волне НЭПа купчина-нэпман, но объединившиеся в «потребилку» (потребительскую кооперацию) трудящиеся сначала оставили его без покупателей, а потом и вовсе разорили, и он вынужден был устроиться на работу мелким бухгалтером.

Стихи заканчивались так:

А купец? В страхкассе были?
В уголочке за столом
Притулился червь-червем,
Копит книги в переплетах,
Да, счелкаючи на счетах
Хоть и помнит свой урон,
Знай, помалкивает он.
От отдела бы труда
Не нагрянула б беда.
Зададут леща и только
И вертись того, изволь-ка,
Хоть с мальчишками вставай,
Папиросы продавай[16].

---

[13] Рассел Б. Указ. соч. — С. 37.

[14] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 97. — Л. 31.

[15] Псковский набат. — 1921. — 15 июля.

[16] Гавриков. Как рабочие и крестьяне с НЭПом управляются (Песни пролетария-кооператора). — М.: 1924.

Следует заметить, что в клубной работе большевики не исключали метода принуждения. Например, члены дискуссионного клуба при Петроградском губкоме должны были обязательно являться на проводимые в нем мероприятия.

При клубах часто действовали кружки. В январе 1923 г. при петроградских клубных учреждениях по официальным данным насчитывалось 373 кружка, из которых 213 были литературно-художественными, 57 — политграмоты, 31 — прикладных знаний, 19 — спортивными и 53 — иными[17]. Как видно, отнюдь не все кружки имели политический характер, однако, разумеется, занимаясь даже хотя бы в спортивной секции, человек неизбежно испытывал на себе прямое и агрессивное воздействие большевистской пропаганды. Это происходило, например, за счет наглядно-агитационных материалов, заполнявших клуб в виде лозунгов, плакатов, стенгазет, портретов классиков марксизма и большевистских вождей и т.д.

Политический плакат большевиков в начале 1920-х годов был обычно резким, бескомпромиссным и упрощенным для восприятия. Вот описание широко демонстрировавшегося в середине 1922 г. в связи с процессом над эсерами плаката. В верхних углах листа изображены два гроба, в которых лежат убитые большевистские лидеры Моисей Володарский и Моисей Урицкий. Ниже написано: «Перешагнем через смрадный труп эсеро-меньшевистской контрреволюции к единому международному рабочему фронту». В других местах плаката были схематично изображены разрушенный мост, расстрелянные люди, пуля, ранившая Ленина, а также еще два лозунга, по стилю аналогичные первому[18].

Другой плакат, например, изображал великана-империалиста в образе лорда Керзона, держащего веревку с петлей и табличкой «Made in England для России». Рядом был нарисован русский карлик-эмигрант, стоящий на стопке журналов «Последние новости», «Дни», «Социалистический вестник» и др. Он подает империалисту мыло, и целуя ему руку говорит: «Вашш... сияссь... С мыльцем-то оно сподобнее... Удостойте принять!» Карикатура называлась «Патриотический порыв»[19].

Сплошь и рядом большевистские плакаты буквально вдалбливали в голову человека в самых разных вариациях одну главную мысль:

---

[17] Коммунистическое просвещение. — 1923. — № 2. — С. 104.

[18] О большевистском плакате см. альбом «Сердцем слушая революцию». — М.: 1992.

[19] Ефимов Б. Карикатуры. Предисловие Л. Троцкого. — М.: 1924.

как плохо было раньше при капиталистическом строе и как хорошо должно быть теперь и в будущем при социалистическом. Вот, например, плакат, изображавший два поезда. Над одним написано: «Для чего служил транспорт при царском режиме», над другим: «Для чего он служит при советской власти». У вагонов первого состава были надписи: «Для погребения заживо лучших сынов народа», «Для затемнения классового сознания», «Для буржуазной наживы», «Для роскоши генералов, помещиков и капиталистов», «Для поощрения разврата». У вагонов второго состава надписи были иные: «Для съездов рабочих и крестьян», «Для защиты рабоче-крестьянской власти от мировых хищников-капиталистов», «Для просвещения народа», «Для снабжения трудящихся продовольствием», «Для снабжения рабочих и крестьян орудиями производства», «Для раскрепощения женщин-работниц». Внизу плаката шел лозунг: «Товарищи железнодорожники! При капиталистическом строе вы работали до упада сил для блага и роскоши помещика, купца и генерала. Теперь же вы своим трудом куете счастье миллионам трудового народа. Каждый лишний взмах молота приближает день мировой революции»[20].

В заводских клубах пытались вводить новые формы празднования каких-либо важных для отдельных людей событий в их жизни. Например, устраивались «красные крестины» («октябрины»), «комсомольские свадьбы» и др. На «октябринах» в присутствии сотрудников и руководителей предприятия новорожденному давалось имя, родители принимали поздравления и подарки. Речи при этом бывали, как правило, сильно политизированными. Идеологизации подвергались и имена. Именно с начала 1920-х годов достаточно широкое распространение получили Кимы, Владлены, Рэмы и т. д.[21]

Клубная политико-пропагандистская работа охватывала не только городские слои населения, но и в определенной степени и сельские. Деревенские клубы было принято называть народными домами. В октябре 1921 г. всего по стране их приходилось порядка 9 на уезд. К октябрю 1922 г. эта цифра сократилась до 2,7, но затем начала опять расти. Главполитпросвет принял планы довести ее в ближайший год примерно до 4-х нардомов на уезд[22]. На Северо-Западе ситуация была лучше средней. Например, в селе Полново Демянского уезда Новгородской губернии в бывшем здании трактира в 1921 г.

[20] Наука и жизнь. — 1966. — № 8.

[21] Подробнее см. Без ретуши. — Т. 1. — Л.: 1992. — С. 87–89.

[22] Агитационно-пропагандистская работа Главполитпросвета. — С. 28–29.

был устроен даже народный театр[23]. В деревне Хрепло Новгородского уезда в помещении, где раньше располагалось гумно агрономического пункта, действовал театральный кружок[24].

В сельских народных домах проводились агитационные собрания, лекции, силами приезжих и частично местных самодеятельных артистов, чаще всего в дни праздников, устраивались агитационно-пропагандистские постановки и другие мероприятия. Главполитпросветом выпускались специальные сборники по клубной работе в деревне, включая сценарии театрализованных постановок. Учитывая, что это была весьма показательная и действенная форма идеологической обработки населения, приведем ряд примеров таких инсценировок.

В постановке с симптоматичным названием «Прежде и теперь» на сцене сооружались декорации площади в селе с кабаком и церковью. Первая картина изображала ситуацию «прежде», то есть до революции. Компания подвыпивших крестьянских парней и девок поет песню на мотив «Яблочка»:

Эх, водочка, разлюбезная,
Наболевшей душе преполезная,
Не глубок-от стакан, дремлют жилочки,
Потяни-ка, Степан, из бутылочки,
Затопи-ка тоску полной чаркою,
Запоешь, заведешь песни жаркие,
Веселись, не хочу, будь здоровенький,
За гульбу заплачу рупь целковенький.

На площади разыгрывается действие, где старуха идет в церковь, Ванька-оборванец спит на земле и его пинает помещик и бьет урядник, крестьянин несет последние деньги в кабак, а его жена голосит и бежит следом. В целом, демонстрировалось, что жизнь в деревне до революции — это церковь, кабак, нищета крестьян, самоуправство полиции, спесь помещика. Действие доходит до пьяной драки — звучат бабий визг, крики обезумевших людей, возгласы: «Убили!», стоны, вопли. Наконец свет гаснет, опускается занавес.

Вторая картина, показывающая «теперь», начинается с выхода рабочего, который декламирует:

[23] Звезда. — 1921. — 6 июля.

[24] Звезда. — 1921. — 7 июля.

Не кошмарны ли призраки были,
И знакомый не страшен ли сон?
Но что было, то тлеет в могиле,
Гнет томящий пожаром сожжен.
Уж не будет к былому возврата,
Замурована к прошлому дверь.
Эй, забытые радостью хаты,
Покажите-ка ваше теперь!

Занавес поднимается. Вместо кабака изображена школа, вместо церкви — клуб. Участники былой попойки встают. Выходят рабочий, работница, красноармеец. Они выносят из клуба газеты, раздают их всем действующим лицам и зрителям. Красноармеец агитирует читать о новой жизни, о Советской власти. Из школы под звуки марша выходят дети, которые несут книги, тетради. Они поют песню о своем учении и счастливом детстве. Рабочий и работница читают стихи о новой жизни. В конце инсценировки все поют революционную песню[25].

Также заслуживает внимания сценарий постановки под названием «Красная троица». Общие указания к пьесе таковы: «Задача данного сценария показать, как в нашем народном празднике Троице сменились три наслоения: 1) языческие весенние обряды, 2) еврейский праздник пятидесятницы, 3) христианский праздник Сошествия Святого Духа. Этому религиозному содержанию Троицина дня сценарий противопоставляет новое «красное» значение — тройственный союз рабочего, крестьянина и красноармейца». Действие разыгрывается на открытом воздухе на сооруженном помосте. Действующие лица: 12 девушек и 2 парня в национальных нарядах, раввин, поп, 12 апостолов капитализма (соглашатель, царь, кулак, буржуй и др. типы дореволюционной России), а также рабочий, крестьянин и красноармеец.

Действие начинается с того, что раввин и поп пытаются подчинить себе языческий хоровод девушек и парней и дерутся друг с другом. Раввин вытаскивает огромные карикатурные скрижали завета с еврейскими буквами и читает попу заповеди. Тот в это время стоит, повернувшись спиной к зрителям и «ворочает задом».

Во время чтения заповедей из зала раздаются комментарии, например:

[25] Прежде и теперь. Деревенские постановки. — М.: 1923.

— Аз есмь Господь Бог твой и не будет у тебя иных богов кроме меня.

— (Голос из публики) Рубль целковый — вот господь бог ваш. Кроме него нет для вас ничего святого.

— Не прелюбы сотвори.

— Сие во святых обителях и архиерейских опочивальнях с особой строгостью блюдется.

— Не укради.

— Лицемеры! Вся жизнь ваша есть сплошное обворовывание и ближнего, и дальнего.

Поп уносит раввина и обращается к публике с молитвой. Но тут разухабисто выходят 12 апостолов капитализма под мотив Камаринской, каждый из них поет частушку про себя. Например, Кулак:

На тугом сижу, о братие, мешке,
У меня людишек стадо в кулаке,
Поприжму тебя — не охнешь, не вздохнешь,
И, апостольствуя, по миру пойдешь.

В итоге апостолов выгоняют рабочий, крестьянин и красноармеец, которые читают возвышенные стихи про трудящихся[26].

Клубная работа была организована и с нерусским населением в районах его компактного проживания. Формы ее были такие же, как и обычно, но на языках местных национальностей. Также при клубах и домах политпросвещения создавались молодежные секции. Существовали и специальные молодежные клубы. Так, в марте 1922 г. в Петрограде действовало 11 комсомольских клубных учреждений, при восьми из которых работали политические кружки, где занималось порядка 150 человек[27]. Наиболее известными петроградскими молодежными клубами были Центральный дом коммунистического воспитания им. М. Глерона и Клуб старой и молодой гвардии[28].

Большое значение большевики придавали работе с детьми. 19 мая 1922 г. Всероссийская конференция РКСМ приняла решение о со-

[26] Прежде и теперь. Деревенские постановки. — М.: 1923.

[27] Юный пролетарий. — 1922. — № 1–2. — С. 62.

[28] Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. — Л.: 1972. — С. 108.

здании пионерских отрядов. В Петрограде в начале декабря 1922 г. в помещении Клуба старой и молодой гвардии состоялось первое общегородское совместное собрание комсомольцев и пионеров. Вскоре были созданы пионерские отряды при Домпросвете им. Ленина, при типографии «Печатный двор» и ряде городских клубов. В начале 1923 г. в Петрограде насчитывалось порядка 700 пионеров, а через два года — уже 80 тыс.[29] То есть в вопросах привлечения к коммунистическому воспитанию детей большевики быстро и успешно поставили систему на поток.

Не оставили в покое от большевистских агиток и иностранцев, находившихся в России. Так, чтобы оказывать влияние на матросов зарубежных судов, агитотдел губкома организовал в 1921 г. в Петрограде Интернациональный клуб в порту. В нем распространялась литература на семи языках, организовывались митинги, концерты, экскурсии. За апрель-сентябрь 1921 г. через клуб прошло, согласно официальной статистике, 10 тыс. человек. В отчете агитотдела сообщалось, что пропаганда была налажена так хорошо[30], что судовладельцы стали набирать для своих судов команды из чернокожих ввиду их меньшей восприимчивости большевистскому влиянию.

Следует отметить, что культурно-просветительная работа других политических движений большевиками целенаправленно и агрессивно подавлялась. Так, в марте 1922 г. Агитпроп ЦК РКП (б), Главполитпросвет и ЦК РКСМ в совместном Циркуляре «Об отношении к культпросветам» предписывали местным органам власти распускать эсеровские культурно-просветительские кружки.

2

Очень значительным по важности каналом для коммунистической пропаганды являлись библиотеки. Крупская призывала «превратить библиотеку, даже самую маленькую в идеологический центр, помогающий делу строительства социализма»[31]. Резолюция XII съезда РКП (б) указывала: «В области партийно-библиотечного дела работа должна быть направлена по линии превращения партбиблиотек в живую систему партийно-просветительских учреждений,

[29] Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. — Л.: 1972. — С. 125.

[30] Справочник Петроградского агитатора. — 1921. — № 10. — С. 34.

[31] Крупская Н. К. Педагогические сочинения в 10 томах. — Т. 8. — М.: 1960. — С. 669.

непосредственно связанных с партийными и партийно-профсоюзными клубами и обслуживающих школы политграмоты, марксистские кружки и потребности коммунистического самообразования»[32].

В первые годы Советской власти большевики в массовом порядке реквизировали частные книжные собрания, передавая их в общественные учреждения, причем Ленин лично давал по этому поводу указания и уделял внимание этой работе[33]. В июне 1918 г. СНК принял написанное вождем постановление, где Наркомпросу ставилась на вид «недостаточность его забот о правильной постановке библиотечного дела в России»[34] и поручалось немедленно принять самые энергичные меры для его централизации.

В январе 1919 г. Ленин потребовал от библиотечного отдела Наркомпроса ежемесячно доставлять в СНК данные о проведении в жизнь этого постановления и о действительном расширении числа библиотек и читален[35]. А буквально через месяц он написал в Наркомпрос свои указания по организации библиотечного дела, которые включали постановку детальной и все охватывающей отчетности в работе отделов народного просвещения и самих библиотек. «В этих формулярах должны быть выделены те обязательные вопросы, за неответ на которые заведующие библиотеками отвечают по суду. А затем к этим обязательным ответам прибавить очень много необязательных ответов (в том смысле, что неответ на них не влечет предания суду обязательно)», — писал глава Советского правительства. За лучшие отчеты Ленин предложил награждать премиями, организовывая между библиотеками и губерниями соревнование[36]. В ноябре 1920 года Декретом СНК РСФСР библиотеки всех ведомств, учреждений и организаций связывались в единую сеть страны и передавались в ведение Главполитпросвета.

С переходом к НЭПу их число стало стремительно сокращаться. Снятые с государственного федерального финансирования библиотеки закрывались, потому что в местных бюджетах денег для их содержания обычно не находилось. Если в январе 1922 г. в Петрограде

[32] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 715.

[33] Ленин В.И. В библиотечный отдел Комиссариата народного просвещения // ПСС. — Т. 50. — С. 231.

[34] Ленин В. И. О постановке библиотечного дела // ПСС. — Т. 36. — С. 422.

[35] Ленин В. И. О положении библиотечного дела // ПСС. — Т. 37. — С. 470.

[36] Ленин В. И. В народный комиссариат просвещения // ПСС. — Т. 37. — С. 474–477.

и губернии их было 400, то в марте того же года — лишь 250[37]. Череповецкая газета «Коммунист» признавала, что «НЭП подошел к этому вопросу слишком по-хозяйски, смахнув весь лишний балласт и весьма больно хлестнув даже самое необходимое»[38]. В целом по 29 губерниям страны в 1920 г. было 14,9 тыс. библиотек, в конце 1921 г. — 8,4, а в конце 1922 г. — 3,7 тыс.[39] Крупская в докладе Съезду политпросветов в ноябре 1922 г. сетовала: «У нас с легким сердцем вычеркнули всю ту работу, которая была проделана за эти пять лет. Библиотеки, над которыми так много работали, ныне сплошь и рядом закрываются»[40].

В 1922 г. для изыскания средств на поддержку библиотек в ряде из них стали предприниматься попытки введения платных услуг. Однако Главполитпросвет эту инициативу не поддержал. «Никаких частных, никаких платных библиотек, зоркий политический контроль над использованием книжного богатства», — такова была позиция Крупской, которая указывала: «Рецепт для скорейшего изживания катастрофы в библиотечном деле опять тот же: достать непосредственно из местного бюджета больше средств или же перевести библиотеки на содержание разных предприятий и учреждений. Получив твердый финансовый фундамент, библиотеки могут быстро развернуть громадную просветительную работу»[41]. То есть идеологическая обработка населения должна была производиться за его же счет. Желающих или нежелающих платить за это деньги не спрашивали. Начиная с 1923 г., библиотечная сеть стала расти, однако даже еще в 1928 г. в России было в 2 раза меньше библиотек, чем до революции[42].

Насколько большевики панически боялись распространения в Советской России инакомыслия, показывает их отношение к книгам и периодическим изданиям, не соответствующим коммунистической идеологии. 5 октября 1923 г. вышел Циркуляр ЦК РКП (б) «Об усилении партийного влияния на работу библиотек». Документ предусматривал создание библиотечных комиссий при агитотделах парткомов, в задачу которых входило политическое руководство

[37] ЦГАИД. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 2381. — Л. 32.

[38] Коммунист. — 1922. — 29 июля.

[39] Агитационно-пропагандистская работа Главполитпросвета. — С. 6.

[40] Там же. — С. 25.

[41] Там же. — С. 27.

[42] Там же.

деятельностью библиотек[43]. В том же году прошла их чистка. Из фондов изымалась и уничтожалась (или передавалась в спецхраны) литература, противоречащая большевизму, в частности, книги идеалистического, религиозного, антисоветского, а также «бульварного» характера. Сколь своеобразными были взгляды большевиков на критерии бульварности, показывает тот факт, что в «Правде» приключения Шерлока Холмса были названы книгой «самого худшего пошиба»[44]. (По этому поводу академик Александр Яковлев справедливо подмечал: «Фашисты демонстративно сжигали книги на площадях, коммунисты сожгли их в сотни раз больше, но тайно, по списочкам, с обязательной точностью. Кстати, сжигание книг, прежде всего Библии, Корана, произведений Достоевского, сотен других авторов, началось по инициативе Крупской»[45].)

Также был практически закрыт ввоз книг, газет и журналов из-за границы. Согласно Постановлению Оргбюро ЦК РКП (б) от 10 фев-раля 1922 г. из-за рубежа разрешалось ввозить лишь такую литературу, которая сочувственно высказывалась о советской власти и коммунизме. Контрреволюционные издания выписывались в очень ограниченном количестве для высших идеологических работников партии и в открытые библиотечные фонды не поступали[46]. При ЦК РКП (б) существовала Комиссия по распределению иностранных газет, которая решала, кому можно позволить читать зарубежную прессу. Даже Президиум ВСНХ вынужден был в мае 1921 г. официально просить ЦК РКП (б) включить его в число учреждений, имеющих право получать иностранные издания[47].

Таким образом, основной формой пропагандистского влияния на массы через библиотеки был соответствующий целенаправленный выбор литературы, когда читатель лишался возможности получить информацию об иных идеологических взглядах. Даже для высокопоставленных большевистских работников уже в начале 1920-х годов становился все более затруднительным доступ к мировой некоммунистической литературе. В 1923 г. отнюдь не все номера эмигрантской прессы выдавались партийным аппаратчикам свободно, а вскоре и вместо самих изданий можно было получить лишь специ-

[43] См. Ремизова Т. А. Указ. соч. — С. 208.

[44] Правда. — 1922. — 25 января.

[45] Яковлев А. Указ. соч. — С. 6.

[46] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 44. — Л. 107.

[47] Там же. — Л. 3.

ально составленные обзоры с соответственно подобранными цитатами и выдержками[48].

Проводилась соответствующая идеологическая работа и с библиотекарями с целью сделать их активными и убежденными проводниками большевистской политики. С 1921 г. в Петрограде стало практиковаться инструктирование заведующих районными и уездными библиотеками путем двухнедельных занятий. В курс обучения входили неизменная политграмота и библиотечная техника. В том же году была издана брошюра «Краткое руководство библиотечного дела»[49].

Особо следует сказать о сельских библиотеках или, как их тогда называли, избах-читальнях, ибо в исследуемый период они являлись главными постоянными агитационно-пропагандистскими учреждениями на селе. Крупская указывала по этому поводу: «Первичной ячейкой политпросветработы в деревне является изба-читальня. Основная ее задача — обслуживать население газетой. Организовать регулярное получение газеты и ее чтение вслух для неграмотных, организовать получение передвижной библиотеки, устроить обсуждение прочитанного, беседу на специальную тему, например, разъяснение декрета, разбудить интерес, подучить грамоте. Вот основные функции этого опорного пункта. <...> Сделать избу-читальню вообще активным центром духовной жизни селения»[50].

28 сентября 1921 г. Главполитпросвет утвердил «Положение об избе-читальне». Основными задачами этого учреждения были определены «борьба с мелко-буржуазными взглядами на жизнь путем перевоспитания трудового элемента в коммунистическом духе», поднятие культурного уровня населения, ознакомление крестьян с деятельностью Советской власти, содействие улучшению сельского хозяйства и др.[51] XI съезд РКП (б) постановил в своей резолюции «О печати и пропаганде» поставить избы-читальни «в центре всей политико-просветительной работы в деревне»[52]. XII съезд подтвердил этот подход, предписав «установить в каждой губернии твердую сеть изб-читален, содержимых на местные средства, в количестве не менее одной на волость, привлекать к их содержанию сельские общества, кооперацию и хозорганы, улучшить подбор работников

[48] Валентинов Н. Указ. соч. — С. 296.

[49] Сборник материалов... — Вып. 3. — С. 12.

[50] Крупская. Н. К. Политико-просветительная работа. — С. 10.

[51] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 54. — Л. 8.

[52] Одиннадцатый съезд РКП (б). — С. 602.

изб-читален, организовав их подготовку в совпартшколах»[53]. Вокруг сельских библиотек надлежало выстраивать работу ликпунктов и школ малограмотных для начального политпросвещения крестьянства. Для их работы предписывалось использовать в том числе шефство города над деревней и объединить все имеющиеся местные ресурсы. В одном из постановлений Севзапбюро говорилось: «Для того, чтобы превратить избу-читальню в оплот коммунистического просвещения в деревне, необходимо сплотить вокруг нее все силы местной ячейки, комсомола, женотдела и т.д.»[54].

В первой половине 1922 г. количество сельских библиотек резко сократилось. Например, в Северо-Западном регионе оно уменьшилось на 60–70 %[55]. Крупская по этому поводу констатировала: «Стоило отнять государственные средства — и избы-читальни перестают существовать за ничтожными исключениями. <...> Никакой связи у изб-читален с окружающим населением не было создано». То есть председатель Главполитпросвета вынуждена была признать, что пока государство содержало избу-читальню, население в той или иной степени пользовалось «даровым удовольствием». Но когда крестьянам было предложено содержать библиотеку и выписывать литературу за свой счет, они в массовом порядке отказались от этого, в принципе, не особо нужного им удовольствия. «Избы-читальни в сознании крестьянина не стали еще необходимостью. Они не смогли еще привязать и приучить этого крестьянина к газете и книге настолько, чтобы он стал добровольно тратиться на эту потребность. Надо начинать сначала!»[56], — подчеркивала Крупская.

«Приучение» крестьянина к большевистской пропаганде было усилено, и с середины 1922 г. года сеть изб-читален стала возрастать. При этом большевики взяли курс на равномерность распределения сельских библиотек. Так, в середине 1923 г. на коллегии агитотдела Севзапбюро было принято решение о создании сети из расчета 1 библиотека на волость[57].

Помимо выдачи книг избы-читальни организовывали лекции. Так, в ноябре 1921 г. в уездах Новгородской губернии работало

---

[53] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 707, 713.

54 ЦГАИД. — Ф. 16. — Оп. 9. — Д. 9198. — Л. 4.

[55] Там же.

[56] Крупская. Основные типы политпросветучреждений // Коммунистическое просвещение. — 1922. — № 4–5.

[57] ЦГАИД. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 2381. — Л. 32.

60 библиотек, в которых в течение этого месяца было прочитано 53 лекции[58].

Другой формой работы сельских библиотек были коллективные читки общественно-политической литературы. Помимо газет и популярных брошюр большевистских лидеров для публичных чтений делались попытки изготавливать и специальные книги. Так, Ленин еще в декабре 1918 г. в одном из указаний предписывал в двухнедельный срок составить книгу для чтения крестьян и рабочих, которая должна «состоять из отдельных, самостоятельных, представляющих каждая нечто целое, листовок — в две-четыре печатных странички. Изложение самое популярное, для самого серого крестьянина. <...> Темы: строительство Советской власти, ее политика извне и внутренняя»[59]. (Предвестники цитатников Мао Цзэдуна, «Малой красной книги» и брошюры «О народном счастье» Пол Пота и т.д.)

Для привлечения к коллективным читкам грамотных граждан использовалась так называемая чтецкая повинность, установленная в декабре 1918 г. ленинским декретом и затем решением VIII съезда РКП (б) о мобилизации грамотного населения для чтения неграмотным пропагандистской литературы.

В декабре 1921 г. на совещании районных и уездных агитотделов Петроградской губернии было принято решение выделить в каждом уезде 3 образцово-показательных избы-читальни[60]. В 1923 г. был объявлен конкурс на лучшую избу-читальню РСФСР, организованный газетой «Правда». При подведении итогов присудили несколько первых мест, в том числе и сельской библиотеке Корешовской волости Островского уезда Псковской губернии[61].

Очень характерна для большевиков была попытка сделать сельскую библиотеку своеобразным «оком государевым» в деревне. В телеграмме Наркомата просвещения и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, адресованной в конце 1921 г. местным органам власти, говорилось: «Изба-читальня должна, главным образом, впитывать все сведения о неустройствах нового деревенского быта и неправильных действиях отдельных должностных лиц и направлять полученный материал тем органам, от которых зависит устранение

[58] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 97. — Л. 14.

[59] Ленин В. И. Инструкция о составлении книги для чтения рабочих и крестьян // ПСС. — Т. 37. — С. 402.

[60] ЦГАИД. — Ф. 16. — Оп. 9. — Д. 9067. — Л. 37.

[61] Попова Н. П. Борьба Псковской партийной организации за укрепление связи с массами. — С. 9.

ненормальных явлений»[62]. К данной телеграмме прилагалась инструкция, подписанная Крупской, где разъяснялось, что жалобы и заявления должны приниматься от всех граждан, «кои желают довести до сведения РКИ об известных им правонарушениях или злоупотреблениях»[63]. Однако при этом не подлежали приему критические замечания на постановления ВЦИК, СНК, СТО, правительств автономных республик, приговоры народных судов и трибуналов.

Трудно сказать, в какой мере такая «стукаческая» линия библиотек получила свое развитие. Скорее всего, вообще ни в какой, потому что избы-читальни находились полностью под контролем местных органов власти, которые, естественно, не были заинтересованы в подобной утечке информации о положении дел на подведомственной им территории.

В целом, относительно библиотечного дела в 1921—1923 гг. можно сказать, что несмотря на падение в 1922 г. количества библиотек, уже в рамках исследуемого периода большевики стали развивать их сеть, взяв курс на ее равномерность. Главное же заключалось в полной политизации и идеологизации библиотечного дела и принятии линии на закрытие доступа населения к мировой либеральной литературе. Согласно линии РКП (б), библиотеки должны были являться исключительно инструментом насаждения большевистской идеологии в массах и борьбы с инакомыслием.

3

Говоря о политической пропаганде в работе культурно-просветительных учреждений, особо следует остановиться на деятельности пунктов по ликвидации безграмотности, поскольку это направление было в исследуемый период одним из самых мощных и эффективных в плане насаждения большевистских стереотипов в общественном сознании.

Курс на всеобщую грамотность был объявлен ленинским Декретом СНК от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», принятому «в целях предоставления всему населению Республики возможности сознательного участия в политической жизни страны». Согласно ему, все население Советской России в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано

[62] Справочник Петроградского агитатора. — 1921. — № 3. — С. 82.

[63] Там же. — С. 83.

учиться грамоте. Наркомпросу предоставлялось право привлекать всех грамотных лиц к обучению неграмотных на основе трудовой повинности. К ближайшему участию в работах по ликвидации безграмотности могли привлекаться и все необходимые организации. Обучающимся грамоте, работающим по найму, за исключением занятых в милитаризованных предприятиях, рабочий день сокращался на два часа на всё время обучения с сохранением заработной платы. Для ликвидации безграмотности органам Наркомпроса предоставлялось право использовать клубы, церкви, частные дома, помещения на фабриках, заводах и в советских учреждениях. Уклоняющиеся от установленных декретом повинностей привлекались к уголовной ответственности[64].

То есть обучение грамоте становилось обязанностью, или долгом, который требовало государство. Отказ от него объявлялся преступлением. «С нашей российской неграмотностью, будь она проклята, с безграмотностью нашего господствующего класса мы будем бороться беспощадно»[65], — поддерживал Ленина, например, Троцкий, внося в эту компанию, по мере своего участия, как можно больше принудительности и военной дисциплины. 19 июля 1920 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с безграмотностью во главе с Л. Р. Менжинской, ставшая с 29 июля 1921 г. структурой Главполитпросвета[66].

В России после Гражданской войны в возрасте от 14 до 38 лет насчитывалось 17 млн. неграмотных, причем львиную долю из них — 14 млн. (82 %) — составляли женщины. Зачем большевикам понадобилось организовывать столь широкомасштабную государственную компанию по обучению грамоте, причем в основном среди женщин? Казалось бы, ответ донельзя прост: ученье — свет, неученье — тьма. Но ведь большевики — не альтруисты, не благотворители и не человеколюбцы. Дело в том, что со своими планами радикального переустройства мира и коммунистического перевоспитания человека они нуждались в тотальных рычагах идейно-политического воздействия на людей, а как говорил Ленин, «неграмотный человек стоит вне политики и поэтому должен выучить алфавит». То есть задача состояла не столько в том, чтобы научить неграмотных читать

[64] Народное образование в СССР. Сб. документов. 1917–1973. — М.: 1974. — С. 377.

[65] Долой неграмотность!!! Все на борьбу с темнотой! Сборник инсценировок, пьес и статей по ликвидации неграмотности с руководящими указаниями. — 1924. — С. 3.

[66] См. Ремизова Т. И. Указ. соч. — С. 63.

и писать, сколько в том, чтобы научить их через грамотность правильно думать. «Грамота — путь к коммунизму! Руки, привыкшие хорошо держать книгу, смогут лучше держать и винтовку на защиту революции»[67], — прямо говорилось в одной из агиток Главполитпросвета.

По официальным данным, приведенным Менжинской на II Всероссийском съезде политпросветов (октябрь 1921 г.), к этому времени в целом по стране на 88 534 ликпунктах было обучено грамоте 4,8 млн. человек[68]. НЭП внес свои коррективы и за 1922 г. количество пунктов сократилось на 93,6%, школ для взрослых — на 91 %, то есть почти сошло на нет[69]. Однако в 1923 г. движение возродилось. Прошедший в мае II Всероссийский съезд по ликвидации безграмотности, выдвинул по инициативе Крупской задачу добиться поголовной грамотности населения от 14 до 35 лет к 7 ноября 1927 г., обучив при этом 17 млн. человек[70]. «Позор, если к 10-ой годовщине Красного Октября мы не все сумеем прочесть его лозунги»[71], — говорилось в одном из материалов Главполитпросвета.

Осенью 1923 года было создано Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность» во главе с председателем ЦИК СССР М.И. Калининым. С самого начала этому движению был придан ярко выраженный идеологизированный характер. «Нет никакой просветительной работы, которая не была бы насквозь проникнута политикой, даже ликвидация безграмотности»[72], — прилежно повторяла Крупская вслед за своим мужем его заблуждения. В совместном постановлении ВЦСПС и Главполитпросвета «Об усилении работы по ликвидации неграмотности» (1923) перед ликбезами ставилась задача глубже наполнить политическим содержанием занятия в школах, привлекать учащихся к активной политической жизни.

II Всероссийская конференция методистов-практиков по ликвидации неграмотности постановила: «Работа на ликпункте имеет целью не только обучить технике чтения и письма, пробудить интерес к знанию вообще, но и пробудить классовое самосознание обучающихся и вызвать в них стремление к активному участию в строительстве Советской России. <...> Конференция поэтому признает необходимым отказаться от проведения обучения грамоте на бес-

[67] Долой неграмотность!!! — С. 4.

[68] Андреева М.С. Указ. соч. — С. 43.

[69] Коммунистическое просвещение. — 1922. — № 6. — С. 6.

[70] РЦХИДНИ. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 579. — Л. 12.

[71] Долой неграмотность!!! — С. 4.

[72] Правда. — 1921. — 21 декабря.

смысленном и далеком от интересов обучающихся материале, введя в букварный текст элементы политической грамоты». В том числе и при занятиях по арифметике «числовой материал следует брать из окружающей жизни, газет, книг, связывать его с темами, возникающими при изучении грамоты и политграмоты»[73].

В результате учебные пособия, по которым учились в ликбезах, были насыщены сплошными агитационно-пропагандистскими лозунгами и констатациями. С 1920 г. началось издание специальных букварей для взрослых, и одними из наиболее распространенных среди них были книги известной методистки в области ликбеза Д.Ю. Элькиной. Поскольку содержание такого букваря является, без преувеличения, классическим примером идейно-политического зомбирования, остановимся на нем поподробнее.

Прежде всего тексты букваря были направлены на то, чтобы полностью дискредитировать в сознании обучаемого все, что связано с дореволюционным миром. Самой первой внушалась мысль о том, что человек в старом обществе был рабом, а в новом — свободен. Букварь на все лады интерпретировал столь известную впоследствии максиму «Мы не рабы». Вот как это выглядело.

«Мы не рабы. Рабы не мы.
Не мы рабы. Мы не бараны. Мы не бары.
Мы не сыты, но мы не рабы.
Ты не сыта, но ты не раба.
Ты не раба, ты рада».

Всячески противопоставлялись старый и новый мир.

«Старые времена — работа на бар.
Новые времена — работа на мир.
Старые времена — народ стадо баранов.
Новые времена — мы сами в советы идем и сами дела там ведем.
Все на работу. Мы все равны.
Мы все идем на работы. Дороги нет назад.
Мы несем миру свободу.
Ты рада советам, бары не рады.
Мы разбили цепи неволи.
Кто был ничем, тот станет всем».

[73] Ликвидация безграмотности. Сб. ст. — 1923. — С. 14.

Надо было как-то убеждать, что новый мир не в пример лучше старого, несмотря на всю свою нищету, и букварь это делал.

«Заводы даны, но работы там нет, руды, дров нет.
Нивы даны, нет ни лопаты, ни бороны.
Но мы все равны. Мы не рабы.
Мы новый мир построим без тиранов и рабов.
Мы не одеты, мы не обуты,
Народ не одет, народ не обут.
Мы работаем не на бар, а на народ.
Будет народ одет и обут.
У народа свои советы.
Ты рос бос, работал на бар, бары не босы.
Ты вырос, ты бос, бары босы
Но ты рад советам, а бары не рады.
Советы барам не дар, а удар».

При этом букварь постоянно подчеркивал, что Советская власть — это истинно народная власть.

«Советы защищают интересы трудящихся и только трудящихся.
Защита революции — долг всех трудящихся».

Очень сильны были и стремления выставить русского пролетария как борца за свободу всех эксплуатируемых.

«Рабочие всех стран бедны.
Пролетарии всех стран — соединяйтесь!
Это будет последний и решительный бой.
Коммунизм — наш факел победный.
Мы несем миру свободу.
Свободу миру мы несем.
Миру несем мы свободу».

После того как учащийся усваивал чтение по слогам, ему предлагались уже небольшие тексты: «Коммунисты защищают интересы рабочих всего мира. Коммунисты призывают рабочих всех стран разрушить мир капиталистов и помещиков, разрушить рабство трудящихся и насилие над ними и построить новый мир труда и свободы. Победа нашей Красной Армии есть победа не

только русских рабочих и крестьян, но также пролетариев всего мира»[74].

Аналогичными были выпущенные в начале 1920-х годов «Букварь красноармейца», букварь для крестьян «Наша сила — наша нива» и др. Широкое распространение получила также «Агитазбука» В. В. Маяковского. Она была насквозь идеологизирована, включая стишки типа: «Будешь смелым — беда белым», «Шумел Колчак как пароход, шалишь верховный, задний ход» и др.

На занятиях в школах ликбеза проводились беседы о НЭПе, о борьбе с голодом в Поволжье, о процессе над эсерами и т. п. Частыми были коллективные читки газет.

В Северо-Западном регионе движение за ликвидацию безграмотности широко развернулось, начиная с 1923 г. В Псковской губернии к середине 1920-х годов было создано 736 ликпунктов, где обучалось 35 тыс. человек. Процент грамотных, согласно официальным данным, повысился здесь с 14,6 % в 1914 г. до 44,4 % в 1926 г.[75]

В целом же по стране во время первой переписи советского населения, проведенной в 1926 г., выяснилось, что ликвидировали безграмотность 5 млн. взрослых. Как это ни парадоксально, но послереволюционные темпы обучения грамоте взрослых, несмотря на всю пропагандистскую шумиху, оказались примерно такими же, как и в последнее дореволюционное десятилетие. Эти темпы значительно ускорятся в начале 30-х годов, но это будет связано уже, как обычно и бывало во всех странах, с интенсивной индустриализацией и урбанизацией[76].

При этом, как отмечали авторы «Утопии у власти», пять миллионов научившихся читать и писать не были главным достижением шумной кампании по борьбе с безграмотностью. «Важно было то, что внедрялось убеждение: во всех областях жизни лучшее средство — сила, внедрялось убеждение, что без принуждения государства граждане — даже для себя — ничего не сделают. И следовательно — за все нужно быть благодарным государству»[77].

Таким образом, говоря о значении работы большевиков по ликвидации безграмотности, надо отметить следующее. С одной стороны, казалось бы, что массовое обучение населения грамоте было великим положительным начинанием. Но с другой, идеологизированный,

---

[74] Долой неграмотность. Букварь для взрослых. — 1920.

[75] Попова Н. П. Указ. соч. — С. 9.

[76] Геллер М. Указ. соч. — С. 67.

[77] Геллер М., Некрич А. Указ. соч. — С. 185

партийно-классовый подход большевиков в этом деле способствовал не столько духовному раскрепощению людей, сколько, наоборот, закабалению их сознания в прокрустовом ложе большевистских догм и убеждений типа «ты не сыта, но ты не раба, ты рада». Сталинизм взял затем души этих несчастных людей без всякого их сопротивления, словно уже готовых идти под нож, в лагеря, в колхозы, куда угодно.

4

Очень характерной формой идеологического воздействия на население был и так называемый ленинский план монументальной пропаганды. Он возник действительно непосредственно в голове Ленина, который еще в начале 1918 г. напомнил Луначарскому, что у Томмазо Кампанеллы в его утопии «Город солнца» на стенах были нарисованы картины, служившие для молодежи наглядным уроком в разных науках, возбуждали гражданское чувство, способствовали правильному воспитанию новых поколений и т.д. Ленин предложил нечто подобное устроить и в Советской России, а именно в разных видных местах сделать «краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные, коренные принципы и лозунги марксизма, также может быть крепко сколоченные формулы, дающие оценку тому или другому великому историческому событию». Кроме того Ленин прибавил, что еще важнее надписей он считает памятники: бюсты или целые фигуры, барельефы, группы.

При этом Ленин дал Луначарскому задание составить список борцов за социализм и других светочей философской мысли, науки и искусства, которые, с точки зрения большевиков, двигали общественный прогресс. По этому списку надлежало заказать скульптуры и установить их в том числе на тех постаментах, с которых убрать памятники старого мира.

Также Ленин подчеркнул: «Особенное внимание надо обратить на открытие таких памятников. Тут и мы сами, и другие товарищи, может быть и крупные специалисты, могут быть привлечены для произнесения речей. Пусть каждое такое открытие будет актом пропаганды и маленьким праздником, а потом по случаю юбилейных дат можно повторять напоминание о данном великом человеке, всегда, конечно, связывая его с нашей революцией и ее задачами»[78].

[78] В. И. Ленин и изобразительное искусство. Документы. Письма. Воспоминания. — М.: 1977. — С. 320.

Эти идеи были оформлены в декрете Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» от 14 апреля 1918 г. Для осуществления плана была создана комиссия из работников Наркомпроса и Наркомата имуществ, подготовившая список из 69 имен. 30 июля Совнарком утвердил перечень лиц, в который вошли как собственно революционеры, так и те выдающиеся деятели культуры, чье творчество было признано особенно ценным. За короткий срок, в основном, в течение одного года, в разных городах России были установлены памятники М. Робеспьеру, А. Н. Радищеву, К. Марксу, Ф. Энгельсу, Н. Г. Чернышевскому, Т. Г. Шевченко, А. В. Кольцову, С. Н. Халтурину, Г. В. Плеханову и др., а также мемориальные доски с лозунгами и сюжетно-символическими рельефами.

Подавляющее большинство монументов, изготовленных, как правило, из нестойких материалов типа наскоро покрашенного гипса и некачественного цемента, достаточно быстро пришло в полную негодность. Впоследствии сохранилась лишь часть агитационно-мемориальных досок, среди монументов же наиболее значительным исключением являются сегодня фигуры А. И. Герцена и Н. П. Огарева перед старым зданием Московского государственного университета, установленные в 1922 г. Помимо памятников сооружались и более сложные комплексы, наиболее ярким примером из которых может служить мемориал «Борцам революции» на Марсовом поле в Петрограде.

Непосредственно план сооружения скульптур по принятому в 1918 г. списку в начале 1920-х годов сошел на нет, но сама идея установки памятников большевикам и лозунгов-цитат из марксисткой литературы, как известно, осталась и впоследствии цвела пышным цветом. Скульптурам самому автору плана монументальной пропаганды — Ленину — в СССР не было числа, его именем обязательно называлась одна из главных улиц в любом городе, а на всех углах висели плакаты с ленинскими изречениями на самые разные темы.

Глава 11

Осрамим и оплюем их по-доброму

Да, это была торжественная литургия Единому Государству, воспоминание о крестных днях — годах Двухсотлетней войны, величественный праздник победы всех над одним, суммы над единицей.

Евгений Замятин, «Мы»

1

Как синтетическую, комплексную форму идеологической обработки населения большевики использовали агитационно-пропагандистские кампании, включавшие в себя целый ряд различных форм идейно-политического и психологического воздействия: выступления лидеров и агитаторов, митинги и собрания, публикации в печати, демонстрации, показ наглядной агитации и кинофильмов, инсценировки, выступления агитбригад, громкие читки, беседы, доклады, стенгазеты, устные и живые газеты, выставки и др. Продолжительность кампаний составляла от одного-двух дней до нескольких месяцев. Их смысл заключался в том, чтобы из общей суммы стоявших перед партией задач выделить наиболее важные и готовить их решение методом ударности. «Отличие компаний перед равномерной работой заключается в том, — говорилось в циркуляре Псковского губполитпросвета, — что силы средства и внимание сконцентрированы в одном месте, куда и направлен удар»[1].

Во время Гражданской войны роль агитации в общественной жизни страны сильно выросла. Возникла практика многочисленных «недель», «двухнедельников», «месячников» и тому подобных мероприятий. С помощью агитационных кампаний решались всевозможные военные, политические, хозяйственные, социальные и другие вопросы. Также характер агиткампаний приобрело празднование различных красных дней и памятных дат календаря. Большая

[1] Псковский набат. — 1921. — 5 августа.

плотность в проведении агитационно-пропагандистских кампаний оставалась характерной для 1921 г. и большей части 1922-го. В то же время уже с весны 1922 г. в большевистской печати и оперативных документах стали все активнее раздаваться критические замечания в адрес агитотделов. Так, работник Новоладожского укома РКП (б) писал в марте 1922 г.: «Вся работа проводится сплошными компаниями, где одна компания неизбежно оспаривает преимущество над другой, одна нагромождается на другую, одна «неделя» проводится бесконечное количество недель и т.д. В результате компании стали разлагающим фактором в работе»[2]. В отчете агитпропотдела Петроградского губкома за период с августа 1921 по март 1922 г. отмечалась неудовлетворенность результатами агитационных недель и высказывалась мысль о необходимости приступить к необходимости долговременной заранее планируемой работе, покончив с «экстренностью и случайностью»[3].

Со второй половины 1922 г. частота кампаний несколько сократилась. Они приобрели более подготовленный характер. В 1922 г. агитотделы Северо-Запада провели 12 крупных кампаний. Чтобы составить представление об их тематике, перечислим кампании полностью в хронологическом порядке: сельскохозяйственная, двухнедельник по проверке помощи голодающим и кампания по изъятию церковных ценностей, первомайская, по процессу эсеров, по хлебному займу, кооперативная, страховая, Октябрьские торжества, к VI Конгрессу Коминтерна, налоговая, осенняя сельскохозяйственная.

В целом агитационно-пропагандистские кампании 1921—1923 гг. проводились в Советской России по целому ряду направлений: организация общественной поддержки действий правительства, выборы в советы и иные органы управления, борьба с церковью, празднование дат красного календаря и др. При этом вот, например, каковы были только основные постоянные, то есть регулярные праздники и кампании в первой половине 1920-х годов: Кровавое воскресенье, День Красной армии, Международный день работниц и крестьянок, Свержение самодержавия, День Парижской коммуны, Ленский расстрел, Первое мая, День печати, День леса, Международный день кооперации, День СССР, Международный юношеский день, День урожая, День Октябрьской революции, День освобождения Сибири от колчаковщины, День издания декрета о ликвидации неграмотности, кампании по линии добровольных обществ, перевыборы советов, комитетов

[2] Сборник материалов... — Вып. 4. — С.131.

[3] Там же. — С. 15.

обществ взаимопомощи, правления потребительской, сельскохозяйственной и кредитной кооперации, делегатских собраний и др.

Из всех форм идейно-политического воздействия центральное значение имели митинги и собрания. И хотя Крупская писала в конце 1921 г., что «масса устала от митинговой шарманочной агитации»[4], в тех условиях заменить ее большевикам было пока нечем. Митинг имел, с точки зрения пропаганды, ряд сильных сторон: непосредственная близость ораторов и аудитории, атмосфера массового сопереживания, возможность донести информацию до неграмотных, простота организации, особенно на предприятиях, возможность здесь же наблюдать реакцию аудитории и выявлять противников (которых нередко тут же забирала ЧК).

Для исследуемого периода были характерны также рабочие и крестьянские беспартийные конференции. Ленин придавал им большое значение, указывая, что подобные мероприятия ни в коем случае не должны проходить вне контроля партии и «губкомпартии должны отвечать за то, что они ручаются за успех каждой беспартийной конференции»[5].

Выборы на конференции проходили, как правило, под контролем партийных комитетов. Например, по поводу Петроградского общегородского совещания беспартийных рабочих и работниц (апрель 1921 г.) газета «Маховик» писала: «На совещание надо выбирать крепких и честных сторонников рабоче-крестьянской советской власти <...> которые будут разрешать вопросы без лишних воплей по поводу наших недостатков, без политиканства»[6].

Зимой 1921–1922 гг. прошла большая кампания по проведению крестьянских конференций и сельских сходов. По данным на 1 мая 1922 г., их было организовано: в Петроградской губернии 1119 (27 тыс. чел.), в Новгородской — 482 (22300 чел.), в Псковской — 138 (14080 чел.)[7].

Важной формой агитационно-пропагандистской работы среди женщин являлись делегатские собрания на предприятиях, в уездах, волостях. Делегатки избирались на общих собраниях предприятий по квотам примерно одна из 25 женщин. В Петрограде и губернии их было 9 тыс.[8] Собрания делегаток проходили под руководством партийных органов.

---

[4] РЦХИДНИ. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 458. — Л. 3.

[5] Ленин В.И. Проект письма ЦК РКП (б) об отношении к беспартийным рабочим // ПСС. — Т. 43. — С. 253.

[6] Маховик. — 1921. — 31 марта.

[7] ЦГАИД. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 2391. — Л. 29.

[8] Очерки ленинградской организации КПСС. — Т. 2. — С. 94.

Не были забыты и работники негосударственного сектора. Летом 1922 г. ЦК РКП (б) разослал губкомам циркуляр «О партийной работе на частных предприятиях». В нем парторганизациям предписывалось воспитывать работников данных хозединиц в духе классовой борьбы, неуклонно повышать их идейно-политический уровень[9]. 24 августа 1922 г. бюро Выборгского райкома РКП (б) в Петрограде заслушало доклад о работе на капиталистических предприятиях и приняло постановление, где предусматривалось на них усиление агитации, созыв рабочей конференции, закрепление коммунистов за наиболее крупными арендными предприятиями[10].

Особое значение придавалось проведению агиткампаний в деревне. Вот какие рекомендации по их проведению содержались в одной из методических статей Главполитпросвета. Как писал автор, секретари сельских ячеек и избачи жалуются на множество ударных агиткампаний, проведение которых поглощает все их внимание, силы и время. Таких кампаний в год проводится порядка 30-ти. В брошюре указывалось, что такое количество не следует считать каким-то чрезмерным и неподъемным, а нужно уметь распределить силы и правильно подойти к вопросам организации. Во-первых, надо вовлекать в дело активистов, а не пытаться все сделать только силами самих политпросветов. Во-вторых, каждая кампания должна проводиться с определенной целью и по плану. План всякой агиткампании должен опираться на спускаемые разработки сверху и дополняться местной конкретикой. При этом он должен состоять из ограниченного количества пунктов.

Автор также писал, что успехи агиткампании и праздника измеряются глубиной и широтой охвата ими населения, размерами качественного выполнения плана, отношением участников к проводимой кампании. Основная задача при этом — вовлечение массы и развитие ее активности. «Дело надо ставить так, чтобы участникам было над чем поработать умом не только в день праздника, а и в следующее время», — указывалось в брошюре.

Также подчеркивалось, что массовые собрания во время кампании надо стараться делать короче — 1—2 часа. «Пятичасовые торжественные и траурные заседания дают слушателям главным образом головную боль и повод проклинать все и вся на свете», — писал автор.

Он также советовал больше внимания обращать на проведение кампаний в глухих деревнях и поселках, где нет ни ячеек, ни изб-

[9] Правда. — 1922. — 12 июля.

[10] Трифонов И. Я. Классы... — С.100.

читален. Начинать, по его мнению, здесь нужно с малого — с громких читок, статей, рассказов, стихов, с простых бесед в связи с кампанией, и от этого переходить к собраниям, докладам, митингам, демонстрации, к карнавалу и т.д. Основные идеи праздника и кампании, говорилось в рекомендациях, должны быть увязаны с местным материалом, с тем, что роднее и ближе крестьянству данного села.

В плане организации кампании автор предлагал следующий порядок. За 1–2 недели до начала мероприятий в избе-читальне необходимо начать разъяснительную работу, ознакомить население с планом, устраивать читки, давать справки. За одну неделю — устроить выставку литературы. Тем временем причастные должны готовить свои мероприятия по плану (инсценировка, песни, газета, доклад и т.д.). За день до кампании необходимо провести заседание всех участников. В день кампании каждый организатор действует на своем месте. После проведения мероприятий должно быть проведено подведение итогов, составлен отчет. В нем отмечаются успехи и недостатки, причины недоработок. Одновременно рекомендовалось направить корреспонденцию в местную газету, желательно с фотоснимками[11].

2

Отдельно следует сказать о предвыборных кампаниях. Разумеется, выборы не занимали в деятельности большевиков после захвата власти места, сколько-нибудь похожего на ситуацию в условиях демократического строя. В то же время они являлись довольно заметной формой в работе РКП (б) по политическому воспитанию масс. Наиболее крупными из их числа были кампании по выборам в Советы рабочих и крестьянских депутатов, а кроме того в руководящие органы профсоюзов, кооперации и других общественных организаций.

Как уже отмечалось, никаких справедливых выборов в Советской России не было. После отмены старых сословий и чинов большевики закрепили в своей первой Конституции, принятой в июле 1918 г., новое сословное неравенство. Часть населения была полностью лишена прав. Напомним, что в число «лишенцев» были включены лица, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы, служите-

[11] Леший Н. Агиткампании в деревне и как их проводить // Революционные праздники, годовщины и дни. Как проводить их. Сб. ст. — 1926. — С. 7–10.

ли культа, бывшие сотрудники полиции, члены бывшего царствующего дома, а так же «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли». Это касалось прежде всего крестьян, нанимавших хотя бы одного работника весной или осенью для помощи в полевых работах. Таких крестьян насчитывалось не менее 5 миллионов человек. Лишение прав распространялось на всех членов семьи. Все остальные крестьяне также ограничивались в избирательных правах — при выборах в советы один голос рабочего равнялся пяти голосам крестьян.

Таким образом выборы в Советы были невсеобщими, непрямыми, неравными и нетайными. При этом на практике они не являлись полноправными органами политической власти, а служили придатками партийного государства, которые проштамповывают решения партии и воплощают их в жизнь.

Кроме этого политические противники большевиков подвергались государственным репрессиями и дискриминациям. Контрреволюционная (то есть антибольшевистская) агитация была запрещена. Лидеры и активисты небольшевистских партий регулярно арестовывались. В руках большевиков находилась вся материальная база, поэтому организовать сколько-нибудь систематическую печатную или устную антибольшевистскую предвыборную работу было совершенно невозможно.

Несмотря на это, демократические российские партии все же пытались бороться за места в советах. Большевики же старались нейтрализовать их усилия как репрессивными, так и агитационно-пропагандистскими методами. При этом задача ставилась не просто получить большинство, а совсем не допустить представителей иных партий и течений в представительные органы власти. В телеграмме секретаря ЦК РКП (б) Куйбышева от 6 сентября 1922 г. прямо предписывалось: «Кулацкие и антисоветские элементы не должны быть допущены в советы»[12].

Аналогичную позицию занимала партийно-советская пресса. Так, «Псковский набат» в статье «К перевыборам» писал: «Весь организм Советов должен быть здоровым, энергичным, проникнутым всей важностью предстоящей ему работы. Никаких больных наростов на его теле быть не должно, как не должно быть сознательных или бессознательных противников новой хозяйственной политики. Никаких тормозящих примесей»[13].

---

[12] РЦХИДНИ. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 223. — Л. 9.

[13] Псковский набат. — 1921. — 12 августа.

Основными формами ведения предвыборной агитации были печать и митинг. В предвыборных материалах большевистской агитработы можно выделить 3 направления. К первому из них следует отнести расхваливания советской избирательной системы. Большевики называли свою власть высшим проявлением демократии, истинной властью народа. Так, «Правда» в одной из передовиц высоко оценивала и считала крупным завоеванием революции такие принципы, как лишение права голоса части населения, частая смена состава Советов, производственный принцип формирования горсоветов и др.[14] «Красная газета» утверждала: «Демократизм наш шире, чем в какой бы то ни было стране»[15]. Западная демократия получала у большевиков всегда однозначно негативную оценку. «Маховик» писал, например, что в Америке «выборы являются одним из средств угнетения трудящихся», а в Англии свобода является свободой рабочих подыхать с голоду на улице[16]. Все это, разумеется, не соответствовало действительности, но вдалбливалось в головы избирателей в непрерывной последовательности.

Другим направлением являлась критика противников, носившая в периоды перевыборов особенно разгромный характер. Выше указывалось, что большевистская контрпропаганда строилась, в основном, на стремлении показать причастность соперника к планам реставрации капитализма, его виновность в голоде и разрухе, желание вновь развязать Гражданскую войну. Все это было характерно и для предвыборных материалов. Добавлением служили критические замечания на те выпады противников, которые им удавалось высказать на собраниях или в листовках.

Правда, следует признать, что с содержательной стороны пропаганда меньшевиков и эсеров была довольно слабой и уязвимой. С переходом к НЭПу требования крестьянства в некоторой степени были удовлетворены, а материальное положение рабочих должно было, согласно постоянным заверениям большевиков, улучшаться. В стране наступил мир, она укрепляла свои позиции на международной арене. В этих условиях эсеро-меньшевистская пропаганда в экономической сфере решила сделать упор на обвинении большевиков в капитуляции перед капитализмом (в связи с НЭПом), в распылении сил рабочего класса, говорила о крахе промышленности, о росте новой буржуазии и т.п. Например, в листовке Центрального

[14] Правда. — 1922. — 25 января.

[15] Красная газета. — 1922. — 21 января.

[16] Маховик. — 1921. — 31 марта. 15 апреля.

бюро ПСР от 28 февраля 1922 г. констатировалось: «Кремлевские владыки после четырех с половиной лет, наполненных их клятвопреступлениями, их предательством и провокацией по отношению к трудящимся, капитулируют перед капитализмом и отдают в его власть порабощенные трудовые массы России»[17].

Аналогичные мысли высказывались и в других эсеро-меньшевистских материалах, где эти партии объявляли себя истинными социалистами и защитниками идеалов Октября. Большевики, разумеется, не упускали возможности воспользоваться такой непоследовательной и грубо-популистской позицией противника. Так, «Псковский набат» логично писал: «Допустим, что коммунисты идут назад, к капитализму. Что же вы, господа почтенные подняли вой? <...> Удивительный народ — эти профессиональные противники коммунистов. Разрушают капиталистический строй — нехорошо. Восстанавливают — тоже нехорошо»[18].

Большевистская печать приводила примеры из официальных документов социалистических партий или высказываний их лидеров, где говорилось о желательности восстановления в России на определенный период капиталистических отношений, и обвиняла противника в двуличии и неискренности. Безграмотным рабочим, конечно, были малопонятны теории «третьего пути» или «рыночного социализма». Их сознанию была гораздо ближе логика большевиков: либо капитализм, либо социализм, а если уж и несколько отыграли назад, то это — ненадолго, и дело построения социалистического светлого будущего в надежных руках.

В резолюции XII Конференции РКП (б) (август 1922 г.) констатировалось, что попытка меньшевиков и эсеров представить себя защитниками лозунгов Октябрьской революции «не имеет и не может иметь серьезного успеха в массах» и «является только косвенной данью идеям большевизма, подтверждая громадную обаятельность наших лозунгов среди трудящегося населения»[19].

Другим постоянным моментом антибольшевистской пропаганды была критика кровавого диктаторского режима, установленного РКП. Но большевики постоянно указывали, что диктатура нужна для подавления контрреволюции, и среди населения были сильны надежды, что в скором времени положение изменится в сторону большей законности и демократизации. К тому же значительная

[17] ЦГАОР. — Ф. 9550. — Оп. 9. — Д. 239. — Л. 1.

[18] Псковский набат. — 1921. — 19 июня.

[19] КПСС в резолюциях... — Т. 2. — С. 589.

часть социальных низов была удовлетворена тем, что выразители непонятных им или чуждых буржуйских мнений безжалостно подавляются. Например, на одном из предвыборных собраний на петроградском заводе «Дека» некоторыми работниками было предложено внести в депутатский наказ требование свободы слова и печати. Взявший слово рабочий ответил: «Свобода слова и печати для рабочих есть, а буржуазии ее мы не дадим»[20]. Собрание большинством поддержало такую позицию.

Основные лозунги антибольшевистской пропаганды, требовавшие политических свобод и демократического правления, в обстановке разрухи и отсталости населения не находили такой поддержки, которая могла бы обеспечить свержение или мирную замену большевистской диктатуры. «Правда» верно констатировала: «Демократия дискредитировала себя не только в условиях русской гражданской войны, она сгорела без следа в сердцах громаднейшего количества рабочих»[21]. Ну, а вновь как-то зажечь этот огонь цивилизации и демократии в чьих-то бы ни было сердцах, включая, прежде всего, собственные, большевики, естественно, в условиях своей диктатуры совершенно не стремились.

Критику противников советская пресса неизменно дополняла прямыми указаниями, за кого же надо голосовать на выборах и почему. Это было третьим направлением предвыборных материалов. В агитационной статье «Полярной правды» говорилось: «Советы беспартийны, они принадлежат партии трудящихся, но руководство в них должно принадлежать самой активной, революционной и сознательной части трудящихся, то есть коммунистической партии, той партии, которая четыре года все силы свои, нервы, кровь, мозг отдает за утверждение власти трудящихся, за право тружеников строить свою жизнь на отвоеванной ими у собственников земле»[22].

В специальной листовке, выпущенной в ноябре 1921 г. Петроградским губкомом, пропагандировались следующие заслуги большевиков перед народом: победа над эксплуататорами, политика восстановления народного хозяйства, введение нового рабочего законодательства, успешная внешняя политика, помощь мировому пролетариату и др.[23]

---

[20] Цит. по: На мирной основе... — С. 60.

[21] Правда. — 1922. — 24 января.

[22] Полярная правда. — 1921. — 27 апреля.

[23] ЦГАОР. — Ф. 9550. — Оп. 3. — Д. 833. — Л. 1.

«Полярная правда» перед выборами делегатов на I Губернский съезд советов в течение нескольких номеров печатала крупные, выделявшиеся лозунги: «Посылайте в Советы только Верных Сынов Революции», «Наладить работу во всех областях жизни края смогут только коммунисты», «Ознаменуйте этот день поднятием ваших рук только за коммунистов» и др.[24] Учитывая, что в сельской местности членов партии было еще мало, большевистская пресса советовала крестьянам выбирать в волисполкомы и сельсоветы прошедших службу в Красной армии[25].

Итоги выборов в Советы в 1921–1923 гг. показывали быстрое вытеснение из них противников большевистского режима. Если в 1920 г. в Петросовете большевики составляли 75,2 %, а представителей других партий из 2 тыс. депутатов насчитывалось всего 10 человек, то после перевыборов в октябре 1922 г. процент коммунистов поднялся до 89,8 %, а о своей принадлежности к какой-либо иной партии не заявил ни один депутат[26].

Удельный вес членов РКП (б) в составе губернских, городских и уездных советов вырос в конце 1922 г. по сравнению с 1921 на 15–20%. В Новгородском губисполкоме коммунисты составляли 55 %, в исполкомах горсоветов Псковской губернии — 53 %[27]. Остальные депутаты регистрировались как беспартийные. Увеличивался процент большевиков и в составе сельских советов. В 1923 г. в Новгородской губернии в волисполкомах было уже до 23,4 % коммунистов, а вот в селькомах — еще лишь 1,5 %. Среди беспартийных большинство составляли так называемые сочувствующие РКП (б)[28].

В октябре 1922 г. Бюро ЦК РСДРП (м) дало своим организациям директиву больше не участвовать в выборах в Советы, то есть бойкотировать их[29].

Картина вытеснения представителей небольшевистских партий наблюдалась и при выборах в руководящие органы общественных организаций. После окончания Гражданской войны меньшевики и эсеры повели политику мирного завоевания фабзавкомов, профсоюзов, делегатских женских собраний, кооперативных обществ и др. Ленин же поставил перед РКП (б) задачу «изживания» данных

[24] Полярная правда. — 1921. — 30 июня. 3 июля. 7 июля.

[25] Псковский набат. — 1921. — 31 августа.

[26] Измозик В. С. Указ. соч. — С. 54–55.

[27] Климов Ю. Н. Указ. соч. — С. 93.

[28] Там же. — С. 97.

[29] Подболотов П.А. Крах... — С. 103.

партий из рабочих организаций[30]. В результате активной административно-репрессивной и агитационно-пропагандистской деятельности большевики с осени 1921 г. по осень 1922 г. увеличили свое представительство в профсоюзных комитетах в Петрограде с 44 до 59 %[31].

При завоевании кооперации ЦК РКП (б) обязал сельских коммунистов в порядке партийной дисциплины вступать в потребкооперативы и проводить там нужную линию. Неугодным кооперативным обществам не давали кредита, вследствие чего они либо распадались, либо меняли состав правления. Если в начале 1922 г. в потребительской кооперации коммунисты в губернских правлениях составляли 2–5%, то в начале 1923-го — уже до 50%[32].

3

Весьма интересной страницей в формировании коммунистами нужного им политического сознания масс играла организация новых памятных дат календаря. С самого начала, после прихода к власти, большевики стали активно заменять старые национальные праздники новыми, революционными. «Наши годовщины, дни и революционные праздники неразрывно связаны с борьбой за освобождение трудящихся от физического, экономического и духовного рабства, связаны с личностями вождей, под руководством которых рабочий класс и крестьянство свергали царизм и буржуазное правительство, разбили контрреволюцию и сделали Россию великим и независимым советским государством», — указывалось в агитационной литературе тех лет[33].

В Советской России начали широко отмечаться День международной солидарности трудящихся 1 Мая, День женщин-работниц 8 марта, годовщины Октябрьской и первоначально Февральской революций, Парижской коммуны и др. Кроме этих наиболее крупных памятных дат в начале 1920-х годов отмечали и другие, например, Дни памяти жертв революции: годовщины событий 3–5 июля 1917 г., Кровавого воскресенья, гибели Урицкого и Володарского, похорон

[30] Ленин В. И. Планы тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» // ПСС. — Т. 44. — С. 499.

[31] Очерки истории Ленинградской организации КПСС. — Т. 2. — С. 98.

[32] Мамай Н. Указ. соч. — С.80–81. Микоян А.И. Указ. соч. — С. 212.

[33] Леший Н. Революционные праздники, годовщины... — С. 3.

Свердлова и др. Отмечались и такие новые дни как «Праздник всеобщей грамотности», «Праздник урожая» и др.

Все эти памятные даты, как правило, сопровождались политическими агитационно-пропагандистскими кампаниями, указания о порядке проведения которых заблаговременно рассылались из центра. Например, 16 января 1923 г. всем губкомам была разослана телеграмма Куйбышева в связи с предстоящим празднованием 8 Марта. В ней говорилось, что празднику необходимо придать массовый характер, были даны основные лозунги и некоторые рекомендации по организации агитработы в предпраздничные дни[34]. На коллегиях местных партийных комитетов на основе подобных директив разрабатывались конкретные планы мероприятий.

Накануне праздничных дней в прессе появлялись статьи, разъяснявшие сущность и смысл грядущих торжеств, анализировавшие политическое положение, подводившие итоги предшествующего периода, ставившие задачи на будущее. Тон таких материалов был обычно приподнятый, оптимистичный и (если, конечно, дата не была траурной), весьма бравурный, часто задиристый. Так, «Полярная правда» накануне 1 мая 1921 г. писала: «В этот великий день мы должны рука об руку стройными рядами вглядываться в нашу спайку, изучить ее, продумать, каких великих завоеваний мы достигли и дать нашему коллективному, коммунистическому, не скованному труду то направление, какое в самый кратчайший срок и самым безболезненным путем приведет нас к светлому царству коммунизма, к полному освобождению труда во всем мире»[35].

Центральным официальным событием на любом коммунистическом празднике первых лет Советской власти был опять же митинг или собрание, которые в определенной степени заменили массам в психологическом отношении прежнее торжественное праздничное богослужение в церкви. Здесь была тоже приподнятая эмоциональная атмосфера, заслонявшая повседневные суетные дела. На коммунистическом митинге совершалось служение Великой Идее, и всякий мог почувствовать себя приобщенным к ней, его жизнь как бы исполнялась высшего смысла. На праздничном митинге или собрании не говорили о неприятном, а напротив, подчеркивали успехи и предвкушали грядущие победы. При этой любой бездельник и горлопан-популист могли здесь получить возможность тоже выступить, осознав себя далеко не последним человеком.

---

[34] РЦХИДНИ. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 223. — Л. 12.

[35] Полярная правда. — 1921. — 23 апреля.

В ходе празднования за один день среди одного и того же контингента людей могло устраиваться два и даже более митингов. Вот как отмечали, например, 1 мая 1921 г. в Грузинской волости Новгородского уезда. С 4-х часов дня к зданию волисполкома стали собираться пожарные команды, группы всеобуча и население. На площади Свободы состоялся митинг, где помимо местных руководителей выступил представитель новгородской фабрики «Ираида». Затем под звуки оркестра с пением революционных песен все двинулись на полковой плац, где прошел второй митинг, а после него — парад. Вечером в клубе был дан концерт, также сопровождавшийся политическими выступлениями[36].

В городах в праздники устраивались шествия, возложение цветов и венков, на улицах играли духовые оркестры, здания украшались гирляндами из растений и лент, устанавливались транспаранты. Вечером организовывались бесплатные концерты и киносеансы. В парках обычно проходили народные гуляния с танцами, песнями, аттракционами и т. д.

К праздникам могли быть приурочены различные общественные мероприятия и акции. Так, в 1922 г. вместе с 8 марта прошла «Неделя охраны материнства и младенчества», а первомайский праздник 1923 г. выборгский райком Петрограда объявил днями помощи деревне. В печати освещался опыт его проведения — поездки делегатов от завода в сельскую местность, приглашения подшефных крестьян в город. «Волисполкомы, укрепляйте связь деревни с городом!», — призывала в эти дни «Петроградская правда»[37].

3 июля 1921 г. в Пскове состоялся «Детский праздник». С утра дети с красными флагами стекались к Дворцу труда. Там каждому ребенку был выдан кулек с угощением. Затем под звуки оркестра детей развели по разным паркам в зависимости от возраста, где были музыка, хоровое пение, спортивные соревнования, концерты, детский спектакль[38].

В целом, относительно праздничных агитационно-пропагандистских кампаний следует сказать, что они играли очень большую роль в формировании политического сознания масс. Коммунистические праздники начала 1920-х годов воодушевляли определенные контингенты людей, давали им заряд идейного энтузиазма, возбуждали мощные всплески социальной энергии, которая затем направ-

[36] Звезда. — 1921. — 4 мая.

[37] Петроградская правда. — 1923. — 6 мая.

[38] Псковский набат. — 1921. — 6 июля.

лялась в соответствии с замыслами большевистского руководства. Праздники, как им и положено вообще, пьянили и кружили народу голову. При этом они собирали и делали непосредственными объектами коммунистической пропаганды гораздо больше людей, чем это бывало в будние дни. В праздничной толпе эмоционально открытый и подвластный конформизму человек становился значительно более уязвим для поражения его тоталитаристскими идеологическими догмами и политическими призывами.

При этом большевики постоянно всячески внушали рабочим, что при капиталистическом строе никаких таких праздников у людей труда нет и быть не может, что там есть лишь свобода умирать с голоду или влачить самое жалкое существование, отдавая капиталисту всю свою прибавочную стоимость и вообще здоровье и жизнь. И это была, может быть, самая большая и действенная коммунистическая ложь, побуждавшая советских людей терпеть и радоваться, что где-то там, в капстранах все обстоит еще гораздо хуже.

4

Также следует отдельно упомянуть о тех или иных разовых агитационных кампаниях в поддержку внешнеполитических акций советского правительства. В начале 1920 годов прошел целый ряд международных конференций с участием Советской России: Генуэзская (10 апреля — 19 мая 1922 г.), Гаагская (15 июня — 20 июля 1922 г.), Московская (декабрь 1922 г.), Лозаннская (ноябрь 1922 — июль 1923 гг.). В кампаниях, посвященных конференциям, большевистская пропаганда ставила себе целью представить в исключительно положительном свете позицию советской делегации и вне всякой меры очернить позиции зарубежных делегаций.

Самой крупной была кампания по поводу Генуэзской конференции, участвуя в которой большевики преследовали достижение не только экономических целей, но и политико-пропагандистских. Пытаясь добиться симпатий широких общественных кругов Запада, советская делегация выдвинула предложение о созыве Всемирного конгресса с участием всех народов и предоставлении на нем третьей части мест рабочим организациям, развивала идеи о праве колониальных народов на независимость, о необходимости оказания помощи отсталым странам, выступила с предложением о всеобщем сокращении вооружений. Во многом такая позиция носила явно популистский, демагогический характер. Ленин в письме к главе

советской делегации Г. В. Чичерину писал, что тактика предложения заведомо неприемлемой для участников конференции широкой политической программы «поможет разложению врага». «Осрамим и оплюем их “по-доброму”», — иронизировал он[39].

Советские газеты не позволяли себе ни малейшего разногласия с официальной точкой зрения правительства, которая включала пункты: отсрочка выплат России по довоенным займам, аннулирование военных долгов, отказ возместить стоимость национализированного имущества иностранцев, предоставление западными странами России крупного займа. Пресса отводила много места информации о подготовке конференции и ее ходе. Требования капиталистических стран о возврате долгов, компенсаций за иностранную национализированную собственность и об отказе от предвзятой, лживой политической пропаганды во всех советских материалах квалифицировались как верх несправедливости по отношению к Советской России. Рассчитывая на русский ура-патриотизм и классовую слепую ненависть малоимущих слоев, большевистская пропаганда постоянно проводила мысль о том, что единственная цель Запада — это превратить Россию в свою колонию, навязать грабительские договоры.

Помимо прессы использовались и устные формы агитработы. На партийных и рабочих собраниях ставились доклады, принимались резолюции в поддержку правительства. Как крупная победа советской дипломатии подавалось заключение Рапалльского договора с Германией. Всю вину за безрезультатность Генуэзской и Гаагской конференций большевики, разумеется, возложили на западные страны.

Крупными были манифестации по поводу вступления франко-бельгийских войск в Рурскую область (январь 1923 г.), убийства советского дипломата В.В. Воровского (май 1923 г.) и особенно ноты британского министра иностранных дел Дж. Керзона от 8 мая 1923 г. В ней правительство Великобритании предлагало советскому руководству в десятидневный срок выполнить ряд требований: отказаться от антибританской пропаганды в странах Востока, отозвать некоторых дипломатов из Ирана и Афганистана, уплатить компенсацию за осужденных английских подданных и др. Официальный ответ большевистского правительства был выдержан в спокойных тонах, ибо оно не хотело рисковать экономическими отношениями

[39] Ленин В. И. Письмо Г.В. Чичерину. 14 марта 1922 г. // ПСС. — Т. 45. — С. 34–35.

с Англией, однако в то же время советский агитпроп организовал мощную истерическую волну общественных протестов. Так, 12 мая 1923 года во всех крупных городах страны прошли массовые демонстрации под лозунгами «Руки прочь от России», «Россия не Рур, мы не рабы» и др.

Таким образом, агиткампании в поддержку внешней политики советского правительства отличались некоторой спецификой, а именно еще большей большевистской оголтелостью, которая здесь выступала в форме некоего нового явления в мировой политической практике — советского коммунистического патриотизма. Характеризуя позднее советскую внешнюю политику, философ Александр Зиновьев писал: «СССР в целом поступает так, как средне-характерный советский человек: он ненадежен, лжив, лицемерен, становится хамом, чувствуя превосходство в силе, готов лебезить перед более сильным и вместе с тем он искренен во всем»[40]. Все это закладывалось, несомненно, еще в ленинский период.

В целом же в начале 1920-х годов уже полностью сложились все основные черты советской агитационной машины, которую тот же Зиновьев позже охарактеризовал следующим образом: «Поскольку советские люди все равно бессильны вырваться из своей житейской трясины, они охотно идут навстречу официальной идеологии. И последняя тут не просто лжет, а дает людям какое-то успокоение и загоняет их внимание в узкие рамки. Отработаны все соответствующие процедуры — собрания, награждения, празднования, пресса. Повсюду на первом месте рядовой труженик, хорошо выполняющий свое дело. Это значит, что господствующие слои и организации общества осуществляют идеологическую обработку населения в самом фундаменте его жалкого существования. <...> Советская пропаганда и идеология лживы и лицемерны»[41].

[40] Зиновьев А. Указ. соч. — С. 74.

[41] Там же. — С. 130.

Глава 12

Смерть заговорщикам и поджигателям!

На площади Куба через два дня состоится праздник Правосудия. Стало быть, опять какой-то из Нумеров нарушил ход великой Государственной Машины, опять случилось что-то непредвиденное, непредвычислимое.

Евгений Замятин, «Мы»

1

В рамках комплексных агитационно-пропагандистских кампаний большевиков одно из важнейших мест занимало такое направление как подавление деятельности других партий с их последующим физическим истреблением. Выше уже неоднократно говорилось о фатальной нетерпимости Ленина ко всякому политическому инакомыслию. После победы Советской власти в Гражданской войне был взят курс на полную нейтрализацию ее противников. В отчете Петроградского губкома говорилось: «Главное внимание партийной организации в 1921 г. было направлено на прямую агитацию в массах с целью парализовать возможное влияние на них со стороны контрреволюционных сил». За 5 месяцев 1921 г. агитотдел Петроградского губкома организовал 350 контрпропагандистских митингов и собраний в городе и около 80 в уездах, а за 8 месяцев того же года всего по губернии было проведено 460 собраний и 15 компаний[1].

Основными противниками большевиков в исследуемый период являлись эсеры и меньшевики. Против них и была развернута вся мощь агитпропа. При этом самой впечатляющей из всех компаний против небольшевистских партий стал беспрецедентный до того времени процесс над эсерами, который проходил в Москве на про-

[1] Очерки истории ленинградской организации КПСС. — Т. 2. — С. 115.

тяжении целых двух месяцев с 8 июня по 7 августа 1922 г.[2] Эта грандиозная акция выделялась по своим размаху, режиссуре, цинизму и последствиям, а также была очень характерна для методов и форм деятельности большевиков против своих соперников, а позже и против друг друга.

Как уже говорилось, 20 февраля 1922 г. Ленин направил в Наркомюст секретную директиву о необходимости усиления репрессий против меньшевиков и эсеров, проведения их ревтрибуналами в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке и «обязательной постановки ряда образцовых процессов» с «воздействием на членов ревтрибуналов через партию»[3]. 28 февраля ГПУ объявило в «Правде» о подготовке судебного процесса по делу ЦК Партии социалистов-революционеров, действовавшего в годы Гражданской войны в России и арестованного в 1920 г. Эсеры обвинялись в контрреволюционной, антисоветской деятельности.

С помощью процесса большевики хотели решить целый ряд задач. Во-первых, уничтожить эсеров как политическую партию. Об этом намерении совершенно открыто говорилось в упоминаемой уже резолюции XII конференции РКП (б)[4]. Чтобы добиться этого, большевикам нужно было не только уничтожить или изолировать эсеровских лидеров и активистов, но и широко изобразить деятельность партии в самом негативном для населения свете.

Во-вторых, с помощью процесса большевики стремились добиться дискредитации не только практики, но и идеологии эсеров, убедив массы, что «антинародная» деятельность ПСР закономерно вытекает из ее порочной доктрины. Троцкий в статье «Урок для народных низов» писал, что те, кто все еще находится в плену у народнических традиций и предрассудков, должны прежде всего «извлечь из процессов эсеров необходимый и спасительный урок»[5]. При этом следует подчеркнуть, что процесс в таком случае наносил удар не только по теории именно эсеров, но и по всякому свободомыслию в условиях большевистского режима вообще. Это был решающий акт утверждения большевиками монополии на истину.

---

[2] Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. — М.: 2005. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. — М.: 2002.

[3] Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // ПСС. — Т. 44. — С. 396–397.

[4] КПСС в резолюциях... — Т. 2. — С. 590–591.

[5] Петроградская правда. — 1922. — 25 мая.

Третья важная задача заключалась в том, чтобы указать массам на общий источник их бедствий и трудностей. Большевикам было необходимо отвести от себя обвинения в том, что они навязанной стране Гражданской войной довели ее до полного разорения, а для этого нужно было представить другой конкретный политический объект для народного гнева. В тезисах Севзапбюро ЦК РКП (б) для пропагандистов прямо говорилось: «Процесс против эсеров есть суд всей Советской Рабочее-Крестьянской России над виновниками ее невзгод, мучений и лишений»[6].

Еще одной задачей предпринимаемого судилища являлось, очевидно, поднятие боевого духа в партии и среди ее сторонников, который в значительной мере упал с переходом к НЭПу. В этом плане процесс играл роль некоей политической компенсации за уступки буржуям в экономике. Компания в связи с процессом позволяла нагнетать в обществе пропагандистскую истерию, направляя социально-политическую энергию масс в нужное для партократов русло.

Наконец, можно указать еще на стремление большевиков дискредитировать ПСР перед лицом правительств зарубежных стран и мировой общественности, ибо Советская Россия крайне нуждалась в прорыве экономической блокады, за которую ратовали эсеры.

2

3 апреля 1922 г. ЦК РКП (б) принял решение о необходимости проведения агитационно-пропагандистской кампании к процессу над эсерами. В телеграмме Куйбышева от 2 мая всем губкомам предписывалось «немедленно начать самую энергичную <...> агитацию вокруг процесса. <...> Выделить специальных агитаторов, провести инструктивные собрания, поставить вопрос на ячейках, провести широкие рабочие митинги и подготовить по возможности рабочие демонстрации ко дню процесса»[7]. В другой своей телеграмме от 19 мая секретарь ЦК разъяснял, что важнейшая задача агитации — это отрыв эсеровских низов от лидеров партии. Относительно стиля работы говорилось: «Надо усвоить тон “сожаления” к обманутым и тон разъяснения им, что они являются пушечным мясом контрреволюции»[8].

---

[6] ЦГАИД. — Ф. 16. — Оп. 9. — Д. 9318. — Л. 10. См. также: Красная газета. — 1922. — 4 марта.

[7] РЦХИДНИ. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 223. — Л. 3.

[8] Там же.

Севзапбюро в развитие данных директив в своем письме губкомам региона предписывало строить работу так, чтобы «на широких рабочих и красноармейских собраниях выносились резолюции, клеймящие позором эсеров и меньшевиков и требующие беспощадной кары по отношению к ним»[9].

В середине мая ЦК РКП (б) разослал циркуляр, в котором пропагандистам предписывалось строить свои выступления на следующих положениях: 1) эсеры — союзники и агенты Антанты, 2) эсеры — помощники русской контрреволюции, 3) ПСР заявила в 1918 г. о прекращении борьбы с Советской властью, но позже возобновила ее, 4) лучшие элементы партии уже отвернулись от эсеровских вождей[10]. Несколько позднее Куйбышев в телеграмме указал агитотделам на необходимость «постоянно подчеркивать, что партия с.-р. есть партия возобновления гражданской войны со всеми связанными с ней бедствиями»[11].

19 мая 1922 г. в ЦК состоялось совещание представителей редакций партийных изданий, на котором 40 журналистов были прикреплены на время кампании к определенным газетам[12]. Агитотдел ЦК создал специальное бюро печати, снабжавшее прессу материалами об эсерах. В течение мая в партийных комитетах всех уровней были разработаны планы проведения компании. Они предусматривали выступления в печати, организацию митингов, собраний и демонстраций, использование наглядной агитации, чтение докладов, показ кинофильмов.

В помощь агитаторам была издана литература: тезисы А. Луначарского и Н. Крылено «К процессу правых эсеров» (10 тыс. экз.), брошюры Ил. Вардина «Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты» (20 тыс.), Ю. Стеклова «Партия социалистов-революционеров» (25 тыс.), В. Мещерякова с таким же названием, А. Луначарского «Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров» и др. Всего агитпропом ЦК РКП (б) было выпущено 12 брошюр[13]. Издавали литературу и на местах. Так, Петроградский губком переиздал выпущенную в Москве брошюру «Эсеры на работе против Советов». Здесь же были написаны и опубликованы «Тезисы для доклада о процессе эсеров» (3,5 тыс. экз.).

---

[9] РЦХИДНИ. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 223. — Л. 5.

[10] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 304. — Л. 102.

[11] РЦХИДНИ. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 223. — Л. 5.

[12] Подболотов П.А. Крах... — С. 72.

[13] Подболотов П.А. Крах... — С. 74.

Центральное место предстоящему процессу уделяла периодическая печать. «Петроградская правда» уже 3 марта 1922 г. поместила материал на целую полосу под заголовком «Разоблачения о деятельности партии эсеров». Со второй половины мая в каждом номере газеты публиковались статьи и подборки информации к процессу. С начала июня под данные материалы отводилось, как правило, до четверти объема газеты, а номер за 20 июня был весь посвящен уже шедшему в то время суду. Активно освещался процесс и в других газетах региона. Например, череповецкий «Коммунист» уже с марта отдавал этой теме целые полосы.

Очень важно отметить, что большевики даже и не пытались сколько-нибудь маскировать свое судилище под законную акцию, представляющую собой стремление выявить истину и объективно определить степень вины или невиновность подсудимых. Напротив, вся большевистская пропагандистская литература определяла процесс над эсерами не как юридический суд по уголовному делу, а как политический классовый суд. Одна из статей «Справочника Петроградского агитатора» так и называлась — «Класс против класса». В ней утверждалось, что «благо революции — высший закон» и правовым источником такого процесса является «верховное право пролетариата на социальную революцию»[14].

Основной мотив обвинений эсеров был всегда один — борьба ПСР против большевиков и, соответственно, Советской власти. В брошюре «Эсеры на работе против Советов» им инкриминировалось конкретно следующее: сотрудничество с буржуазными партиями, создание «Союза защиты Родины и свободы», сотрудничество с Антантой, тайное проведение своих членов в Красную армию и советский аппарат, связи с духовенством, финансирование партии из буржуазных источников, денежные экспроприации у Советского правительства, прямое участие в вооруженной борьбе против большевизма[15].

Все антиэсеровские материалы были выдержаны в совершенно непримиримом, крайне злобном и оскорбительном тоне. По отношению к противнику употреблялись такие выражения, как «оголтелые черносотенцы», «шайка белогвардейцев, наймитов и убийц», «палачи рабочего класса» и т.п.[16] В одной из статей «Петроградской правды» говорилось: «Само слово “с.-р.” должно быть изъято из

[14] Справочник Петроградского агитатора. — 1922. — № 6–6. — С. 12.

[15] Эсеры на работе против Советов. — Пг.: 1922. — С. 23.

[16] Петроградская правда. — 1922. — 26 марта, 13 мая, 20 мая.

лексикона русской революции и заменено словами «предатели рабочего класса»[17].

Даже нарком просвещения Анатолий Луначарский, имевший репутацию эстета и самого культурного из большевиков, так характеризовал эсеров в своей брошюре: «Если хорошенько представишь себе эту авантюристическую, изменническую, кровожадную, мелко-буржуазную партию, и если прибавишь к этому все эти сентиментальные фразы, тремоло косоглазого “великана” Чернова и его бабушки Брешко-Брешковской, которая то каркает, как пиковая дама, то расплывается в сладком, как патока, мещанском сентиментализме, то испытываешь подлинную гадливость».

Луначарский констатировал: «Смердящий гнойник, который виден теперь всем под псевдонимом ПСР, показан всем, имеющим глаза. <...> Революционный пролетариат ненавидит и презирает эсеров. <...> Пережив тяжелый кризис, израненная страна должна озаботиться об антисептике, о полном выжигании путем суровости сулемного характера всех этих жизневредителей»[18].

Большевистские авторы столь увлеклись безнаказанным избиением лежачего, что партийному руководству, обеспокоенному возможностью обратного эффекта от подобной низкопробной публицистики, пришлось их одергивать. 2 июня Куйбышев разослал телеграмму, где в частности, говорилось: «Не нужно придавать агитации крикливо-ругательного характера... Эсерствующий или полуэсерствующий уже с первого слова ошарашивается по лбу крепчайшими эпитетами и, разумеется, перестает следить за ходом мыслей автора»[19].

В идейно-теоретическом содержании антиэсеровских материалов красной нитью проходила линия на отожествление эсеров с более правыми партиями. В этом плане интересна попытка петроградского публициста Н. Кузьмина сравнить философские представления эсеров и монархистов. В статье «Поскреби эсера — будет мракобес» он писал, что монархисты-черносотенцы считают двигателем истории Бога, а эсеры — разум. Следовательно, и тех и других побуждают к действию «не наблюдения над жизнью, не требования действительности <...> а какая-то высшая сила». Отсюда доморощенный большевистский философ заключал, что «единый философский корень», хотя и поразному называемый, привел эти партии к единству действий[20].

---

[17] Петроградская правда. — 1922. — 27 мая.

[18] Луначарский А. Бывшие люди. — М.: 1922. — С. 78–80.

[19] ЦГАИД. — Ф. 16. — Оп. 9. — Д. 9318. — Л. 46.

[20] Петроградская правда. — 1922. — 25 мая.

Очень активно большевистская пропаганда использовала такой прием как публикация писем рабочих (самим же изданием и организованных) или резолюций разного рода собраний (организованных парткомами), в которых выражались негативные отношения к эсерам и требования суровой кары. В одном из таких решений, принятых на общезаводском собрании Охтинского завода 19 мая 1922 г., в частности, говорилось: «По отношению эсеров — этих лакеев мирового капитала — мы единогласно заявляем, что им нет места среди пролетарских рядов. Русский рабочий помнит и знает, все те преступления, какие совершила партия эсеров по отношению пролетарской революции... Доказать невиновность этих убийц не удастся. Обвинителем этих изменников выступит весь русский рабочий класс»[21]. Часто резолюции заканчивались требованием смертной казни для подсудимых. Так, районный митинг Петроградского района записал в своем решении: «Смерть заговорщикам и поджигателям!»[22].

В период кампании активно использовалась наглядная агитация. В городах, на железнодорожных станциях устраивались специальные агитвитрины, где вывешивались типографские и самодеятельные плакаты, писались крупным шрифтом лозунги и призывы. В Петрограде широко демонстрировался описанный выше плакат с гробами и ряд других карикатур. К процессу были приурочены и массовые показы кинофильмов «Черные дни Кронштадта» и «Похороны Урицкого и Володарского». С некоторых кадров этих фильмов были сделаны фотоснимки. Из Петрограда 60 таких комплектов были посланы в Псковскую, Новгородскую и Череповецкую губернии[23].

В большом количестве устраивались митинги и собрания. Только в мае 1922 г. агитотдел Петроградского губкома организовал 13 открытых районных партийных собраний, 15 рабочих митингов, 25 собраний на предприятиях и в уездах[24].

Нередко на собраниях большевики использовали в целях своей пропаганды раскаявшихся эсеров. Петроградский партийный работник некто Никулихин, выступая с докладом на одном из городских митингов в мае 1922 г. утверждал, что бывшие эсеры, состоящие ныне в РКП (б), должны выступать с публичными раскаяниями по поводу своей прошлой деятельности. На том же митинге с покаяниями выступили бывший эсер рабочий Андреев и еще несколько

[21] Петроградская правда. — 1922. — 23 мая.

[22] Красная газета. — 1922. — 23 мая.

[23] ЦГАИД. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 2392. — Л. 9.

[24] Подболотов П.А. Крах... — С. 74.

человек[25]. «Социалистический вестник» неоднократно сообщал о том, что органы ГПУ вели постоянную работу среди арестованных меньшевиков и эсеров с целью склонить их к подобным покаянным публичным выступлениям, а также сотрудничеству в качестве агентов-осведомителей[26].

В ходе кампании большевики организовали и ряд массовых демонстраций. Первая из них состоялась в Москве на Виндавском (ныне Рижском) вокзале 25 мая 1922 г. по случаю прибытия на процесс зарубежных адвокатов, известных социал-демократов Э. Вандервельде, К. Розенфельда и Т. Либкнехта. На вокзале собралась большая агрессивная толпа с плакатами, содержащими лозунги протеста и негодования. На огромном транспаранте было написано: «Адвокатам контрреволюции: Вандервельде, королевский министр, когда вы будете на скамье Ревтрибунала бельгийских рабочих? Теодору Либкнехту — Каин, Каин, где твой брат Карл?» Когда приехавшие вышли из вагона, раздались свист, улюлюканье, выкрики. Оглушительный шум продолжался несколько минут. После отъезда адвокатов в автомобиле толпа бросилась вслед за ними и некоторое время преследовала их[27].

В последующие дни в советской прессе против адвокатов развернулась самая гнусная травля. Например, 27 мая «Петроградская правда» писала: «Международным социал-предателям, приехавшим в Россию защищать своих коллег, палачей эсеров, наше презрение, как самым заклятым врагам пролетариата». Далее говорилось, что им самим место на скамье подсудимых, а Вандервельде был назван «буржуазным выродком», который «запятнает своим присутствием советскую пролетарскую землю». В заключение статьи содержались призывы: «Руки прочь, предатели! Убийцам вождей пролетариата — смерть!»[28] Подобные материалы активно публиковались и в других газетах.

3

С первых же дней суда, начавшегося 8 июня, ни для кого, разумеется, не было секретом, что его сценарий, ход и результаты заранее спланированы. Через неделю зарубежные адвокаты с согласия подсудимых

[25] Петроградская правда. — 1922. — 23 мая. Красная газета. — 1922. — 22 мая.

[26] Социалистический вестник. — 1923. — 16 августа.

[27] Петроградская правда. — 1922. — 28 мая.

[28] Петроградская правда. — 1922. — 27 июня.

покинули процесс. «Мы ушли по просьбе самих обвиняемых, — заявил Вандервельде по прибытии в Берлин, — не пожелавших, чтобы мы своим присутствием санкционировали комедию суда»[29].

В воскресенье 20 июня в Москве, Петрограде и ряде других крупных городов были организованы крупнейшие демонстрации населения в поддержку суда и обвинения. В Москве с 4 часов утра до 7 вечера по Красной площади прошли более 300 тыс. человек[30]. В Петрограде по официальным данным, в демонстрации приняли участие до 200 тыс. человек, которые, пройдя по улицам, собрались на митинг на Марсовом поле. Здесь у могилы Урицкого толпа приняла резолюцию с выражением требований «сурового беспощадного приговора над организаторами убийства наших вождей, над виновниками Гражданской войны, истерзавшей Рабочее-Крестьянскую республику и унесшей в могилу сотни тысяч наших братьев»[31].

Характерно, что накануне этого шествия меньшевики выпустили листовку, слова которой оказались полностью пророческими. Призывая народ не ходить на демонстрацию, авторы прокламации писали: «Знайте, если ее лозунги превратятся в жизнь, большевики не удержатся на наклонной плоскости и вы будете захлестнуты кровавым безумием... Большевистская политика оторвала вас, отколола от подавляющего большинства международного пролетариата. И если кровавое дело совершится, этот раскол превратится в пропасть»[32].

Особо следует сказать о режиссуре самого процесса, ибо она рассчитывалась на максимально-возможный пропагандистский эффект. Подсудимые были разделены на две группы. В первую входили 12 членов ЦК ПСР — А. Р. Гоц, Д. Д. Донской, М. Я. Гендельман и др., а также 10 рядовых эсеров. Вторую группу составляли 12 бывших эсеров, раскаявшиеся в своей прошлой деятельности. Главными фигурами среди них были бывшие члены боевой организации Г. Семенов (организатор убийства Урицкого[33]) и его жена П. Коноплева. Их показания, опубликованные еще в феврале 1922 г., являлись основой для первоначального обвинения. В кругах рос-

[29] Последние новости. — 1922. 25 июня.

[30] Злобина В.М. Указ. соч. — С. 102.

[31] Гусев К.В. Ерицян Х.А. Указ. соч. — С. 409.

[32] ЦГАОР. — Ф. 9550. — Оп. 9. — Д. 44. — Л. 1.

[33] Володарский В. (1891–1918) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://funeral-spb.narod.ru/necropols/marsovo/tombs/volodarsky/volodarsky.html, свободный.

сийской и западной социал-демократии были убеждены, что они носят клеветнический, доносительский характер[34]. (Семенов был в 1920 г. арестован органами ВЧК, завербован и послан в Польшу с разведывательными целями[35].) В ходе суда члены второй группы обличали первую группу и выступали с разоблачениями эсеровских лидеров-эмигрантов. Между группами велась полемика, вспыхивали эмоциональные перебранки.

Входные билеты в зал заседаний распределялись через партийные организации. Петрограду было предоставлено право послать на суд 50 своих представителей, которые приняли коллективное письмо Ленину, где заверили, что будут «бдительны и внимательны на суде»[36]. Сам инициатор процесса, разумеется, на него не пошел, следуя своей привычке дергать ниточки марионеток, оставаясь в безопасности за ширмой.

Тактика подсудимых эсеров первого группы была во многом такой же, как и в аналогичных ситуациях в дореволюционное время. Они стремились использовать процесс как трибуну для обличения своих тюремщиков и открыто выражали позорному судилищу свое презрение. Коренное отличие от прежних, царских процессов состояло в том, что там публика нередко сочувствовала революционерам или, по крайней мере, выступала за выявление истины в рамках закона. Здесь же специально подобранная аудитория партийных работников и распропагандированных рабочих видела в подсудимых лишь заклятых врагов и вела себя по отношению к ним издевательски. Дело дошло до того, что 20 июня в зал суда была впущена толпа манифестантов, которые устроили двухчасовой митинг с требованием смертной казни[37].

При этом нужно заметить, что подсудимые, будучи и сами революционерами и народными радетелями, могли в полной мере ощутить на себе благодарность объекта своей любви за многолетнюю борьбу с царизмом и отсидки по тюрьмам и каторгам.

7 августа суд приговорил 12 подсудимых первой группы к смерти, 10 — к срокам заключения от 2 до 7 лет. Из второй группы трое были приговорены к смерти (опять пропагандистский эффект), остальные — к срокам[38]. Однако одновременно суд обратился в президиум

---

[34] Флейшман Л. И др. Горький и дело эсеров // Дружба народов. — 1990. — № 12. — С. 232.

[35] Правда. — 1922. — 23 марта.

[36] ЦГАИД. — Ф. 16. — Оп. 9. — Д. 9318. — Л. 53.

[37] Янсен М. Суд над эсерами // Огонек. — 1990. — № 39. — С. 14.

38 Голинков Д.Л. Указ. соч. — С. 212.

ЦИК с просьбой о помиловании членов второй группы. Днем позже президиум подтвердил приговоры членам первой группы, но приостановил их исполнение, поставив его в зависимость от поведения тех эсеров, которые действовали на свободе. Большевистская пропаганда подавала этот шаг, как проявление гуманности, хотя в действительности заключенные были превращены теперь в заложников (впоследствии они были репрессированы). Все члены второй группы были помилованы, и для них суд закончился приемом в Кремле[39].

Оценивая приговор, «Социалистический вестник» писал: «Утонченной жестокостью своей, пыткой ожидания смерти, растянутой на годы, циничной практикой системы заложничества — этот приговор оставляет далеко за собой все, что может придумать самое темное варварство»[40].

После окончания процесса агитпропотдел ЦК РКП (б) постановил принять меры «к закреплению в сознании масс и широких партийных кругов того богатейшего материала, разоблачающего партию социалистов-революционеров и союзные с ней соглашательские и контрреволюционные группы, которые дал процесс»[41]. Массовыми тиражами были изданы речи обвинителей, приговор суда, опубликованы статьи по итогам процесса.

После суда большевики организовали ряд «самороспусков» эсеровских организаций. 18 марта 1923 г. в Москве была устроена политическая инсценировка под названием Всероссийский съезд бывших эсеров, в которой участвовали 45 человек. Председателю этого собрания петроградскому рабочему Кононову через месяц на XII съезде РКП (б) было дано слово, в котором он выразил покаяние как бы от имени рядовых членов ПСР, в частности, сказав: «Наш руководящий центр с 1917 г. взял неправильный путь и мы вместе со своим центром делали известные преступления перед революцией. Но пришло время, когда мы сказали: нет, это не то. Многим из нас после этого пришлось многое пережить. Многие бросили партию еще в 1919 г. Но чтобы прийти и сказать во всеуслышание, что мы покончили с прошлым и присоединяемся к партии коммунистов, — для этого потребовалось известное время. И этот съезд был завершением всех переживаний. На нем мы заклеймили позором всех наших вождей, которые нас вывели на этот позорный путь. Мы сказали: нам не место с вами. Мы, рабочие, считаем свое место вместе с революционны-

[39] Янсен М. Указ. соч. — С. 17.

[40] Социалистический вестник. — 1922. — 9 августа.

[41] Цит. по: Гусев Р.К. Ерицян Х.А. Указ. соч. — С. 414.

ми рабочими и желаем бороться против мирового капитала за достижение коммунизма. <...> Да здравствует партия коммунистов!»[42].

12 августа того же года в Петрограде состоялась Конференция бывших эсеров Северо-Западной области, присоединившаяся к резолюциям московского съезда. После этого прошли губернские конференции, избиравшие оргбюро бывших членов ПСР, которые пропагандировали идеи роспусков эсеровских организаций и групп и вступления их членов в РКП (б). Большевистская пропаганда активно информировала население о таком разложении ПСР и помогала организационным бюро вести агитацию. В 1923 г. партия эсеров фактически прекратила свое существование в России, хотя, отдельные небольшие группы социалистов-революционеров имелись здесь до конца 1920-х годов.

4

Также целенаправленно велась работа и против меньшевиков. Каких-либо крупных компаний, подобных процессу над эсерами, здесь не устраивалось, хотя первоначально такая идея большевиками высказывалась. Тем не менее проводилась постоянная антименьшевистская работа в печати, на митингах и собраниях, применялись административно-репрессивные меры. 11 мая 1922 г., обсуждая вопрос об агиткампании к процессу эсеров, Петроградский губком РКП (б) наметил ряд мер и в отношении меньшевиков. В конце мая 1922 г. ряд активных деятелей РСДРП (м) были высланы из Петрограда.

В начале 1923 г. работа меньшевиков несколько оживилась. Приближался 25-летний юбилей со дня I съезда РСДРП, и они, считавшие себя прямыми законными наследниками первых российских социал-демократов, намеревались использовать эту дату в политико-пропагандистских целях. Однако большевики не собирались отдавать столь значительный повод противнику, и в Советской России самым официозным образом было отмечено 25-летие партии как юбилей именно большевиков. В ответ же на «происки» меньшевиков, Петроградский губком, например, постановил провести партийные собрания на всех предприятиях, где были обнаружены меньшевистские листовки. 14 марта, в день юбилея, праздничные доклады с сильной антименьшевистской направленностью были поставлены

[42] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 664.

на открытых партсобраниях в 215 пунктах Петрограда с охватом 90 тыс. чел. Меньшевикам не удалось сколько-нибудь серьезно укрепить свои позиции, используя юбилейную компанию.

С весны 1923 г. начался организованный большевиками процесс самороспусков меньшевистских организаций. Советская пропаганда освещала его в печати и всячески стимулировала. Так, в 1923 г. была издана брошюра «Разложение меньшевизма», в которой бывшие члены ЦК РСДРП (м) А С. Мартынов и Н.А. Рожков излагали причины, побудившие их порвать с партией. 17 августа «Правда» опубликовала статью Бубнова «Развал партии господина Дана», где как бы официально констатировалась политическая смерть меньшевизма. 30 сентября 1923 г. «Петроградская правда» напечатала обращение 40 меньшевиков к своим бывшим товарищам по партии с призывом порвать с меньшевизмом. 18 ноября в Клубе печатников в Петрограде состоялось собрание бывших членов РСДРП (м), где с докладом выступил Мартынов, к этому времени уже член РКП (б). Собрание организовало оргбюро для руководства работой по ликвидации Петроградской организации меньшевиков.

12–13 марта 1924 г. в Ленинграде состоялась Конференция бывших меньшевиков в составе около 200 человек. Делегаты объявили о своем разрыве с меньшевизмом[43]. Летом того же года перестал выходить подпольный «Рабочий листок». К концу 1924 г. РСДРП (м) практически прекратила существование на территории России. При этом уже в январе того же года XIII конференция РКП (б) констатировала «развал меньшевистской и эсеровской партий»[44].

Таким образом, для разложения своих бывших соратников — социал-демократов — большевикам не понадобилось проводить какого-либо специального показательного процесса. И хотя общие репрессивные меры большевистского режима, безусловно, сыграли большую роль в ликвидации РСДРП (м), в значительной степени это было обусловлено и усилением идейно-политического влияния большевиков через пропаганду и агитацию. Одной из решающих мер здесь был, несомненно, процесс над эсерами.

Основной его результат верно сформулировал Павел Милюков: «Цель господствующей в России партии — обезвредить своих противников идейно. Эту цель <...> можно считать вполне достигнутой»[45]. Действительно, после суда над эсерами борьба большевиков с

[43] Правда. — 1924. — 14, 15 марта.

[44] КПСС в резолюциях... — Изд. 7-е. — Часть I. — С. 772.

[45] Цит. по: Подболотов П. А. Указ соч. — С. 85.

инакомыслием перешла в победную завершающую стадию. Активно закрывались уцелевшие еще аполитичные независимые журналы, высылались интеллектуалы. Внутри самой РКП (б) с конца 1923 г. начались непрерывные гонения на оппозиционные и уклонистские точки зрения.

Суд над эсерами открыл целую серию организованных большевиками в 1920–1930-е годы политических показательных процессов, являющихся в истории СССР одной из его самых позорных страниц. Важно осознавать, что началось все это по прямому указанию Ленина и при его последующей организационной, идейной и моральной поддержке.

Глава 13

Именно теперь, когда в голодных местностях едят людей...

Мы же приносим жертву нашему Богу — Единому Государству.

Евгений Замятин, «Мы»

1

Религию и церковь Ленин ненавидел совершенно особой бескомпромиссной ненавистью фанатика одной веры к приверженцам другой, конкурентно-враждебной. Еще до революции вслед за Карлом Марксом он писал: «Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь»[1]. А в одном из писем вообще договорился до какой-то с любых позиций неприличной формулы, что «всякий боженька есть труположство»[2].

До своего захвата власти большевики выступали за полное отделение церкви от государства, однако Ленин всегда подчеркивал, что этот либеральный лозунг, провозглашающий религию частным делом, не есть большевистский и партия «не может и не должна безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований»[3]. «Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма»[4], — таково было кредо классика коммунизма. В Программе же РКП (б) уже ни для какой церкви в светлом коммунистическом будущем места не было вообще: «РКП руководствуется убеждением,

[1] Ленин В. И. Социализм и религия // ПСС. — Т. 12. — С. 142.

[2] Ленин В. И. М.Горькому // ПСС. — Т. 48. — С. 226.

[3] Ленин В.И. Социализм и религия // ПСС. — Т. 12. — С. 145.

[4] Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии // ПСС. — Т. 17. — С. 418.

что <...> осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков»[5].

Разумеется, следует признать, что в Русской православной церкви начала XX века очень трудно было бы усмотреть некий адекватный потребностям страны, прогрессивный общественный институт. Как известно, в Западной Европе церковь испокон века являлась организацией, в той или иной степени обладающей самостоятельностью по отношению к государству и нередко прямо оппозиционной тому или иному государю по различным вопросам, что способствовало развитию обоих институтов — и власти, и церкви.

Совсем другая ситуация наблюдалась в России, где церковь была полностью подчинена государству, а с петровских времен и вообще являлась просто одним из государственных ведомств, представляя собой в начале XX века структуру идеологически косную, организационно монопольную, социально формальную и морально, без преувеличения, опустившуюся. Престиж РПЦ в российском обществе был откровенно низок, причем не только среди либеральной интеллигенции, просто поносившей русское поповство без всякого человеческого смущения и божьего страха, а даже и у значительной части необразованного народа. Генерал А.И. Деникин в своих мемуарах рассказывает, как один из русских офицеров расположил солдат на постой в храме, причем устроил отхожее место прямо в алтаре, — и ни один из сотен формально православных людей не возмутился этим святотатством. Если еще в 1916 году к Святой чаше регулярно подходили почти все православные военные, то после отмены в 1917 году обязательного причащения в армии, 90% солдат перестали это делать.

И все-таки это была форма христианства, а значит, и европейской цивилизации. Форма архаичная, не знавшая на протяжении многих столетий никаких существенных реформаций, обращенная то ли к Богу, то ли, скорее всего, внутрь себя, к духовенству, но никак не вовне к массе верующих — и, тем не менее, исповедовавшая Христа, то есть формально признающая приоритет общечеловеческих нравственных ценностей. Русский христианский философ Владимир Соловьев в этой связи писал: «Каждое лицо есть нечто особенное и незаменимое и следовательно должно быть самоцелью, а не средством или орудием только — это право лица по существу своему безусловно»[6]. (То есть христианин в данном случае выразил

5 Восьмой съезд РКП (б). — С. 402.

[6] Цит. по: Лосский Н. История русской философии. — С. 148.

самый центральный постулат системы ценностей либерализма в противоположность коммунизму, где человек — исключительно средство для построения нового мироустройства). Русская православная церковь нуждалась в реформах, с чем соглашались и сами многие священнослужители, но если это и была с позиций XX века «плохая», отсталая церковь, то полное отрицание религии и борьба с ней, на чем стоял большевизм, было, несомненно, не просто еще хуже, а вообще абсурдно и преступно.

Временное правительство 20 марта 1917 г. отменило национальные и вероисповедные ограничения. 14 июля был принят закон о свободе совести, в котором впервые в российской истории предусматривалось и вневероисповедальное состояние. 25 июля была отменена введенная Петром I и подчинявшая церковь государству синодальная система управления. 15 августа открылся Поместный собор РПЦ, призванный избрать патриарха и решить множество церковных вопросов в связи с новой ситуацией. Однако этот процесс демократизации Русской православной церкви был прерван Октябрьской революцией.

После прихода большевиков к власти РПЦ из ранее официального ведомства практически сразу же превратилась в изгоя в собственной стране. По Декрету о земле от 26 октября 1917 г. Церковь в целом, а вместе с нею и приходское духовенство, лишались прав собственности на землю. 11 декабря Декретом СНК все церковные учебные заведения — школы, семинарии, училища, академии — вместе с их имуществом были переданы государству. 18 декабря отменили действенность церковного брака[7].

20 января 1918 г. был подписан и на следующий день опубликован в «Правде» Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах. Проведя общедемократическую норму отделения церкви от государства, Декрет в то же время носил и коммунистический характер, провозгласив: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием»[8]. То есть Церковь лишалась не только всего ее движимого и недвижимого имущества, и даже не только права владеть таковым, а вообще быть полноценной организацией.

---

[7] См. Цыпин В. История Русской Православной Церкви в 1917–1991 гг. — М.: 1991. История Русской Православной Церкви в 20 веке. — М.: 1997. История Русской Православной Церкви. — Том. 1. 1917–1970 годы. — СПб.: 1997.

[8] Декреты Советской власти. — Т. I. — М.: 1957. — С. 374.

В мае 1918 г. для проведения в жизнь Декрета от 20 января был создан специальный 8-й “ликвидационный” отдел при Наркомате юстиции под руководством члена Малого Совнаркома П. А. Красикова. Уже из негласного названия этого подразделения видно, что большевики рассчитывали на быстрое отмирание религии в новом обществе. 30 августа Церковь официально лишалась прав юридического лица, у нее отбиралось все небогослужебное имущество, в церковной жизни вводился ряд ограничений. 20 сентября 1918 г. большевики разогнали и все еще продолжавшийся с перерывами Поместный собор РПЦ.

Согласно первой Советской Конституции, духовенство и монахи были лишены избирательных прав. Многих прав также лишались и дети церковников, в частности, им запрещалось поступление в высшие учебные заведения. Кроме того, служителям культа не полагался продовольственный паек. В условиях массового закрытия церквей и монастырей многие из них были обречены на голодную смерть.

Быстро набрала обороты по отношению к служителям церкви и большевистская репрессивная машина. 25 января 1918 года группой революционных солдат в Киеве был убит митрополит Киевский Владимир. Летом 1918 года по политическим мотивам были расстреляны еще несколько архиереев: архиепископ Тобольский Гермоген, архиепископ Пермский Андроник Пермский, епископ Соликамский Феофан Соликамский и др. После покушения на Ленина 30 августа 1918 г. и организации осенью красного террора истребление священников приняло массовый характер. Всего с 1918 по 1921 год по некоторым подсчетам погибло 23 архиерея и более 10 тыс. человек духовенства[9], а также 10–12 тыс. верующих мирян[10].

Параллельно с репрессиями уже в 1918 г. началась идеологическая травля РПЦ в большевистской печати. Иерархию и мирян обвиняли в поддержке эксплуататорских классов, в многовековом обмане и обирании темного и невежественного народа, во всевозможных нравственных прегрешениях. С разгаром Гражданской войны Церковь начали обвинять в активной поддержке контрреволюции, писали даже, что в белых войсках якобы существуют целые подразделения, сформированные из духовенства.

---

[9] Митрофанов Г. История Русской Православной Церкви в 1900–1927 годах. — СПб.: 2002. — С. 202.

[10] Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в 20 веке. — М.: 1995. — С. 76.

Важным направлением в компаниях против Церкви в первые советские годы была эпопея с показательными вскрытиями мощей, официально объявленная постановлением Наркомата юстиции 16 февраля 1919 г. Главным идеологом и организатором этого был Красиков. Кампания реально началась еще 23 октября 1918 г. с вскрытия мощей св. Александра Свирского и продолжалась по 1 декабря 1920 г. За это время было эксгумировано 65 захоронений[11]. 12 августа 1920 г. постановлением СНК было предписано провести полную ликвидацию всех мощей во всероссийском масштабе.

2

В таких условиях практического уничтожения Русская православная церковь пыталась бороться за свою жизнь. 11 ноября 1917 г. Поместный собор выступил с посланием, где осудил развязанную в стране междоусобицу, когда «одна часть войска и народа, обольщенная обещаниями всяких земных благ и скорого мира, восстала на другую часть, и земля наша обагрилась братскою кровью». Собор призвал оставить «безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия» и вернуться на путь Христов[12].

19 января 1918 г. избранный в ноябре 1917 г. патриарх Тихон выступил с посланием, в котором он, обращаясь к «явным и тайным врагам» Церкви, вместо христианской любви всюду сеющим «семена злобы, ненависти и братоубийственной брани», провозгласил: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. Властию, данною Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему при-

[11] Губкин О. Русская православная церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.sir35.ru/Orthodoxy/Ch_606/htm, свободный.

[12] Послание Священного Собора Православной Российской Церкви (11.11.1917) // Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. — Книга 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_04.htm, свободный.

надлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение»[13]. Несмотря на некоторую туманность с конкретным именованием адресата патриаршего послания, было совершенно ясно, что анафеме предаются большевики и их пособники.

27 января 1918 г. Поместный собор выступил с воззванием по поводу Декрета о свободе совести, где он был охарактеризован, как «устанавливающий полное насилие над совестью верующих». Архиереи, в частности, писали: «Даже татары больше уважали нашу святую веру, чем наши теперешние законодатели. Доселе Русь называлась святою, а теперь хотят сделать ее поганою». Воззвание призывало: «Объединяйтесь же, православные, около своих храмов и пастырей, объединяйтесь все, мужчины и женщины, и старые и малые, составляйте союзы для защиты заветных святынь. Не попустите совершиться этому страшному кощунству и святотатству»[14].

Несколько позднее, 12 сентября 1918 г. Собор принял определение об охране церковных святынь, в котором говорилось, что «на каждом православном христианине лежит долг всеми доступными для него и не противными духу учения Христова средствами защищать церковные святыни от кощунственного захвата и поругания»[15].

Но самым резким и политическим было обращение Патриарха Тихона к Совету народных комиссаров по поводу годовщины Октябрьского переворота 7 ноября 1918 г.

В нем он, в частности, писал: «Все, взявшие меч, мечом погибнут. Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам, нынешние вершители судеб нашего Отечества, называющие себя “народными”

---

[13] [Послание Патриарха Тихона. Анафематствование большевиков] (19.1.1918) // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_04.htm, свободный.

[14] Воззвание Священного Собора к православному народу [по поводу декрета СНК о свободе совести] (27.1.1918) // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_04.htm, свободный.

[15] Определение Священного Собора Православной Российской Церкви об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания (12.9.1918) // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_04.htm, свободный.

комиссарами. Целый год вы держите в руках своих государственную власть <...> но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает Нас сказать вам горькое слово правды.

<...> Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство... И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции. <...> Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда... Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной контрреволюционности... По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. <...> Вы обещали свободу.

Где свобода слова и печати? Где свобода церковной проповеди? <...> Отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности»[16].

Однако почти через год, 8 октября 1919 г. Тихон уже, во многом смирившись с тем, что большевиков победить не удалось, призвал духовенство стоять выше и вне всяких политических интересов и помнить канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо политическим партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций. Тихон предписывал: «Уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, “повинуйтесь всякому человеческому начальству” в делах мирских (1 Петр. 2, 13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию,

[16] Обращение Святейшего Патриарха Тихона к Совету Народных Комиссаров [по поводу годовщины Октябрьского переворота] (7.11.1918) // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_04.htm, свободный.

ибо Богу, по апостольскому наставлению, “должно повиноваться более, чем людям”»[17].

3

Летом 1921 г. ряд губерний Поволжья, Нижней Украины и бассейна реки Урал охватил голод. Он произошел вследствие засухи, но еще в большей степени из-за политики военного коммунизма, выкачавшей из крестьян все продовольственные запасы. В помощи нуждались до 23 млн. человек[18].

2 июля 1921 года в газете «Правда» в первый раз на последней полосе, в коротенькой заметке, было упомянуто об обострении «проблемы продовольствия» на «фронте земледелия». Десятью днями позже в обращении Президиума ВЦИК «Ко всем гражданам РСФСР» признавалось, что «во многих районах засуха этого года уничтожила посевы». 18 июля власти создали Центральную Комиссию помощи голодающим при ВЦИК (Помгол) под председательством М. И. Калинина. ЦК РКП (б) принял обращение «Задачи партии в борьбе с голодом», опубликованное в «Правде» 21 июля. В нем вина за голод возлагалась на кого угодно, но только не на Советскую власть: «Бедствие является результатом не только засухи этого года. Оно подготовлено и обусловлено прошлой историей, отсталостью нашего сельского хозяйства, неорганизованностью, низким уровнем сельскохозяйственных знаний, низкой техникой, отсталыми формами севооборота. Оно усилено результатами войны и блокады, не прекращающейся борьбой против нас помещиков, капиталистов и их слуг; оно и сейчас усугубляется выполнителями воли организаций, враждебных Советской России и всему ее трудящемуся населению»[19].

Патриарх Тихон летом 1921 г. также выступил с воззванием «К народам мира и к православному человеку», где призвал спешить «на помощь бедствующим с руками, исполненными даров милосердия, с сердцем, полным любви и желания спасти гибнувшего

[17] Послание Святейшего Патриарха Тихона к духовенству Русской Церкви с призывом о невмешательстве в политическую борьбу (8.10.1919) // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_04.htm, свободный.

[18] Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом. — М.: 1975. — С.19.

[19] Черная книга коммунизма. — С. 134.

брата»[20]. В храмах начался сбор пожертвований. 22 августа глава Церкви обратился во ВЦИК с просьбой для лучшей организации помощи голодающим образовать Церковный комитет в составе духовенства и мирян и его подразделения на местах. На экстренном заседании Президиума Помгола эта инициатива была признана целесообразной, но против резко выступили Ленин, Троцкий, Сталин, Зиновьев и ряд других большевиков[21].

Тем не менее, резкое ухудшение ситуации и неспособность правительства предотвратить гибель миллионов людей вынудило ВЦИК после долгих колебаний 8 декабря 1921 г. принять постановление, давшее Церковному Комитету официальное разрешение на сбор средств для голодающих. Однако затем последовала долгая разработка инструкции о том, на каких основаниях следует допускать эту деятельность. Наконец, 1 февраля 1922 г. было утверждено соответствующее положение о Церковном Комитете и об участии церкви в деле помощи голодающим, а несколькими днями позже инструкция, устанавливавшая порядок сбора пожертвований, их направления и формы отчетности.

Сбор средств и передача их государству сопровождались массой ограничений, регламентаций и работой нескольких контролирующих партийных и советских инстанций. Несмотря на это, к февралю 1922 г. Церковь собрала более 8 миллионов 926 тысяч рублей, не считая ювелирных изделий, золотых монет и продовольственной помощи[22]. Более того, 19 февраля Патриарх выступил с воззванием, опубликованным в советской печати, в котором разрешил церковно-приходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих в том числе и принадлежавшие церкви драгоценные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления.

Однако властей не мог удовлетворить добровольный характер церковных пожертвований, и 23 февраля 1922 г. был принят Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». В нем говорилось: «Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие послужить средством борьбы с голодом в Поволжье и для

[20] Воззвание Святейшего Патриарха Тихона «К народам мира и к православному человеку» по поводу голода в России (лето 1921) // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_04.htm, свободный.

[21] Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. // Международный исторический журнал. — 1999. — № 1.

[22] Там же.

обсеменения его полей, ВЦИК, в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества, постановил: 1) Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного Комиссариата Финансов со специальным назначением в фонд Центральной Комиссии помощи голодающим»[23].

Как видно из текста, теперь изъятие ценностей, причем «всех», проводилось в принудительном порядке. При этом судить о том, может ли это существенно затронуть интересы культа или нет, предлагалось не священнослужителям, а представителям властей.

28 февраля Патриарх выступил с резким протестом. Он писал: «23 февраля ВЦИК, для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства. <...> Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов не освященных и не имеющих богослужебного употребления. <...> Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство — миряне отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана»[24].

В ответ на это большевистский агитпроп повел компанию по популяризации Декрета ВЦИК от 23 февраля. На собраниях и конференциях трудящихся принимались резолюции, аналогичные принятой, например, Любанской беспартийной конференцией: «Изъять из церквей излишки церковных богатств в присутствии верующих и духовенства для обмена таковых на хлеб»[25]. В то же время следует отметить, что советская пресса на местах в этот период сохраняла

[23] Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. — 1922. — № 19. — С. 217.

[24] Послание Патриарха Тихона о помощи голодающим и об изъятии церковных ценностей (28.2.1922) // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_04.htm, свободный.

[25] Звезда. — 1922. — 14 апреля. См. также: Красная газета. — 1922. — 5 апреля.

по отношению к церкви пока еще достаточно выдержанный тон и даже нередко благожелательный, когда речь шла о крупных добровольных пожертвованиях[26]. Например, в череповецком «Коммунисте» позиция Тихона была прокомментирована даже в положительном ключе в том смысле, что он благословил духовенство и верующих мирян помимо личных пожертвований добровольно отдавать и драгоценные церковные украшения, не имеющие богослужебного употребления[27]. Также одобрительно отозвалась новгородская «Звезда» на послание 24 марта митрополита Новгородского Арсения, выделяя те же моменты и сделав лишь небольшие пожелания[28]. Все газеты сообщали о фактах пожертвований и мирных изъятий, при этом в ряде случаев достаточно спокойно критикуя такие действия священников, которые, по мнению редакций, являлись неэффективными[29].

Местные власти во многих регионах также в этот период старались излишне не обострять обстановку по поводу изъятий и предпочитали в большинстве компромиссные варианты. Так, заместитель председателя губисполкома Новгорода Терешков на городском собрании верующих 24 марта 1922 г. подтвердил, что Советская власть вынуждена изъять те церковные ценности, которые «не имеют богослужебного значения и не служат предметами религиозного поклонения». При этом он просил членов прихода самим выдать такие предметы и обязался действовать в согласии с верующими[30].

В целом же там, где власти и верующие находили компромисс, изъятия проходили более-менее спокойно (насколько вообще может проходить спокойно присвоение чужого имущества, то есть попросту грабеж). В частности, так обстояло дело в большинстве приходов Новгородской, Олонецкой и Череповецкой губерний[31]. В середине марта в целом безболезненно, при участии духовенства, прошло изъятие и в ряде храмов Петрограда, о чем без каких-либо нападок на церковь сообщала даже газета «Правда».

---

[26] Правда. — 1922. — 11 февраля.

[27] Коммунист. — 1922. — 18 марта.

[28] Звезда. — 1922. — 24 марта.

[29] Коммунист. — 1922. — 9 марта, 24 марта. Звезда. — 1922. — 22 марта, 26 марта.

[30] Звезда. — 1922. — 26 марта.

[31] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 340. — Л. 7. Коммунист. — 1922. — 6 июля.

4

Однако такой ход событий явно не устраивал Ленина и назначенного еще в ноябре 1921 г. «ответственным за объединение и ускорение работ по поиску валютных резервов вне зависимости от их происхождения», а позднее — особоуполномоченным Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей — Льва Троцкого. Последний постоянно побуждал Политбюро ЦК РКП (б) к «ускорению» изъятия ценностей. Так, 12 января 1922 г. Троцкий телеграфировал Ленину о форсировании вывоза ценностей из монастырей и просил назначить на этот участок работы политически подготовленного и авторитетного товарища. А 9 февраля он телеграммой торопил членов ВЦИК: «Мне кажется необходимым сейчас же подготовить постановление Президиума ВЦИК о порядке изъятия и учета церковных ценностей, о порядке их сосредоточения и об установлении им особого государственного счета со специальным назначением на нужды голодающих (хлеб, семена, орудия и пр.)»[32].

15 марта в г. Шуе при изъятии ценностей из городского собора произошли беспорядки, в результате которых правительственные воинские части убили 5 и ранили 15 человек из толпы[33]. Ленин решил немедленно воспользоваться этим инцидентом и написал в Политбюро ЦК письмо от 19 марта 1922 г., пометив его грифами «строго секретно» и «не в коем случае копий не снимать».

Этот знаменательный документ только в 1990 г. стал достоянием гласности и, несомненно, останется в истории как истинное лицо Ленина и хрестоматийный пример полной аморальности, политического вероломства и высшей степени цинизма. Ленин, в частности, писал: «Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления».

Далее Ленин указывал, что позднее, после Генуэзской конференции, репрессии по отношению к духовенству станут нежелательны

[32] Кривова Н. А. Указ. соч.

[33] Там же.

по соображениям внешних связей страны. «Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. <...> Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам <...> расстрелять, тем лучше», — подчеркивал Ленин. В письме намечались и некоторые тактические хитрости, связанные с прямым обманом общественного мнения.

При этом было отчетливо видно, что в смысле использования изъятых ценностей ни о каких голодающих речь не шла. Ленин писал: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь <...> ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс»[34].

То есть Ленину нужны были две вещи: получить дополнительные дармовые средства для управления страной и, использовав удобный момент, расправиться с церковью, спровоцировав обострение ее отношений с населением.

На следующий день, 20 марта 1922 г., Политбюро приняло директивы об изъятии церковных ценностей, составленные Троцким с учетом ленинского письма и разосланные в губкомы. Вот наиболее важные положения этих директив.

– Наряду с секретными образовать официальные комиссии при комитетах помощи голодающим для формальной приемки ценностей.

– В каждой губернии назначить неофициальную неделю агитации и пропаганды, не объявляя о ней. Агитации внешне не придавать антицерковного характера, а говорить о борьбе с голодом.

– Стараться внести раскол в духовенство, взяв под защиту тех священников, которые активно выступают в пользу изъятия и обличения бесчеловечных и жадных князей церкви.

[34] Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП (б). 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4. — С. 191–193.

– Организовывать манифестации с участием гарнизонов при оружии с плакатами «Церковные ценности для спасения жизни голодающих».

– Негласно предупредить видных священников, что в случае эксцессов они отвечают первыми.

– На агитационных собраниях выпускать для выступлений представителей голодающих.

– При изъятиях все соседние улицы блокировать коммунистами, части особого назначения держать поблизости[35].

При агитпропотделе ЦК РКП (б) в тот же день была создана комиссия по агитации и пропаганде в рамках антицерковной компании. 22 марта ею был принят план издания литературы[36].

5

С этого времени характер материалов в советской прессе по поводу изъятий церковных ценностей резко изменился. Атака на высшее духовенство началась в «Правде» 22 марта 1922 г. В небольшой подборке «На голодном фронте» говорилось, что Петроградский совет пришел к выводу, будто «некоторые служители церкви не хотят отдать ценности на кусок хлеба для голодающих... В частности, митрополит Петроградский Вениамин встал на этот путь». Далее следовали угрозы «всем, кто попытается сорвать помощь»[37] .

Выбор большевиков в качестве главной жертвы митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина был не случаен. Владыка был избран на свой пост путем выборов среди верующих епархии в 1917 г. Он отличался отзывчивостью, простотой, добротой и пользовался в народе большим авторитетом[38]. При этом в заметке «Правды» содержалась искаженная информация. В действительности на встрече Вениамина с представителями Петросовета 6 марта было в целом достигнуто взаимопонимание, о чем даже сообщали «Известия»[39].

---

[35] Директивы Политбюро ЦК РКП (б) об изъятии церковных ценностей. 20 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4. — С. 194–195.

[36] РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 158. — Л. 13.

[37] Правда. — 1922. — 22 марта.

[38] Дело митрополита Вениамина. Петроград. 1922. — М.: 1991. С. 7. Степанова И. Житие Петроградского митрополита // Вечерний Ленинград. — 1990. — 11 августа.

39 Известия ВЦИК. 1922. 7, 8 марта. Процесс митрополита Вениамина // Наука и религия. — 1991. — № 5. — С. 10.

В то же время в письме Губисполкому от 12 марта Вениамин указывал: «Вновь подтверждаю полную готовность вверенной мне Церкви Петроградской со всем усердием прийти на помощь голодающим, если только ей будет представлена возможность проявить свою благотворительную деятельность в качестве самостоятельной организации». При этом Владыка пояснял, что Церковь должна иметь право самостоятельно решать, соблюдены ли до изъятия богослужебных предметов следующие условия: «1) Что все другие средства помощи голодающим исчерпаны, 2) что пожертвованные ценности действительно пойдут на голодающих, 3) что на пожертвование означенных ценностей будет дано разрешение Святейшего Патриарха». Если же предоставление Церкви самостоятельности в деле помощи голодающим будет признано нежелательным, то тогда, писал Вениамин, «Церковь отказывается, в силу канонической для себя невозможности, от передачи священных предметов»[40]. По сути дела, митрополит протестовал против полной бесконтрольности экспроприации церковных богослужебных принадлежностей под видом помощи голодающим. Очень скоро это было вменено ему в вину как тяжкое контрреволюционное преступление.

После ленинской отмашки пропагандистская компания против Церкви под предлогом борьбы с голодом моментально набрала силу. 24 марта «Правда» писала уже так: «Мрачная клика рясофорных и митрофорных воротил, стоящих у патриаршего престола, есть самый черный сгусток церковнического стяжания, человеконенавистничества и политиканства»[41]. 26 марта «Правда» перешла к прямым обвинениям церкви в сопротивлении властям и призывам обрушить на голову духовенства репрессии. В передовице номера верхи духовенства были названы «определенно контрреволюционной организацией», а поскольку каких-либо серьезных доказательств этому газета привести не смогла, то в качестве таковых содержались обвинения, что церковнослужители пытаются вместо драгоценных предметов давать комиссиям их стоимость в деньгах или продовольствии (хотя это было разрешено даже в директивах Политбюро от 20 марта 1922 г.). «Правда» выдвинула следующую программу: «Изолировать <...> верхушку от низов верующих и низ-

[40] Письмо митрополита Вениамина в Петроградский Губисполком об условиях передачи церковных ценностей (12.3.1922) // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_05.htm, свободный.

[41] Правда. — 1922. — 24 марта.

шего духовенства, разоблачить ее своекорыстие и подвергнуть суровой каре»[42].

Вслед за центральной быстро перестроилась и местная пресса. Так, весь номер новгородской «Звезды» за 2 апреля был посвящен теме «Церковь и голод», а в дальнейшем антицерковные статьи стали публиковаться в газете ежедневно. 6 апреля «Звезда», которая, напомним, буквально несколько дней назад хвалила «Обращение» митрополита Арсения, теперь назвала тот же документ «запугиванием» и «гнусной и темной игрой»[43].

Характерно, что в своей антицерковной борьбе большевики старались максимально использовать внутрицерковные противоречия. В частности, они немедленно поддержали активизировавшееся в это время обновленческое реформаторское течение в РПЦ «Живая церковь». В письме в Политбюро Троцкий 5 мая 1922 г., в частности, писал: «Сейчас мы, разумеется, полностью и целиком заинтересованы в том, чтобы поддержать сменовеховскую церковную группу против монархической. <...> Отделение церкви от государства, нами раз навсегда проведенное, вовсе не означает безразличия государства к тому, что творится в церкви как в материально-общественной организации. <...> Одна из задач печати в этом вопросе в настоящее время состоит именно в том, чтобы поднять дух лояльного духовенства, внушить ему уверенность в том, что в пределах его бесспорных прав государство его в обиду не даст».

В числе срочных мер Троцкий предлагал: «Давать в прессе вообще как можно более информации о движении в церкви, всемерно оглашая, подчеркивая и комментируя сменовеховские голоса. <...> Не скрывая нашего материалистического отношения к религии, не выдвигать его, однако, в ближайшее время, то есть в оценке нынешней борьбы, на первый план, дабы не толкать обе стороны к сближению, а наоборот, дать возможность борьбе развернуться в самой яркой и решительной форме. <...> Главполитпросвету всемерно готовиться к тому, чтобы все вопросы, не только церкви, но и религии, поставить ребром, в самой популярной общедоступной форме в листовках и устных речах в самом близком будущем, когда внутренняя борьба церкви привлечет к этому вопросу внимание широчайших народных масс и разрыхлит почву для семян атеизма и материализма». В заключение Троцкий сетовал, что «редакции “Правды” и “Известий” не отдают себе достаточного отчета в огромной

[42] Правда. — 1922. — 26 марта.

[43] Звезда. — 1922. — 6 апреля.

исторической важности того, что происходит в церкви и вокруг нее». Ленин написал на этом письме: «Верно! 1000 раз верно!»[44].

После этого был принят ряд указаний на места. В частности, в телеграмме Куйбышева от 19 мая 1922 г. говорилось: «Рекомендуется оказать всякую возможную, но неофициальную поддержку обновленческому движению... Необходимо содействовать тому, чтобы на предстоящем церковном поместном соборе большинство оказалось лояльным Советской власти элементом». В телеграмме предлагалось также всячески вызывать обострение борьбы между ортодоксальным и обновленческим крыльями, действуя с осторожностью[45]. При этом большевистская пресса публично всегда отвергала факт поддержки властями обновленцев.

В апреле начались уже первые суды над церковнослужителями на почве изъятия ценностей. Но большевикам был нужен ряд крупных фигур, и они не отставали от Вениамина. В течение апреля московская пресса не уставала повторять, что он и другие иерархи Северо-Западных губерний активно выступают против изъятий. Это была, по сути, ложь, и даже местная партийная печать публиковала иную, противоречащую московской информацию.

10 апреля Петроградский Владыка обратился к верующим с посланием, в котором он разрешил духовенству подведомственной ему территории жертвовать ценности вплоть до риз со святых икон за исключением святынь храма. Если же власти будут изымать и освященные предметы, то в послании предписывалось «не препятствовать» этому. «Со стороны верующих, — писал митрополит, — совершенно недопустимо проявление насилия в той или другой форме. <...> Не давайте никакого повода к тому, чтобы капля какая-нибудь чьей бы то ни было крови была пролита около храма, где приносится бескровная жертва»[46]. Митрополит Новгородский Арсений дважды выступил с аналогичными посланиями и еще в начале апреля пожертвовал в пользу голодающих целый ряд личных религиозных предметов»[47].

Однако стремление Ленина ликвидировать ряд ключевых фигур РПЦ ничем не могло быть остановлено. 9 мая 1922 г. был поса-

---

[44] Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4. — С. 196–197.

[45] РЦХИДНИ. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 223. — Л. 10.

[46] Воззвание к петроградской православной пастве // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_05.htm, свободный.

[47] Звезда. — 1922. — 14 апреля.

жен под домашний арест в Даниловом монастыре патриарх Тихон. Правда, организовать над ним показательный суд большевики все же не решились. Вскоре были арестованы митрополит Вениамин, митрополит Арсений, епископ Старорусский Димитрий и ряд других священников Северо-Западных губерний. Приказы об арестах шли из Москвы[48].

Состоялся целый ряд процессов над церковнослужителями, наиболее крупным из которых был суд над Вениамином и проходящими по этому же делу 86 лицами, состоявшийся в Петрограде с 10 июня по 5 июля 1922 г. Подсудимые обвинялись в контрреволюционной деятельности[49]. Процесс не слишком ярко освещался в печати. Во-первых, параллельно шла кампания против эсеров, которой в наибольшей степени была занята советская пропагандистская машина. Во-вторых, дело Вениамина было настолько шито белыми нитками, настолько аморально по сути, что мощно пропагандировать материалы заседания было для большевиков просто рискованно. Показательно, что среди защитников подсудимых, полностью доказавших несостоятельность обвинения, был и ортодоксальный иудей.

Характерно и то, что заместитель наркома юстиции П.А. Красиков, не мудрствуя лукаво, заявил на процессе: «Защитник спрашивает, где мы усматриваем преступную организацию? Да ведь она перед вами. Это сама Православная церковь»[50]. Никакие другие аргументы ему были практически не нужны.

4 июля в своем последнем слове Вениамин, в частности, сказал: «Я ни в чем не виноват перед теми рабочими, которые вас, судьи, послали судить меня. Я аполитичен, живу только интересами Церкви и народа и во всем исполняю веления Господа. <...> Каков бы ни был ваш приговор, я буду знать, что он вынесен не вами, а идет от Господа Бога, и что бы со мной ни случилось, я скажу: Слава Богу»[51].

По приговору суда митрополит Вениамин и еще трое священников были расстреляны. (Постановлением Президиума Верховного

[48] Степанова И. Указ. соч.

[49] Дело митрополита Вениамина. — С. 65. Процесс митрополита Вениамина. — С. 11.

[50] Цит. по: Степанова И. Указ. соч.

[51] Последнее слово митрополита Вениамина перед трибуналом (4.7. 1922) // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_05.htm, свободный.

суда РСФСР от 31 октября 1990 г. приговор был отменен за отсутствием состава преступления. В 1991 г. митрополит Вениамин и казненные с ним были причислены РПЦ к лику святых.)

В 1922 г. еще целый ряд представителей высшего духовенства был арестован. Впоследствии эти представители духовенства были либо расстреляны, либо сосланы. Всего в 1922 году по всей стране прошло 250 судебных процессов, сфабрикованных в связи с изъятием церковных ценностей, при этом на скамье подсудимых оказалось 732 человека[52]. Идейно-политические позиции РПЦ были подорваны. В июне 1923 г. содержавшийся под стражей патриарх Тихон, видя бесперспективность дальнейшей открытой борьбы с коммунистическим режимом, написал покаянное письмо, что еще более деморализовало верующих противников Советской власти.

В апреле 1923 г. XII съезд в резолюции «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды»уже практически констатировал разгром Русской православной церкви и ставил задачи по борьбе с другими конфессиями: «В настоящее время мы видим наряду с разложением старых церковных организаций, в частности, православной церкви и упадком влияния православной религии и ее церковной иерархии <...> значительный рост некоторых сект, верхушки которых идейно связаны с известными элементами европейской и американской буржуазии». Также указывалось: «Принимая во внимание, что 30-милионное мусульманское население Союза республик до сих пор почти в неприкосновенности сохранило многочисленные, связанные с религией средневековые предрассудки, используемые для контрреволюционных целей, необходимо выработать формы и методы ликвидации этих предрассудков, учитывая особенности различных национальностей»[53].

Система идеологической обработки населения начала уверенный перевод массового сознания на атеистические рельсы. Отныне веровать надлежало только в коммунизм.

[52] Губкин О. Указ. соч.

[53] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 716.

Глава 14

Солнце наше! Дорогой светоч!

А наверху, на Кубе, возле Машины — неподвижная, как из металла, фигура того, кого мы именуем Благодетелем.

Евгений Замятин, «Мы»

1

Одной из самых органичных составляющих большевистской системы идеологической обработки населения являлся культ партии и ее вождя. Как весьма метко выразился историк Михаил Геллер, «коммунистическая система выделяет культ вождя, как змея яд. Авторитет вождя, воплощающего мудрость партии, знающей тайну истории и дорогу в рай, является неизбежным и необходимым элементом системы»[1]. Ефим Гимпельсон формулировал тот же вывод менее образно, но столь же точно: «Традиционно свойственный марксистскому революционному движению вождизм стал одной из определяющих черт большевизма»[2]. То есть здесь дело заключалось прежде всего в самой сущности большевистской идеологической доктрины и организационных основах партии ленинского типа, а также в психологии тянувшихся к ним людей.

Валентинов по этому поводу писал: «Большевизм себя обнаружил, сложился и рос как течение психологически расположенное к авторитарной форме партийной организации. Те, кто вступили в большевистскую партию, с самого начала подсознательно испытывали склонность быть “ведомыми, повиноваться крепкому руководству”, меньше рассуждать, а больше действовать по указанию властного центра, вождя, почерпывающего директивы из “цельного” и признаваемого абсолютной истиной мировоззрения. Для них таким бесспорным вождём и идейным законодателем с 1903 года

[1] Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. — М.: 1994. — С. 56.

[2] Гимпельсон Е.Г. Россия на переломе эпох. — С. 49.

(может быть, даже с 1902 года — времени появления его “Что делать?”) был Ленин. Большевистская партия жила только его идеями. <...> [Это была] авторитарная по духу партия. <...> Психологию большевистской публики Ленин превосходно знал, он обладал для этого особым чутьём. Он считал, что беспощадными ударами по черепу можно у настоящего большевика изгнать всякие ереси и уклоны и тем восстановить идейное единство его партии. Как нужно действовать по отношению к партийцам, делающим попытки не следовать за его идейными директивами, он поведал однажды Инессе Арманд, с которой был наиболее откровенен. Говоря о полемике с Ю. Пятаковым и Е. Бош, он писал к Арманд: “Тут дать “равенство” поросятам и глупцам — никогда! Не хотели учиться мирно и товарищески, так пеняйте на себя. <...> Не хотите — так я вам набью морду и ошельмую вас, как дурачков, перед всем светом. Так и только так надо действовать”»[3].

Как известно, Ленин разошелся с российскими и зарубежными социал-демократами в очень значительной степени как раз по вопросу сути и организационных основ партийного строительства. Именно он разработал учение о боевой, революционной марксистской партии нового типа, принципиально отличающейся от реформистских партий II Интернационала. Ей были свойственны идейное единство, строгая централизация, жесткая дисциплина, военные методы жизнедеятельности. Замышляя создание такой партии и предлагая начать ее строительство с постановки партийной газеты, Ленин писал: «Эта сеть агентов будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких “поворотах” и неожиданностях вести неуклонно свою работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения»[4].

Согласно ленинским принципам, партия должна формироваться на основе узкого круга регулярных кадровых руководящих работни-

[3] Валентинов Н. В. (Н. Вольский) Малознакомый Ленин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/UnnownLenin/index.htm, свободный.

[4] Ленин В. И. С чего начать // ПСС. — Т. 5. — С. 12.

ков, то есть профессиональных революционеров, «посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь»[5]. То есть это должна была быть монолитная, боевая, конспиративная организация, способная вести подрывную деятельность в любых условиях с целью насильственного свержения существующего правительства и радикального изменения общественного строя.

Для Ленина партия — это отнюдь не дискуссионный клуб, не некое аморфное и как можно более широкое политическое движение или течение, не организация для малых добрых дел, а исключительно боевая единица, призванная любыми средствами побеждать врага, максимально используя при этом недовольные существующей действительностью слои населения, в первую очередь беднейший, оторванный от какой бы то ни было собственности пролетариат. «Мы должны помнить, что борьба с правительством за отдельные требования, отвоевание отдельных уступок, это — только мелкие стычки с неприятелем, это — небольшие схватки на форпостах, а решительная схватка еще впереди. Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию»[6], — убеждал Ленин своих соратников.

При этом очень важно подчеркнуть, что, как уже упоминалось ранее, партия ленинского типа должна была стать идейно-политическим авангардом рабочего класса, который, по канонам большевизма, не может сам придти к социалистическому сознанию, а лишь стихийно влечется к улучшению своего положения в рамках капиталистического строя. Ленин указывал, что воспевать стихийный процесс рабочего движения и отрицать необходимость руководящей роли партии в политической борьбе, к чему склонялись его противники «экономисты», — значит проповедовать «хвостизм», допускать превращение партии в пассивную силу движения, вести дело на уничтожение партии, то есть оставить рабочий класс без партии, безоружным. На основе этих идей Ленин вывел свою знаменитую формулу: «Без революционной теории не может быть и революционного движения... Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»[7].

---

[5] Ленин В. И. Насущные задачи нашего движения // ПСС. — Т. 4. — С. 375.

[6] Там же.

[7] Ленин В. И. Что делать? // ПСС. — Т. 6. — С. 25.

Таким образом, по Ленину, у рабочего класса может быть только один правильный авангард в движении к коммунизму — коммунистическая партия. Все другие — от лукавого. Но ведь тогда и в самой партии не может не быть авангарда, который находится на самой вершине выработки революционной теории, лучше других членов партии к этому подготовлен, профессиональнее других революционеров. Это центральный комитет. Со временем он также становится слишком широк для четкого руководства и выделяет из себя опять-таки наиболее правильный авангард, например, политбюро. Но в этом узком центре при строгой централизации боевого типа также не может не быть самого главного центра — теперь уже единоличного лидера, который в то же время является и самым высшим знатоком социалистической теории, то есть обладателем истины.

Если большевики утверждали, что гегемония пролетариата невозможна без гегемонии коммунистической партии, то, соответственно, и гегемония коммунистической партии невозможна без гегемонии в ней особой гвардии и вождя. Сам Ленин с этим вполне соглашался. Еще в 1900 г. в первом номере газеты «Искра» он утверждал: «Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им»[8]. Позднее, когда немецкие левые коммунисты начали критиковать свое официальное партийное руководство за то, что оно вместо «диктатуры масс» хочет установить «диктатуру вождей», Ленин уделил этому вопросу большое внимание в одной из важнейших своих книг «Детская болезнь левизны в коммунизме», где V главу так и назвал: «Вожди — партия — класс — масса». Он разъяснял: «Всем известно, что массы делятся на классы <...> что классами руководят обычно и в большинстве случаев <...> политические партии <...> что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно»[9]. Далее Ленин с возмущением писал о «нападках на вождей» и указывал: «Договориться <...> до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость»[10].

[8] Ленин В. И. Насущные задачи нашего движения // ПСС. — Т. 4. — С. 375.

[9] Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме // ПСС. — Т. 41. — С. 24.

[10] Там же. — С. 26.

Таким образом, в отличие от не разделявших ленинское учение о партии западных социал-демократий, большевики были буквально обречены на то, что, едва встав у власти, они неизбежно будут все больше оформлять особое положение своей партии по отношению к беспартийному населению, особое положение центральных органов власти по отношению к остальной партийной массе и особое положение вождя по отношению к другим руководителям. Культ партии и вождя не то что неизбежно вытекал из самой сущности большевизма, а без преувеличения и являлся этой самой сущностью, ибо коммунисты составляли партию, претендующую исключительно на монополию в обществе. У партий демократического, парламентского типа никаких культов не возникает прежде всего потому, что они не считают себя единственным авангардом общества на пути к некоей объявленной социально-политической цели. То есть там нет самого основания для подобной пирамиды.

Очень характерно, что уже в период разделения РСДРП на большевиков и меньшевиков перспектива вырождения ленинцев в диктатуру вождя была абсолютно предсказуема. Не входивший еще тогда в большевистскую фракцию Троцкий писал, что «Ленин скорее якобинец, чем марксист», и предрекал: «Подобные методы приводят, как мы еще увидим, к тому, что партийная организация “замещает” собой партию, ЦК замещает партийную организацию и, наконец, “диктатор” замещает собою ЦК»[11]. В точности так и произошло, причем сам Троцкий не преминул претендовать как раз на то, чтобы после ухода Ленина «замещать собой ЦК», однако проиграл борьбу более сильному диктатору.

2

После захвата большевиками власти и начала Гражданской войны партия должна была стать еще более военнообразной. При этом победы над вооруженными противниками и мирным населением очень сильно вскружили головы вчерашним изгоям, подпольщикам, маргиналам и уголовникам. Даже еще не закончив междоусобную бойню, большевики вполне уверовали в свои величие, героизм, гениальность и избранность их историей. Вот как, например, отразилась эта мания величия в упоминаемой уже книге Н. Бухарина

[11] Цит. по: Зайдман И. От марксизма через народничество к ленинизму и большевизму [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rubezh.eu/Zeitung/2010/02/14.htm, свободный.

и Е. Преображенского «Азбука коммунизма». Посвящая данный труд своей партии, авторы написали в октябре 1919 г. следующий панегирик: «Крепкой как сталь, воплотившей в себе все величие и мощь пролетарского класса, его героизм, ясность его классового разума, смертельную ненависть к капиталу и могучий порыв к созданию нового общества — славной Коммунистической партии посвящаем мы эту книгу. Посвящаем ее партии, которая командует миллионной армией и лежит в окопах, управляет государством, огромной страной и грузит дрова на своих субботниках, подготовляя воскресный день человечества. Мы посвящаем ее старой партийной гвардии, закаленной в боях и победах и молодым побегам партии, которым суждено доделать наше дело до конца, борцам и мученикам партии, погибшим на многочисленных фронтах, замученных в тюрьмах, умершим от пыток, повешенным и расстрелянным нашими врагами за дело партии, посвящаем мы эту книгу»[12].

Далее мания величия большевиков нарастала не по дням, а по часам. XI партконференция (декабрь 1921 г.) предписала заполнить партийный день «докладами и беседами на тему о текущих задачах партии, а равно о ее истории, победах, поражениях, героях и мучениках с тем, чтобы в этот день каждый член партии чувствовал себя борцом за великую идею и членом великой партии»[13].

А вот как характеризовал РКП (б) на XI съезде в марте 1922 г. Зиновьев: «Наша партия — не просто одна из партий. Наша партия является в данный момент — это мы можем сказать без всякого преувеличения — важнейшим инструментом исторического прогресса не только у нас, в нашей стране, но и во всемирном масштабе. Наша партия есть основа Коммунистического интернационала. Наша партия есть партия, руководящая государством. Наша партия является прообразом для целого ряда других партий. <...> Состояние нашей организации является сейчас вопросом не внутрипартийным, а вопросом государственным и даже без всякого преувеличения, можно сказать, мировым». И закончил свою речь Зиновьев совсем трогательно (если бы это не было с учетом последующего опыта столь зловеще): «Наша партия есть наша общая мать. Мы будем ее беречь как зеницу ока. <...> Для нас нет ничего дороже, чем наша партия»[14].

В первых же книгах по истории РКП (б), написанных самими большевиками в это время, путь партии был изображен как цепь

[12] Бухарин Н. Преображенский Е. Азбука коммунизма. — С. 3.

[13] КПСС в резолюциях... — Изд.7-е. — Часть I. — С. 597.

[14] Одиннадцатый съезд РКП (б). — С. 401–402, 431.

героических подвигов титанов, разящих своих всегда и во всем неправых и просто мерзких, отвратительных врагов. Но что самое характерное, у большевиков тут же началась борьба за то, кто правильнее описывает историю партии, а значит, и единственно верно. Никакого плюрализма не могло быть, естественно, и в этом вопросе. Механизм бюрократического централизма действовал безотказно, и восхвалять партию следовало исключительно единообразно и единственно истинно. Заведующий агитпропотделом ЦК РКП (б), большевик с 1903 г. А.С. Бубнов серьезно предупреждал ректора Коммунистического университета, большевика с 1898 г. В.И. Невского, что его история партии — неправильная. Будучи также автором одной из историй РКП (б), он поучал конкурента: «В такой книге должен быть не только материал, не только описание, но и систематизация фактов, анализ, теория, обобщение, устанавливающие основную линию развития партии, ее периоды, этапы, вехи». С точки зрения Бубнова, допущенные Невским недоговоренность, неясность, путаница в этом отношении говорили о том, что такая история партии неверна[15].

Бубнов констатировал: «Тов. Невский не только не дал единого понимания всей истории РКП (б), не только не сумел по существу использовать исторические указания Ленина, но и скатился к явно путанному подходу к вопросу о делении истории партии на периоды, которое он сам признал нужным. <...> Ахиллесова пята книги Невского — это неумение его, как историка, от фактов идти к обобщениям, всю массу исторического материала охватывать единой схемой, осмысливающей данный исторический процесс, как единое неразрывное целое»[16]. То есть Бубнов обвинял Невского в самом смертном партийном грехе — в том, что тот сам что-то такое придумал и не использовал указания единственно истинной в партии инстанции — Ленина, не применил некую ленинскую большевистскую единую схему. Далее старательно цитируя Ленина, Бубнов доказывал неправоту Невского. Приводить какие-то другие доказательства и аргументы ему уже просто не приходило в голову.

В заключение Бубнов исключительно по-большевистски восклицал: «Когда же будет написана настоящая история нашей партии? Когда налицо будет не только тщательно собранный и проверенный

[15] Бубнов А. История без философии // Бубнов А. Основные вопросы истории РКП. — М.: 1924. — С. 72.

[16] Там же. — С. 80, 82.

исторический материал, но и будут разработаны вопросы методологии, связанные с историей ВКП (б)? И давно пора Истпарту <...> в качестве очередной задачи поставить перед собой разработку методологии. Этим же необходимо заняться и институту Ленина. Тогда партия будет иметь книгу, излагающую и объясняющую ее единственную в мире, замечательнейшую историю»[17]. Как известно, через некоторое время такая книга действительно появилась и называлась «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Вот только ни самому Бубнову, ни его оппоненту Невскому не привелось этому в достаточной мере порадоваться. Оба они были расстреляны, и никем иным, как автором этой замечательнейшей книги.

Но в начале 1920-х годов процесс кристаллизации «настоящей истории партии» еще только набирал силу и, в частности, одна из статей газеты «Правда» так и называлась — «Как не нужно писать историю Октября». Редколлегия главного, то есть истинного, печатного органа партии объявляла, что вышедшая в 1924 г. книга Троцкого «1917» неправильная. Газета, в частности, писала: «Это выступление против линии, взятой как партией, так и Коминтерном, причем она вовсе не носит характера теоретического анализа, а больше похоже на политическую платформу, на базе которой можно будет вести подкоп против точных, принятых соответствующими съездами решений. <...> Партия не может допустить, чтобы без возражений осталась пропаганда, направленная против решений, которые партия с такой дружностью и таким единодушием принимала». То есть здесь также проявлялась сущность культа партии — там не могло быть двух мнений или двух лидеров.

И «Правда», опять обильно и скрупулезно цитируя правильного лидера — Ленина — разъясняла: «Книга тов. Троцкого <...> претендует на роль спутника в деле изучения [Октября]. И тут мы должны решительно сказать: этой роли она выполнить не может. Она лишь собьет с толку тех товарищей, которые за внешней строгостью изложения проглядят полное смещение пропорций, искажение действительной партийной истории. <...> Тов. Троцкий может быть вполне уверен, что партия сумеет вовремя оценить эту тихую сапу. Партия хочет работы, а не новых дискуссий. Партия хочет подлинного большевистского единства»[18].

---

[17] Бубнов А. История без философии // Бубнов А. Основные вопросы истории РКП. — М.: 1924. — С. 85.

[18] Правда. — 1924. — 2 ноября.

То есть никаких дискуссий. Правильная партия всегда права, ее правильный лидер всегда прав. А двух правильных партий или лидеров нет и быть не может — такова сущность большевизма.

Культ партии проявлялся прежде всего в том, что на каждом съезде, собрании, митинге, в каждой газетной заметке, в каждом выступлении лидеров все, что сколько-нибудь можно было охарактеризовать с положительной стороны, тут же приписывалось заботе партии о народе и ее героизму. И наоборот, все отрицательное объявлялось происками старого мира, с которым партия ведет борьбу не на жизнь, а на смерть.

Также характерен для самовозвеличивания большевиков был и печально знаменитый процесс переименований ими в свою честь населенных пунктов, улиц и предприятий. Ещё при жизни Ленина его именем были названы два города: в 1919 году — Ленинск, вблизи Царицына, и в 1922 году — Ульяновка, недалеко от Петрограда. Также в 1922 г. его имя было присвоено Невскому механическому заводу, а завод «Струк и Эквиль» стал называться «Ильич». Не были забыты и другие деятели: завод «Новый Лесснер» стал им. Карла Маркса, г. Гатчина превратилась в Троцк, в Петроградской губернии появились Ленинская и Луначарская волости, Обуховский завод переименовали в «Большевик». Дальше — больше.

Особенно пышным цветом расцвел культ большевистской партии в связи с празднованием 25-летия в марте 1923 г. По этому знаменательному поводу была проведена большая агитационно-пропагандистская кампания, в ходе которой большевики совершенно уже не скупились на превознесение самих себя и своей РКП (б). Было опубликовано большое количество статей, брошюр и книг. Например, член Политбюро, глава Петросовета и Коминтерна Зиновьев в одной из своих лекций говорил: «РКП — не просто одна из партий. История пожелала, чтобы она стала могучим орудием человеческого прогресса и важнейшим инструментом мировой революции. Ее значение велико и беспримерно не только в истории России, но и всего мира. И недаром ход развития РКП изучают ныне лучшие умы международного рабочего движения»[19].

Но партия нуждалась уже не только в самооценках своих вождей, а в неком официальном партийном документе, где все было бы сказано истинно раз и навсегда. И такой документ появился — Обращение ЦК РКП (б) «Трудящимся Союза Социалистических Советских Республик. К 25-летию РКП (б)».

[19] Зиновьев Г. История РКП (б). — Л.: 1924. — С. 5.

Это был настоящий беззастенчивый панегирик «самой могущественной пролетарской партии мира, управляющей могущественным пролетарским государством». В нем партия изображалась всегда впереди, в борьбе, в победах, как мудрый вождь, душа и главная сила рабочего класса и международного коммунистического движения. «Единственно правильной дорогой была та дорога, по которой шла передовая часть русских рабочих, сорганизованная в Российскую коммунистическую партию. <...> Нет задачи выше и нет чести больше, чем жить и умереть за партию пролетариата, за Российскую коммунистическую партию, давшую уже нашему рабочему классу первые победы и ведущую его к окончательной победе над буржуазным миром. <...> Да здравствует рабочий класс России и его передовой авангард — Российская коммунистическая партия!»[20], — провозглашал ЦК.

Отныне ни одному коммунисту в самом страшном сне не должно было присниться, что партия в чем-то ошибается. Этого просто не могло быть, потому что не могло быть никогда. А вот меньшевистский «Социалистический вестник» усмотрел в шуме празднования 25-летия РКП (б) проявление окончательного вырождения большевистского движения в бюрократический диктаторский режим: «Как бы блестящ не был большевистский юбилейный парад, он в лучшем случае будет напоминать похороны по первому разряду, похороны прошлого». И действительно, к этому времени партия большевиков уже ничем не напоминала когда-то более-менее цивилизованное движение российской социал-демократии, считавшее себя, по крайней мере, частью общемирового социал-демократического течения.

3

С самого начала строительства коммунистической партии в ней началась борьба за то, кто будет вождем. Уже в 1901 г. в рамках деятельности редакции газета «Искра» Ленин и Плеханов не смогли поделить лидерства и разошлись после нескольких месяцев непрерывного устраивания друг другу скандалов и предъявления ультиматумов. Казалось бы, единство будет достигнуто на Втором съезде РСДРП в 1903 г. Но опять раскол — теперь на большевиков и меньшевиков, и опять главным образом вследствие споров по поводу

[20] Трудящимся Союза Социалистических Советских Республик. К 25-летию РКП (б). 1923. // Зиновьев Г. История РКП (б). — Л.: 1924. — С. 140–144.

протокольного оформления лидерских идейных и организационных амбиций.

Третий съезд РСДРП в 1905 году собрал только большевиков. Но и тут, выступая на девятнадцатом заседании, Миха Цхакая (член партии с 1898 года) констатировал, что его коллеги в своих выступлениях начали произносить слово «ленинизм», «дух ленинского устава» и даже «дух ленинизма». Суть дальнейшего выступления М. Цхакая сводилась к тому, что большевики — это революционеры, научные социалисты, марксисты, а поэтому им не к лицу «каменеть-костенеть» в каких-то новых «измах», кроме социализма и марксизма. Его не услышали. Ленин явно хотел быть коммунистическим вождем и уже был им.

Новый виток выделения культа вождя начался после выхода РСДРП из подполья, то есть после Февральской революции. Начало созданию облика великого интернационального лидера было положено 3 апреля 1917 года, в день возвращения Ленина из эмиграции. По этому случаю в Петрограде на Финляндском вокзале большевиками была организована совершенно помпезная, торжественная встреча мало кому известного политического лидера, и Питер впервые услышал выступление нового вождя, избавителя и мессии.

После Октябрьской революции культ вождя партии и советского государства начал формироваться неотвратимо и неизбежно. Принципы построения партии ленинского типа теперь были перенесены на работу государственного аппарата. Ленин как главный большевик представлялся обывателю существом чуть ли не фантастическим, сверхъестественным. К первомайскому празднику 1918 г. Демьян Бедный написал стихотворение «Вождю»:

Ты был в далекой стране, но дух твой был всегда с нами.
Страница за страницей росла Святая Библия Труда.

Особенный толчок развитию культа дала темная история с ранением Ленина 30 августа 1918 г. До сих пор не вполне ясно, кто же организовал эту акцию и непосредственно стрелял, но очевидно, что первым, не преминувшим воспользоваться этим обстоятельством для возвеличивания вождя, а, следовательно, и самого себя, как его соратника, был представитель старой ленинской гвардии Григорий Зиновьев. 6 сентября на заседании Петроградского совета он произнес речь, в которой изложил биографию Ленина и дал ему свои оценки. Чуть позже это выступление было опубликовано неслыханным для того временем тиражом — 200 тыс. экземпляров и впоследствии неоднократно переиздавалось.

В этой речи Зиновьев говорил, что Ленин — это «исполинская фигура в истории всего мирового рабочего движения», «вождь, апостол мирового коммунизма», «солнце наше», «дорогой светоч», «Вождь божией милостью», «фигура, рождающаяся раз в 500 лет», «звезда новой величины», «самый образованный человек нашего времени», «пламенный трибун международного коммунизма, великий вождь и апостол социалистической революции, какого когда-либо знал мир».

Зиновьев констатировал, что «Ленин спаян кровью с первым поколением революционеров-террористов, тех славных деятелей, имена которых сейчас еще сияют, как ослепительные звезды». Он также уверенно предполагал: «Как гордился бы Лениным Карл Маркс, если бы он дожил до наших дней!».

Характеризуя ленинский стиль работы, Зиновьев употреблял такие выражения как «шедевр марксистской постановки вопроса», «великолепный анализ», «блестяще доказал» и т. д.[21] После такой высокой планки соратникам ничего не оставалось, как поднимать ее еще выше. К тому же ранение Ленина дало возможность изобразить вождя мучеником, а его выздоровление — чудом.

Важной вехой в развитии культа Ленина стало его 50-летие в 1920 г. По этому поводу 23 апреля в Московском комитете партии было устроено массовое собрание. Согласно воспоминаниям большевика А.Ф. Мясникова, сначала Ленину об этом не сообщили и произносили панегирики без именинника, а затем на концерт пришел уже и сам Ильич. «Мы гурьбой вышли к нему навстречу, окружили его и привели на сцену, а тысячная масса собравшихся, неожиданно увидав его, — неожиданно, ибо она знала, что тов. Ленин скрывается и не хочет идти на свое “чествование”, — устроила ему самую теплую, дружескую бурную овацию и заставила сказать несколько слов, которые он посвятил нашей партии. Товарищ Ленин делился своими воспоминаниями о подпольной, зарубежной жизни нашей партии и старых большевиков»[22], — писал Мясников.

Выступавшие на этом собрании характеризовали Ленина в превосходных степенях, причем чуть ли не более других преуспел в этом Максим Горький, всего лишь два года тому назад поносивший Ленина в своих «Несвоевременных мыслях» самыми последними

[21] Речь Г. Зиновьева 6 сентября 1918 г. на заседании Петроградского совета // Зиновьев Г. Владимир Ильич Ленин. 1924. — С. 7–10, 68.

[22] Мясников А. Ф. Мои встречи с товарищем Лениным // Заря Востока. — 1924. — 23 апреля. — С. 2–3.

словами. Теперь же Горький пел Ленину дифирамбы: «Я думаю, что, сколько бы ни говорить нам о нём красивых слов, нам не изобразить, не очертить то глубокое значение, которое имеет его работа, которое имеет его энергия, его проникновенный ум для всего человечества — не только для нас. И я думаю, что я не найду, хотя и считаюсь художником, слов, которые достаточно ярко очертили бы такую коренастую, такую сильную, огромную фигуру». Он также отмечал, что «Ленин в политике велик» и делился при этом своими впечатлениями: «Мы видим такую фигуру, глядя на которую, уверяю вас, хотя я и не трусливого десятка, но мне становится жутко. Делается страшно от вида этого великого человека, который на нашей планете вертит рычагом истории так, как этого ему хочется». Горький также говорил о Ленине, как о «громадной фигуре, значение которой трудно объять», как о человеке, перед которым он внутренне преклоняется. «На ваше счастье, на счастье всей страны существует этот человек. Очень надо ценить его, очень надо любить, очень надо помочь ему в его великой, в его всемирной, в его планетарной работе. Да, в лице его русская история создала почти чудесное. Поймите, этот человек лично ни в чём не нуждается, но, как историческое нечто, он нуждается в мужественном, упрямом, напряжённом вашем труде, нуждается в хорошей вашей человеческой к нему любви»[23], — так говорил о Ленине Максим Горький и невозможно было поверить, что это тот самый человек, который порвал с Лениным отношения еще в 1913 г., не желая знаться с убежденным в собственной непогрешимости интриганом и хамом.

При этом и он, и выступавший затем Сталин, старались показать, что наряду с таким величием, Ленин наделен и самыми лучшими человеческими чертами: скромностью, умением признавать ошибки, дружелюбием, простотой и т.д. Через четыре года Маяковский дал такому мифотворчеству известную формулу «самый человечный человек».

Несколько ранее данного собрания, на IX Съезде партии (начало апреля 1920 г.), также было устроено специальное заседание с чествованием Ленина, а кроме того, в прессе прошел ряд юбилейных материалов. Троцкий изображал соратника воплощением старой и новой России, подлинным национальным вождем, вооруженным «последним словом научной мысли». Зиновьев и Каменев рисовали Ленина как гениального создателя и движущую силу коммунистической партии. Именно Зиновьеву принадлежало выражение —

[23] 50-летие Владимира Ильича Ульянова-Ленина. — М.: 1920.

«говорить о Ленине, значит говорить о партии», которое превратилось затем у того же придворного стихотворца Маяковского в одно из самых узнаваемых выражений в советском агитпропе: «Мы говорим Ленин — подразумеваем партия, мы говорим партия — подразумеваем Ленин».

В «Правде» от 20 апреля 1920 г. было опубликовано юбилейное стихотворение «Великому брату», где, в частности, говорилось:

Миллионам ратей поля и металла
Понятен ты и равен, как двойник.
И в мире — от велика и до мала —
Тебя воззвал родимых масс язык.
И весь прямой и пламенный мудрец,
Пролетариата верный образец,
Пребудешь поколеньям неизменен.
Среди пожара грозного кузнец,
В руке взнесенный молот, твой близнец,
Стоишь, весь озарен, о вождь наш Ленин!

В период празднования 25-летия РКП (б) в марте 1923 г., разумеется, не был обойден вниманием и Ленин, в тот момент уже больной и стараниями своих же славословящих его соратников отлученный от любых проявлений политической жизни. Например, в тезисах ЦК значилось: «Пусть назовут нам другое имя на всем земном шаре, которое столь же близко и дорого миллионам трудящихся всего мира, как имя вождя и учителя нашей партии — Владимира Ильича Ленина»[24].

Было опубликовано множество статей людей, знавших Ильича лично и делящихся своими воспоминаниями. Например, большевик Н. Осинский писал: «Внешнее действие речи Ленина — только аккомпанемент, сопровождение к действию логическому. Огромная сила этого последнего состоит в том прояснении сознания по решающему пункту. Слушатели испытывают великое наслаждение, великую радость от того, что этот человек ухватывает жизнь так, как она есть, в той ее простоте, которую однако так трудно раскрыть, и раскрыв, обнажив до конца ее простые движущие силы, указывает простые — как сама жизнь! — решения, именно те, которые могут и должны двинуть миллионы». Осинский констатировал: «Ленин бесспорно грандиозная фигура в мировом рабочем и революцион-

[24] Трудящимся Союза Социалистических Советских республик. — С. 143.

ном движении». Далее он задавал вопрос: «Есть ли отдаленное подобие такого вождя в стане наших врагов?» И удовлетворенно сам отвечал: «Нет таких вождей у них»[25]. А, например, Преображенский в своей статье «Вождь партии» писал, что «Владимир Ильич с гениальной глубиной анализа и чисто сверхчеловеческим чутьем схватывает самое главное»[26].

Лавина славословий в адрес партии и Ленина также была отмечена на XII съезде партии в апреле 1923 г., (напомним, первом съезде без участия уже тяжело больного вождя). Выступивший вместо него с отчетным докладом Зиновьев начал свою речь так: «Товарищи, наш съезд собрался с некоторым опозданием: ЦК отложил съезд более чем на месяц. Мы все твердо рассчитывали на то, что и в сегодняшний день на этой трибуне будет стоять не кто иной, как Владимир Ильич, и мы будем слушать его речь, которая как всегда, определила бы путь на год, а то и на годы. Нечего напоминать, какое значение всегда имела на наших съездах вводная политическая речь Владимира Ильича. Когда мы ездили на эти съезды, мы прежде всего имели ввиду послушать именно эту речь, так как мы заранее знали, что получим в ней не только учтенный опыт прожитого времени, но получим твердые указания и на будущее. Вы помните, с какой жаждой мы выслушивали всегда эту речь, жаждой, которая напоминает жажду человека, в летний знойный день припадающего к глубокому ясному ключу, чтобы напиться! Могучим прожектором Владимир Ильич освещал путь, лежащий перед партией, со всеми его извилинами, со всеми его трудностями на предстоящем этапе»[27].

На первом заседании в адрес больного лидера «от имени президиума съезда по предложению некоторых делегатов» было зачитано приветствие, в котором, в частности, говорилось: «От глубины сердца партии, пролетариата, всех трудящихся съезд посылает своему вождю, гению пролетарской мысли и революционного действия привет и слова горячей любви Ильичу, который в эти дни тяжелой болезни и длительного отсутствия не менее, чем всегда, сплачивает съезд и всю партию своей личностью. Более, чем когда-либо партия сознает свою ответственность перед пролетариатом и историей. Более чем когда-либо она хочет быть и будет достойной своего знамени

[25] Осинский Н. Ленин // Двадцать пять лет РКП (б). — М.: 1923. — С. 230–232.

[26] Преображенский Е. Вождь партии // Двадцать пять лет РКП (б). — М.: 1923. — С. 252.

[27] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 9.

и своего вождя. Она твердо верит, что недалек день, когда кормчий вернется к кормилу»[28].

Для празднования в рамках съезда 25-летия РКП (б) провели специальное вечернее заседание в Большом театре, чтобы, как сказал председательствовавший на нем Каменев, «иметь возможность целиком и полностью соприкоснуться, войти в ближайшее общение с московскими рабочими, с московскими партийными организациями и с московским беспартийным пролетариатом»[29]. Наряду с речами самого Каменева и других вождей были организованы и многочисленные выступления от трудовых коллективов или зачитывания поздравительных резолюций. Вот несколько характерных примеров из таких панегириков. Тов. Черноусов от Миусской (Москва) электрической трамвайной станции, вручая знамя: «Мы делаем это для того, чтобы лишний раз доказать врагам Советской власти, что мы все идем за Коммунистической партией. <...> Ваше учение освещает путь к коммунизму и как электрический свет прорезывает тьму <...> [чтобы] ускорить гибель проклятого капиталистического общества. <...> Да здравствует вождь мировой революции тов. Ленин! Да здравствует коммунизм во всем мире!»

Тов. Кузнецов из Александровских вагонных заводов (Петроград): «Товарищи, давайте я вам открою происхождение вашей великой истории. Вы руководители, вы — Российская коммунистическая партия, правящий класс, вы правите могущественным кораблем, на вас устремлены взоры всего мира, буржуазия со скрежетом зубовным смотрит на вас».

Тов. Королев от рабочих завода «Динамо»: «Мы подносим Центральному комитету портрет тов. Ленина и говорим: храните его, ибо он у нас единственный — тот, на которого есть большая надежда».

От беспартийных Высоковской мануфактуры (г. Клин) тов. Густов: «В революционные годы во всей России мы имели много партий и эти партии нас звали за собой и рабочим своим маленьким умом пришлось немало призадуматься: куда же примкнуть? И рабочие поняли и откинув весь мусор, который к ним примыкал, избрали себе единственную руководительницу — Российскую коммунистическую партию. Это есть единственная в мире партия, которая защищает рабочего, которая вывела его на светлый путь и ведет его к светлой жизни».

[28] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 89.

[29] Там же. С. 520.

Резолюция рабочих фабрики им. Бабаева: «Наш горячий пролетарский привет великому организатору коммунистической революции, любимому вождю угнетенного человечества В.И. Ленину!»

Резолюция завода «Красный пролетарий» (Москва): «Мы особенно удовлетворены тем, что XII съезд РКП, воплотивший в себе весь пролетарский разум и волю, в основу своих решений положил те идеи, которые указывал наш испытанный, гениальный и любимый вождь т. Ленин».

От 1-й Образцовой типографии (бывшей Сытина): «Товарищи, посылавшие меня сюда просили главным образом, снять с них позорное пятно, якобы, бывших желтых сытинцев. К сожалению, был период в 1917–1920 гг., когда желтые прохвосты сумели сыграть подчас на отставших беспартийных, подчас на старичках-рабочих и повлиять на них так сильно, что они как будто и заслужили такое звание. <...> Но в 1920 г., когда прибыли хорошие силы, рабочие убедились во лжи и клевете и стали выгонять клеветников с завода. Великая заслуга РКП для тех, кто не сознавал ее и не хотел слушать — это открытый процесс над эсерами, где беспартийные убедились во лжи предателей рабочего класса».

Резолюция от 2-й Московской фабрики Гознак: «Мрак побежден, невежество пало, царство труда торжествует! Радостно бьются сердца всех нас, участников общего дела, вздымается грудь, вдыхая живительный воздух свободы! Да здравствуют борцы! Да здравствует великий вождь и учитель В.И. Ленин. Да здравствуют вожди мирового пролетариата!»

От пекарни № 1: «Нам ясно, что под руководством Коммунистической партии мы, рабочие, безусловно, готовы отдать все последнее и поэтому приветствуем Коммунистическую партию и великого вождя пролетарской революции тов. Ленина!»

От фабрики «Красный каучук»: «Да здравствует Коммунистическая партия и наш пролетарский вождь В. И. Ленин, которому рабочие “Красного каучука” шлют свой горячий пролетарский привет! Мы ждем, что этот гигант и борец за весь мировой пролетариат вскоре станет нами руководить»[30].

В итоге нельзя отрицать того, что государственный культ вождя начинал строиться в присутствии его самого и с его внутреннего согласия. Разумеется, Ленин действительно, как об этом свидетельствовала, например, Крупская, не любил публичные гиперболизированные, подчас откровенно льстивые и не всегда искренние

[30] Двенадцатый съезд РКП (б). — С. 525–561.

возвеличивания, которыми его засыпали соратники и представители низов. Как уже говорилось, он отказался идти на торжественную часть собрания в Московский комитет партии, а на IX Съезде партии, по воспоминаниям ряда очевидцев, писал в президиум записки с просьбой прекратить речи в его честь[31] и т. д. Нетрудно предположить, что Ленину, как революционному фанатику и в собственных глазах истине в последней инстанции, мессии больше импонировало воплощение своих великих идей в жизнь, что называется своими руками, нежели восхваления его окружающих, по меркам вождя, полудурков и пигмеев.

На сей счет интересно привести мнение Ричарда Пайпса, который писал: «Привлекательным свойством полной идентификации Ленина с делом революции была специфическая форма личной скромности. Несмотря на то, что последователями был создан практически религиозный культ его личности, они здесь во многом исходили из собственной заинтересованности: не будь Ленина, движение утратило бы сплоченность. Ленин сам не поощрял создания культа, поскольку не мыслил своего существования вне «пролетариата»: подобно Робеспьеру, он считал в буквальном смысле, что «он — это народ». Его неприятие выделения себя как личности вне общего движения было скромностью, но скромностью, коренящейся в таком самовозвеличении, которое превосходило многократно обыкновенное тщеславие»[32].

Ту же мысль проводит и весьма тонкий исследователь особенностей ленинского культа Михаил Вайскопф, утверждая: «Несмотря на бесспорную популярность Ленина, его культ долгое время был поразительно безличным — в согласии с партийным идеалом унифицированной массовости и тезисом о пролетариате как слитном коллективном организме, нивелирующем в себе любого индивида <...> Ленин есть самоолицетворение масс, но столь же безличное, всеобщее, как они сами. <...> Такова в точности официальная разнарядка Агитпропа и Главполитпросвета, высказанная, например, К. Радеком: “Ленин — квинтэссенция рабочей русской революции. Он, можно сказать, олицетворение ее коллективного ума и ее смысла”»[33].

---

[31] Сирола Ю. Воспоминания о Ленине // Пролетарская Революция. — 1930. — № 1. — С. 82. Заславский П. С. Мои встречи с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — Ч. 3. — М.: 1960. — С. 184.

[32] Пайпс Р. Русская революция. — Кн. 2. — С. 17.

[33] Вайскопф М. Красный чудотворец: Ленин в еврейской и христианской традициях // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. — М.: 2001.

Также интересно привести на сей счет и мнение Валентинова: «Оригинальность Ленина в том, что в его самооценке отсутствовало столь обычное и у многих больших людей — мелкое самолюбие, самолюбование. <...> Но у него было нечто другое и неизмеримо большее. Он непоколебимо верил, что в нём олицетворяется идея и участь Великой Революции, что только — он один обладает верным знанием, как вести революцию, обеспечить ей успех, и поэтому-то ему, всевидящему водителю, нужно сохранять и оберегать свою жизнь. Вопросом — почему "только он один" обладает безошибочным знанием — Ленин вряд ли когда занимался. Вера в свою избранность и предназначенность вошла в него с давних пор и по своей психологической сути она подобна вере, что жгла душу Магомета, когда тот гнал арабов на завоевание мира. При всём своём грубом материализме и воинствующем атеизме — Ленин всё-таки своеобразный религиозный тип. На поддержку себя он смотрел, как на поддержку революции, а при таком понимании — цель оправдывала все средства»[34].

Как бы то ни было, но бесспорно, что Ленин не мог идти вразрез с его же собственным принципом «вождь — партия — класс — масса» и он, конечно, знал, что без культа вождя, будет ослабляться и культ коммунистической партии, то есть главного и единственного дела всей его жизни. Луначарский хоть и по-большевистски лукаво, но все-таки подтверждал это: «Я думаю, что Ленин, который не мог терпеть культа личности, который отвергал его всеми способами, в последние годы понял и простил нас»[35]. Ленин на непреодолимую потребность своих соратников-олигархов, а равно и толпы плебеев, неизменно нуждавшихся в тиране-кумире, как бы отвечал: если партии надо, чтобы я стал апостолом и даже богом — пусть будет так.

Важно отметить, что Ленин и сам насаждал атмосферу вождизма, но только не напрямую по отношению к себе, а по отношению к партии и некоторым ее руководителям — своим соратникам. Ярким примером этого является его речь на заседании ВЦИК по поводу смерти Якова Свердлова, совершенно вождистская по своему содержанию и тоталитаристскому пафосу. Ленин характеризовал Свердлова как «вождя пролетарской революции», исполненного «беззаветной преданности революционному делу», талантливо проявившего себя в «беспощадно твердой расправе с врагами трудового

[34] Валентинов Н. В. (Н. Вольский) Малознакомый Ленин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/UnnownLenin/index.htm, свободный.

[35] Цит. по: Геллер М. Указ. соч. — С. 67.

народа». Он также заявил, что «пролетарская революция впервые дала героям революционной борьбы настоящую почву, настоящую базу, настоящую обстановку, настоящую аудиторию и настоящую пролетарскую армию, где эти вожди могли проявить себя». По определению Ленина, Свердлов «беззаветно отдался революции и в долгие годы, даже десятилетия, переходя из тюрьмы в ссылку и из ссылки в тюрьму, выковывал в себе те свойства, которые закаляли революционеров». Он — «авторитет, почерпающий свою силу, конечно, не в отвлеченной морали, а в морали революционного борца, в морали рядов и шеренг революционных масс», «организатор работы партии, совершающей теперь свое тяжелое, мучительное, кровью залитое, но победоносное шествие ко всем народам, по странам всего мира». Вся речь Ленина была полна выражений типа «вождь пролетарской революции», «любимый рабочими вождь», «исключительный организаторский талант», «абсолютно непререкаемый авторитет» и т.д.[36] Но если Ленин так характеризовал меньшего вождя, чем он, то как же следовало превозносить всем остальным самого Ленина?

Смерть — всегда хороший повод для чествования вождей, и кончина самого Ленина, произошедшая 21 января 1924 г., также позволила полностью завершить процедуру его канонизации. На следующий день экстренный пленум ЦК принял обращение «К партии. Ко всем трудящимся», являющееся очень характерным документом партии тоталитаристского типа. В частности, в нем говорилось: «Умер человек, который основал нашу стальную партию, строил ее из года в год, вел ее под ударами царизма, обучал и закалял ее в бешеной борьбе с предателями рабочего класса, с половинчатыми, колеблющимися, с перебежчиками. Умер человек, под руководством которого несокрушимые ряды большевиков дрались в 1905 г., отступали во время реакции, снова наступали, были в первых рядах борцов против самодержавия, сумели разбить, разоблачить, свергнуть идейное господство меньшевиков и эсеров. Умер человек, под боевым водительством которого наша партия, окутанная пороховым дымом, властной рукой водрузила красное знамя Октября по всей стране, смела сопротивление врагов, утвердила прочно господство трудящихся в бывшей царской России. Умер основатель Коммунистического Интернационала, вождь мирового коммунизма, любовь и гордость международного пролетариата, знамя угне-

[36] Ленин В. И. Речь памяти Я.М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г. // ПСС. — Т. 38. — С. 74–79.

тенного Востока, глава рабочей диктатуры в России. <...> Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического — бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений, — все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине».

Но при этом ЦК еще и давал понять, что смерть большевистского вождя как бы не имеет ничего общего с исчезновением обыкновенного смертного: «Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. <...> Ленин живет в сердце каждого честного рабочего. Ленин живет в сердце каждого крестьянина-бедняка. Ленин живет среди миллионов колониальных рабов. Ленин живет в ненависти к ленинизму, коммунизму, большевизму в стане наших врагов»[37]. Маяковский опять-таки сформулировал это в мистической формуле, донельзя узнаваемой для каждого советского человека: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить».

А в прошлом философ-богостроитель Луначарский выказывал по такому случаю даже избыточную жизнерадостность, окрыленный тем, что кончина любимого вождя обеспечила, наконец, долгожданную возможность для его беспрепятственной сакрализации: «Это не смерть — то, что мы пережили сейчас, это — апофеоз, это — превращение живого человека, которому мы недавно еще могли пожать руки, в существо порядка высшего, в бессмертное существо... Ленин явился фигурой, объединяющей мир завтрашнего дня. Среди фашистов, среди буржуазных либералов, среди меньшевиков идет грызня и нелады, в коммунистическом мире почти полное единство»[38].

Мавзолей с мощами довершил картину превращения вождя в божественную истину. «Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т.д. Всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим... Давайте во всем проводить в жизнь его заветы»[39], — эти многократно цитируемые впоследствии слова Крупской на самом деле никто из соратников Ленина иначе как юродство не воспринимал. В то время родился и совершенно серьезно

[37] КПСС в резолюциях... Изд. 7-е. — Часть I. — С. 804–805.

[38] Луначарский А. Ленин (Очерки). — М.: 1924. — С. 15–16.

[39] Цит. по: Леший Н. Революционные праздники, годовщины и дни. — С. 11.

бытовал другой поистине жутковатый лозунг «Могила Ленина — колыбель человечества».

Пролетарский поэт писал:

Пронесся стон: «Ильич, наш вождь, угас!..
Кто ж поведет дорогой верной нас?
Откуда ждать нам новых откровений!»
И потекли лавиной в тот же час
В наш строй ряды железных поколений.
Нет Ленина, но жив рабочий класс,
И в нем живет вождя бессмертный гений.
Вот мавзолей. И траурный убор.
Здесь будем мы трубить военный сбор,
Здесь наш алтарь и наш ковчег завета[40].

Ленин после своей смерти стал для многих коммунистов всего мира поистине новым Христом. Польский поэт Александр Ват, в 20-е годы сочувствовавший коммунизму, так описал в то время свои чувства: «Каким же чистым и великим должно быть дело, за которое проливают так много крови, безвинной крови. Это было необыкновенно притягательно. Это высочайшая цена революции. <...> Я поддерживаю коммунизм, хоть и знаю, что он имеет серьезные последствия. Но на мне греха нет, ведь Ленин, мой спаситель, взял на себя мой грех»[41].

Важнейшим элементом культа Ленина стал ленинизм как высшая ступень марксизма и единственно верное учение, исповедовать которое в СССР должны были все без исключения. «Любое деяние, доведенное до абсурда, неизменно становится фарсом. <...> Ленин стал советским богом, его “труды”, любая глупость или банальность сомнению не подлежали»[42], — констатировал впоследствии академик Яковлев.

Но если бывший вождь становится богом, нужен новый вождь. Так появился Сталин, уничтожив предварительно не только всех претендентов на этот пост, но и большинство просто лично знавших вождя предыдущего. Сталин показал себя наиболее способным

[40] Первые песни вождю. Сборник стихов. Сост. Е. Тубинская. Под ред. А. Безыменского и А. Жарова. — М.: 1924. — С. 207.

[41] Цит. по: Люкс Л. Третий Рим? Третий рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. — М.: 2002. — С. 101.

[42] Яковлев А. Указ. соч. — С. 13.

к проведению той программы, которой жила партия, и к поддержанию того духа, который воспитал в ней Ленин. «Разгадку изумительных успехов Сталина на путях к его личной диктатуре я нахожу, кроме всего прочего, в том, что он хирургическими инструментами ленинизма владел лучше, чем их изобретатель. <...> В «гибридизации» уголовного искусства с политикой Сталин достиг таких выдающихся успехов, которые делали его претензии на ленинское наследство вполне естественными, тем более, что к этому наследству он шел под ортодоксальным ленинским знаменем»[43], — справедливо заключал в этой связи Авторханов.

Между тем нельзя не согласиться с Карлом Поппером, утверждавшим: «Вне всяких сомнений, обожествление власти — один из худших видов человеческого идолопоклонства, пережиток времен угнетения и рабства. Обожествление власти порождено страхом — эмоцией, которую справедливо презирают»[44].

4

Так почему же, в итоге, многие люди так неподдельно любили Ленина или же миф о нем и продолжают это делать сегодня? Нет сомнения, что, прежде всего, этот культ характерен для коллективистского, иждивенческого менталитета, когда человек хотел бы спрятаться в этом малопонятном для него мире за какой-либо общностью и иметь гарантированные чем-то более, чем его собственные способности и умение, блага, пусть даже минимальные. Как справедливо указывали многие мыслители, родоплеменной, или стадный, инстинкт, особенно в эпохи социальных потрясений, гонит людей в объятия тоталитарных диктатур.

Но не только во время потрясений. Множество коллективистов, в том числе и в мирные, устоявшиеся времена, так привыкают к своим конуркам и пайкам в казарменном обществе, что вполне сознательно не хотели бы променять их на совершенно не нужную им свободу. Для таких людей Ленин — вечно живая и желанная идея уравнительной справедливости, защита от более активного, трудолюбивого и умелого конкурента, или просто соседа, надежда на всяческие социальные улучшения вне зависимости от собственных усилий, гарантия завтрашнего дня без необходимости полагаться

[43] Авторханов А. Происхождение партократии. — С. 56.

[44] Поппер К. Открытое общество и его враги. — Т. II. — С. 312.

в этом только на себя. Ленин — это кумир и вождь нравственно ущербных, вечно завистливых, неумелых людей. Никто иной в нем совершенно не нуждается.

А почему те, кто являются по своему менталитету здоровыми индивидуалистами, носителями общечеловеческого, либерального мировоззрения, не просто индифферентны к Ленину, а, сколько-нибудь основательно ознакомившись с его деятельностью, не могут, как правило, не испытать к нему стойкой неприязни? Наверное, в первую очередь это происходит оттого, что Ленин — ярко выраженный насильник. А произвол по отношению к личности, когда государство, партия или вождь могут насиловать ее в любое время с любыми извращениями, как это было при Ленине и Сталине, для человека, если он действительно личность, совершенно нетерпим и неприемлем. Должен почитаться закон, причем опирающийся на нравственные нормы. Аморальность коммунизма ставит его объективно вне закона. Как можно относиться к заведомому насильнику? Только резко отрицательно (если ты, конечно, не извращенец).

Второй важный момент заключается в том, что в ленинизме невозможно говорить на языке правды. Это понятия взаимоисключающие, потому что там, где начинается сколько-нибудь адекватный, правдивый анализ действительности, там, несомненно, кончается ленинизм и начинаются уже совсем другие «измы». А жить вечно в обстановке совершенно очевидной лжи нравственно здоровому человеку невозможно.

И третий важный момент заключается, конечно же, в интеллектуальной примитивности коммунизма, соединенной в то же время с непостижимой самонадеянностью и уверенностью его приверженцев в своей монополии на истину. К этой вопиющей фанаберии относиться без неприязни может только человек, духовно и интеллектуально очень слабенький или, в лучшем случае, сильно заблуждающийся.

А с чего же вдруг можно так странно заблуждаться относительно очевидных вещей? Это вполне возможно, если регулярно подвергаться воздействию государственной машины для идеологической обработки людей. Именно она способна взрастить и поддерживать культ партии и вождя. И наоборот, вожди и тоталитаристские партии неизменно нуждаются в таких системах.

Заключение

По достоверным сведениям —
вновь обнаружены следы до сих пор неуловимой организации,
ставящей себе целью освобождение
от благодетельного ига Государства.

Евгений Замятин, «Мы»

Итак, советской системе идеологического воздействия на население были свойственны такие основные черты, как демагогия, ложь, монополизм, подавление инакомыслия, тотальный характер, стремление из наделенных разумом и свободной волей людей сделать зомби, фанатиков химеры. И, разумеется, никакие изначальные благие намерения не могли привести к тому самому светлому будущему, ради которого и создавалась подобная система. Прежде всего потому, что она игнорировала общечеловеческую нравственность с ее центральным принципом, который можно было бы выразить как «не в силе Бог, а в правде».

Коммунистическая пропаганда была ложью — и в этом заключалась ее историческая обреченность. Сознательно создаваемый монополизм большевистского агитпропа и уничтожение вокруг себя любого несогласия делали невозможным постоянное очищение общественного сознания и, в случае ошибок, возвращение его на позиции правды. И если про царскую Россию говорили, что там «воруют», то про СССР вполне можно было бы сказать — «врут». Но на лжи нельзя построить ничего настоящего. Ведь вызовы времени требует только адекватных ответов, а если общество занимается самообманом и самоублажением, его перспектива вряд ли может быть естественной и благополучной.

При этом никакие якобы неизбежные и детерминированные исторические пути, выдуманные или даже реальные, не могут оправдать аморальности общественных лидеров, потому что с нравственной точки зрения у человека всегда есть выбор. И делает его каждый только сам, определяя, что для него психологически и этически ближе: «вляпаться» в неблаговидную историю или же сохранить верность гуманистическим принципам и человеческое лицо.

То же, помимо вождей, в полной мере относится и к простым смертным.

Большевистской системы промывания мозгов сегодня как будто бы больше нет. Однако нельзя не признать, что во многом остаются актуальными слова Александра Яковлева десятилетней давности. Ставя вопрос о том, почему все никак не получается в современной России решить целый ряд социальных проблем, архитектор перестройки сам отвечал на него так: «Да потому, что Ленин и Сталин все еще живы, что идеология взаимной неприязни и подозрительности, равенства в нищете, иждивенчества продолжает угнетать нас, эксплуатировать нас, не дает разогнуться согбенным спинам, мешает свободному дыханию. <...> По меркам истории, Россия очень быстро идет к обретению свободы — этой подлинной идеологии человека и его всеохватной религии.

Но путь к торжеству свободы России может быть прерван в любой день, если не поставить вне закона большевистскую идеологию человеконенавистничества, всеобщей борьбы, равно как и организации, исповедующие насилие, агрессивный национализм и национальную рознь, расизм, антисемитизм, шовинизм. Только излечившись от большевизма, Россия может рассчитывать на сегодняшнее и грядущее здоровье и благополучие. <...> Во имя спасения страны и всего мира необходима последовательная и решительная дебольшевизация государства и общества»[45].

Впрочем, как говорили в период Великой французской революции, объявить республику не сложно, но где взять столько республиканцев? Поэтому, если эта книжка кому-то хоть немного помогла сделать личный выбор в отношении своих идеологических и нравственных симпатий, автор будет считать потраченное на нее время не напрасным.

[45] Яковлев А. Большевизм — социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. — М.: 2001. — С. 11, 14.

Список использованной литературы

1. Авторханов А. Происхождение партократии. Т. 1. ЦК и Ленин. — Посев. 1981.

2. Авторханов А. X Съезд и осадное положение в партии // Новый мир. — 1990. — № 3.

3. Агитационно-пропагандистская работа Главполитпросвета. Материалы к XII Съезду партии. — М.: 1923.

4. Агурский М. Идеология национал-большевизма. — Париж: 1980.

5. Андреева М. С. Коммунистическая партия — организатор культурно-просветительной работы в СССР. 1917–1933. — М.: 1963.

6. Антоненко Н. В. Идеология и программатика русской монархической эмиграции. — Мичуринск — Наукоград: 2008.

7. Белкин А. М. Слушаем Владимира Ильича: О грамзаписях речей В. И. Ленина. — М.: 1982.

8. Бем-Баверк О. Критика теории Маркса. — М.: 2002.

9. Бердников А., Светлов Ф., Курс политграмоты. Пособие для совпартшкол, рабфаков и вузов. Под ред. Н.И. Бухарина. — М.: 1923.

10. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: 2006.

11. Бердяев Н. А. Правда и ложь в общественной жизни // Бердяев Н. А. Собрание сочинений. — Париж: 1990. — Т. 4.

12. Бердяев Н. А. Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа) // Бердяев Н.А. Собрание сочинений. 1990. — Т. 4.

13. Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. — 1990. — № 1.

14. Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. — Спб.: 1902.

15. Бетелл Т. Собственность и процветание. — М.: 2008.

16. Блатова Л. А. Роль периодической печати комсомола в идейно-политическом воспитании молодежи (1921–1925). — М.: 1971.

17. Богемский Г. А. Новая экономическая политика (НЭП). История и современность. — М.: 1998.

18. Борисова Л. В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. — М.: 2001.

19. Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Йозеф Геббельс — Мефистофель усмехается из прошлого. — Ростов-на-Дону: 2000.

20. Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. — М.: 1999.

21. Бубнов А. Агитация и пропаганда в развитии партии // Бубнов А. Основные вопросы истории РКП. — М.: 1923.
22. Бубнов А. Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. — 1922.
23. Бубнов А. История без философии // Бубнов А. Основные вопросы истории РКП. — М.: 1924.
24. Бубнов А. Итоги и перспективы компросвещения. — М.: 1923.
25. Бубнов А. Основные вопросы истории РКП. — М.: 1923.
26. Бубнов А. Политические иллюзии НЭПа на ущербе //Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. Сб. ст. — 1923.
27. Бубнов А. С. На идеологическом фронте // Под знаменем коммунизма. — 1922. — № 2.
28. Бубнов А. С. Основные вопросы истории РКП. — М.: 1924.
29. Бубнов А. С. Основные моменты в развитии коммунистической партии в России. — 1920.
30. Бунаков И. (Фондаминский). Два кризиса // Новый град. — 1932. — № 2.
31. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2142.shtml, свободный.
32. Бухарин Н. Из доклада на собрании актива Московской организации РКП (б) 17 апреля 1925 г. // Через военный коммунизм к новой экономической политике. Сост. А. Дементьев. — М.: 1926.
33. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы РКП (б). — 1921.
34. Бухарин Н. И. Новый курс экономической политики // Бухарин Н. И. Избранные произведения. — М.: 1988.
35. Бухарин Н. И. О ликвидаторстве наших дней // Экономические науки. — 1989. — № 4.
36. Бухарин Н. И. О новой экономической политике и наших задачах // Бухарин Н. И. Избранные произведения. — М.: 1988.
37. В.И. Ленин и изобразительное искусство. Документы. Письма. Воспоминания. — М.: 1977.
38. Вайскопф М. Красный чудотворец: Ленин в еврейской и христианской традициях // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. — М.: 2001.
39. Валентинов Н (Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. — М.: 1991.
40. Валентинов Н. О Ленине. — Нью-Йорк: 1991.
41. Валентинов Н. В. (Н. Вольский) Малознакомый Ленин. — М.: 1991.

42. Вардин Ил. Октябрьская революция и печать // О газете. Сб. ст. — 1923.
43. Варшавский В. С. Родословная большевизма. — Париж: 1982.
44. Вернадский В. И. Из дневника. 15 марта 1920 г. // Век XX и мир. — 1989. — № 6.
45. Виноградов-Мамонт Н. Г. Красноармейское чудо. — Л.: 1972.
46. Волкогонов Д. С бесшабашной решимостью. // Известия. — 1992. — 22 апреля.
47. Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. — М.: 1921.
48. Всероссийская перепись членов РКП (б). — М.: 1923.
49. Вышеславцев Б. Парадоксы коммунизма // Путь. — 1926. — № 3.
50. Вышеславцев Б.П. Философская нищета марксизма. // Сочинения. — М.: 1995.
51. Гавриков. Как рабочие и крестьяне с НЭПом управляются (Песни пролетария-кооператора). — М.: 1924.
52. Гайдар Е. Власть и собственность. — СПб.: 2009.
53. Гайдар Е. Государство и эволюция. — М.: 1997.
54. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. — М.: 1994.
55. Геллер М., Некрич А. История России: 1917–1995. Утопия у власти. — М.: 1995.
56. Гефтер М. Будущее прошлого // Век XX и мир. — 1991. — № 8.
57. Гимпельсон Е. Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. — 1993. — № 2.
58. Гимпельсон Е. Г. Военный коммунизм. Как это было (по материалам круглого стола). — М.: 1991.
59. Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система. — М.: 2000.
60. Гимпельсон Е. Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина — Сталина. Проблемы и уроки. — М.: 2004.
61. Гимпельсон Е. Г. Россия на переломе эпох. — М.: 2007.
62. Гимпельсон Е. Г. Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. — М.: 2006.
63. Горинов М. М., Цакунов С. В. Ленинская концепция НЭПа: становление и развитие // Вопросы истории. — 1990. — № 4.
64. Горький М. Вниманию рабочих. // Новая жизнь. — 1917. — 23 ноября.
65. Губкин О. Русская православная церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 гг. — СПб.: 2006

66. Гусаков В. Г. НЭП: необходимость, проблемы, решения, противоречия. — М.: 1999.
67. Гусев К. В., Ерицян Х. А. От соглашательства к контрреволюции. — М.: 1968.
68. Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921. Мешочники. — СПб.: 2002.
69. Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. — М.: 1968.
70. Декреты Советской власти. Т. I, II. — М.: 1957, 1959.
71. Дело митрополита Вениамина. Петроград. 1922. — М.: 1991.
72. Десятый съезд РКП (б). Стенографический отчет. — М.: 1963
73. Директивы Политбюро ЦК РКП (б) об изъятии церковных ценностей. 20 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4.
74. Доброхотов В. Я. Агитпропотдел ЦК в 1920–1921 гг. // Могучее оружие партии. — Горький: 1970.
75. Долой неграмотность!!! Все на борьбу с темнотой! Сборник инсценировок, пьес и статей по ликвидации неграмотности с руководящими указаниями. — 1924.
76. Долой неграмотность. Букварь для взрослых. — 1920.
77. Думова Н. Г. Кончилось наше время... — М.: 1990.
78. Думова Н. Г., Ерофеев Н. Д., Тютюкин С. В. и др. История политических партий России. — М.: 1994.
79. Емельянов Ю. Н. Монархическое движение и монархические организации русской эмиграции (1920-е — середина 1930-х годов) // История и историки: Историографический вестник. — М.: 2003.
80. Ефимов Б. Карикатуры. Предисловие Л. Троцкого. — М.: 1924.
81. За семь лет. — Л.: 1924.
82. Зайдман И. От марксизма через народничество к ленинизму и большевизму [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rubezh.eu/Zeitung/2010/02/14.htm, свободный.
83. Закалин А. С. На классовых позициях. — М.: 1986.
84. Залкинг А. Революция и молодежь. — М.: 1924.
85. Заславский П. С. Мои встречи с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — Ч. 3. — М.: 1960.
86. Зеленов М. В. Становление аппарата ЦК и института секретаря ЦК РСДРП (б) — РКП (б) в 1917–1922 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/libraries/?id=3060, свободный.
87. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. — М.: 1980.
88. Зиновьев Г. Владимир Ильич Ленин. — 1924.
89. Зиновьев Г. История РКП (б). Популярный очерк. — М.: 1920.

90. Зиновьев Г. Ленинизм и НЭП. — Л.: 1926.
91. Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. — Л.: 1976.
92. Иванович Ст. (С.О. Португейс). Пять лет большевизма. — Берлин: 1922.
93. Идеи партии — в массы: из опыта организации партийно-политической пропаганды в Ленинграде и области. 1917–1982. — Л.: 1984.
94. Измозик В. С. Рост общественно-политической активности рабочего класса в первые годы НЭПа // Рабочие Северо-Запада РСФСР в период строительства социализма. — Л.: 1979.
95. Ильин И. А. Из письма Струве П. Б. // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева. — М.: 1999.
96. Кара-Мурза А. Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре // Кара-Мурза А. А. Поляков Л. В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. — СПб.: 1999.
97. Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Русские о большевизме. — СПб.: 1999.
98. Каторгин И. И. Исторический опыт КПСС по осуществлению НЭПа. — М.: 1971.
99. Каутский К. Большевизм в тупике. — М.: 2002.
100. Каутский К. От демократии к диктатуре. — Пг.: 1919.
101. Климов Ю. Н. В суровые годы двадцатые. — М.: 1968.
102. Клушин В. И. Первые ученые марксисты Петрограда. — Л.: 1971.
103. Ключева З. И. Идейное и организационное укрепление Коммунистической партии в условиях борьбы за построение социализма в СССР. — М.: 1970.
104. Коган А. Как это было: любителям грампластинки. — М.: 1974.
105. Козлов В. Н. КПСС — организатор и руководитель массовой партийно-советской печатью. — Л.: 1978.
106. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. — М.: 1983. Т. 2.
107. Конституция (Основной закон) РСФСР // Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. — М.: 1987.
108. Красин Л. Б. Годы подполья. — М., Л.: 1928.
109. Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. // Международный исторический журнал. — 1999. — № 1.

110. Крицман Л. Героический период великой русской революции. — М.: 1923.
111. Крупская Н. Методы преподавания в совпартшколах // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923.
112. Крупская Н. Основные типы политпросветучреждений // Коммунистическое просвещение. — 1922. — № 4–5.
113. Крупская Н. Политико-просветительная работа. Сб. ст. (1920–1923). — М.: 1924.
114. Крупская Н. К. Как Ленин работал над Марксом. // Педагогические сочинения. Т. 9.
115. Крупская Н. Методы преподавания в совпартшколах. // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923.
116. Крупская Н. Основные типы политпросветучреждений // Коммунистическое просвещение. — 1922. — № 4–5.
117. Кудров В. М. Крах советской модели экономики. — М.: 2000.
118. Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000). — М.: 2001.
119. Купайгородская А. П. Многотиражные фабрично-заводские газеты как источник по истории рабочего класса // История рабочего класса Ленинграда. — Вып. 1. — Л.: 1962.
120. Лейкин А. Я. Против ложных друзей молодежи. — М.: 1980.
121. Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов 23–28 декабря 1921 г. О внутренней и внешней политике Республики // ПСС. — Т. 44.
122. Ленин В. И. VII Московская губпартконференция. 29–31 октября 1921 г. // ПСС. — Т. 44.
123. Ленин В. И. VII Экстренный съезд РКП (б). Политический отчет ЦК. // ПСС. — Т. 36.
124. Ленин В. И. VIII Всероссийская конференция РКП (б). 2–4 декабря 1919 г. Политический доклад ЦК 2 декабря // ПСС. — Т. 39.
125. Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов. Доклад ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике // ПСС. — Т. 42.
126. Ленин В. И. VIII съезд РКП (б). Политический отчет ЦК // ПСС. — Т. 38.
127. Ленин В. И. А. В. Луначарскому // ПСС. — Т. 52.
128. Ленин В. И. А. М. Горькому // ПСС. — Т. 48.
129. Ленин В. И. А. М. Горькому. 15 сентября 1919 г. // ПСС. — Т. 51.
130. Ленин В. И. А. М. Горькому. Январь 1913 г. // ПСС. — Т. 48.
131. Ленин В. И. А. М. Горькому. Февраль 1913 г. // ПСС. — Т. 48.

132. Ленин В. И. В библиотечный отдел Комиссариата народного просвещения // ПСС. — Т. 50.
133. Ленин В. И. В лакейской // ПСС. — Т. 39.
134. Ленин В. И. В Наркомзем и в Госиздат // ПСС. — Т. 53.
135. Ленин В. И. В народный комиссариат просвещения // ПСС. — Т. 37.
136. Ленин В. И. В. А. Карпинскому и С. Н. Равич. 21 ноября 1914 г. // ПСС. — Т. 49.
137. Ленин В. И. Вставка к статье Н. К. Крупской «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» // ПСС. — Т. 24.
138. Ленин В. И. Вставки в статью В. Калинина «Крестьянский съезд» //ПСС. — Т. 12.
139. Ленин В. И. Г. Л. Шкловскому. 12 марта 1912 г. // ПСС. — Т. 48.
140. Ленин В. И. Г. Зиновьеву. 26 июня 1918 г. // ПСС. — Т. 50.
141. Ленин В. И. Государство и революция // ПСС. — Т. 33.
142. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // ПСС. — Т. 41.
143. Ленин В. И. Директивы по киноделу // ПСС. — Т. 44.
144. Ленин В. И. Доклад V Съезду РСДРП // ПСС. — Т. 15.
145. Ленин В. И. Доклад на 2 Всероссийском съезде Политпросветов 17 октября 1921 г. // ПСС. — Т. 44.
146. Ленин В. И. Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля РКП (б) // ПСС. — Т. 36.
147. Ленин В. И. Доклад на собрании большевиков — участников всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов 4 апреля 1917 г. // ПСС. — Т. 33.
148. Ленин В. И. Доклад о новой экономической политике // ПСС. — Т. 44.
149. Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге // ПСС. — Т. 43.
150. Ленин В. И. Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР и письма Д.И. Курскому // ПСС. — Т. 45.
151. Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // ПСС. — Т. 42.
152. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // ПСС. — Т. 41.
153. Ленин В. И. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП (б) на XI Съезде РКП (б) // ПСС. — Т. 45.
154. Ленин В. И. Записка членам ЦК и наркомам // ПСС. — Т. 42.
155. Ленин В. И. Зиновьеву Г.Е. // ПСС. — Т. 50.
156. Ленин В. И. И. Ф. Арманд. 7 ноября 1916 г. // ПСС. — Т. 49.
157. Ленин В. И. И. Ф. Арманд. 18 декабря 1916 г. // ПСС. — Т. 49.

158. Ленин В. И. И. Ф. Арманд. 8 января 1917 г. // ПСС. — Т. 49.
159. Ленин В. И. И. Ф. Арманд. 19 февраля 1917 г. // ПСС. — Т. 49.
160. Ленин В. И. Из письма «Северному союзу РСДРП» // ПСС. — Т. 6.
161. Ленин В. И. Инструкция о составлении книги для чтения рабочих и крестьян // ПСС. — Т. 37.
162. Ленин В. И. Интернационал Молодежи // ПСС. — Т. 30.
163. Ленин В. И. К вопросу о задачах Рабкрина, их понимания и их исполнения // ПСС. — Т. 44.
164. Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения // ПСС. — Т. 23.
165. Ленин В. И. К истории вопроса о несчастном мире // ПСС. — Т. 35.
166. Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // ПСС. — Т. 44.
167. Ленин В. И. К.Б. Радеку. Позднее 19 июня 1915 г. // ПСС. — Т. 49.
168. Ленин В. И. Как организовать соревнование // ПСС. — Т. 35.
169. Ленин В. И. Л. Б. Каменеву. 25 февраля 1913 г. // ПСС. — Т. 48.
170. Ленин В. И. Л. Б. Каменеву 27 февраля 1914 г. // ПСС. — Т. 48.
171. Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // ПСС. — Т. 45.
172. Ленин В. И. М. Горькому // ПСС. — Т. 48.
173. Ленин В. И. Московская губконференция РКП (б) 20-22 ноября 1920 г. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии // ПСС. — Т. 42.
174. Ленин В. И. Н. Осинскому // ПСС. — Т. 54.
175. Ленин В. И. Н. П. Горбунову // ПСС. — Т. 52.
176. Ленин В. И. Набросок тезисов 4 марта 1917 г. // ПСС. — Т. 31.
177. Ленин В. И. Наказ от СТО местным советским учреждениям // ПСС. — Т. 43.
178. Ленин В. И. Насущные задачи нашего движения // ПСС. — Т. 4.
179. Ленин В. И. Насущный вопрос // ПСС. — Т. 4.
180. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // ПСС. — Т. 44.
181. Ленин В. И. О голоде // ПСС. — Т. 36.
182. Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // ПСС. — Т. 44.
183. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // ПСС. — Т. 45.

184. Ленин В. И. О кооперации // ПСС. — Т. 45.
185. Ленин В. И. О Кронштадтском восстании // ПСС. — Т. 43.
186. Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской Республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. // ПСС. — Т. 45.
187. Ленин В. И. О нашей революции // ПСС. — Т. 45.
188. Ленин В. И. О положении библиотечного дела // ПСС. — Т. 37.
189. Ленин В. И. О постановке библиотечного дела // ПСС. — Т. 36.
190. Ленин В. И. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР. Проект постановления СНК // ПСС. — Т. 37.
191. Ленин В. И. О продовольственном налоге // ПСС. — Т. 43.
192. Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // ПСС. — Т. 42.
193. Ленин В. И. О работе Наркомпроса // ПСС. — Т. 42.
194. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // ПСС. — Т. 17.
195. Ленин В. И. От разрушения векового уклада к творчеству нового // ПСС. — Т. 40.
196. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // ПСС. — Т. 36.
197. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // ПСС. — Т. 12.
198. Ленин В. И. Пензенскому губисполкому // ПСС. — Т. 50.
199. Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // ПСС. — Т. 36.
200. Ленин В. И. Письма из далека // ПСС. — Т. 31.
201. Ленин В. И. Письмо в Политбюро ЦК РКП (б) о Гражданском кодексе РСФСР // ПСС. — Т. 44.
202. Ленин В. И. Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП (б). 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4.
203. Ленин В. И. Письмо Г.В. Чичерину. 14 марта 1922 г. // ПСС. — Т. 45.
204. Ленин В. И. Письмо Г. Мясникову // ПСС. — Т. 44.
205. Ленин В. И. Письмо Г. Мясникову. 5.VIII. 1921 г. // ПСС. — Т. 44
206. Ленин В. И. Письмо И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП (б) о развитии радиотехники // ПСС. — Т. 45.
207. Ленин В. И. Планы брошюры о продовольственном налоге // ПСС. — Т. 43.
208. Ленин В. И. Планы тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» // ПСС. — Т. 44.

209. Ленин В. И. Постановление о работе замов // ПСС. — Т. 45.
210. Ленин В. И. Предисловие к книге И.И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» // ПСС. — Т. 45.
211. Ленин В. И. Проект директивы Политбюро о Новой экономической политике // ПСС. — Т. 44.
212. Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии // ПСС. — Т. 2.
213. Ленин В. И. Проект письма ЦК РКП (б) об отношении к беспартийным рабочим // ПСС. — Т. 43.
214. Ленин В. И. Проект постановления о мобилизации советских служащих // ПСС. — Т. 54.
215. Ленин В. И. Проект постановления Политбюро ЦК РКП (б) о Главполитпросвете // ПСС. — Т. 41.
216. Ленин В. И. Проект Программы РКП (б) // ПСС. — Т. 38.
217. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // ПСС. — Т. 37.
218. Ленин В. И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции // ПСС. — Т. 45.
219. Ленин В. И. Речи, записанные на грампластинки. Изд. 2, 3. — Т. XXI.
220. Ленин В. И. Речь на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне // ПСС. — Т. 41.
221. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению // ПСС. — Т. 37.
222. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г. // ПСС. — Т. 39.
223. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства // ПСС. — Т. 36
224. Ленин В. И. Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов // ПСС. — Т. 37
225. Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов // ПСС. — Т. 41.
226. Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования // ПСС. — Т. 41.
227. Ленин В. И. Речь на митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 г. // ПСС. — Т. 37.
228. Ленин В. И. Речь на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г. // ПСС. — Т. 45.

229. Ленин В. И. Речь на собрании уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива 26 ноября 1918 г. // ПСС. — Т. 37.
230. Ленин В. И. Речь памяти Я.М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г. // ПСС. — Т. 38.
231. Ленин В. И. Речь по вопросу о печати // ПСС. — Т. 35.
232. Ленин В. И. Руководителям центральных советских учреждений // ПСС. — Т. 54.
233. Ленин В. И. С чего начать? // ПСС. — Т. 5.
234. Ленин В. И. Совещание президиума Петроградского Совета с представителями продовольственных организаций 27 января 1918 г. // ПСС. — Т. 35.
235. Ленин В. И. Социализм и религия // ПСС. — Т. 12.
236. Ленин В. И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического интернационала // ПСС. — Т. 41.
237. Ленин В. И. Тов. М.Н. Покровскому // ПСС. — Т. 52.
238. Ленин В. И. Товарищи рабочие, идем в последний и решительный бой! // ПСС. — Т. 37.
239. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // ПСС. — Т. 23.
240. Ленин В. И. Троцкому // ПСС. — Т. 54
241. Ленин В. И. Упорство в защите плохого дела // ПСС. — Т. 24.
242. Ленин В. И. Успехи и трудности Советской власти // ПСС. — Т. 38.
243. Ленин В. И. Ф.Э. Дзержинскому // ПСС. — Т. 54.
244. Ленин В. И. X съезд РКП (б). Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б) 8 марта // ПСС. — Т. 43.
245. Ленин В. И. XI Съезд РКП (б) 27 марта — 2 апреля 1922 г. Политический отчет ЦК // ПСС. — Т. 45.
246. Ленин В. И. XI съезд РКП (б). Политический отчет ЦК // ПСС. — Т. 45.
247. Ленин В. И. Что делать? // ПСС. — Т. 6.
248. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // ПСС. — Т. 1.
249. Ленин. VII Московская губпартконференция. 29–31 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике // ПСС. — Т. 44.
250. Ленинградская организация КПСС в цифрах. 1917–1973. — Л.: 1974.
251. Леонова Л. С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах. 1921–1925. — М.: 1972.

252. Леший Н. Агиткампании в деревне и как их проводить // Революционные праздники, годовщины и дни. Как проводить их. Сб. ст. — 1926.
253. Ликвидация безграмотности. Сб. ст. — 1923.
254. Линденберг К. Технология зла. — М.: 1997
255. Лосский Н. История русской философии. — М.: 2007.
256. Луначарский А. Бывшие люди. — М.: 1922.
257. Луначарский А. Ленин (Очерки). — М.: 1924.
258. Луначарский А. Мораль с марксистской точки зрения. — М.: 1925.
259. Луначарский А. В. Владимир Ильич и народное просвещение // В.И. Ленин о воспитании и образовании. — М.: 1987.
260. Луначарский А. В. Наши текущие задачи. Какая школа нужна пролетарскому государству? Сб. ст. — М.: 1924.
261. Луначарский А. В. О преподавании истории в коммунистической школе. — 1918.
262. Луначарский А. В. Основы просветительной политики Советской власти. — М.: 1924.
263. Люкс Л. Третий Рим? Третий рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. — М.: 2002.
264. Мамай Н. Коммунистическая партия в борьбе за идейно-политическое воспитание масс в первые годы НЭПа. — М.: 1954.
265. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Изд. 2-е. — Т. 1, 5, 21, 33.
266. Мартов Ю. Спасители или упразднители? — Париж: 1911
267. Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. — М.: 1993.
268. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. — Челябинск: 2005.
269. Микоян А. И. В начале двадцатых. — М.: 1975.
270. Милюков П. Н. Воспоминания. — М.: 1991
271. Митрофанов Г. История Русской Православной Церкви в 1900–1927 годах. — СПб.: 2002.
272. Можаева Л. А. Антибольшевистские партии и организации в гражданской войне: политический спектр Белого движения // Антибольшевистская Россия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.antibr.ru/textbook/au_lpp1_k.html, свободный.
273. Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. — М.: 2005.

274. Муссолини Б. Доктрина фашизма. 1932 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt25.htm, свободный.

275. Мясников А.Ф. Мои встречи с товарищем Лениным // Заря Востока. — 1924. — 23 апреля.

276. Народное образование в СССР. Сб. документов. 1917–1973. — М.: 1974.

277. Невельсон С. Итоги работы в области ликвидации политической неграмотности // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923.

278. Невский В. И. Очерки по истории РКП (б). — М.: 1920.

279. Непролетарские партии России. Урок истории. — М.: 1984.

280. Никитин Б. В. Роковые годы. — М.: 2007.

281. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. — М.: 2006.

282. Одиннадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. — М.: 1961.

283. Окороков А. З. Великий октябрь и крах буржуазной прессы. — М.: 1970.

284. Осинский Н. Ленин // Двадцать пять лет РКП (б). — М.: 1923

285. Очерки истории идеологической деятельности КПСС

286. Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. — Л.: 1972.

287. Очерки истории Псковской организации КПСС. — Л.: 1971.

288. Пайпс Р. Россия при старом режиме. — М.: 2004.

289. Пайпс Р. Русская революция. 3 т. — М.: 2005.

290. Пайпс Р. Струве: левый либерал. — М.: 2001.

291. Певзнер Я. А. Крах коммунизма и современные общественные отношения. — М.: 1999.

292. Первые песни вождю. Сборник стихов. Сост. Е. Тубинская. Под ред. А. Безыменского и А. Жарова. — М.: 1924.

293. Первый Всероссийский съезд советских журналистов. Из стенографического отчета. — М.: 1918.

294. Подболотов П. А. Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. — Л.: 1975.

295. Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева. — М.: 1999.

296. Политические партии России: История и современность (под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева). — М.: 2000.

297. Полный сборник платформ всех политических партий. — СПб.: 1906.
298. Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом. — М.: 1975.
299. Попов К. Совпартшкола в системе коммунистического просвещения // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923.
300. Поппер К. Открытое общество и его враги. — М.: 1992.
301. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в 20 веке. — М.: 1995.
302. Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений. — Париж: 1937.
303. Прежде и теперь. Деревенские постановки. — М.: 1923.
304. Преображенский Е. Вождь партии // Двадцать пять лет РКП (б). — М.: 1923.
305. Протоколы XI Съезда РКП (б). — М.: 1936.
306. Процесс митрополита Вениамина // Наука и религия. — 1991. — № 5.
307. Пушкарев С. Г. Ленин и Россия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lenin-rus.narod.ru/00.htm, свободный.
308. Пятидесятилетие Владимира Ильича Ульянова-Ленина. — М.: 1920.
309. Радзинский Э. Сталин. Жизнь и смерть. — М.: 2003.
310. Рассел Б. Практика и теория большевизма. — М.: 1991.
311. Рафалович А. Л. Новая экономическая политика // Экономист. — 1922. — № 2.
312. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 1. — М.: 1967.
313. Роговин В. 1937 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://trst.narod.ru/rogovin/t4/x.htm, свободный.
314. Роговицин В. Л.Д. Троцкий о НЭПе // Экономические науки. — 1990. — №1.
315. Розин Э. Ленинская мифология государства. — М.: 1996.
316. Российские либералы, кадеты и октябристы. Документы, воспоминания, публикации. — М.: 1996.
317. Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. — Книга 1. — М.: 1995.
318. Рыбаков С. Православная трактовка русской истории // Обозреватель. — 1998. — № 5
319. Рындич А. Наша сеть // Задачи и организации совпартшкол. Сб. ст. под ред. Н. К. Крупской. — Выпуск 1. — М.: 1923.

320. Рысс П. Я. Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. — Париж: 1921.
321. Сабуров Н. Н. Борьба партии за установление экономической смычки рабочего класса с трудящимся крестьянством. — Л.: 1975.
322. Секушин В. И. Отторжение. НЭП и командно-административная система. — М.: 1990.
323. Сервис Р. Ленин. — М., 2002.
324. Сикиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России. Очерки истории. — М.: 1995.
325. Сирола Ю. Воспоминания о Ленине // Пролетарская Революция. — 1930. — № 1.
326. Скворцов-Степанов И. Предисловие к книге Р. Гильфердинга «Финансовый капитал». — М.: 1922.
327. Смена вех. Сборник статей. — Прага: 1921.
328. Соломон Г. А. Ленин и его семья. — Париж: 1931.
329. Сорокин П. Отправляясь в дорогу // Утренники. — 1922. — кн. 1.
330. Сото Х. У. Австрийская экономическая школа. — М.: 2007.
331. Спиридович А. История большевизма в России от возникновения до захвата власти (1883–1903–1917). — М.: 2007.
332. Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И. В. Сочинения. — Т. 12. — М.: 1949.
333. Степанов З. В. Культурная жизнь Ленинграда в 1920-х — начале 30-х годов. — Л.: 1976.
334. Степанов С. А. Черная сотня в России. — М.: 1992.
335. Степанова И. Житие Петроградского митрополита // Вечерний Ленинград. — 1990. — 11 августа.
336. Степун Ф. Мысли о России // Новый мир. — 1991. — № 6.
337. Струве П. Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства. 1921 // Струве П. Б. Избранные сочинения. — М.: 1999.
338. Струве П. Б. Подлинный смысл и необходимый конец большевистского коммунизма // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева. — М.: 1999.
339. Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее. // Русская мысль. — Кн. 1–2. — 1922.
340. Струве П. Б. Размышления о русской революции. // Струве П. Б. Избранные сочинения. — М.: 1999.
341. Суворов Л. Н. Борьба В. И. Ленина против буржуазной идеологии в послеоктябрьский период и ее современное значение. — М.: 1960.

342. Тимофеев Л. Технология черного рынка, или крестьянское искусство голодать // Тимофеев Л. Черный рынок как политическая система. — М.: 1993.

343. Трифонов И. Я. Из истории борьбы с буржуазной идеологией в СССР в первые годы НЭПа // Из истории Великой Октябрьской Социалистической революции и социалистического строительства в СССР. — Л.: 1967.

344. Троцкий Л. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции. — М.: 1923.

345. Троцкий Л. О Ленине. — М.: 1924.

346. Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. — М.: 1920.

347. Троцкий Л. Д. К истории русской революции. — М.: 1990.

348. Уэллс Г. Россия во мгле // Собр. соч. — Т.14. — М.: 1964.

349. Федотов Г. П. Завтрашний день (Письма о русской культуре) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. — СПб.: 1992. — Т. 2.

350. Федотов Г. П. Загадки России. // Новый журнал. — 1943. — № 5.

351. Федотов Г. П. Защита России. — Париж: 1988.

352. Федотов Г. П. Тяжба о России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. — СПб.: 1992.

353. Федюкин А.С. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. — М.: 1977.

354. Флейшман Л. и др. Горький и дело эсеров // Дружба народов. — 1990. — № 12.

355. Франк С.Л. Из размышлений о русской революции //Франк. По ту сторону «правого» и «левого». — Минск: 1992.

356. Хайек Ф. Дорога к рабству. — М.: 2005.

357. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.libertarium.ru/9935, свободный.

358. Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке. — М.: 2009.

359. Ципко А. С. Насилие лжи или как заблудился призрак. — М.: 1990.

360. Через военный коммунизм к новой экономической политике. Сост. А. Дементьев. — М.: 1926.

361. Чернов В. О Ленине // Воля России. — 1924. — № 3.

362. Шарапов Ю. П. Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу. — М.: 1990.

363. Шафаревич И. Социализм как явление мировой истории. // Шафаревич И. Сочинения в 3-х томах. — М.: 1994. Т. 1.

364. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. — М.: 1996.

365. Шестнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет. — М., Л.: 1930.

366. Шестов Л. Что такое большевизм? — Берлин: 1920.

367. Шилов Л. А. Группа петроградской левой профессуры (1921–1923) // Вестник ЛГУ. 1967.

368. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. — М.: 1986.

369. Штурман Д. О вождях российского коммунизма. — Книга 1. — Париж: 1993.

370. Шувалова И. Обычные вывески – купля-продажа – НЭП // Учительская газета. 2003. 18 ноября.

371. Шульгин В. В. Дни. 1920. — М.: 1990.

372. Шульгин В. В. Основные положения для объединения и согласованных действий в деле свержения большевистской власти в России // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг. Документы и материалы. Под ред. А. Ф. Киселева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm, свободный.

373. Эсеры на работе против Советов. — Пг.: 1922.

374. Яковлев А. Большевизм — социальная болезнь XX века // Курутуэ С., Верт Н. и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. — М.: 2001.

375. Янсен М. Суд над эсерами // Огонек. — 1990. — № 39

376. Ярош Д. В. Исторический опыт идейной закалки коммунистов. 1921–1937. — М.: 1987.

Оглавление

Введение 5

Глава 1. Мы ничему не изменяем, ни от чего не отрекаемся! 9
Глава 2. Рабочий класс влечется, социализм вносится 53
Глава 3. Ленин нечестно мыслит 83
Глава 4. Люблю я, когда люди ругаются 147
Глава 5. Потому-то в красном пекле крепко любят Ильича 167
Глава 6. Партия все исправляет, назначает и строит 187
Глава 7. Контрреволюционеры, шпионы и растлители молодежи 199
Глава 8. От подпольного листка до монополии печати 246
Глава 9. «Азбука коммунизма»: самая неприятная из партийных обязанностей 280
Глава 10. Ты не сыта, но ты не раба, ты рада 313
Глава 11. Осрамим и оплюем их по-доброму 338
Глава 12. Смерть заговорщикам и поджигателям! 354
Глава 13. Именно теперь, когда в голодных местностях едят людей 368
Глава 14. Солнце наше! Дорогой светоч! 387

Заключение 411

Список использованной литературы 413

Андрей Гурьев

КАК ЗАКАЛЯЛСЯ АГИТПРОП

Редакторы
Верстка *С. Н. Евсеевой*

Подписано в печать.
Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Печ. л. 27,0. Тираж экз. Изд. № . Заказ № .

ООО «Научно-издательский центр «Академика»,
127254, Москва, ул. Гончарова, д. 15

Для заметок